

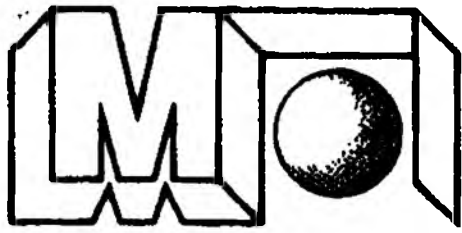
Мир приключений

Джеймс Фенимор
КУПЕР

Мерседес
из Кастилии,
или
Путешествие в Китай

Scan Kreyder - 16.12.2013
STERLITAMAK

Мир приключений

**Джеймс Фенимор
КУПЕР**

**Мерседес из Кастилии,
или
Путешествие в Китай**

МОСКВА · ИЗДАТЕЛЬСТВО « ПРАВДА »

1986

84.7 США
К 92

Перевод с английского
Ф. Мендельсона

Послесловие
Я. Свет

Иллюстрации
А. Мелик-Саркисяна

К $\frac{4703000000-1191}{080(02)-86}$ 1191—86

Глава I

*От стука в ворота дрогнул весь двор,
И клич прозвучал в тишине:
«Здесь Сид Руи Диас Кампеадор¹
В доспехах и на коне!»*

Хеманс²

Что ни возьми — творения несравненного Сервантеса или другого, менее знаменитого автора, вдохновившего Лесажа³ на его бессмертный роман, глубокомысленные исторические предания или рассказы современных путешественников, — все говорят одно: постоялые дворы в Испании никогда не были хороши, а дороги — безопасны. Эти два блага цивилизации; видимо, останутся навсегда недоступными для жителей Пиренейского полуострова, ибо мы все время только и слышим о неприятностях, причиняемых путникам испанскими разбойниками и кабатчиками. Если так обстоят дела даже сегодня, вряд ли они шли лучше в середине пятнадцатого столетия, куда мы приглашаем читателя перенестись силой воображения.

В начале октября 1469 года государь Арагона Хуан де Трастамара пребывал со своим двором в Сарагосе на реке Эбро. Название этого города, видимо, произошло от искаженного имени Цезаря Августа.

¹ Сид Руи Диас де Вивар — кастильский рыцарь, прославившийся в битвах с маврами во второй половине XI века. За свои подвиги был прозван Сидом Кампеадором, то есть Воителем. Подвиги Сида воспеты в многочисленных народных романах. — Здесь и далее прим. пер.

² Хеманс Фелиция Доротея (1793—1835) — английская поэтесса. Все стихотворные эпиграфы — в переводе Ф. Мендельсона.

³ Лесаж Ален Рене (1668—1747) — французский писатель, автор романов «Хромой бес» и «Приключения Жюль Блаза из Сантьяны». «...автора, вдохновившего Лесажа» — имеется в виду испанский писатель Матео Алеман (1548—1609), оставивший «Жизнеописание плута Гусмана де Альфараче».

В наши дни он прославился благодаря мужеству своих горожан¹. Хуан де Трастамара, или Хуан II, как его чаще называют, был одним из наиболее проникательных правителей своего времени, но сильно обнищал из-за бесконечных смут мятежных, или, вежливо говоря, свободолюбивых каталонцев. Ему стоило немалых трудов усидеть на троне. Владения его были довольно пестры: помимо родного Арагона, он правил Валенсией и Каталонией, Сицилией и Балеарскими островами, а также предъявлял довольно сомнительные права на Наварру. К этому списку можно было бы еще прибавить Неаполитанское королевство, если бы предшественник Хуана II, его старший брат, не завещал Неаполь своему незаконному сыну.

Правление короля Арагонского было долгим и беспокойным. Он почти полностью опустошил свою казну, пытаясь усмирить неугомонных каталонцев, и ко времени начала нашего рассказа даже не помышлял скоро добиться успеха. На деле же успех пришел к Хуану II уже через два месяца, когда внезапно скончался его соперник, герцог Лотарингский. Но человеку не дано провидеть будущее, и 9-го числа вышеупомянутого октября месяца королевский казначей был в тягчайшем затруднении: солдаты требовали жалованья, грозя разбежаться по дорогам, а в государственной сокровищнице оставалась весьма скромная сумма — всего триста энрикес, или генрихов², как называли по имени предыдущего монарха золотые монеты. Это затруднение было настолько серьезным, что по сравнению с ним даже военные дела отошли на второй план. Король созывал совет за советом, банкиров и ростовщиков задабривали и запугивали, все приближенные двора пребывали в состоянии величайшей тревоги и неуверенности. Но вот период колебаний, видимо, кончился, и настало время действовать. Сгоравшие от нетерпения жители Сарагосы

¹ Сарагоса — в 27 году н. э. римский император Август основал на месте древнего поселения колонию Цезаря Августа; от латинского Caesaraugusta и произошло современное название города, жители которого в 1809 году мужественно защищались против войск Наполеона, на что и намекает автор.

² Энрикес, или генрихи — золотые монеты, которые чеканились не в Арагоне, а в Кастилии и назывались так по имени кастильского короля Генриха IV (1454—1474).

наконец узнали, что их король, чтобы разрядить напряженное положение, решил отправить с важной миссией посла к своему соседу и союзнику королю Кастилии.

В 1469 году на троне Кастильского королевства восседал Генрих IV, тоже из рода Трастамары. Он был внуком дяди Хуана II по мужской линии и, следовательно, довольно близким родственником арагонского короля. Несмотря на родство и общие семейные интересы, которые, казалось бы, должны были объединить обоих монархов, лишь постоянный обмен дружественными миссиями позволял сохранять между королевствами мирные отношения. Поэтому объявление о новом посольстве, правда, вызвало одобрение горожан, но никого не удивило.

У Генриха IV Кастильского были в то время свои заботы и затруднения, хотя он правил более обширным и более богатым королевством, нежели Арагон. Он развелся со своей первой женой, Бланкой Арагонской, чтобы сочетаться вторым браком с Хуаной Португальской, которая отличалась столь легкомысленным нравом, что не только стала притчей во языцех всего двора, но даже заставила усомниться в происхождении ее единственной дочери. Недовольство короля своей новой супругой вскоре переросло в отвращение, и в конце концов он лишил инфанту права престолонаследия. Отец Генриха тоже был женат дважды. От второго брака у него осталось двое детей: сын Альфонс и дочь Изабелла, которая впоследствии прославилась под двумя именами: Изабеллы Кастильской и Изабеллы Католической.

Расточительная беспомощность Генриха как правителя довела до того, что часть его подданных открыто восстала. За три года до описываемого нами времени королем Кастилии был провозглашен сводный брат Генриха IV, Альфонс, и в стране разразилась опустошительная междоусобная война. Война эта только что окончилась смертью Альфонса. Мир в королевстве был временно восстановлен, но Генриху IV пришлось по договору отказаться от своей дочери, вернее, дочери Хуаны Португальской — и признать законной наследницей трона свою сводную сестру Изабеллу. Последняя уступка была сугубо вынужден-

ной и, как и следовало ожидать, вызвала тайное и явное сопротивление. Среди прочих интриг, затеянных королем,—вернее, его фаворитами, ибо беспечность и лень слабовольного монарха могли бы войти в поговорку,—были различные планы ограничения власти Изабеллы на тот случай, если она все-таки взойдет на престол. Для этого сначала предполагалось предложить ей в мужья одного из подданных короля, чтобы уменьшить ее влияние, а позднее —какого-нибудь подходящего иностранного принца. Таким образом, будущая свадьба принцессы была делом весьма деликатным и весьма важным для всей Испании.

Среди тех, кто домогался руки Изабеллы, был и сын арагонского короля. Поэтому, когда стало известно о предстоящем посольстве, многие не без основания решили, что оно связано с событием, имеющим для судьбы Арагона величайшее значение.

Помимо того, что Изабелла была наследницей столь завидной короны, она славилась ученостью, скромностью, благочестием и красотой; поэтому претендентов на ее руку нашлось немало. Кроме принца Арагонского, о котором мы только что упоминали, в их числе были сыновья королей Португалии, Англии и Франции. Все они при поддержке различных фаворитов Генриха IV соперничали между собой, пуская в ход обычные в придворных кругах интриги, в то время как сама принцесса, предмет всей этой борьбы и соперничества, вела себя с предельной скромностью, готовая принести в жертву долгу самые дорогие свои чувства. Пока ее царственный брат развлекался в южных провинциях, сизмальства привыкшая к одиночеству Изабелла как могла старалась устроить свою судьбу наилучшим образом. Она уже не раз попадалась в расставленные ей ловушки, из которых ускользала только благодаря помощи друзей, и под конец укрылась в Леоне. Ее временным убежищем стал Вальядолид, столица этой провинции, или королевства, как иногда называли Леон¹. Но поскольку Генрих Кастильский в те дни находился неподалеку от

¹ Леон—до XIII века самостоятельное королевство на северо-западе Испании; с начала XIII века вошло в состав Кастилии.

Гранады, то обратим сначала взор туда, куда направлялись арагонские послы.

Занимался великолепный осенний день, когда торжественная процессия выехала из Сарагосы через южные ворота. Она состояла из обычного по тем беспокойным временам эскорта копейщиков, группы бородатых дворян в добрых доспехах — ибо те, кто представлял хоть какой-то соблазн для грабителей, редко пускались в путь без этой предосторожности — и длинного каравана навьюченных мулов, погонщики которых походили скорее на солдат. Пышное зрелище привлекло толпу. Вслед процессии вместе с пожеланиями успеха неслись непристойные и грубые шуточки невежественной и болтливой черни, строившей самые нелепые предположения о целях и результатах посольства. Но даже любопытству есть предел, и даже сплетни надоедают: к заходу солнца большинство забыло обо всем этом и думать, а не то что говорить. Лишь двое солдат, стоявших на страже у западных ворот, откуда начинается дорога на Бургос¹, все еще обсуждали одно утреннее происшествие, хотя уже приближалась ночь. Чтобы как-нибудь убить время, оба достославных воина, подобно многим нерадивым часовым, придирчиво и подробно перебирали дела и события дня.

— Если дон Алонсо де Карвахаль собирается уехать далеко, — заметил старший из двух досужих болтунов, — ему придется смотреть за своими спутниками в оба! Охрана, что сегодня выехала с ним из южных ворот, — самый ненадежный отряд во всей арагонской армии, сколько бы они ни трубили в трубы и ни кичились блеском сбруи своих коней. Говорю тебе, Диего, в Валенсии нашлись бы копья, более достойные королевского посольства, и копьеносцы, более отважные, чем эти арагонцы, но раз король доволен, простым солдатам, как мы с тобой, негоже ворчать.

— Не один ты так думаешь, Родриго. Многие говорят, что лучше бы все денежки, истраченные на придворных грамотеев, отдать храбрым воинам, ко-

¹ Бургос — древняя столица Кастильского королевства.

торые щедро проливали кровь, усмиряя мятежных барселонцев.

— Э, сынок, с кредиторами и должниками всегда одна и та же песня! Король дон Хуан задолжал тебе десяток мараведи¹, так ты теперь готов упрекать его за каждый истраченный им генрих! Я вот старый солдат и давно научился вознаграждать себя сам, если казна слишком бедна, чтобы мне платить.

— Это хорошо, когда воюешь в чужой стране,— скажем, с маврами,— а здесь... Ведь и каталонцы—христиане, как мы, а иные из них такие же добрые подданные короля. Легко ли грабить своих? Это тебе не то что нехристи!

— Как раз наоборот, своих грабить в десять раз легче! Потому что у тех, кого постоянно грабят, редко остается что-либо стоящее, а те, кто этого не ждет, сами открывают перед тобой свою душу и кладовые... Погоди-ка! Кто это подъезжает к воротам в столь поздний час?

— Голодранцы, делающие вид, что на самом деле они богачи. Но поверь мне, Родриго, у всех этих плутов едва ли достанет денег, чтобы заплатить в харчевне даже за вареное яйцо к ужину.

Всадник, ехавший только с одним своим спутником немного впереди и, видимо избегавший особой близости с остальными, весело рассмеялся, услышав эти слова.

— Клянусь святым Яго, моим покровителем,— пробормотал он,— этот бродяга угадал! Он даже ближе к истине, чем мне бы хотелось. Правда, на олья-подриду² и на услуги харчевника мы наскребем, но я весьма сомневаюсь, чтобы к концу путешествия у нас осталась хоть одна добла³.

Спутник тихо, но строго упрекнул своего товарища за неуместную веселость, а тем временем вся группа остановилась у ворот. Она состояла из купцов или, вернее, бродячих торговцев—в те дни принадлежность к тому или другому сословию было нетрудно

¹ Мараведи—мелкая монета; в одном генрихе было 400—450 мараведи.

² Олья-подрида—испанское блюдо, нечто вроде горячего винегрета с мясом, горохом и салом.

³ Добла—золотая монета, по весу равная генриху.

определить по одежде. Разрешение на выезд из города у них оказалось в порядке, и заспанный, а следовательно, надежный страж не спеша приоткрыл ворота, чтобы выпустить путешественников.

Оба солдата, стоя чуть поодаль, презрительно рассматривали караван. Только испанская надменность удерживала их от насмешек над двумя-тремя евреями, которых они заприметили среди купцов. Впрочем, эти торговцы, судя по тому, что каждого сопровождали один или два спутника в одежде слуг, видимо, принадлежали к высшему сословию. Пока хозяева одаривали стражу небольшими суммами, как это было принято, когда путники выезжали за городские ворота после заката, слуги держались позади, на почтительном расстоянии. Один из них, крепко сидевший на высоком горячем муле, случайно оказался во время этой короткой остановки так близко от Диего, что болтливый от природы солдат под конец не выдержал.

— Послушай, Пепе!— обратился он к слуге, схватив его за колено с чисто солдатской бесцеремонностью.— Сколько сотен добл получаешь ты за свою службу. в год и как часто хозяева меняют твою красивую кожаную куртку?

Слуга, или спутник купца, был еще очень молод, хотя могучая фигура и загорелое лицо говорили о том, что ему одинаково привычны суровые труды и жестокие испытания. Услышав дерзкий вопрос, сопровождаемый фамильярным шлепком по колену, он вздрогнул и весь напрягся. К счастью, смех Диего, видимо, смягчил его внезапный гнев, потому что солдат был одним из тех безобидных шутников, на которых трудно сердиться.

— Хватка у тебя свойская, только руки длинноваты, приятель,— спокойно ответил молодой слуга.— Хочешь дружеский совет? Никогда не давай им воли; иначе поплатишься разбитой башкой за излишнюю смелость.

— Клянусь святым Педро! Хотел бы я...

Но договорить он не успел: купцы уже проехали ворота, молодой слуга яростно пришпорил мула, и сильное животное рванулось вперед, едва не опрокинув Диего, уцепившегося было за луку седла.

— Ну и горячий мальчик! — воскликнул добродушный вояка, с трудом восстанавливая равновесие. — Я уж думал, что он вот-вот почтит меня прикосновением своей железной руки!

— Сам виноват, — отозвался его товарищ. — Ты, Диего, слишком неосторожен, и я бы не удивился, если бы этот парень сбил тебя с ног за такую наглость.

— Вот еще! Какой-то наемный слуга какого-то паршивого иудея! Посмел бы он поднять руку на солдата короля!

— А может быть, он сам солдат короля. Или будет им. В наше время с таким сложением и такими мускулами только и носить доспехи. Мне кажется, я уже однажды видел его лицо, и, знаешь, в таком месте, где трусов не встретишь.

— Что ты! Ведь это просто слуга, да к тому же щенок, только что от маменькиного подола.

— А я тебе говорю, что при всей его молодости он уже, наверно, повидал лицом к лицу и каталонцев и мавров! Ты ведь знаешь, что дворяне приучают своих сыновей к сражениям с ранних лет, чтобы сделать из них настоящих рыцарей.

— «Дворяне»! — со смехом передразнил его Диего. — Какого черта, Родриго, о чем ты говоришь? Неужели ты принял этого раба за знатного юношу? При чем здесь рыцарство? Может, ты думаешь, что это переодетый Гусман или Мендоса¹?

— Конечно, тебе это покажется странным, а все-таки я видел это нахмуренное лицо в сражении и слышал этот резкий, ясный голос перед строем... Вспомнил! Клянусь святым Яго Компостельским, вспомнил! Иди-ка сюда, Диего, я тебе кое-что шепну...

Старый солдат отвел своего младшего товарища в сторонку, хотя поблизости никого не было, и, оглядевшись, чтобы увериться, что его никто не подслушивает, прошептал несколько слов Диего на ухо.

— Святая мать божья! — воскликнул тот в ужасе и изумлении, отскочив шага на три. — Нет, Родриго, не может этого быть!

¹ Гусман, Мендоса — фамилии крупнейших кастильских феодалов, могущество и богатство которых соперничало с королевским.

— Готов поклясться душой,—уверенно, ответил Родриго.—Вспомни, сколько раз я видел его с поднятым забралом, сколько раз мчался за ним в атаку!

— Как же он стал слугою торговца?.. Нет, не верю... Превратиться в прислужника еврея!..

— Наше дело, Диего, бить, не ввязываясь в драку, видеть все, ничего не замечая, слушать и не слышать. Хоть у дона Хуана в сундуках не густо, он добрый хозяин и наш король, а потому нам надлежит быть скромными солдатами.

— Но ведь он никогда не простит мне этого шлепка по колену и моих глупых слов! Я теперь никогда не осмелюсь с ним встретиться!

— Хм! За королевским столом ты вряд ли с ним встретишься, а на поле боя он всегда рвется вперед и, наверно, не станет оборачиваться, чтобы тебя разглядеть.

— Думаешь, он меня не узнает?

— Если даже и так, не стоит огорчаться, мальчик. Таким, как он, трудно всех упомнить.

— Благослови тебя святая Мария за такие слова! Если бы он меня запомнил, я бы уже никогда не осмелился встать в строй. Так что единственное, о чем я молюсь,—это чтобы он меня позабыл. Но боюсь, он меня вспомнит: неприятное всегда долго держится в памяти.

Продолжая переговариваться, солдаты отошли от ворот, однако старший долго еще укорял своего не в меру болтливого приятеля, разъясняя ему все выгоды и достоинства скромности.

Тем временем путешественники упорно продолжали свой путь, словно стремились поскорее оставить позади небезопасные места. Они ехали всю ночь, не сбавляя хода, пока не взошло солнце и навстречу им не начали попадаться любопытные путники, среди которых могли быть шпионы Генриха Кастильского, державшие под неусыпным надзором все дороги между Арагоном и Вальядолидом, где совсем недавно укрылась его царственная сестра. Впрочем, пока ничто не мешало этому путешествию, столь обычному по тем временам. Вскоре караван достиг границ старокастильской провинции Сории, где все пути охраняли отряды короля Генриха, но и здесь вид

купцов и их слуг не привлек внимания солдат; обыкновенных же разбойников присутствие королевских войск заставило на время убраться с большой дороги.

Молодой слуга, вызвавший столько разговоров между двумя дозорными, спокойно трусил позади своего господина, пока тот оставался в седле, или же хлопотал вместе с остальными слугами во время коротких привалов. Впрочем, к вечеру второго дня случилось одно происшествие. Примерно через час после того, как путники отъехали от харчевни, где утоляли голод и жажду олья-подридой и довольно кислым вином, веселый молодой купец, по-прежнему ехавший со своим старшим товарищем впереди, вдруг разразился громким смехом и, придерживав мула, пропустил мимо себя всю кавалькаду, пока с ним не поравнялся уже описанный нами слуга. Когда они очутились рядом, слуга бросил на своего мнимого хозяина строгий, укоризненный взгляд и проговорил с суровостью, совершенно не подходившей к его роли:

— Что это значит, сеньор? Что вас заставило покинуть свое место впереди и оказаться в неподобающем окружении слуг?

— Приношу тысячу извинений, доблестный Хуан!—ответил купец, продолжая смеяться, хотя и видно было, что он всячески пытается сдержать смех из почтения к собеседнику.—Тысячу извинений! Но дело в том, что на нас свалилась еще одна напасть, прямо как в волшебных сказках и легендах о странствующих рыцарях. Наш достойный сеньор Феррера, столь опытный в обращении с золотом, потому что всю жизнь занимался покупкой и продажей ячменя и овса, только что потерял свой кошелек. Видно, он позабыл его в харчевне, когда расплачивался за черствый хлеб и прогорклое масло. Так что теперь у нас на всех едва ли наберется двадцать реалов!

— Что же здесь смешного?—возразил слуга, хотя легкая улыбка на его губах указывала, что он тоже не прочь посмеяться.—Мы ведь остались без гроша! Слава богу, что до Бурго де Осма уже недалеко и особой нужды в деньгах у нас не будет. А теперь, сударь мой, возвращайтесь-ка на свое место впереди и больше не допускайте такой фамильярности, как болтовня со слугами. Я вас не задерживаю. Поспе-

шите догнать сеньора Ферреру и передайте ему мои сожаления и соболезнования.

Молодой человек улыбнулся, открыто и преданно глядя на мнимого слугу, в то время как последний отвел глаза, словно для того, чтобы придать своим словам должный вес. Через минуту все были на прежних местах, и путешествие продолжалось.

Быстро темнело. В такое время люди и животные обычно уже чувствуют усталость, но наши путники только сильнее прищипоривали и нахлестывали мулов и лишь к полуночи остановились у главных ворот небольшого укрепленного городка Осмы, расположенного в пределах провинции Сории, недалеко от границы с Бургосом. Ехавший впереди молодой купец тотчас забарабанил по воротам дубинкой, громко извещая стражу о своем прибытии. Тем, кто был в хвосте кавалькады, ничего не стоило осадить своих мулов, однако мнимый слуга проехал вперед и уже собирался занять место среди важных особ у самых ворот, как вдруг сброшенный со стены тяжелый камень просвистел так близко от его головы, что любой другой вспоминал бы потом всю жизнь это путешествие, едва не завершившееся на том свете. Сообразив, что их спутник просто чудом избежал гибели, все разразились криками, проклиная того, кто швырнул камень. Сам же юноша, казалось, был взволнован меньше других, и, хотя голос его прозвучал резко и повелительно, в нем не было ни гнева, ни страха.

— Эй, вы! — крикнул он. — Так-то у вас встречают путников, мирных торговцев, которые просят убежища и ночлега?

— «Торговцы, путники»! — проворчал голос со стены. — Знаем мы вас! Скажите лучше: шпионы и соглядатаи Генриха! Кто вы? Говорите скорее, а не то попробуете кое-чего поострее камня!

— Скажи, кто правит этим городом? — проговорил юноша, оставив без внимания заданный ему вопрос. — Не благородный ли граф де Тревиньо?

— Он самый, сеньор, — ответил голос сверху уже более миролюбиво. — Но что может знать о его светлости шайка бродячих торговцев? И кто ты сам, что говоришь так громко и гордо, словно гранд Испании?

— Я Фердинанд де Трастамара, принц Арагона, король Сицилии. Ступай известить своего хозяина! Пусть поспешит к воротам.

Это внезапное заявление, высказанное надменным тоном человека, привыкшего к беспрекословному повиновению, сразу изменило ход событий. Кавалькада у ворот пришла в движение: двое знатных господ, державшихся впереди, уступили первое место молодому королю, а все остальные теперь, когда нужда в маскировке миновала, быстро перестроились в соответствии с истинным положением каждого. Внимательного и скептического наблюдателя, наверно, насмешила бы поспешность, с какой всадники, особенно молодые, сбросили личину смиренных торговцев и гордо выпрямились в седлах, чтобы стать теми, кем они были на самом деле;— воинами, испытанными на турнирах и в сражениях.

Перемена на городской стене была столь же мгновенной и разительной. От сонливости стражи не осталось и следа; солдаты спешно совещались приглушенными голосами; шум удаляющихся шагов говорил о том, что во все стороны побежали гонцы. Так прошло минут десять, во время которых младший офицер приносил извинения за задержку, ссылаясь на устав и необходимость приготовлений к достойной встрече. Наконец суетня на стене и свет многочисленных фонарей возвестили о приближении губернатора, что было весьма вовремя, так как юноша у ворот от нетерпения уже бормотал невнятные проклятия и с трудом сохранял подобающую случаю сдержанность.

— Можно ли верить радостной вести, которую принесли мои слуги?—прокричал со стены голос.—Правда ли, что сам дон Фердинанд Арагонский почтил меня своим посещением в столь необычный час?

Сверху начал спускаться фонарь, чтобы лучше осветить всю группу всадников у ворот.

— Скажите своему парню— пусть придвинет фонарь поближе к моему лицу! — ответил король.— Тогда вы увидите меня сами, и я охотно прощу вам эту смелость, граф де Тревиньо, лишь бы нас поскорее впустили!

— Это он! — воскликнул граф. — Я узнаю это царственное лицо: в нем слились черты его многочисленных предков-королей; я узнаю этот голос, не раз увлекавший арагонских рыцарей на полчища мавров! Пусть же трубят трубы, возвещая о счастливом прибытии! Немедля открыть ворота!

Приказ был тотчас исполнен, и юный король под звуки труб вступил в Осму, сопровождаемый усиленным отрядом почетной стражи и толпами еще полусонных и мало что понимающих горожан.

— Просто счастье, господин мой король, что мы нашли этот бесплатный ночлег! — проговорил уже знакомый нам молодой человек, дон Андрес де Кабре-ра, смело поравнявшись с доном Фердинандом. — После того как сеньор Феррера по небрежности потерял единственный наш кошелек — а это, к сожалению, печальная истина, — нам было бы трудно играть роль прижимистых купцов, потому что, когда люди торгуются из-за каждой мелочи, их обычно просят показать сначала деньги.

— Раз уж мы добрались до твоей родной Кастилии, дон Андрес, — улыбаясь, заметил король, — мы положимся на твое гостеприимство. Нам ведь известно, что два несравненных алмаза всегда в твоём распоряжении.

— Господин мой король! Вашему высочеству¹ угодно надо мной смеяться, хотя, по правде говоря, ничего другого я сейчас и не заслуживаю. Моя преданность принцессе Изабелле лишила меня всех моих поместий, и теперь я беднее самого захудалого всадника из арагонской армии. Какими же алмазами могу я располагать?

— А я слышал немало весьма лестных слов о двух бриллиантах, сверкающих на лице доньи Беатрисы де Бобадиля, и знаю, что они по-прежнему принадлежат тебе, насколько это допускает благосклонность благородной дамы к своему верному рыцарю.

— Ах, господин мой король! Если наше приключение кончится так же благополучно, как началось,

¹ До 1517 года короли Испании титуловались не «величеством», а «высочеством».

я, наверно, и вправду буду просить вашу милость помочь мне в этом деле.

Губы короля чуть тронула обычная спокойная усмешка, но в это время к ним вплотную подъехал граф де Тревиньо и прервал их разговор.

Ночь Фердинанд Арагонский проспал как убитый, а едва рассвело, снова был в седле. Отъезд королевского кортежа из Осмы совсем не походил на его скромное прибытие. Фердинанд в рыцарском одеянии ехал на благородном андалузском скакуне; роскошные наряды его приближенных еще яснее свидетельствовали о том, кто они такие. Их сопровождал усиленный эскорт копейщиков, во главе которых встал сам граф де Тревиньо. Так они двинулись в путь и 9 октября достигли города Дуэньяса в Леоне, расположенного по соседству с Вальядолидом. Недовольная Генрихом местная знать поспешила изъявить свою преданность арагонскому принцу; ему были оказаны почести, соответствующие его высокому званию и еще более высокому предназначению.

Многим изнеженным в роскоши кастильцам представился случай убедиться, каким суровым воздержанием дон Фердинанд уже в столь юном возрасте — ибо ему едва минуло восемнадцать — закалял свое тело и дух, чтобы никому не уступать в бою. Самые трудные воинские упражнения были его утехой, и, пожалуй, во всем Арагоне не нашлось бы рыцаря, который мог бы превзойти его на турнире или на поле битвы. При этом природная красота дон Фердинанда несколько не пострадала; он был истинным принцем, а потому палящее солнце, охотничьи забавы и ратные подвиги не оставили на его лице никаких следов, кроме легкого загара.

В течение четырех-пяти следующих дней благодарные кастильцы с восторгом внимали словам короля, не зная, чему отдать предпочтение: его непринужденному красноречию или осторожности в выражении мыслей. Последнее качество можно было расценить как признак преждевременной холодной расчетливости, однако у того, кому предстояло укрощать противоречивые страсти и эгоистические желания людей, это свойство было немалым достоинством.

*Пусть соловей, в тиши ночной звеня,
Поет один,—ему внимает лес;
Тебе же петь в сиянье ярком дня
И славить всю гармонию небес;
Но мудрецу в его паренье близко
И небо и очаг в лачуге низкой.*

Вордсворт¹

Если вспомнить, к какому мудреному способу пришлось прибегнуть Хуану Арагонскому, чтобы уберечь своего сына от вездесущих и безжалостных слуг кастильского короля, то станет понятно, с каким нетерпением и страхом ожидали завершения этого рискованного предприятия в самом Вальядолиде. Однако пора представить читателю тех, кто с особым вниманием следил за приближением Фердинанда Арагонского и его спутников.

Хотя в те дни Вальядолид еще не достиг столь полного расцвета, как при Карле V², превратившем его в свою столицу, это был город древний и по тем временам великолепный, с богатыми домами и роскошными дворцами. Перенесем же мысленно в один из таких дворцов, едва ли не самый лучший. Здесь, в резиденции знатнейшего кастильского дворянина Хуана де Виверо, две особы, еще более взволнованные, чем путники, которых мы только что оставили, с нетерпением ожидали гонца из Дуэньяса.

Покои, куда мы вас приглашаем заглянуть, обставлены с суровой пышностью того века и вместе с тем носят отпечаток изящества и уюта, который женщины обычно придают любому отведенному для них помещению. В 1469 году Испания уже приближалась к завершению великой борьбы, продолжавшейся семь столетий,—борьбы христиан и мусульман за господство над Пиренейским полуостровом. Арабы долгое время владели югом Леона, и во дворцах Вальядолида осталось немало следов их варварской роскоши. Высокий резной потолок описываемого нами покоя,

¹ Вордсворт Уильям (1770—1850)—английский поэт, современник Байрона.

² Карл V—внук Фердинанда и Изабеллы, король Испании (1516—1556) и германский император.

правда, не мог соперничать с потолками мавританских дворцов, но и он явно говорил о том, что мавры здесь побывали; впрочем, и само название города, Вальядолид — искаженное «Велед-Алид», слово чисто арабского происхождения.

Сейчас в этом покое главной резиденции Хуана де Виверо в древнем городе Вальядолиде две женщины вели серьезный и, видимо, глубоко волновавший их разговор. Обе были юны и каждая по-своему красивой красотой, которая покоряет везде и во все времена. Одна была поразительно хороша. Ей шел всего девятнадцатый год — возраст, когда женщина под щедрым солнцем Испании достигает полного расцвета, — и совершенством форм она не разочаровала бы даже самого придирчивого испанского поэта, привыкшего к прославленной красоте своих соотечественниц. Рука, ножка, грудь, каждая линия были исполнены женственной прелести, в то время как рост, для мужчины, может быть, и не высокий, был вполне достаточным, чтобы придать всему ее облику спокойную, царственную величавость. Со стороны трудно было решить сразу, что производило в ней большее впечатление: физическое совершенство или одухотворенность, светившаяся в каждой черточке ее красивого лица. Она родилась под солнцем Испании, однако длинный ряд ее предков королевской крови восходил к готским властителям. Это, а также многочисленные браки дедов и прадедов с принцессами иных стран привели к тому, что в ней смешались северный блеск с южным очарованием, что, видимо, и соответствует идеалу женской красоты.

Наряд принцессы был прост, ибо мода того времени, к счастью, позволяла не скрадывать природные достоинства, и лишь ткани платья отличались богатством, подобающим ее высокому положению. На белоснежной груди принцессы сверкал бриллиантовый крестик на короткой жемчужной нитке, а на пальцах, скорее отягощая их, чем украшая, ибо такие руки не нуждались ни в каких украшениях, блестело несколько колец с драгоценными камнями. Такой была Изабелла Кастильская в дни своего девичьего гордого одиночества, когда она ожидала исхода событий, которые должны были решить не только ее

судьбу, но и все будущее человечества вплоть до наших времен.

Ее собеседницей была Беатриса де Бобадилья, подруга детства и отрочества Изабеллы, оставшаяся ближайшей наперсницей королевы до самой ее смерти. Эта девушка была немного старше принцессы. Она представляла собой более ярко выраженный испанский тип, так как, хотя она тоже принадлежала к древнему и знатному роду, у ее семьи не было необходимости в столь частых браках с иностранными домами, как у ее царственной госпожи. У Беатрисы были темные волосы цвета воронова крыла и черные искрящиеся глаза, говорившие о душевной доброте и непреклонной решимости, отмеченной и оцененной историками того времени. Ее юная фигура, так же как у Изабеллы, казалась воплощением женственной грации, созревшей под щедрым солнцем Испании, только осанка была не столь величава да черты лица при всей их правильности менее совершенны. Короче говоря, природа наделила принцессу и ее знатную подругу изяществом, душевным величием и красотой именно с теми различиями, какие, по мнению людей, соответствовали их положению в обществе. Впрочем, если рассматривать их только как женщин, трудно сказать, кто из них в конечном счете была привлекательнее.

В тот момент, когда мы застаем наших героинь, Изабелла, освеженная утренним умыванием, сидела в кресле, слегка опершись на одну его ручку. Вся ее поза выражала глубокое внимание и доверие к собеседнице, которая устроилась на низенькой скамеечке у ее ног. Беатриса де Бобадилья почтительно наклонилась, словно хотела, чтобы прекрасные локоны принцессы смешались с ее черными кудрями. В комнате больше никого не было, и читатель легко поймет по всякому отсутствию церемонности и столь свойственной испанцам сдержанности, что разговор между двумя женщинами был сугубо секретным и тон его определялся искренними чувствами, а не правилами придворного этикета.

— Ах, Беатриса, я молила бога, чтобы он подсказал мне правильное решение в этот трудный час! — проговорила Изабелла, продолжая давно уже начавшуюся беседу. — И мне кажется, что сделанный мною вы-

бор пойдет на благо в равной степени и мне и моим будущим подданным.

— Кто же посмеет его оспаривать! — отозвалась Беатриса де Бобадилья. — Кастильцы так любят вас, что никто не стал бы противиться вашей воле, даже если бы вы пожелали выйти замуж за турецкого султана.

— Скажи лучше, что это ты меня так любишь, добрая моя Беатриса, — с улыбкой возразила Изабелла, поднимая голову. — Наши кастильцы, может быть, и простили бы мне такой грех, но я сама никогда не простила бы себе забвения того, что я христианка. Ах, Беатриса, необходимость сделать выбор была для меня жестоким испытанием!

— Ну, теперь испытания скоро останутся позади. Святая Мария! Сколько же легкомыслия, тщеславия и самомнения было у тех, кто до сих пор надеялся стать вашим мужем! Еще ребенком вас обещали в жены дону Карлосу¹, который был так стар, что годился вам в отцы. А потом, словно этого одного было мало, чтобы взбунтовать кастильскую кровь, они выбрали вам второго жениха, короля Португалии, хотя он был еще старше и сошел бы за вашего дедушку! Донья Изабелла, я люблю вас так, что ваше счастье мне дороже спасения собственной души, но больше всего я уважаю вас за благородную, отнюдь не детскую решимость, с которой вы разрушили низкие замыслы тех, кто пытался выдать вас за португальца!

— Не забывай, дон Энрике мой брат, Беатриса, а также твой и мой господин...

— Ах, как смело тогда вы ответили им всем! — восторженно сверкая глазами, продолжала Беатриса де Бобадилья, пропустив мимо ушей кроткий упрек своей госпожи. — И как это было достойно принцессы королевского рода Кастилии! «Инфанта Кастильская, — сказали вы, — не может располагать собой без согласия грандов королевства». И тогда им пришлось удовлетвориться этим достойным ответом.

— Зато теперь, Беатриса, я собираюсь распорядиться судьбой инфанты Кастильской, даже не испрашивая совета у грандов.

¹ Дон Карлос (Карлос де Виана) — пасынок Жуана II Арагонского; в 1461 году был отравлен, причем народная молва обвиняла в этом Жуана II.

— Не говорите так, превосходная госпожа моя! От Пиренеев до самого моря не найдется ни одного истинно благородного рыцаря, которой бы от всего сердца не одобрил ваш выбор. В таких делах большое значение имеют возраст, характер и прочие качества избранника. Если дон Альфонс Португальский¹ не стал да и не станет законным мужем доньи Изабеллы Кастильской, что же сказать о другом претенденте на вашу руку, об этом доне Педро Хироне, магистре ордена Калатравы²! Поистине достойный супруг для принцессы королевской крови!.. Но хватит о нем. С таким же успехом какой-нибудь Пачеко может вообразить, что девушка из семьи Бобадилья самая подходящая пара для возвышения его рода!

— Немыслимый союз с доном Альфонсом навязывали моему брату его недостойные фавориты. Но бог в святом гневе сумел разрушить их козни, до срока отправив избранного ими жениха в могилу, когда тот меньше всего этого ожидал!

— Вот если бы господь бог по своему милосердию прибрал так же и дону Педро! Тогда не пришлось бы думать о других способах.

— И не надо о них думать, Беатриса! — строго и в то же время с сочувственной улыбкой возразила принцесса, касаясь руки своей подруги. — Эта маленькая ручка не создана для подобных дел, сколько бы ты ни грозила.

— Нет, эта ручка сделала бы то, о чем говорит ее владелица! — блеснув глазами, ответила Беатриса. — Она бы не допустила, чтобы Изабелла Кастильская стала несчастной супругой великого магистра Калатравы. Подумать только! Чистейшую, прелестьнейшую деву Кастилии, к тому же королевской крови — да что там крови, законную наследницу трона! — хотели принести в жертву какому-то подлому распутнику лишь потому, что дону Генриху угодно

¹ Альфонс V Португальский (1433—1481) — с 1438 года король Португалии.

² Магистр ордена Калатравы. — В войнах с маврами в Кастилии возникло несколько духовно-рыцарских орденов, обладавших огромными богатствами. Одним из самых могущественных был орден Калатравы, во главе которого стоял магистр Педро Хирон, брат фаворита Генриха IV — Хуана Пачеко.

было сделать этого проклятого еретика своим фаворитом, позабыв о монаршем долге и святых обязанностях!

— Ты опять забываешься, Беатриса! Дон Энрике наш король, повелитель и мой царственный брат.

— Я помню, сеньора, что вы царственная сестра нашего повелителя и короля, но помню также и то, что Педро де Хирон, или Пачеко, как ни называй этого бывшего пажа-португальца, не достоин даже сидеть в вашем присутствии, не то что быть вашим законным супругом. Боже, какие это были ужасные дни, когда моя милостивая госпожа, не вставая с колен, молилась, чтобы ее миновала чаша сия! Но бог этого не дозволил, да и я бы не допустила! Мой кинжал пронзил бы его сердце прежде, чем он услышал бы брачный обет Изабеллы Кастильской!

— Прошу тебя, милая Беатриса, хватит об этом! — вздрогнув, проговорила Изабелла и перекрестилась. — Поистине то были дни скорби, но они были посланы мне в испытание, и я о них не жалею. Ты знаешь, зло было отвращено от меня, но главное — я убедилась, что наши молитвы сильнее всяких кинжалов. И если уж тебе так хочется говорить о моих поклонниках, то среди них наверняка найдутся люди более достойные.

Темные глаза Беатрисы сверкнули, и в углах нежных губ затаилась улыбка. Она прекрасно понимала, что ее царственной, но застенчивой подруге очень хочется услышать что-нибудь о том, на ком в конце концов остановился ее выбор.

Обычно Беатриса всегда шла навстречу желаниям своей госпожи, но сегодня из чисто женского лукавства она решила не торопясь перебрать одного за другим всех претендентов на руку принцессы.

— Ну, потом был еще герцог Гиеньский, брат французского короля Людовика, — продолжала Беатриса с невинным видом. — Он очень хотел стать мужем будущей королевы Кастильской! Но скоро все кастильцы убедились, насколько опасен такой союз. Их гордость возмутилась при мысли, что Кастилия может сделаться ленным владением Франции.

— Такое унижение никогда бы не постигло нашу возлюбленную Кастилию, — с достоинством возра-

зила Изабелла.— Даже если бы я вышла за самого французского короля, ему пришлось бы считаться со мной, как с королевой нашего древнего государства. Я не позволила бы ему смотреть на себя как на свою подданную!

— Потом, сеньора, был еще ваш родственник, дон Рикардо Глостерский,— продолжала Беатриса, вглядываясь в лицо Изабеллы и еле сдерживая смех.— Тот самый, про которого говорят, что он родился с полным ртом зубов и вынужден таскать на спине и без того достаточно тяжкую ношу¹. Этому жениху остается лишь благодарить своего ангела-хранителя за то, что тот не взвалил на него еще и бремя управления Кастилией!

— У тебя слишком злой язык, Беатриса. Мне говорили, что дон Рикардо благородный и честолюбивый принц, и когда-нибудь он, наверно, женится на принцессе, чьи достоинства вознаградят его за неудачу в Кастилии. Но оставим его. Что ты можешь сказать о других претендентах?

— Что же мне еще сказать, возлюбленная госпожа моя? Мы дошли уже до дона Фердинанда, по счету последнего, но на деле самого первого и, как мы знаем, самого лучшего из всех.

— Остановив свой выбор на доне Фердинанде, я исполнила долг, налагаемый на меня моим положением,— скромно заметила Изабелла, словно смущенная тем, что ей приходится самой заботиться о своем замужестве.— Я думала о будущем страны. Ничто не может лучше обеспечить мир нашему возлюбленному королевству и победу христианскому воинству, как объединение Кастилии и Арагона под одной короной...

— ...и соединения их государей священными узами брака,— с почтительной важностью закончила Беатриса, хотя улыбка по-прежнему играла в углах ее рта.— Конечно, разве ваша вина, что дон Фердинанд случайно оказался самым юным, самым красивым, самым смелым и самым привлекательным принцем? Чистейшая случайность! Вы ведь его не выбирали, вы просто согласились назвать его своим супругом.

¹ Рикардо Глостерский— герцог Глостер, позднее английский король Ричард III (1438—1485); был от рождения горбат, на что и намекает Беатриса.

— Нет, это уже переходит все границы скромности и почтительности! — воскликнула Изабелла; она попыталась принять строгий вид, но вместо этого залилась ярким румянцем; перечень достоинств избранника, видимо, обрадовал ее и встревожил. — К тому же ты знаешь, добрая моя Беатриса, что я ни разу не видела своего кузена, короля Сицилии¹.

— Совершенно верно, сеньора. Зато его видел преподобный Алонсо де Кока, а более острого глаза и более меткого языка, пожалуй, не сыскать по всей Кастилии!

— Беатриса, я прощаю тебе твою дерзость, ибо знаю, что ты меня любишь и что мое счастье тебе дороже даже благополучия моего народа, — серьезно проговорила Изабелла, слегка задетая этими словами. — Ты знаешь или, во всяком случае, должна была бы знать, что принцесса королевской крови, думая о браке, должна прежде всего заботиться об интересах государства и что праздные капризы деревенской девки не имеют ничего общего с моим долгом. Да что говорить! Разве девица из благородной семьи вроде тебя самой не обязана считаться со своей семьей, выбирая мужа? И если среди многих принцев я выбрала дона Фердинанда Арагонского, то потому только, что этот союз больше других отвечает интересам Кастилии. Видишь ли, Беатриса, кастильцы и арагонцы происходят от одного корня, у них одинаковые нравы и обычаи, они говорят на одном языке...

— О нет, дорогая моя госпожа, не путайте чистый кастильский язык с наречием горцев!

— Пожалуйста, можешь язвить, если хочешь, но все равно нам будет гораздо легче научить чистому испанскому языку арагонцев, нежели галлов. Кроме того, мы с доном Фердинандом одной крови: род Трастамары происходит из рода кастильских правителей, так что можно надеяться, что с королем Сицилии мы сумеем объясниться.

— Если он не будет на это способен, значит, он не настоящий король! Если он утратит дар речи, когда дело пойдет о царственной невесте, чья красота

¹ Фердинанд носил титул короля Сицилии, хотя фактически этим островом правил его отец, Хуан II, арагонский король.

превосходит красоту зари, чьи совершенства выше всех земных совершенств, чья корона...

— Полно, полно, Беатриса! Ты слишком увлеклась своим красноречием: подобная лесть не достойна ни тебя, ни меня.

— И тем не менее я говорю только то, что у меня на сердце, донья Изабелла!

— Верю, добрая моя Беатриса, однако нам обоим не следует забывать совет, который дал нам наш духовный наставник после исповеди. Если вспомнить, как часто ему приходится прощать наши многочисленные прегрешения, то вряд ли мы достойны столь лестных речей. А что касается моей свадьбы, то знай: я согласилась на нее лишь после здравых размышлений, как наследница трона.

— Разумеется, моя добрая повелительница, высококочтимая госпожа! Я счастлива, что высокий долг заставил вас остановить свой выбор на короле Сицилии, тем более счастлива, что все мои друзья в один голос утверждают, будто из его спутника, дона Андреаса де Кабрера маркиза де Мойя¹, при всей его ветрености и легкомыслии тоже выйдет превосходный муж для Беатрисы де Бобадилья!

Сдержанная и гордая Изабелла все же имела наперсниц, и у нее тоже бывали минуты откровенности; Беатриса принадлежала к числу ее ближайших подруг, и как раз сейчас пришла такая минута. Поэтому Изабелла только улыбнулась в ответ на шутливую речь Беатрисы и, отведя прекрасной рукой темный локон с ее лба, заглянула ей в глаза, как растроганная мать смотрит на своего ребенка.

— Если ветреник женится на такой же ветренице, то твои друзья правы,— проговорила она. Затем, немного помолчав, словно вдруг охваченная глубокой задумчивостью, она продолжала уже совсем иным, серьезным тоном, хотя робость, затуманившая ее лицо, и нежное сияние глаз свидетельствовали, что сейчас она говорит скорее как женщина, а не как королева, озабоченная только благом своих подданных.— Никогда не думала, что я, инфанта Кастиль-

¹ Андрес де Кабрера маркиз де Мойя и его будущая жена Беатриса были надежными помощниками Изабеллы в ее борьбе за престол.

ская, буду так смущена предстоящим свиданием! Но, чем ближе этот час, тем больше я волнуюсь. Тебе, моя верная Беатриса, я признаюсь: будь король Сицилии так же стар, как дон Альфонс Португальский, так же хил и женоподобен, как монсеньор де Гиень, короче — будь он не столь молод и привлекателен, встреча с ним не вызывала бы у меня такой неловкости.

— Какое странное пожелание, сеньора! Признаюсь, я бы не хотела, чтобы мой дон Андрес был хотя бы на час старше — возраст у него, по-моему, самый подходящий — и уж тем паче, чтобы этот честный рыцарь утратил хоть одно из своих достоинств, телесных или духовных, которыми можно гордиться.

— Но ведь у тебя, Беатриса, совсем другое положение! Ты знаешь маркиза де Мойя, не раз слышала его речи и привыкла к его похвалам и любезностям!

— Святой Яго, покровитель Испании! Не бойтесь этого, госпожа моя: к похвалам и восхищению привыкнуть легче всего!

— Согласна, дочь моя, — отозвалась Изабелла, которая часто называла так свою подругу, хотя сама была моложе ее; позднее, когда она сделалась королевой, это стало обычным ее ласковым обращением к приближенным придворным дамам. — Согласна, но только в том случае, если похвалы и восхищение идут от души и соответствуют истине. Еще неизвестно, что подумает обо мне дон Фердинанд после первой встречи. Я знаю, что он красив, смел и благороден, что он великодушен и тверд в делах веры, что род его так же высок, как его добродетели, — все это я знаю и дрожу при мысли, что окажусь недостойной стать его супругой и королевой.

— Боже милостивый! Хотела б я видеть хоть одного арагонского дворянина, который посмел бы произнести столь дерзостные слова! Ах, сеньора, если дон Фердинанд знатен, то ведь вы еще знатнее, потому что происходите от старшей ветви того же рода; если он молод, вы еще моложе; если он умен, то вы еще умнее; если он пригож, то вы — скорее ангел, чем женщина; если он доблестен, то вы добродетельны; если он изящен, то вы — сама грация; если он великодушен, то вы добры... нет, вы сама доброта; и если он тверд в делах нашей веры, то вы просто святая!

— Полно, Беатриса, полно, хватит! Ты бессовестно льстишь мне. Надо бы тебя побранить за пустые речи, но я знаю, что ты говоришь от чистого сердца.

— Вы слишком скромны, высокочтимая госпожа моя, и потому, замечая достоинства других, часто забываете о своих собственных. Пусть он явится во всем блеске и великолепии своих титулов,—я знаю, что в Кастилии найдется принцесса, которая затмит его и собьет с него спесь, даже если предстанет перед ним лишь с тем, чем ее наделила природа.

— Постой, Беатриса, я ведь ничего не говорила о спеси дона Фердинанда и меньше всего подозреваю его в таком низком пороке. А что касается блеска и великолепия, то мы обе знаем, что при всех настоящих и будущих королевских титулах дона Фердинанда золота в Сарагосе не больше, чем в Вальядолиде. Тем не менее, несмотря на все твои глупые, хоть и дружеские речи, я продолжаю сомневаться, но не в короле Сицилии, а в самой себе. Любого другого принца любой христианской страны я могла бы, наверное, принять холодно или, во всяком случае, так, как приличествует моему полу и положению, но при мысли о том, что подумает обо мне мой благородный кузен, меня бросает в дрожь!

Беатриса слушала с величайшим интересом и, когда ее царственная подруга умолкла, почтительно поцеловала ей руку и прижала к своей груди.

— Пусть лучше дон Фердинанд дрожит, боясь ваших суждений!—ответила она.

— О нет, Беатриса! Мы ведь знаем, что ему бояться нечего: все, что нам известно о нем, говорит в его пользу... Но к чему тратить время на сомнения и предположения? Не следует забывать о своих обязанностях. Отец Алонсо, верно, уже дожидается нас, пойдем к нему!

Принцесса и ее подруга поднялись и отправились во дворцовую часовню, где их исповедник служил мессу. Молитва успокоила Изабеллу, ее робкая душа вновь обрела уверенность. Когда маленькая группа вышла из часовни, запыхавшийся слуга доложил, что прибыл гонец с давно ожидаемым известием: король Сицилии благополучно добрался до Дуэньяса! Теперь все сомнения остались позади. Он находился среди

верных ему людей, и откладывать дальше брачную церемонию уже не было никаких оснований.

Известие это безмерно взволновало Изабеллу. Как никогда, она нуждалась в заботах Беатрисы де Бобадилья, чтобы с ее помощью обрести внутреннее и внешнее спокойствие, обычно делавшее ее столь привлекательной. Несколько часов, проведенных в размышлениях и за молитвой, постепенно вернули мир ее душе, и вскоре обе подруги вновь встретились в той самой комнате, где читатель увидел их впервые.

— Ты видела дона Андреса де Кабрера? — спросила Изабелла, отнимая руку ото лба, который она поглаживала, пытаясь сосредоточиться.

Беатриса де Бобадилья вспыхнула, затем расхохоталась с такой свободой и откровенностью, какую могла себе позволить только давняя любимица принцессы.

— О да! — ответила она. — Для юноши под тридцать и для воина, утомленного битвами с маврами, дон Андрес сохранил удивительную прыть! Ведь это он принес долгожданную весть, а заодно свою собственную любезную персону в подтверждение истинности своих слов. Несмотря на всю свою опытность, он на редкость многоречив, поэтому, пока вы, моя высокая госпожа, размышляли в уединении, мне оставалось только слушать о всяких чудесах этого путешествия. Похоже, что они добрались до Дуэньяса как раз вовремя: свой единственный кошелек они то ли потеряли, то ли его ветром унесло, — такой он был легкий!

— Надеюсь, этой беде помогли, — заметила Изабелла. — Сейчас из рода Трастамары мало у кого найдется золота в достатке, но и совсем без денег они быть не привыкли.

— Дон Андрес не скупец и не нищий. Здесь, в родной Кастилии, он, без сомнения, знаком со всеми ростовщиками, а те прекрасно знают цену его землям и поместьям, так что король Сицилии ни в чем не будет нуждаться. Кроме того, и граф де Тревиньо, как я слышала, принял их со всем радушием.

— Граф де Тревиньо заслуживает благодарности за такую щедрость. Я этого не забуду. А сейчас, Беатриса, принеси мне письменный прибор. Полагаю,

что все-таки следует сообщить королю Генриху эту новость, а также о моем намерении выйти замуж.

— О нет, дорогая моя госпожа, так не делают! Когда девушка, знатная или простого рода, собирается выйти замуж против воли своих родных, она сначала венчается и лишь затем пишет письмо и просит благословения, когда дело уже сделано.

— Вот болтушка неутомонная! Ну, поговорила, и хватит! А теперь принеси мне перо и бумагу. Король не только мой повелитель и государь, но также единственный мой близкий родственник, которого я почитаю, как отца.

— В таком случае, донья Хуана Португальская, его царственная супруга и наша прославленная королева, приходится вам матерью? Хороша наставница для невинной и скромной девушки! Нет и еще раз нет, любимая моя госпожа. Вашей благородной матушкой была донья Изабелла Португальская, ни в чем не похожая на свою распутную племянницу.

— Ты себе слишком много позволяешь, донья Беатриса, и порой забываешься! Я желаю написать письмо моему брату и королю!

Изабелла не часто говорила с такой строгостью. Беатриса даже вздрогнула, и слезы выступили у нее на глазах. Поспешно принесла она принадлежности для письма и лишь тогда осмелилась взглянуть на Изабеллу, чтобы прочесть по ее лицу, действительно ли та на нее разгневалась. Но лицо принцессы было вновь прекрасно и безмятежно. Беатриса де Бобадилья поняла, что ее госпожа, поглощенная своими мыслями, уже не сердится, и сочла за благо более не касаться спорного предмета.

И вот Изабелла приступила к своему ставшему знаменитым письму, в котором, словно забыв свою природную застенчивость, заговорила как истинная королева. По договору в Торрос де Гисандо она была признана — если отбросить притязания дочери Хуаны Португальской — законной наследницей трона, при условии, что она не выйдет замуж без согласия короля. Теперь Изабелла приводила доводы в оправдание своего решения, ссылаясь на то, что ее враги, нарушая торжественные обещания, всячески стараются заставить ее вступить в несовместимый с ее

достоинством или с ее чувствами брак. Далее она указывала на выгоды объединения королевств Кастилии и Арагона и просила короля благословить предстоящий союз. Письмо было одобрено Хуаном де Виверо и всеми советниками Изабеллы, а затем отправлено Генриху IV с особым гонцом. Сразу же после этого начались приготовления к встрече нареченных.

Уже в ту пору этикет кастильского двора славился своей сложностью. Сразу же возникли затруднения, которые Изабелла устранила со свойственной ей прямоотой и спокойствием.

— Мне кажется,— заявил Хуан де Виверо,— что этот брак не может быть заключен, пока дон Фердинанд не признает превосходства нашей Кастилии над Арагоном. Его род — всего лишь младшая ветвь царствующего дома Кастилии, и его королевство было некогда нашей вассальной вотчиной.

Эти слова вызвали всеобщее одобрение, и только принцесса осталась недовольна. С обычной своей грацией и естественностью она указала на все слабые стороны и нежелательные последствия такого предложения.

— Все это справедливо,— сказала она.— Конечно, Хуан Арагонский — сын младшего брата моего царственного деда, но это ничуть не умаляет его королевское достоинство. Помимо Арагона, который, если угодно, уступает нашей Кастилии, он владеет Неаполем и Сицилией, не говоря уж о Наварре, где он тоже правит, хоть и с меньшими основаниями. Кроме того, дон Фердинанд имеет титул короля Сицилии, который перешел к нему после отречения дона Хуана. Так неужели этот коронованный государь должен делать уступки мне? Ведь я всего лишь принцесса и, если богу не будет угодно, может быть, никогда не взойду на трон! Кроме того, я думаю, что дон Хуан де Виверо забыл, какая цель привела короля Сицилии в Вальядолид. В предстоящем деле нам отведены равные роли — принцессы и принца, двух христиан, намеренных обвенчаться и связать свои жизни воедино узами брака. И не подобает той, кто собирается взять на себя заботы и обязанности жены, начинать совместную жизнь с притязаний, могущих унижить ее повелителя или оскорбить его гордость. Возможно, Арагон и

ниже Кастилии, но Фердинанд Арагонский уже теперь во всем равен Изабелле Кастильской, а когда он услышит мои брачные обеты и примет мое преклонение и любовь,—при этих словах Изабелла слегка покраснела,—тогда, как подобает женщине, я первая признаю его превосходство надо мной. Поэтому я не хочу больше слышать о каких бы то ни было условиях, которые могли бы огорчить дона Фердинанда точно так же, как и меня.

Глава III

«О том, что хорошо, что плохо, может судить только король. Дорогая Кэт, не нам с вами подчиняться глупым местным обычаям! Мы сами устанавливаем правила поведения; в своих владениях мы можем вести себя как вздумается, и ни один придира не посмеет нас упрекнуть».

Шекспир. «Генрих V»

Несмотря на всю ее решимость, обычную твердость и ясность ума, Изабеллой все больше овладевала безотчетная тихая радость. Поступками ее руководили строгие правила и возвышенные помыслы, и все же сердце ее билось все учащеннее, по мере того как приближался час, когда она должна была впервые встретить принца, избранного ею в мужья.

Кастильский придворный этикет, а также необходимость разрешить множество политических вопросов, связанных с предстоящим браком, усложняли переговоры; они длились уже немало дней. И все эти дни жениху, до сих пор не видевшему невесты, приходилось сдерживать свое нетерпение.

Лишь к вечеру 15 октября 1469 года, когда все затруднения были наконец устранены, дон Фердинанд вскочил в седло и поскакал ко дворцу Хуана де Виверо в Вальядолиде. На сей раз с ним не было обычного эскорта, соответствующего его высокому положению: жениха сопровождали всего четыре приближенных, среди которых был и Андрес де Кабрера. Архиепископ Толедский, ярый сторонник и защитник интересов

Изабеллы, уже ожидал гостей, чтобы представить своей госпоже ее будущего супруга.

Изабелла находилась в той самой комнате, о которой уже шла речь. С нею была только Беатриса де Бобадиля. Овладев собой, Изабелла приняла жениха с поистине королевским величием.

Фердинанд Арагонский ожидал увидеть перед собой образец грации и красоты, но сочетавшиеся в ней ангельская кротость и женское очарование настолько превзошли его представления о женщинах, что при всей его выдержке и умении скрывать свои чувства он вздрогнул и на мгновение словно прирос к полу, не в силах отвести глаза от представшего перед ним светлого видения. Затем, опомнившись, он быстро подошел и, схватив маленькую ручку, которая не вырывалась, но и не отвечала на его пожатие, приник к ней губами с таким пылом, какой редко сопутствует первой встрече высоких особ, чьи страсти обычно не отличаются искренностью.

— Наконец-то пришел счастливый час, моя прославленная и прекрасная кузина! — воскликнул он.

Правдивый тон его сразу покорила Изабеллу, ибо никакое искусство, никакие галантные фразы не могут заменить жар истинного чувства.

— Я уже думал, что этот благословенный миг никогда не наступит! — продолжал Фердинанд. — Но, слава святому Яго, которого я не переставал молить, этот миг пришел и вознаградил меня за все муки ожидания.

— Благодарю и приветствую вас, мой господин и принц, — скромно ответила Изабелла. — Трудности, которые пришлось преодолеть, чтобы наша встреча стала возможной, лишь предвестники будущих трудностей, с которыми нам придется бороться всю жизнь.

Последовал обмен вежливыми фразами: принцесса выразила надежду, что ее кузен по прибытии в Кастилию ни в чем не испытывал нужды, на что последовали соответствующие заверения. Дон Фердинанд довел Изабеллу до ее кресла, а сам устроился на скамеечке, где обычно в часы интимных бесед сидела Беатриса де Бобадиля. Однако Изабелла, хорошо помня о тщеславии кастильцев, настаивавших на своем превосходстве над арагонцами, пожелала, что-

бы дон Фердинанд занял другое, приготовленное для него кресло.

— Той, у кого нет никаких достоинств, кроме королевской крови и веры в бога, не пристало занимать столь высокое место в присутствии короля Сицилии,— сказала она.

— Разрешите мне остаться здесь,— возразил Фердинанд.— Все помыслы о земных различиях покидают меня в вашем присутствии. Считайте меня своим рабом, своим рыцарем, готовым сражаться за вас при любом дворе в любой стране!

Изабелла вспыхнула, улыбнулась и послушно опустилась в кресло. Разумеется, ее тронули не столько сами слова, сколько нескрываемое восхищение, восторженный взгляд и искренность кузена. Женский инстинкт подсказывал ей, что она произвела на Фердинанда большое впечатление, и это открытие наполнило ее сердце нежностью.

Взаимные чувства вскоре излились в непринужденной беседе. Разговор становился все интимнее. Не прошло и получаса, как архиепископ, прекрасно разбиравшийся в тонкостях любовных речей и желаний, хотя это ему и не было положено по сану, поспешил увлечь придворных в соседнюю комнату и усадить их так, чтобы посторонние глаза и уши не мешали жениху с невестой. Впрочем, дверь оставалась открытой, да и Беатриса де Бобадилья, повинувшись этикету, не покинула свою царственную госпожу. Но она сама была настолько захвачена беседой с Андреем де Кабрера, что при ней можно было решить судьбы дюжины королевств — она все равно ничего бы не заметила.

Дальнейший ход беседы постепенно успокоил Изабеллу. Самообладание, а также опыт в обращении с людьми, который она терпеливо накапливала в отличие от других высокороденных особ, расточающих свое драгоценное время среди придворной суеты, позволили ей быстро освоиться и обрести привычную ясность мысли.

— Надеюсь, теперь уже ничто не мешает нам скрепить наш союз священными узами брака,— продолжал Фердинанд начатый разговор.— Мы выполнили все, что требовалось от нас в отношении блага

и интересов обоих королевств. Теперь я могу подумать и о своем счастье. Мы не чужие друг другу, донья Изабелла,—наши деды были братьями,—и я с детства наслышан о ваших добродетелях и пламенной вере.

— Я тоже не случайно согласилась на наш брак,—ответила Изабелла.—Теперь, когда дело решено, когда разумность нашего союза полностью установлена, а необходимость закрепить его как можно скорее для всех очевидна, ждать более незачем. Я думаю, свадьбу можно назначить через три дня: это даст нам обоим время подготовиться к столь важному событию и позволит церкви совершить обряд с подобающей торжественностью.

— Да будет так,—проговорил Фердинанд, почтительно склонив голову.—Теперь, чтобы нас потом не упрекали в забывчивости, я хочу поговорить еще кое о чем. Вы знаете, донья Изабелла, как жестоко теснят моего отца враги, и, наверное, сами догадываетесь, что казна его опустошена. Клянусь, дорогая моя кузина, только страстное желание как можно скорее получить тот драгоценный дар, который провидение и ваша доброта...

— Не смешивайте, дон Фердинанд, провидение божье с ничтожными помыслами и заботами людей,—строго прервала его Изабелла.

— ...Тот драгоценный дар, который мне ниспослало провидение,—поправился король, осенив себя крестом и склоняя голову из уважения к богобоязненным чувствам своей невесты,—это желание заставило нас без промедления выехать из Сарагосы. Но, увы, в наших сердцах было куда больше пылкой любви к сокровищам, ожидавшим нас в Вальядолиде, чем презренного золота в карманах. И даже оно по несчастной случайности досталось какому-то ловкому мошеннику в придорожной харчевне.

— Донья Беатриса уже уведомила меня о вашей беде,—улыбаясь, заметила Изабелла.—Поистине для начала совместной жизни у нас не слишком много земных богатств. Я почти ничего не могу предложить вам, дон Фердинанд, кроме чистого сердца и преданности, в которой, я думаю, вы не сомневаетесь.

— Вас одной, моя прекрасная кузина, достаточно для счастья любого разумного человека. Но поло-

жение и забота о будущем обязывают: нельзя допустить, чтобы потом говорили, будто наша свадьба была беднее, чем у наших подданных!

Кровь прилила к лицу принцессы так, что оно порозовело до корней волос. Однако ответила она с обычным величавым спокойствием:

— Не пристало женщине заботиться о средствах для своей свадьбы, и при других обстоятельствах наша беседа могла бы показаться странной. Но сейчас, когда от нашего брака зависит счастье двух королевств, всякое тщеславие должно быть отброшено. У меня еще есть драгоценности, и в Вальядолиде найдется немало ростовщиков: если вы позволите, я охотно расстанусь с моими безделушками ради такой высокой цели.

— До тех пор, пока у меня останется драгоценная оправа, в которой заключена ваша чистая душа, мне нет дела до других украшений,— любезно проговорил король Сицилии.— Но в такой жертве не будет нужды. Наши друзья, хотя и у них тоже больше сокровищ в сердцах, чем в сундуках, предоставят займодавцам необходимое поручительство и добудут деньги. Отныне я это беру на себя, дорогая кузина. Но... могу я называть вас моей нареченной?

— Да, Фердинанд, это слово гораздо приятнее, чем родственное «кузина»,— ответила принцесса с такой сердечностью и простотой, что можно было подивиться, насколько истинная скромность выше притворной чувствительности, столь обычной у женщин.— И я думаю, что мы имеем право так называть друг друга. Я верю, что бог благословит наш союз, и не только на счастье нам, но и на благо нашего народа.

— Благодарю, невеста моя! Итак, отныне у нас будет одно общее состояние, и вы позволите мне заботиться обо всех ваших нуждах.

— О нет, Фердинанд! — улыбаясь, возразила Изабелла.— Что бы вы ни говорили, мы не можем поступать, как дети простых идадьго, начинающие жизнь со скромным приданым. Уже сейчас вы король, а я по договору в Торрос де Гисандо торжественно признана наследницей Кастилии. Поэтому у каждого из нас должны быть свои заботы и свои обязанно-

сти, хотя я не представляю, чтобы у нас были разные интересы.

— Вам никогда не придется упрекать меня в недостатке уважения, и я всегда буду помнить о своих обязанностях перед вами как перед наследницей древнейшего рода, самого знатного после рода вашего брата, короля.

— Надеюсь, вы хорошо прочли брачный договор, дон Фердинанд? Вы искренне принимаете все его многочисленные статьи и условия?

— Принимаю и понимаю точно так же, как значительность всех выгод, которые он мне сулит.

— Я старалась сделать этот договор как можно более обстоятельным и приемлемым для вас, чтобы все предусмотреть. Ибо, хотя я скоро стану вашей женой, я всегда буду помнить о том, что я королева этой страны.

— Уверяю вас, прекрасная невеста моя, что Фердинанд Арагонский тоже никогда этого не забудет.

— Бог возложил на меня обязанности королевы, я перед ним в ответе и постараюсь свято исполнить свой долг перед Кастилией. Корона не игрушка, Фердинанд, с нею шутить нельзя. Для человека нет более тяжкого бремени, чем бремя власти.

— Заветы нашего рода хорошо помнят в Арагоне, и я радуюсь, невеста моя, что они одинаковы для обоих наших королевств.

— Вступая в союз, мы не должны думать только о себе,— проникновенным тоном продолжала Изабелла.— Это значило бы подменить обязанности государей чувствами влюбленных. Надеюсь, вы не раз просматривали и достаточно хорошо знаете все статьи брачного договора?

— У меня на это было достаточно времени, кузина: ведь договор подписан девять месяцев назад!

— Может быть, вас сердит то, что я на этом настаиваю,— продолжала Изабелла с той же серьезностью и простотой,— но я еще раз спросила об этом лишь потому, что государь не имеет права забывать о своих обязанностях. Кроме того, вы знаете, Фердинанд, какое влияние муж оказывает на жену, и должны заранее обещать, что поможете мне спра-

виться с моей собственной слабостью, когда нужно будет защищать интересы моих кастильцев.

— Если кастильцы до сих пор страдали только от вашей слабости, донья Изабелла, то им сейчас остается лишь благодарить бога!

— Все это не более как любезности, Фердинанд, которым не место в столь серьезном деле. Я на несколько месяцев старше вас и буду считать себя вашей старшей сестрой, пока положение супруги не отнимет у меня этого преимущества. Вы, наверно, заметили в статьях нашего договора, как тщательно я стараюсь защитить моих кастильцев от произвола чужестранца. Вы знаете, что многие знатнейшие люди моего королевства противились нашему союзу, опасаясь засилья арагонцев, и должны понять, что мы были вынуждены удовлетворить их требования.

— Причины мне понятны, донья Изабелла. Ваши желания, а также все условия договора будут нами соблюдены.

— Я буду вам верной и покорной женой, — сказала Изабелла, бросив на своего жениха серьезный и вместе с тем нежный взгляд. — Но я сделаю все, чтобы сохранить права и независимость Кастилии. Не стоит говорить о том, какую власть вы будете иметь над женщиной, которая добровольно отдала вам свою руку, но для других мы должны сохранять видимость независимых государей двух отдельных королевств.

— Доверьтесь мне, кузина! И через пятьдесят лет люди будут говорить о том, как свято дон Фердинанд держал свое слово и выполнял свой долг.

— Еще одно условие: война с маврами. Я считаю, что совесть испанских христиан не будет чиста до тех пор, пока последователи Магомета останутся на нашем полуострове.

— Ни вы, ни ваш архиепископ не могли бы поставить более приятного условия: я сам мечтаю о том, чтобы направить свое копье против неверных. В сражениях с ними я уже завоевал рыцарские шпоры; но скорее мы оба лишимся корон, чем я успокоюсь, пока мавры не будут изгнаны и отброшены в их заморские пески.

— И еще одно я хочу вам сказать, мой благородный кузен. Вы знаете, какому пагубному влиянию

подвергается мой брат, который уже восстановил против себя большинство своих приближенных и многие города. Нам придется бороться с соблазном пойти на него войной и завладеть скипетром до того, как бог призовет его к себе в должный срок. Я хочу, чтобы вы с уважением относились к дону Энрике, и не только как к главе нашего королевского рода, но также как и к моему брату и нашему истинному государю. Конечно, если дурные советчики заставят его покуситься на нашу жизнь или наши права, мы будем защищаться, но прошу вас, Фердинанд, ни при каких других условиях не восставать против моего законного повелителя.

— В таком случае, пусть сам дон Энрике будет поосторожнее со своей Бельтранехой! — сердито воскликнул принц. — Клянусь святым Педро! У меня тоже есть права, и куда более неоспоримые, чем у этой низкороджденной девки! Весь род Трастамары только выигрывает, когда мы избавимся от его незаконного отпрыска, обманом затесавшегося в нашу семью.

— Вы горячитесь, дон Фердинанд, и даже Беатриса де Бобадилья смотрит на вас с упреком. Несчастливая Хуана никогда не сможет посягнуть на наши права. Во всей Кастилии вряд ли найдется десяток грандов, которые пали настолько низко, чтобы желать возвести на трон ту, в чьих жилах, как утверждают, нет ни капли благородной королевской крови.

— Но, Изабелла, ведь сам дон Энрике не соблюдает по отношению к вам договора в Торрос де Гисандо!

— Мой брат окружен порочными людьми... а кроме того, Фердинанд, — при этих словах принцесса густо покраснела, — мы ведь тоже нарушили одно из условий этого договора: условие, по которому я не могу выйти замуж без согласия короля.

— Он заставил нас пойти на это и, если мы нарушили договор, пусть винит во всем самого себя.

— Я тоже стараюсь так думать, но не перестаю молить бога, чтобы он простил меня даже за такое кажущееся нарушение слова. Я не суеверна, Фердинанд, иначе я бы боялась, что наш союз не будет угоден богу из-за этого проступка. Но причины бывают разные, и тот, кто читает в сердцах, не осудит строго наши добрые намерения. Если бы дон

Энрике не пытался захватить меня врасплох, чтобы выдать замуж против моей воли, этот решительный шаг — наша женитьба — не был бы столь необходим и неизбежен.

— Мне остается только возблагодарить своего ангела-хранителя за то, что ваша воля, прекрасная кузина, оказалась сильнее всех происков тирана.

— Я не могла отдать свою руку ни королю Португальскому, ни герцогу Гиеньскому, которых мне прочили в мужья, — простодушно ответила Изабелла. — Девушке королевского или иного знатного рода не приличествует противопоставлять свою неопытность и капризы мудрым советам друзей, а добродетельной жене нетрудно полюбить своего мужа, если при выборе его не были слишком грубо нарушены законы природы и общества, но до сих пор я слишком заботилась о своей душе и не решалась подвергать ее столь серьезному испытанию, как бракосочетание со всеми его последствиями.

— Я чувствую, что недостойн вас, Изабелла! Вы должны научить меня, каким я должен стать, а пока обещаю вам, что буду самым прилежным и внимательным вашим учеником.

Разговор перешел на более общие темы. От природы любознательная и отзывчивая, Изабелла задавала бесчисленные вопросы, осведомляясь о своих арагонских родственниках. Так прошло часа два, и наконец король Сицилии так же тайно вернулся в Дуэньяс, как и приехал. Расстались нареченные с чувством взаимного восхищения и уважения, к которому в нежной душе Изабеллы примешивалось сладостное предвкушение счастливой семейной жизни.

Свадьбу отпраздновали с подобающей пышностью 19 октября 1469 года в часовне дворца Хуана де Виверо. Не менее двух тысяч человек, главным образом из высшей знати, присутствовало при церемонии. Когда священник уже готов был начать венчальный обряд, в глазах Изабеллы вдруг мелькнуло беспокойство. Обратившись к стоявшему рядом архиепископу Толедскому, она сказала:

— Ваше преосвященство обещали, что со стороны церкви не будет никаких возражений против нашего торжественного бракосочетания. Но ведь вы знаете,

что дон Фердинанд Арагонский и я находимся в близком родстве.

— Совершенно справедливо, госпожа моя Изабелла,— спокойно, с отеческой улыбкой ответил прелат.— К счастью, наш святой отец Пий снял с вас запрет, и церковь радостно благословляет ваш союз.

С этими словами архиепископ достал разрешение и прочитал его звонким и отчетливым голосом. Последняя тень беспокойства исчезла с ясного чела Изабеллы, и церемония началась. Прошло немало лет, прежде чем богобоязненная принцесса узнала, что в тот день ее обманули: папская булла, которую ей прочли, на самом деле была составлена королем Арагонским и прелатом; впрочем, и сам жених кое о чем подозревал. К этой уловке прибегли потому, что все знали, какое влияние имел король Кастильский на святейшего папу, который никогда бы не пошел против воли этого монарха. Лишь много лет спустя папа Сикст IV исправил ошибку и задним числом выдал подлинное разрешение на брак Изабеллы с Фердинандом.

И вот Фердинанд и Изабелла стали мужем и женой. События последующих двадцати лет здесь стоит лишь вкратце упомянуть. Возмущенный Генрих IV тщетно пытался передать престол своей сомнительной дочери, Хуане Бельтранехе, отняв его у Изабеллы. Возгорелась гражданская война, во время которой Изабелла упорно отказывалась от короны, хотя ей не раз ее предлагали: она ограничивалась лишь защитой своих прав будущей наследницы. В 1474 году, то есть через пять лет после ее свадьбы, Генрих IV умер, и Изабелла стала королевой Кастильской. Но одновременно ее самозванная племянница тоже была провозглашена королевой небольшой партией своих приближенных. Война за наследство, как ее называли, продлилась еще пять лет, и только тогда Хуана Бельтранеха постриглась в монахини, а права Изабеллы были признаны полностью. Примерно в это же время умер дон Хуан II, и Фердинанд стал королем Арагона.

Перемены эти значительно уменьшили раздробленность полуострова, где осталось всего четыре государства: владения Фердинанда и Изабеллы, включавшие Кастилию, Леон, Арагон, Валенсию и множе-

ство других цветущих испанских провинций; небольшое королевство Наваррское в Пиренеях; Португалия, примерно в тех же границах, что и сегодня, и, наконец, Гранада — остаток мавританского государства к северу от Гибралтара.

Ни Фердинанд, ни его царственная супруга не забывали об условии их брачного договора, по которому король обязался вести войну с маврами до полного их изгнания. Однако ход событий заставил его отложить исполнение своего обещания на многие годы. Когда же наконец пришло время, судьба, которая провела благочестивую Изабеллу сквозь все невзгоды и вознесла из скромной безответности на вершину власти, та же счастливая судьба и сейчас не изменила своей любимице. Успех следовал за успехом, победа за победой, пока мавры не потеряли одну за другой все крепости и не укрылись наконец в столице — последнем своем оплоте на полуострове.

В то лето, когда войска испанцев стояли под стенами Гранады и Изабелла с волнением следила за боевыми действиями, случилось одно происшествие, которое едва не оказалось роковым для королевской семьи и могло бы привести к поражению христиан. Шатер, где находилась королева с детьми, внезапно был охвачен пламенем. В лагере началось смятение. Пожар охватил и другие палатки знатных рыцарей, уничтожив немало сокровищ — драгоценностей, посуды и прочего. К счастью, иных потерь не было.

И вот тогда, чтобы подобный случай не повторился, а также в ознаменование взятия Гранады, которое Фердинанд и Изабелла считали величайшим деянием своего совместного правления — ведь никто не мог приподнять завесу времени и предсказать им, что самое великое еще грядет! — царственные супруги решили воздвигнуть такой памятник, который сам по себе сделал бы эту осаду бессмертной. Был составлен план, рабочие принялись возводить долговечные добротные здания, где могла бы разместиться целая армия, и скоро военный лагерь испанцев превратился в настоящий город у стен города. Через три месяца поразительное это сооружение с целыми кварталами, улицами и площадями было завершено и названо «Санта-Фе», то есть «Святая Вера». Возникновение

города на голом месте посеяло ужас в сердцах мавров: они поняли, что враги не отступят, пока не разделаются с ними окончательно. И вполне возможно, что именно это заставило так поспешно сдаться гранадского правителя Боабдила, покинувшего Альгамбру через несколько недель после того, как испанцы расположились в своих новых жилищах.

Санта-Фе существует и до сих пор, и путешественники часто навещают это место, привлекаемые его любопытным происхождением и еще одним замечательным фактом, действительным или предполагаемым: как утверждают, из всех испанских городов, независимо от их величины, только Санта-Фе никогда не бывал под властью мавров.

Здесь, в Санта-Фе, и начинается, в сущности, наш рассказ: все предыдущее было только введением, которое должно было подготовить читателя к предстоящим событиям.

Глава IV

*Определит прямую муж ученый,
Да толку что? Ведь в жизни нет прямых!
И тщетно будет разум ваш смущенный
Искать ответ в познаниях людских:
Наука вся — лишь море заблуждений,
Где нету дна, а правды нет и тени.*

«Людская ученость»

День 2 января 1492 года был отпразднован с торжественностью и великолепием, поразившим даже придворных и воинов, привычных к роскоши церковных служб и пышности двора Фердинанда и Изабеллы. С восходом солнца в маленьком городке Санта-Фе началось всеобщее ликование. Переговоры о сдаче Гранады, которые тайно велись вот уже несколько недель, наконец-то были завершены. О результатах сообщили армии и народу, и этот день был назначен для вступления в завоеванный город.

Двор пребывал в трауре по случаю смерти мужа принцессы Кастильской, дона Алонсо Португальского, скончавшегося вскоре после свадьбы, однако в

этот день траурные одежды были сброшены, и все облеклись в роскошные праздничные наряды.

Было еще рано, когда великий кардинал¹ во главе большого отряда воинов начал подниматься на так называемый Холм Мучеников, чтобы оттуда символически вступить во владение завоеванным городом. По дороге процессию встретила группа всадников — мавров; во главе ее ехал воин, в котором по благородной осанке и горестному выражению лица можно было узнать побежденного эмира Боабдила, или иначе Абдаллаха. Кардинал указал ему, где находится Фердинанд: король отказался вступить в завоеванный город, пока над ним не будет водружен вместо магометанских стягов символ Христа, и ожидал в некотором отдалении от ворот.

О свидании двух монархов, побежденного и победителя, рассказывали не раз — в частности, совсем недавно о нем снова писали два наших выдающихся соотечественника, — так что здесь мы не будем на этом задерживаться. Затем Абдаллаха милостиво и радушно приняла Изабелла. Беседа с ней не была столь примечательна, зато в ней было гораздо больше истинно христианского снисхождения и доброты. Наконец побежденный эмир удалился, последний раз остановившись на перевале, чтобы окинуть прощальным взглядом дворцы и башни столицы своих предков; это место в горах до сих пор носит трогательное поэтическое название «El Último Suspiro Del Moro» — «Прощальный вздох мавра».

Путь побежденных от Гранады к горам был недолог, но эмир ехал спокойно, неторопливо, и за это время на подходах к городу и на всех прилегающих холмах собрались толпы народа. Все глаза были устремлены на башни Альгамбры², где крест должен был сменить полумесяц: каждый католик с нетерпением ждал этого триумфа христианской веры.

Сама Изабелла, которая поставила изгнание неверных одним из условий брачного договора, осталась на заднем плане, хотя в действительности это было ее

¹ Великий кардинал — Педро Гонсалес де Мендоса, архиепископ Толедский, один из вдохновителей войны против мавров.

² Альгамбра — крепость и замок на скале в Гранаде.

торжество. Она расположилась в некотором отдалении, позади Фердинанда, и тем не менее все взгляды от столь возделенных башен Альгамбры устремлялись именно к ней. Ведь именно Изабелла пожинала в тот день плоды победы, ибо новая провинция присоединялась к ее родной Кастилии, а не к Арагону, у которого, собственно, не было смежных с Гранадой границ.

До появления Абдаллаха толпы людей свободно передвигались во всех направлениях. Чтобы увидеть вступление в город, сюда, кроме воинов, стеклось множество всякого народа, а так как эта война, по сути дела, стала крестовым походом, то среди собравшихся больше всего было священников и монахов. Любопытные старались протиснуться поближе к Изабелле, ибо здесь сосредоточился цвет королевского двора. Особенно тянулись к королеве священнослужители: благочестие Изабеллы как бы создавало вокруг нее атмосферу, которая была им близка и привычна.

Среди всей этой духовной братии можно было заметить монаха, чья наружность, видимо, соответствовала его высокому происхождению: когда он отошел от королевы и начал пробираться на более свободное место, многие дворяне почтительно приветствовали его, называя отцом Педро. Его сопровождал юноша, настолько превосходивший окружающую толпу благородством черт и осанки, что люди невольно оборачивались. На вид ему было не более двадцати лет, однако могучая фигура и загар на цветущем лице свидетельствовали о том, что он не раз бывал в походах, и многие, глядя на него, думали, что это, должно быть, закаленный душой и телом воин, хотя даже в день вступления в Гранаду на нем не было ни лат, ни шлема. Одет он был просто, словно для того, чтобы как можно меньше привлекать внимания, однако и в этой скромной одежде он держался так, как может держаться лишь человек высокого рода. Те, кто видел, как милостиво говорила с ним Изабелла, конечно, заметили, что ему было дозволено поцеловать ей руку, а этой чести при строгих чопорных правилах кастильского двора удостаивались лишь самые доблестные или чем-либо особо отмеченные представители наиболее знатных семей. В толпе шептались, что это, должно быть, сам Гусман, чей род не

уступал королевскому, либо один из Понсов — имя, прославленное в этой войне на всю Испанию подвигами знаменитого герцога Кадисского, — в то время как другие, указывая на его гордое чело, твердый шаг и живой взгляд, утверждали, что, судя по манерам и осанке, это не кто иной, как Мендоса.

Однако сам юноша, служивший предметом всех этих пересудов, явно не замечал любопытства, которое вызывали его статная фигура, красивое лицо и упругая, горделивая поступь. Подобно тем, кто привык к такого рода вниманию, он беспечно разглядывал все, что попадалось ему на глаза и казалось забавным, но больше прислушивался к замечаниям, которые время от времени слетали с уст его почтенного спутника.

— Это самый славный, самый благословенный день для всего христианского мира! — воскликнул отец Педро после более долгой паузы. — Кончилось нечестивое семисотлетнее царствование неверных! Слава мавров низвергнута, и крест наконец вознесся над знаменами их лжепророка. Если бы души усопших могли узнать об этом, все твои предки, сын мой, воскресли бы и, ликуя, встали из своих могил!

— Слава святой Марии, она не допустит, чтобы их потревожили даже ради победы над маврами. Ибо я весьма сомневаюсь, чтобы Гранада, несмотря на все старания неверных, показалась моим предкам приятнее рая!

— Сын мой дон Луис, после твоих странствий ты стал слишком невоздержан на язык и далеко не так почтителен к церкви и ее служителям, как в те времена, когда о тебе пеклась твоя покойная мать!

Все это было высказано отнюдь не тоном грустного упрека, а сурово и даже гневно.

— Не упрекайте меня так жестоко, отец мой, за вольные речи: всему виной легкомыслие молодости, а вовсе не пренебрежение к церкви. Ну вот, сначала вы меня сурово порицаете, а когда я обращаюсь к вам, как раскаявшийся грешник, и молю о прощении, вы смотрите куда-то в сторону с таким видом, словно на самом деле узрели там одного из моих предков, восставшего из гроба, чтобы полюбоваться, как мавры скрепя сердце покидают свою любимую Альгамбру!

— Видишь вон того человека, Луис? — спросил монах, продолжая смотреть в прежнем направлении, однако не указывая, кого именно он заметил в толпе.

— Честное слово, отец мой, я вижу тысячи людей, но ни один из них не похож на выходца с того света, только что явившегося из райских садов. Может быть, вы мне сами объясните, кто привлек ваше внимание?

— Видишь человека с лицом повелителя, чей важный и гордый облик так не вяжется с бедной одеждой? Впрочем, не такой уж бедной — сейчас он одет приличнее и, наверно, лучше обеспечен, чем раньше, — но, во всяком случае, костюм его не дворянский, хотя и в таком наряде он выглядит и держится так, словно он по крайней мере король!

— Кажется, я понял, о ком вы говорите. Это вон тот человек с серьезным лицом и весьма достойной осанкой, несмотря на скромное одеяние. Но что в нем особенного? Ни в его внешности, ни в поведении нет ничего предосудительного.

— Несомненно! Однако я имел в виду не это, а благородство и величавость его манер, обычно столь несвойственных тем, кто не привык повелевать.

— По одежде да и по всему облику я бы принял его за капитана или кормчего, повидавшего немало морей. Ну конечно, все признаки говорят, что это так!

— Ты не ошибся, Луис, он действительно мореплаватель из Генуи, имя его — Крестоваль Колон, или Христофор Колумб, как его называют итальянцы.

— Помнится, я слышал об одном адмирале с таким же именем, который отличился во время войны в южных морях, а недавно отправился в дальнее плавание на восток.

— Нет, этот еще далеко не адмирал, однако, возможно, он из той же семьи, поскольку они соотечественники. Пока он не адмирал, но верит, что будет адмиралом, а может быть, даже и королем!

— В таком случае это либо тщеславный глупец, либо безумец!

— Ни то, ни другое. Образованностью он превзошел многих наших ученых-богословов, и, к чести его будь сказано, он один из самых преданных церкви христиан во всей Испании. По всему видно, что ты слишком много пробыл в чужих странах и слишком

мало при дворе, иначе ты знал бы историю этого необычайного человека. За последние годы одно его имя вызывает смех у легкомысленных болтунов и заставляет задумываться людей мудрых и осмотрительных — не кроется ли в его душе самая страшная и пагубная ересь!

— Ваши слова возбуждают во мне любопытство, отец Педро. Что же он за человек?

— Сплошная загадка. Сколько я ни молился, сколько ни рылся в монастырских библиотеках, все мои попытки проникнуть в его тайну ни к чему не привели... Пойдем, Луис, сядем вон на тот камень, и я расскажу, почему этого человека считают столь необычайным. Прежде всего да будет тебе известно, что он явился сюда семь лет назад. Он утверждал, будто сделал большое открытие. По его словам, если отправиться в океан и плыть все время на запад через неведомое и неизмеримое пространство, можно будет достичь далекой Индии, богатого острова Сипанго и берегов королевства Катай, о котором до нас дошли самые удивительные рассказы некоего Марко Поло¹.

— Святой Яго, помилуй нас! У него наверняка не все дома! — смеясь, прервал старика дон Луис. — Ведь это возможно только в том случае, если бы земля была круглой, как шар! Потому что Индия лежит на востоке, а не на западе. Разве я не прав?

— Именно так ему и говорили чаще всего. Но у него находились ответы и на более веские возражения.

— Какие еще возражения могут быть более вескими? Разве наши глаза не говорят нам, что земля плоская?

— В этом он не согласен с большинством людей. И, сказать правду, сын мой Луис, спорить с ним трудно. Он мореплаватель, как ты сам догадался, и он говорит, что в океане, когда корабль еще далеко, сначала бывают видны только верхние паруса, затем, по мере его приближения, появляются нижние и, наконец, само судно. Но ведь и ты бывал на море и, наверно, наблюдал то же самое!

¹ Марко Поло (1254—1324) — венецианский купец, первым из европейцев посетивший Китай и ряд других азиатских стран. Марко Поло называл Северный Китай — Катаем, а Японию — островом Сипанго.

— Да, это действительно так, отец мой. Во время плавания нам встретился военный корабль английского короля. Сначала, как вы говорите, мы увидели верхний парус, белое пятнышко над водой; затем начали появляться остальные паруса, один за другим, пока мы не приблизились и не рассмотрели весь его гигантский корпус с бомбардами и пушками, которых было самое малое штук двадцать!

— Значит, ты согласен с Колоном и тоже думаешь, что земля круглая?

— Ну нет, клянусь святым Георгом Английским! Я повидал слишком много земель, чтобы попасться на такую глупую приманку. Франция, Англия, Бургундия, Германия и все прочие дальние страны на севере точно такие же ровные и плоские, как наша Кастилия!

— Но, если это так, почему же вы сначала увидели только верхние паруса английского корабля?

— Потому... потому, отец Педро, что эти паруса были всего виднее. Ну конечно, потому что их легче было заметить!

— Разве англичане ставят на верхушке мачт самые большие паруса?

— Конечно, нет, это было бы безумием! Хотя про них нельзя сказать, что они очень хорошие мореплаватели—наши соседи португальцы и генуэзцы куда лучше!—однако при всем этом англичане не такие уж дураки. Подумайте о силе ветра, и вы сами поймете, что самые большие паруса могут стоять только в самом низу.

— Тогда почему вы увидели маленькие паруса раньше больших?

— Поистине этот Христофор не потратил времени даром, беседуя с вами, мудрейший отец Педро! Однако вопрос еще не есть доказательство.

— Сократ тоже любил задавать вопросы, сын мой, но Сократ задавал их, чтобы ему отвечали!

— Чума меня заberi, как говорят при дворе французского короля. Да ведь я-то не Сократ, добрейший отец Педро, а всего лишь ваш бывший воспитанник и родственник, Луис де Бобадилья граф де Льера, недостойный племянник любимицы королевы, маркизы де Мойя, самый высокородный из рыцарей Испании, хотя мои враги и утверждают, что это не так.

Меня не интересует ни твоя родословная, ни твои причуды и недостатки, дон Луис де Бобадилья, потому что я знаю тебя и слежу за тобой с пеленок. У тебя только одно достоинство, и никто его не отнимет,—это удивительная правдивость. И ты еще никогда не проявлял ее с большей очевидностью, чем сейчас.

Добродушная улыбка достойного отца Педро смягчила едкую шутку, и юноша расхохотался, понимая, что сам поставил себя в глупое положение и что сердиться не на кого.

— Ах, отец Педро, прошу вас, перестаньте хоть сегодня школить меня! Поговорим лучше серьезно об этом необычном деле. Вы-то, надеюсь, не станете утверждать, будто земля круглая?

— Нет, Луис, утверждать это, как некоторые, я не стану, потому что подобные утверждения трудно примирить со священным писанием. Однако загадка с парусами весьма занимает меня, и мне порой хочется побывать в разных портах и на море, чтобы увидеть все собственными глазами. Если бы не жестокая рвота, которая мучит меня на судах, я бы давно это сделал.

— Подумать только, чем бы тогда излилась вся ваша мудрость!—со смехом воскликнул юноша.—Отец Педро де Карраскаль мечтает стать морским бродягой, как его воспитанник,—это ли не причуда! Но пусть душа ваша будет спокойна, мой почтеннейший родственник и мудрейший наставник, потому что я могу избавить вас от сомнений. Сколько я ни путешествовал по морю или по суше — а вы знаете, что для своих лет я постранствовал немало,—я всюду видел, что земля плоская, а океан еще более плоский, если не считать водоворотов и волн во время бури.

— На вид так оно и должно казаться. Однако Колон, который плавал гораздо больше и дальше тебя, думает иначе. Он убежден, что земля — это шар и что, если плыть на запад, можно добраться до берегов, лежащих от нас к востоку.

— Клянусь святым Лоренцо, мысль дерзостная! Неужели он действительно хочет отправиться в просторы Атлантики и даже пересечь их в поисках какой-то далекой неведомой земли?

— Именно это он и задумал. И в течение семи долгих лет Колон пытается убедить наш двор, чтобы ему предоставили необходимые средства. Да что там семь лет! Я слышал, он еще задолго до этого обращался со своей просьбой ко многим другим дворам.

— Да, но, если земля круглая,—продолжал дон Луис с задумчивым видом,—почему вся вода не схлынет к ее нижней части? Почему у нас до сих пор еще остались моря? Если Индия, как он утверждает—а я это понял из ваших слов,—находится на другой стороне земли, как же там ходят люди? Неужели вверх ногами?

— Такой вопрос уже задавали Колону, но он не придает этому значения. Тем более, что многие наши отцы церкви тоже склоняются к мысли, будто у земли нет ни верха, ни низа, то есть низ всегда у нас под ногами, так что тут особых затруднений не возникает.

— Надеюсь, отец Педро, вы не хотите убедить меня, что люди могут ходить на голове, дрыгая ногами в воздухе? Клянусь святым Франциском, у жителей Катая должны быть когти, как у кошек, иначе они все давно бы свалились.

— Куда, Луис?

— Куда? То есть как, отец Педро? Наверно, в ад... или в бездонную пропасть! Не может же быть, чтобы люди ходили вниз головой, опираясь ногами на воздух! Значит, каравеллы тоже должны там плыть на мачтах? Такого еще не бывало! Что же удерживает моря, почему они не хлынут в преисподнюю и не зальют адское пламя?

— Сын мой Луис,—строго проговорил монах,—в своих легкомысленных речах ты заходишь слишком далеко! Как ты сам-то представляешь себе нашу землю, если тебе не по душе мнение Колона?

— Она плоская, как щит мавра, который я разрубил в последней схватке, такая же плоская, какой только можно делать сталь на наковальне.

— Значит, ты думаешь, что у земли есть пределы?

— Да, я так думаю, и, если позволят небеса, а также донья Мерседес де Вальверде, я доберусь до них прежде, чем умру.

— По-твоему, земля с четырех сторон кончается обрывом, до которого можно добраться, стать там и смотреть вниз, как с высокого плоскогорья?

— Картина, достойная вашей кисти, отец Педро! До сих пор я об этом не думал, но где-то должно быть такое место. Клянусь святым Фернандо! Подвиг, достойный самого дона Алонсо де Охеда¹: стоять одной ногой на краю земли, другой — на облаках и швырять апельсины на луну!

— С тобой нельзя говорить ни о чем серьезном, Луис! Мне, например, мысли и планы Колона кажутся достойными внимания. Против них у меня есть только два веских возражения. Первое — все это трудно примирить со священным писанием. И второе — огромная, непостижимая, я бы сказал, даже бессмысленная обширность океана, который должен отделять нас от Китая, потому что иначе мы бы уже давно узнали об этой стране.

— А что говорят о Колоне ученые?

— Его проект долго обсуждался на совете в Саламанке², и мнения разделились. Самое серьезное возражение было такое: даже если допустить, что земля круглая и что до острова Сипанго можно добраться с запада, сможет ли корабль вернуться? Ведь на обратном пути ему придется плыть снизу вверх! Короче — большинство было против Колона, и я боюсь, он никогда не доплывет до своего Сипанго, поскольку до сих пор так и не снаряжился в путь. Странно, что он вообще еще здесь: мне говорили, будто он окончательно решил уехать в Португалию.

— Вы, кажется, сказали, что он уже давно в Испании? — посерьезнев, спросил дон Луис, не спуская глаз с благородной фигуры Колумба, который стоял неподалеку от камня, где устроились собеседники, и спокойно взирал на пышное триумфальное шествие.

— Семь мучительных лет он умолял всех богатых и знатных людей страны снабдить его средствами, необходимыми для его путешествия.

¹ Алонсо де Охеда (1465—1515) — кастильский рыцарь; в 1493 году со второй экспедицией Колумба прибыл на Эспаньолу, где возглавил кампанию по истреблению незащитных индейцев.

² Саламанка — один из крупнейших культурных центров Европы с университетом, основанным в начале XIII века.

— Если он продержался так долго, значит, у него есть деньги?

— По виду я не сказал бы, что он богат. Я знаю, что он зарабатывал себе на жизнь изготовлением географических карт. Часть времени он проводил в спорах с философами и в ходатайствах перед сильными мира сего, остальное же время трудился в поте лица, добывая своим ремеслом хлеб насущный.

— Ваш рассказ, отец Педро, настолько разжег мое любопытство, что я хочу поговорить с этим Колоном. Он стоит совсем один среди толпы. Пожалуй, я подойду к нему, скажу, что я тоже в какой-то степени мореплаватель, и постараюсь вывести кое-что из его необычайных планов.

— Как же ты думаешь с ним познакомиться?

— Я скажу ему, что я дон Луис де Бобадилья, племянник доньи Беатрисы де Мойя, наследник одного из знатнейших родов Кастилии...

— И ты думаешь, этого будет достаточно?— улыбаясь, спросил монах.— Нет, Луис, нет, сын мой, для какого-нибудь торговца картами было бы довольно одного твоего желания, но Кристовалу Колону этого мало! Он целиком захвачен необъятностью своего проекта, нисколько не сомневается в небывалых его результатах, видит их днем и ночью и так уверен в себе, в своей силе, что ни принц, ни даже король не способны унижить его достоинство. Даже наш славный государь дон Фердинанд не решился бы на то, что ты собираешься сделать, опасаясь встретить молчаливый отпор, а то и услышать резкое слово.

— Клянусь всеми святыми! Вы рассказываете об этом человеке такие необычайные вещи, отец Педро, что мне еще больше хочется с ним познакомиться! Может быть, вы меня представите?

— Охотно. Потому что я сам хочу узнать, что заставило его возвратиться к нашему двору. В последнее его посещение, как я слышал, он твердо решил обратиться со своим проектом к другим государям. Так что доверься мне, дон Луис, и я постараюсь все устроить.

Монах и его нетерпеливый юный собеседник встали с камня и начали пробиваться сквозь толпу к тому, кто занимал их мысли. Однако, когда они подошли доста-

точно близко, отец Педро не отважился сразу заговорить с Колумбом и терпеливо ждал, чтобы мореплаватель сам его заметил. Но тот долго не обращал на него внимания: взгляд Колумба был устремлен к башням Альгамбры, где с минуты на минуту крест должен был сменить полумесяц. Дерзкий, неутомимый и слишком горячий Луис де Бобадилья едва сдерживался: ему, никогда не забывавшему о своем высоком происхождении и связанных с этим привилегиях, трудно было подавить нетерпение. Еще бы! Какой-то торговец картами, какой-то кормчий так долго заставляет себя ждать! Он подталкивал своего спутника вперед, но тщетно. Наконец нетерпеливые жесты юноши привлекли внимание Колумба. Он оглянулся, встретил взгляд отца Педро, и старые знакомые приветствовали друг друга обычным в те времена учтивым поклоном.

— Поздравляю вас, сеньор Колон, с успешным окончанием осады,— заговорил монах.— Я рад, что вы присутствуете при этом торжестве, потому что слышал, будто важные дела призывали вас в другую страну.

— Ничто не совершается помимо воли божьей,— отозвался Колумб.— Сегодняшнее событие служит мне уроком настойчивости и еще раз убеждает меня в том, что predetermined свыше непременно осуществится.

— Я ценю ваше рвение, сеньор. Поистине без настойчивости нет спасения, и я не сомневаюсь, что упорство, с каким вели эту войну наши государи, и славное ее завершение могут служить тому подходящим примером.

— Поистине так, отец Педро, и это пример для всех благих дел,— ответил Колон, или Колумб, как мы его и будем в дальнейшем именовать. В глазах его вспыхнул яркий огонь пророческого восторга, и он продолжал:— Вам может показаться неразумным, что я применяю столь высокое сравнение к себе, но сегодняшний триумф наших государей чудесным образом вдохновляет меня: я тоже должен настойчиво, не отступая, продолжать мои утомительные ходатайства, ибо и они приведут к торжеству правого дела.

— Раз уж вы заговорили о своих планах и намерениях, сеньор,— с живостью подхватил отец Пед-

ро,—признаюсь, я этому рад. Здесь со мной один мой юный родственник, ставший чем-то вроде морского бродяги,—причуда молодости, от которой его не могли удержать ни друзья, ни даже любовь. Прослышав о ваших смелых замыслах, он загорелся желанием узнать о них как можно больше из ваших собственных уст, если вы сооблаговолите уделить ему внимание.

— Я всегда рад удовлетворить похвальную любознательность отважных молодых людей и охотно сообщу вашему юному другу все, что он захочет,—ответил Колумб с простотой и достоинством, которые разом покончили со всеми притязаниями дона Луиса на роль снисходительного слушателя в предстоящем разговоре.

Юноша понял, что не мореплаватель, а он должен считать себя польщенным, что тот удостоил его беседы.

— Но простите, отец Педро, вы забыли мне представить сеньора,—продолжал Колумб.

— Это дон Луис де Бобадилья. Пожалуй, единственные его достоинства в ваших глазах—это смелость и любовь к морю, а также то, что ваша высокая покровительница маркиза де Мойя приходится ему теткой.

— Одного из двух было бы вполне достаточно,—отозвался Колумб.—Люблю юношескую отвагу, ибо она несомненно дается богом для того, чтобы исполнить его мудрые предначертания: в этом убеждении я сам черпаю силы и уверенность. Что же касается второго его достоинства, то скажу одно: вместе с Хуаном Пересом де Морачена¹ и сеньором Алонсо де Кинтанилья² донья Беатриса принадлежит к числу моих лучших друзей, а потому ее родственник может рассчитывать на мою признательность и уважение.

Такая речь поразила дона Луиса. Хотя этот чужеземец, который даже говорил по-кастильски с акцентом, был неплохо одет и держался с достоинством, тем

¹ Здесь Купер ошибается: Хуан Перес и Антонио Морачена—это два разных лица, что было установлено лишь в конце XIX века.

² Алонсо де Кинтанилья—фактический министр финансов Изабеллы и Фердинанда, один из наиболее верных сторонников Колумба.

не менее он оставался всего лишь кормчим или капитаном, зарабатывавшим себе на хлеб трудом своих рук. Тем более странным казался его покровительственный тон по отношению к знатнейшему из кастильцев: такое тот мог принять разве что от принца крови! Сначала дон Луис хотел осадить генуэзца, затем — рассмеяться ему в лицо, но в конце концов, видя, что монах относится к мореплавателю с большим почтением, сам почувствовал уважение к этому человеку со столь выдающимися замыслами и сумел не только взять правильный тон, но и ответить Колумбу находчиво и любезно, как и подобало юноше с его именем. Все трое отошли подальше от толчеи и присели на камнях, где уже расположилось отдохнуть немало зрителей.

— Отец Педро, вы, кажется, сказали, что дон Луис побывал в чужих странах? — заговорил Колумб, сам выбирая тему, как если бы имел на то право благодаря своему положению или заслугам. — И сказали, что он влюблен в чудеса и опасности океана?

— Да, это так, сеньор, только не знаю, добродетель это или недостаток. Если бы он уступил настояниям доньи Беатрисы или последовал моему совету, ему не пришлось бы променять рыцарские подвиги на занятие, столь несовместимое с его знатностью и воспитанием.

— Что вы, отец Педро, зачем же так сурово порицать юношу! Про того, кто провел жизнь в океане, нельзя сказать, что он прожил ее недостойно или бесцельно. Бог разделил земли водами не для того, чтобы отдалить людей друг от друга, а дабы люди могли встречаться среди чудес, которыми он наполнил океан. В юности у всех нас были заблуждения: такое уж это время, когда мы больше слушаемся чувств, нежели разума. И, признаваясь в своей слабости, я не могу кинуть камень в дону Луиса.

— Вам, наверно, приходилось сражаться с нехристями на море? — смущенно проговорил юноша, не зная, как подступить к интересующему его вопросу.

— Да, сынок, и на море и на суше, — ответил Колумб; такая фамильярность удивила, но не обидела дону Луиса. — Было время, когда я любил вспоминать обо всех пережитых мною опасностях, — а повидал я

немало бурь и сражений,— но, с тех пор, как моя душа пробудилась для великого подвига, все эти злосключения перестали меня волновать.

Отец Педро перекрестился, а дон Луис с улыбкой пожал плечами, как человек, услышавший нечто весьма странное. Однако мореплаватель продолжал говорить со свойственной ему серьезностью:

— Много лет прошло с тех пор, как я сражался против венецианцев вместе с моим родственником и тезкой Колумбом Младшим, как его называли, чтобы не путать с его дядей — адмиралом, носившим то же имя. Помню бой к северу от мыса Сан-Винсенти. В тот кровавый день мы бились с восхода до заката, враг был силен, но судьба хранила меня, и я не был даже ранен. Другой раз галера, на которой я сражался, была охвачена пламенем, и мне пришлось добираться до берега — а он был не близок! — в утлой лодчонке.

Глаза мореплавателя разгорелись, вдохновенный румянец заиграл на щеках, но даже и в своих преувеличениях — а это, конечно, было преувеличением — он сохранял такую сдержанность, серьезность и достоинство, что их невозможно было спутать с досужим легкомыслием людей, у которых мимолетные прихоти заменяют глубокое чувство, а суетные мечты — убежденность и силу воли. Отец Педро не улыбнулся и ничем не выказал недоверия к этим словам. Наоборот, по тому, как набожно он перекрестился, и по сочувственному выражению его лица можно было видеть, что он понимает и разделяет глубокую веру Колумба.

— Смотрите, воздвигается благословенный символ нашего спасения, наш путеводный знак! — вдруг воскликнул монах, раскинув руки, словно желая обнять небеса; он упал на колени и смиренно, до самой земли, склонил обнаженную голову с выбритым кружком тонзуры.

Колумб посмотрел в ту сторону, куда указывал отец Педро, и увидел, что над главной башней Альгамбры сверкает большой серебряный крест, тот самый крест, с которым Фердинанд и Изабелла не расставались в течение всей войны с маврами. В следующее мгновение над другими башнями взвились штандарты Кастилии и святого Яго. Зазвучал победный гимн,

сливаясь с церковным песнопением. И началось торжественное шествие, в котором пышность священных облачений соперничала с блеском воинских доспехов. Но это зрелище является скорее достоянием истории, нежели нашего частного и более скромного рассказа.

Глава V

*Кто не изведал, как слабы, пусты
Слова перед величьем красоты?
Чей разум был достаточно силен,
Чтобы, восторгом дивным ослеплен,
Не затуманился и не признал хоть раз
Могущество и власть прекрасных глаз?*

Байрон

Эту ночь Изабелла и Фердинанд вместе с кастильским и арагонским дворами впервые провели в стенах Альгамбры. Сразу же после того, как закончилась церковная служба и отзвучал последний молебен, во дворец хлынула целая толпа, за которой, сохраняя подобающую им неторопливость и достоинство, проследовали и государи. Более юные придворные разбрелись по знаменитым дворам и роскошным залам, любуясь красотами дворца, приводившими в восторг их жен и сестер: дело в том, что затянувшаяся осада привлекла к стенам Гранады гораздо больше представительниц прекрасного пола, чем этого требовалось для свиты королевы. Осмотр затянулся до ночи, и лишь темнота на время умерила общее любопытство. Особый интерес вызывал Львиный двор, оставленный Баобдилом в лучшем состоянии,—восточная прелесть этого двора, вернее, то, что от нее сохранилось, до сих пор славится по всему свету. Несмотря на зимнее время, там все утопало в цветах, взращенных искусными руками. Смежные залы — зал Двух Сестер и зал Абенсеррахов¹ — были ярко освещены и заполнены пестрыми толпами придворных, воинов, почтенных священнослужителей и разряженных красавиц.

¹ Абенсеррахи — эмиры из династии, основанной Юсуфом ибн Насером в XIII веке, владевшие Гранадой до 1492 года.

Альгамбра настолько превосходила все остальные дворцы, возведенные магометанами на Пиренейском полуострове, что даже испанцы, привыкшие к особенностям легкой мавританской архитектуры, были поражены свежестью, новизной и одновременно царственным величием этого сооружения. Стены были украшены сложными резными узорами — искусство чисто восточное, неведомое европейцам, — и причудливыми, изящными арабесками, созданными изумительной фантазией величайших мастеров, искусство которых дожило до наших дней и теперь известно повсюду, разве что за исключением Нового Света. Струи фонтанов сверкали во дворах, рассыпаясь алмазными брызгами.

В толпе придворных, прогуливавшихся среди всей этой поистине сказочной роскоши, находилась и Беатриса де Бобадилья, давно уже ставшая женой дона Андреса де Кабрера маркиза де Мойя и теперь носившая его имя. Она по-прежнему оставалась ближайшей и самой доверенной подругой королевы, с которой ее разлучила только смерть последней. На руку маркизы де Мойя легко опиралась юная девушка такой редкой красоты, что мало кто проходил мимо, не оглянувшись, чтобы еще хоть раз посмотреть на столь необычное лицо и фигуру. Это была донья Мерседес де Вальверде, одна из самых богатых и знатных наследниц Кастилии, подопечная, родственница и приемная дочь королевской подруги — именно подруги, потому что слово «фаворитка» никак не соответствовало отношениям между доньей Беатрисой и Изабеллой. Однако вовсе не красота делала Мерседес такой необыкновенной и привлекательной: несмотря на всю ее женственность, изящество и бесспорную прелесть черт, она бы затерялась в толпе более блестящих придворных красавиц. Но ни у одной кастильской девушки не было столь одухотворенного лица, как у Мерседес, или правильнее было бы сказать, что лицо ее отличалось редкой для женщин выразительностью: сияние души, доброта и чувствительность светились в каждой его черточке. К тому же сейчас оно было ясно и безмятежно, а легкая тень грусти только придавала Мерседес особую привлекательность, ничем не умаляя ее красоты.

По другую сторону от маркизы де Мойя шел Луис де Бобадилья, чуть опережая свою знатную тетку и стараясь поймать взгляд Мерседес. Временами, преодолевая смущение, она обращалась к нему, и тогда ее прекрасные синие глаза встречались с горящими черными глазами юноши. Все трое непринужденно болтали о чем придется; король и королева уже удалились в свои покои, а разбившиеся на группы придворные были полностью поглощены новизной обстановки и своими разговорами.

— Нет, это просто какое-то чудо! — воскликнула донья Беатриса, продолжая беседу, явно интересовавшую всех троих. — Как случилось, что ты, морской бродяга и отчаянная голова, до сих пор ничего не слышал о Колумбе? Ведь он уже столько лет добивается высочайшей поддержки короля и королевы для осуществления своих планов! Кстати, они уже обсуждались на особом совещании в Саламанке. Да и при дворе у него есть сторонники.

— Например, донья Беатриса де Кабрера, — проговорила Мерседес с чуть грустной улыбкой, похожей на отблеск скрытого в глубине души светлого пламени. — Я часто слышала от ее высочества, что вы самая ярая защитница Колумба во всей Кастилии.

— Ее высочество редко ошибается, дитя мое, а в отношении меня — никогда. Да, я поддерживаю этого человека, ибо верю, что он из тех, кто предназначен для великих и славных дел. А то, что он предлагает, намного превосходит самые смелые человеческие планы и даже мечты! Подумай только о людях, обитающих по ту сторону земли, о прямых и коротких путях к ним, о возможности принести им блага нашей святой церкви!

— Конечно, тетушка, конечно! — смеясь, воскликнул Луис. — А вы подумайте о том, какой у вас будет вид в их чудесной компании, когда вам придется прогуливаться вверх ногами, вниз головой! Надеюсь, этот Колумб уже приобрел опыт в таком способе передвижения — без долгой практики там вряд ли можно твердо стоять на ногах! Я бы на его месте начал с окрестных гор, как с букваря: пусть вперед научится ходить по крутым склонам, держась к ним под прямым углом. После этого пусть переходит к грамма-

тике: стены и башни Альгамбры послужат ему подходящими ступеньками к новым успехам!

Мерседес инстинктивно сжала руку своей опекуни, когда та призналась, что верит в великий замысел генуэзца; насмешки же дона Луиса огорчили ее. Она нахмурилась и бросила на юношу взгляд, полный укоризны. Дон Луис больше всего на свете желал завоевать любовь воспитанницы своей тетки, и одного ее неодобрительного взгляда порой бывало достаточно, чтобы погасить кипучую жизнерадостность, которая часто толкала его на вздорные и легкомысленные поступки, в действительности не соответствовавшие серьезности его ума и характера. Теперь же, уловив такой взгляд, он постарался как можно скорее исправить свою ошибку, а потому, едва закончив последнюю фразу, тут же добавил:

— Но я вижу, донья Мерседес тоже принадлежит к партии Колумба. Похоже, он пользуется гораздо большим успехом у кастильских дам, чем у кастильских грандов!

— И в этом нет ничего удивительного, — с задумчивым видом прервала его девушка. — Женщины вообще более чутки ко всему благородному, более восприимчивы к смелым мыслям и более ревностны в богоугодных делах, чем мужчины.

— Наверно, так оно и есть, раз уж вы и моя тетушка донья Беатриса стали на сторону мореплавателя. Однако я хочу, чтобы вы меня поняли правильно: мои слова не всегда соответствуют моим мыслям.

Услышав такое признание, Мерседес лукаво улыбнулась, а дон Луис продолжал:

— Я ведь не обучался искусству менестрелей и красноречию служителей церкви. Говоря по чести, меня самого поразили этот благородный замысел, и, если сеньор Колумб действительно отправится на поиски Катая и нового пути в Индию, я буду просить ее высочество отпустить меня вместе с ним. Сейчас, когда мавры побеждены, рыцарю нечего делать в Испании.

— Если ты и в самом деле отправишься в Китай, — с иронией заметила донья Беатриса, — там наверняка окажется по крайней мере один человек,

который ходит на голове. Однако я вижу, меня ищет придворный; наверно, ее высочество ждет меня.

Маркиза де Мойя была права: посланец королевы сообщил, что Изабелла хочет ее видеть.

Поздний час и строгие нравы Кастилии не позволяли Мерседес продолжать прогулку в сопровождении только Луиса, поэтому донья Беатриса отвела их к себе. В соответствии с ее высоким титулом и положением при дворе маркизе предоставили один из бесчисленных роскошных покоев мавританского властителя. Но даже здесь донья Беатриса снова заколебалась, не решаясь оставить воспитанницу наедине со своим легкомысленным племянником.

— Впрочем, этот морской бродяга, к счастью, не трубадур и не станет тебя прельщать рифмованными небылицами,— наконец сказала она, обращаясь к Мерседес.— Конечно, было бы проще отправить его распевать серенады внизу, под твоим балконом, но, хорошо зная его бестолковость, я, пожалуй, доверю тебя ему на несколько минут, пока не вернусь. У этого кавалера так сильно отвращение к неестественным позам, что он вряд ли бросится на колени даже ради улыбки самой прелестной девушки во всей Кастилии!

Дон Луис расхохотался, донья Беатриса улыбнулась, поцеловала свою воспитанницу и вышла, оставив Мерседес в полнейшем смущении: щеки ее пылали и она не решалась поднять глаз.

Луис де Бобадилья давно уже был общепризнанным поклонником и верным рыцарем Мерседес де Вальверде, однако, несмотря на знатность, богатство, связи и привлекательность, что-то мешало его полному успеху. Казалось бы, все благоприятствовало такому браку, и все же донья Беатриса никак не могла преодолеть свои предубеждения. Необычайно строгая к себе, воспитанная своей царственной госпожой в духе непреклонной справедливости, слишком гордая, чтобы решиться на какой-либо неблагоприятный поступок, маркиза де Мойя колебалась уже потому, что этот брак давал ее племяннику слишком большие преимущества.

Кастильская строгость и сдержанность были мало свойственны дону Луису, к тому же его естественную живость многие принимали за суетность и легкомыс-

лие. Его мать происходила из очень знатного французского рода, поэтому гордые кастильцы полагали, что дон Луис унаследовал от нее склонность к некой фривольности, которая считалась врожденным недостатком всей французской нации. Может быть, именно сознание, что на родине к нему относятся несправедливо, и заставило юношу пуститься в странствия по чужим землям. По возвращении, подобно всем наблюдательным путешественникам, он еще яснее видел недостатки своей страны и общества, еще острее ощущал отчужденность от всех тех, кто бы мог стать его ближайшими друзьями, и опять отправлялся в дальние страны. Лишь рано вспыхнувшая и все возраставшая любовь к Мерседес каждый раз заставляла его возвращаться в Кастилию. Так и теперь: он вернулся только ради нее и, к счастью для себя, успел принять участие в осаде Гранады.

Несмотря на эту особенность своего беспокойного нрава, которая в такой стране, как Испания, считалась по меньшей мере странностью, Луис де Бобадилья оставался рыцарем, достойным своего рода и имени. Подвиги на поле боя и на турнирах принесли ему заслуженную славу, которую не могли поколебать разговоры обо всех его так называемых недостатках. Впрочем, его считали скорее юношей дерзким и даже опасным, чем порочным или сбившимся с пути. За воинские доблести, особенно в те времена, прощали многое, а дон Луис прославился на всю Испанию, когда выбил из седла самого Алонсо де Охеду, опытного турнирного бойца. Такому человеку нельзя было указать на дверь, но это не мешало относиться к нему с недоверием. Однако поведение тетки Луиса в равной степени определялось особенностями не только его, но и ее собственного характера.

Донья Беатриса прекрасно понимала и глубоко ценила истинные достоинства своего племянника, ускользавшие от поверхностных наблюдателей, и все-таки не решалась выдать за него богатую невесту, доверенную ее заботам. Родство между Луисом и Мерседес было слишком близким, и многие отнеслись бы к их браку с неодобрением. Кроме того, она боялась своего пристрастного отношения к Луису. А что, если он на самом деле окажется тем ветрогоном, каким его

считают строгие кастильцы? Ведь тогда счастье ее воспитанницы будет принесено в жертву недостойному человеку! Такого рода сомнения заставляли донью Беатрису довольно холодно смотреть на ухаживания своего племянника за Мерседес, хотя втайне она желала этого брака. Она не могла совершенно прекратить их встречи без достаточно веских на то оснований, однако не раз выражала Мерседес свое недовольство и старалась никогда не оставлять столь привлекательного поклонника наедине со своей воспитанницей, хотя делать это было довольно трудно, потому что он частенько гостил в их доме.

Что же до чувств Мерседес, то о них никто не знал, кроме нее самой. Она была хороша собой, из знатной семьи, и ее ожидало богатое наследство. Ей не раз приходилось слышать о мнимых недостатках дон Луиса от тех, кто завидовал его удачам и красоте: ведь в XV веке, так же как и сегодня, пороки часто скрывались за приятной внешностью! При таких обстоятельствах лишь немногие девушки решились бы открыто выказать свои чувства, пока еще не сделан окончательный выбор и не принято решение связать с любимым свою судьбу наперекор всему свету. Пылкая восторженность, столь свойственная юной кастильской красавице, умерялась природной осмотрительностью, которая удерживала ее от поспешных решений. Этому способствовали и всякие условности, обычно связывавшие девушек ее положения. Поэтому даже сам дон Луис, следивший за каждым ее взглядом и жестом с нетерпением и проницательностью влюбленного, так и не знал, сумел он тронуть ее сердце или нет. Но сейчас благодаря непредвиденному стечению обстоятельств, от которых часто зависят судьбы людей влюбленных и не влюбленных, все эти сомнения должны были разрешиться самым внезапным и непредвиденным образом.

Победа испанского оружия, новизна обстановки, события всего этого шумного дня взволновали Мерседес, и ее чувства, обычно глубоко скрытые и подавляемые девичьей застенчивостью, сегодня рвались наружу. Она, чья улыбка всегда была приятна, глаза всегда ясны, а лицо вспыхивало от малейшего душевного волнения, в тот вечер улыбалась особенно радо-

стно, глаза ее сверкали еще ярче и румянец на щеках полыхал еще горячее.

Когда донья Беатриса вышла из комнаты, оставив молодых людей наедине впервые после возвращения Луиса из последнего путешествия, Мерседес опустилась на роскошный диван, где лишь накануне возлежала одна из принцесс рода Абдаллахов, а юноша поспешил устроиться на низеньком табурете у ног своей возлюбленной.

— Я всегда чтил нашу королеву,— быстро заговорил Луис,— но сейчас моя признательность и уважение к ней многократно возросли! Жаль только, что она послала за моей любимой тетушкой всего один раз,— три было бы втрое лучше! И дай бог, чтобы ее присутствие было столь необходимо нашей повелительнице, чтобы без нее она не могла решить ни одного государственного вопроса и вообще держала ее при себе как можно дольше! Тогда бы я воспользовался счастливым случаем и наконец высказал вам мои чувства, донья Мерседес!

— Луис де Бобадилья, я слышала, что чувства глубже всего вовсе не у тех, кто больше всех и громче всех о них говорит.

— Но и у таких людей есть чувства! Мерседес, как можете вы сомневаться в моей любви? Она росла вместе со мной, зрела вместе с моим разумом и теперь настолько с ним неразрывна, что, о чем бы я ни думал, передо мной возникает ваш образ. Я вижу вас во всем, что есть на земле прекрасного! В пении птиц я слышу ваш голос и звуки вашей лютни, а теплый ветер с благоуханных островов кажется мне вашим дыханием.

— Вы чересчур долго вкушали легкомыслие французского двора, дон Луис, и, видно, успели забыть, что у кастильских девушек простые и искренние сердца—им ни к чему нежные серенады!

Будь наш герой постарше или поопытнее в обращении с женщинами, он бы только обрадовался такому ответу, а в особенности тому, каким тоном он был высказан. Но Луис этого не понял.

— Вы жестоко несправедливы ко мне! Как можно называть это «серенадами»? Я могу сомневаться в своих собственных мыслях и чувствах, но все, что

произносят мои уста, подсказано сердцем. Вспомните, Мерседес, ведь я люблю вас с самого детства! Уже тогда вы стали для меня единственной, хотя мы оба еще были детьми, увлеченными играми и забавами невинного возраста.

— Да, поистине невинного,—повторила Мерседес, и взгляд ее загорелся, словно светлые воспоминания о веселых проказах тех дней подбавили в него огня. И разом, в одно мгновение, рухнула стена, которую возвели между ними годы постоянных наставлений и поучений.—Вот тогда вы действительно были искренни, Луис! Тогда я всей душой верила в вашу дружбу, верила, что вы с радостью исполняете мои желания.

— О, спасибо, спасибо вам за эти драгоценные слова, Мерседес! Первый раз за два года вы говорите со мной откровенно, впервые называете меня просто Луисом, без этого проклятого титула «дон»!

— Кастильский дворянин не может забывать о своем высоком звании и не должен позволять этого другим,—ответила наша героиня с таким видом, словно уже сожалела о допущенной ею фамильярности.—Благодарю вас за то, что вы сразу мне об этом напомнили, дон Луис де Бобадилья.

— Что за несчастный у меня язык — всегда болтает не то, что нужно! Но подумайте, разве мои слова, и дела, и все помыслы не говорят о желании служить вам одной, прекрасная Мерседес? Когда сама королева приветствовала мою победу на последнем турнире, разве не вас искал я глазами? Разве было у вас хоть одно желание, которое я тотчас не бросился бы исполнить?

— Было, Луис. Осмелюсь напомнить вам, что я была против вашего последнего путешествия на север, но вас это не удержало. Я чувствовала, что донья Беатриса недовольна: ваша любовь к странствиям ей не по душе, она боится, что так вы совсем превратитесь в бродягу и навлечете на себя немилость королевы.

— Знаю: вы только потому и хотели меня удержать, но вместо этого лишь оскорбили мое самолюбие. Мне было горько думать, что Мерседес де Вальверде судит обо мне так плохо, что действительно опасается,

как бы человек с моим именем и положением не связался с шайкой пиратов!

— Откуда вы знаете, что я так о вас думала?

— Если бы вы попросили меня остаться ради вас, Мерседес,—нет, если бы вы даже возложили на меня тягчайшие обязанности, как на своего рыцаря, или подарили мне хоть каплю вашей благосклонности, я бы скорее расстался с жизнью, чем с Кастилией! Но даже ласкового взгляда я не получил в награду за все, что мне пришлось за вас выстрадать...

— Выстрадать, Луис?

— Разве это не страдание и не мука? Я люблю вас так, что готов целовать землю, по которой вы ступаете, а в ответ—ни доброго слова, ни дружеского взгляда, ни единого знака, который бы говорил, что та, чей образ я храню в душе, как святыню, относится ко мне хоть немного иначе, чем к беззаботному бродяге и ветреному искателю приключений!

— Луис де Бобадилья, тот, кто знает вас по-настоящему, не может о вас так думать!

— Тысячу благодарностей за эти добрые слова и еще десять тысяч—за ласковую улыбку, которая их сопровождала! А теперь, любимая, я готов исполнить любое ваше желание...

— Мое желание, дон Луис?

— Готов претерпеть самые суровые упреки в нескромности и неприличии, лишь бы вы снизошли до меня и сказали, почему вам не безразличны мои поступки, почему они доставляют вам радость или, скажем, огорчение.

— Но как же может быть иначе? Разве вы, Луис, могли бы равнодушно следить за судьбой человека, которого знали с детства и уважали как друга?

— «Уважали»! Ах, Мерседес, неужели большего я не заслужил?

— Это совсем не мало, Луис, когда уважают. Тот, кто ценит добродетель, не отдаст своё уважение недостойному, а вас, зная ваше золотое сердце и рыцарскую доблесть, невозможно не уважать. К тому же я никогда ни от кого не скрывала своего уважения к вам.

— Вы говорите это так, словно нечто другое скрываете. Ах, Мерседес, будьте снисходительны до конца!

Признайтесь, что к чувству уважения примешивалось, пусть изредка, пусть совсем робко, но другое, более нежное чувство! Признайтесь!

Мерседес вспыхнула, однако и на сей раз не дала желанного ответа. Некоторое время она молчала. А когда заговорила, то голос ее звучал неуверенно и часто прерывался, словно она сама не знала, нужно ли и можно ли говорить о том, что она собиралась сказать.

— Вы много путешествовали, Луис, много бывали в дальних краях и даже навлекли на себя кое-чье недовольство своей любовью к бесконечным скитаниям,—осторожно начала Мерседес.—Почему бы вам снова не завоевать доверие вашей тетушки тем же самым способом, каким вы его потеряли?

— Я вас не понимаю. Вы воплощение осторожности,—и вдруг такой странный совет!

— Люди скромные и осторожные хорошо обдумывают свои поступки и слова, и таким можно верить. Если не ошибаюсь, смелый замысел Колумба порастил вас, хотя вы и пытались скрыть это за насмешливыми речами.

— Отныне я буду относиться к вам еще с большим уважением, Мерседес, потому что, несмотря на мое дурацкое поведение и легкомысленную болтовню, вы сумели разглядеть истинное чувство, затаенное в самой глубине моей души. Да, вы не ошиблись! С тех пор как я услышал об этом грандиозном плане, он не выходит у меня из головы. Образ генуэзца теперь все время появляется рядом с вашим, любимая, он у меня в сердце и перед глазами. И мне кажется, что в его словах должна быть доля истины: столь благородный замысел не может состоять из одной лжи!

Мерседес не сводила с дона Луиса пристального взгляда, и огромные прекрасные глаза ее постепенно разгорались тем ярким огнем восторга, который обычно бывает глубоко скрыт и вспыхивает лишь в минуты сильного душевного волнения.

— Да, в нем не может быть лжи!—торжественно проговорила Мерседес.—Само небо внушило генуэзцу его высокий замысел, и рано или поздно он докажет свою правоту. Представьте себе, что корабль обогнул всю землю, далекие восточные и жаркие страны

приблизилась к нам и тень креста осенила даже опаленный солнцем Катай! Это возвышенные, смелые мечты, Луис, и тот, кто может их осуществить, тот, кто удостоится чести быть участником столь великого дела, покроет себя неувядаемой славой!

— Клянусь небом, я завтра же с утра найду генуэзца и попрошу его взять меня с собой! Если дело стало только из-за денег, то это легко поправить.

— Вы говорите, как подобает благородному, щедрому и бесстрашному кастильцу!—воскликнула обычно сдержанная Мерседес с несвойственным ей пылом.—Вот слова, достойные Луиса де Бобадилья! Но у нас обоих сейчас не так уж много золота, а для такого дела его понадобится гораздо больше, чем может найтись у простого подданного. Кроме того, в случае успеха Колумб откроет обширные новые земли, которыми надо будет кому-то управлять и распоряжаться, так что подобная экспедиция под силу только нашим государям. Мой могущественный родственник герцог Медина Сели подробно ознакомился с планами Колумба и отнесся к ним одобрительно, как это видно из его писем к королеве. Но даже он считает это дело для себя непосильным и употребил все свое влияние, чтобы склонить нашу повелительницу на сторону генуэзца. Поэтому нечего и думать, что вы один сумеете осуществить столь великое предприятие, если им не заинтересуются наши государи.

— Вы знаете, Мерседес, при дворе я не пользуюсь влиянием и ничем не могу помочь Колумбу! Король слишком холоден, осторожен, неискренен и смотрит косо на всех, кто на него не похож.

— Луис, стыдитесь! Вы находитесь в его дворце, под его кровом и пользуетесь его покровительством и гостеприимством!

— Нет, только не я!—с горячностью возразил юноша.—Это жилище моей царственной повелительницы доньи Изабеллы. Гранада завоевана Кастилией, а не Арагоном. О королеве, Мерседес, вы не услышите от меня ни одного непочтительного слова, ибо она так же благородна, справедлива и добра, как вы. А что касается короля, то у него множество тех же самых недостатков, которые присущи всем нам, корыстным и безнравственным мужчинам. Даже среди самих

арагонцев вряд ли найдется хоть один юный рыцарь с горячей кровью, который бы искренне и честно любил донна Фердинанда. Зато донью Изабеллу боготворит вся Кастилия!

— Может быть, вы отчасти и правы, Луис, но все равно говорить об этом опасно. Дон Фердинанд наш король, и, хотя я не так уже много бываю при дворе, мне кажется, что тем, кто вершит судьбы простых смертных, часто приходится потакать их слабостям, чтобы порочность людей не восстала против самых мудрых решений. Кроме того, как можно искренне любить жену и не уважать ее мужа? Мне кажется, супруги так тесно связаны между собой, что у них один характер, одни достоинства и одни недостатки.

— Надеюсь, вы не станете сравнивать искреннее благочестие и добродетели нашей царственной повелительницы с осторожностью и лукавством нашего погрязшего в интригах короля!

— Я не хочу их сравнивать, Луис. Мы обязаны их одинаково чтить и повиноваться им обоим. И если в донье Изабелле больше искренности и чистосердечия, присущего женщинам, то разве не объясняется это теми различиями, которые существуют между женщиной и мужчиной?

— Если бы я действительно думал, что вы хоть в какой-то мере относитесь ко мне так же, как к этому расчетливому и лицемерному королю Арагонскому, я бы при всей моей любви к вам сбежал куда глаза глядят, чтобы не сгореть со стыда!

— Никто не собирается вас равнять с лицемерами или обманщиками. Просто иногда бывает лучше промолчать, чем говорить правду, а вы этого не умеете, вот как сейчас. А когда вам об этом говорят, у вас делается такой вид, словно вы готовы ринуться на обидчика и пронзить его копьем!

— Должно быть, я не очень-то хорошо выгляжу, если мой вид вызывает у вас подобные мысли, прекрасная Мерседес! — с упрёком ответил юноша.

— Я вовсе не себя имела в виду, — поспешила поправиться Мерседес, и на щеках ее снова вспыхнул румянец. — Ко мне вы всегда были снисходительны и добры, Луис. Я только хотела, чтобы, говоря о короле, вы высказывались осторожнее.

— Ну хорошо. Вы начали говорить о том, что я морской бродяга...

— Нет, нет! Я таких слов не говорила! Это ваша тетушка могла бы так сказать, да и то без всякого намерения вас обидеть. А я сказала, что вы много путешествовали и побывали в дальних краях.

— Хорошо. Возможно, я и заслужил прозвище бродяги, поэтому не стану жаловаться. Вы сказали, что я много странствовал, повидал далекие земли, и с одобрением отзывались о планах генуэзца. Насколько я понял, вы хотите, чтобы я присоединился к этому искателю приключений, не так ли, Мерседес?

— Да, Луис, вы меня правильно поняли. Я считаю, что это смелое предприятие вполне достойно вашего дерзкого разума и вашей воинской доблести. А слава, которую оно вам принесет в случае успеха, заставит забыть все ваши прежние ошибки, совершенные под влиянием горячности и неопытности.

С минуту дон Луис молчал и пристально смотрел на раздумывавшееся лицо Мерседес. Глаза ее сияли огнем возвышенного восторга, но в сердце юноши зашевелился червь ревности и сомнения. Он спрашивал себя, действительно ли это прелестное создание так искренне печется о его судьбе и не кроется ли за желанием отправить его в далекий путь какая-нибудь задняя мысль?

— Больше всего я хотел бы сейчас заглянуть в вашу душу, донья Мерседес,—наконец проговорил он.—Девичья скромность и робость очаровывают и ослепляют нас, делая вашими рабами, и в то же время держат нас в полном неведении. Всем этим чарам я предпочел бы сейчас открытую схватку на поле боя с поднятым забралом! Значит, вы хотите, чтобы я отправился в экспедицию, которую большинство разумных и осторожных людей, в частности дон Фердинанд, коего вы так чтите, считают безумной и обреченной на верную гибель? Если это так, я завтра же отправлюсь куда глаза глядят, лишь бы избавить вас от своего ненавистного присутствия и не мешать вашему счастью!

— Как вы можете говорить так, дон Луис! Что дало вам право для столь жестоких и несправедливых подозрений!—воскликнула Мерседес. Подобное недо-

верие заслуживало самых суровых слов, но, несмотря на всю свою гордость, девушка не могла совладать с собой, и слезы обиды брызнули у нее из глаз.— Вы знаете, что никто здесь не желает вам зла, вы знаете, что все готовы воздать вам должное, хотя от сдержанных и осторожных кастильцев трудно ожидать, чтобы они относились к такому скитальцу, как вы, с тем же одобрением, как к какому-нибудь любезному придворному или добродетельно-суровому рыцарю.

— Простите меня, дорогая Мерседес, но ваша холодность и неприязнь порой сводят меня с ума!

— Холодность! Неприязнь! Как вам не совестно, Луис де Бобадилья! Когда Мерседес де Вальверде была такой с вами?

— Боюсь, что и сейчас донья Мерседес де Вальверде подвергает меня подобному испытанию.

— В таком случае, вы просто не понимаете моих побуждений и дурно судите о моем сердце. Нет, Луис, я не испытываю к вам неприязни и не могу быть с вами холодна. Но раз подобные подозрения настолько овладели вами и причиняют вам страдание, я постараюсь говорить яснее. Я даже готова поступиться своей девичьей гордостью, позабыть о сдержанности и осторожности, приличествующих моему положению, лишь бы избавить вас от сомнений, хотя и знаю, что потом вы можете подумать обо мне бог весть что и, может быть; даже снова устремитесь очертя голову в какое-нибудь невообразимое плавание на поиски новых приключений. Но все равно, я скажу: советуя вам присоединиться к Колумбу и добровольно принять участие в осуществлении его благородного замысла, я заботилась только о вашем счастье. Сколько раз, снова и снова вы клялись, что ваше счастье...

— Мерседес! О чем вы говорите? Мое счастье— это вы!

— А для того, чтобы я была с вами, вам нужно оправдать в глазах людей вашу склонность к бродяжничеству каким-либо достойным делом, которое принесет вам славу, побудит донью Беатрису выдать свою воспитанницу за своего дерзкого племянника и завоюет вам расположение доньи Изабеллы.

— А ваше? Поможет ли мне это плавание завоевать вас, вашу благосклонность?

— Луис, если вы так уж хотите это услышать, — вы уже завоевали меня... Нет, нет, умерьте вашу пылкость и выслушайте меня до конца! Я призналась вам в том, о чем девушке не следовало бы говорить, но больше я не забудусь. Без доброго согласия моей опекуниши и милостивого одобрения ее высочества я ни за кого не выйду замуж, даже за вас, Луис де Бобадилья, как ни дороги вы моему сердцу...

Слезы нежности навернулись у нее на глаза, мешая говорить, но она продолжала:

— Я не могу выйти замуж без одобрения тех, кто имеет право радоваться или печалиться за судьбу одной из наследниц рода Вальверде. Мы с вами не пастух и пастушка, нас должен венчать епископ в кругу многочисленных друзей, приносящих нам свои искренние поздравления. Ах, Луис, вы упрекнули меня в холодности и безразличии...— Подавленное рыдание на миг прервало речь благородной девушки.— Нет, молчите, слушайте меня! Пока сердце переполнено, дайте мне излить душу, потому что потом стыд и сожаление заставят меня горько раскаиваться в своей откровенности. Не все были так же слепы, как вы! Наша милостивая королева прекрасно разбирается в женской душе и давно уже открыла то, чего вы никак не хотели видеть. Только ее прозорливость и мудрость помешали мне давно уже открыть вам все или хотя бы часть того, в чем я сейчас призналась вам, сама того не желая...

— Как, неужели донья Изабелла тоже против меня? Неужели мне придется убеждать ее так же, как мою слишком рассудительную и не в меру щепетильную тетюшку?

— Луис, горячность делает вас несправедливым. Донья Беатриса де Мойя никогда не была ни слишком рассудочной, ни излишне щепетильной, она только осторожна. Более верного и более благородного друга, чем она, трудно сыскать, а по характеру она сама искренность и простота. Многое из того, что мне дорого в вас, перешло к вам из ее рода, и за это вы должны ее только благодарить. Что касается ее высочества Изабеллы, то ее достоинства мне, надеюсь, не придется защищать. Вы сами знаете, что она относится к своим подданным, как родная мать, что для нее

мы все одинаково дороги, во всяком случае все, кого она знает, и что если она что-нибудь делает, то лишь из добрых чувств и осторожности, внушенной мудростью поистине бесконечной, как выразился при мне один кардинал.

— Ах, Мерседес, когда вся Кастилия служит тебе тронem, а Леон и другие богатейшие провинции — скамеечкой для ног, не так уж трудно быть осмотнительной, мудрой и доброй!

— Дон Луис! — прервала его девушка с поистине не женской твердостью и чисто женской искренностью. — Если вы хотите сохранить мое уважение, никогда не говорите так о моей высокой госпоже! Все, что она сделала для меня, было сделано из материнских побуждений, с материнской добротой, а теперь, после ваших несправедливых слов, я бы прибавила — и с материнской осмотнительностью!

— Простите меня, любимая, обожаемая Мерседес! После того, что вы мне так великодушно доверили, вы мне в тысячу раз дороже и ближе. Но я не успокоюсь, пока не узнаю, что говорила о нас с вами королева.

— Вы знаете, как она всегда была ласкова и милостива ко мне, Луис, и как я должна быть благодарна ей за снисходительность и доброту. Не знаю, как это случилось, но даже ваша тетушка ничего не подозревала о моих чувствах к вам, так же как и все прочие мои родственники. А вот королева проникла в мою тайну еще тогда, когда она была скрыта от меня самой. Вы помните турнир, после которого вы тотчас покинули нас и отправились в свое последнее безумное путешествие?

— Конечно, помню! Только ваша холодность в миг моего торжества, когда я вышел победителем, заставила меня бежать из Испании куда глаза глядят, хоть на край света!

— Если бы этого было достаточно, чтобы добраться до края света, все препятствия были бы уже сейчас устранены и мы бы зажили счастливо, ни о чем больше не думая, — проговорила Мерседес с лукавой улыбкой, но тут же голос и взгляд ее смягчились, и она ласково прибавила: — Но боюсь, что вы просто подвержены приступам безумия и никогда не перестанете стремиться на край света, а то и дальше.

— Одного вашего слова достаточно, чтобы я навсегда осел на одном месте, как эти башни Альгамбры. Одной вашей улыбки в день довольно, чтобы приковать меня к вам крепче, чем пленного мавра. Любуясь вашей красотой, я позабуду обо всем на свете!.. Но что же ее высочество — вы не рассказали о том, что говорила королева.

— Тогда вы одержали победу, Луис! Весь цвет кастильского рыцарства участвовал в этом турнире, но с вами никто не мог сравниться. Даже Алонсо де Охеда был выбит из седла вашим копьем! Ваше имя было у всех на устах, все восхваляли вас и готовы были забыть ваши прошлые ошибки. Все, кроме одного человека.

— И это были, конечно, вы, жестокая Мерседес!

— Вы должны меня знать лучше, несправедливый Луис! Я в тот день видела на турнирном поле только благородного, великодушного и мужественного рыцаря, наделенного всеми рыцарскими достоинствами. Самой осмотрительной оказалась королева. После окончания торжества она призвала меня в свою ложу, почти час милостиво и ласково беседовала со мной и лишь после этого коснулась наконец истинного существа дела. Она заговорила, Луис, о нашем христианском долге, о долге женщин, а главное — о тех торжественных обязательствах, которые возлагает на нас брак, и о многих неизбежно связанных с ним трудностях, если не страданиях. Она растрогала меня до слез своей материнской добротой и взяла с меня обещание, которое я подтвердила добровольным обетом, что, пока она жива, я не пойду под венец без ее личного благословения или, по крайней мере, письменного согласия в случае ее болезни или отсутствия.

— Клянусь святым Денисом Парижским! Королева воспользовалась вашим чистосердечием и добротой душевной, чтобы настроить вас против меня!

— Нет, Луис, ваше имя даже не было ни разу упомянуто! И я бы не стала вам говорить об этом, если бы в продолжение всего разговора не думала только о вас. Не знаю, для чего королева взяла с меня такое обещание, но ваш образ все время стоял передо мной, и — я чувствую сердцем, хотя, может быть, и ошибаюсь, — мне кажется, она это сделала, чтобы я не

вышла за вас без ее согласия. Однако материнское сердце и доброта доньи Изабеллы всем известны, и я не сомневаюсь, что она пойдет навстречу моим желаниям, когда убедится, что я сделала достойный выбор, хотя чересчур осторожным людям такая уверенность может показаться не совсем обоснованной.

— Значит, вы думаете, Мерседес, вы чувствуете сердцем, что королева взяла с вас это обещание, опасаясь именно меня?

— Да, я так думаю, потому что, как я уже призналась наперекор своей девичьей гордости, в тот день вы не выходили у меня из головы. После вашей победы все только о вас и говорили, так что неудивительно, если я тоже о вас думала.

— Мерседес, вы не станете отрицать: королева выманила у вас этот обет из страха передо мной!

— Конечно, стану отрицать! И впредь уже не буду с вами так откровенна: вы мне дали хороший урок. Но как вы можете говорить, что королева сделала что-то из страха перед вами? О вас она просто не думала. Она по-матерински заботилась обо мне. Не стану скрывать: возможно, ваше умение нравиться и вызвало ее опасение, что девушка — сирота вроде меня, больше доверяющая своим чувствам, нежели рассудку, может по неосторожности выйти замуж за человека, которому дальние страны дороже семьи, собственного дома и родовых замков.

— И вы намерены исполнить свой обет?

— Луис! Вы не думаете о том, что говорите, иначе вы бы не задали мне такой вопрос! Какая христианка забывает о своих обетах, будь то паломничество или покаяние? И почему я должна быть хуже других? Кроме того, даже не будь этого обета, одного пожелания из королевских уст достаточно, чтобы удержать меня от брака. Донья Изабелла моя государыня, моя госпожа, даже больше — моя мать. Даже донья Беатриса не печется так о моем счастье, как ее высочество. Прошу вас, Луис, выслушайте меня, не протестуйте и не перебивайте! Много лет я терпеливо внимала вашим речам; сегодня моя очередь говорить, а ваша — слушать. Я не думаю, чтобы королева имела в виду именно вас, когда я давала это обещание. Заметьте: давала добровольно, никто у меня его не «вымани-

вал», как вы посмели выразиться о ее высочестве! Может быть, донья Изабелла видела в ваших ухаживаниях за мной какую-то опасность для меня и, наверно, полагала, что такой непоседливый муж вряд ли даст семье счастье. Но, если даже ее высочество отнеслась к вам несправедливо, Луис, если донья Изабелла не сумела оценить ваше благородное и великодушное сердце, то это лишь потому, что она обманулась в вас, как и многие другие при дворе. Но разве можно ее винить за то, что она вас плохо знает? Сколько раз вы покидали Кастилию! А когда возвращались, разве вы достаточно ревностно относились к своим обязанностям при дворе, которые налагают на вас знатный род и долг перед королевой? Разумеется, ее высочество и все ее окружающие оценили ваше воинское искусство на турнире. Во время этой последней войны с маврами вас тоже нередко превозносили за славные подвиги. Но если ум женщины восхищается силой и мужеством, то сердце мечтает об иных, менее громких и более постоянных достоинствах своего избранника, столь необходимых для счастья в тесном семейном кругу у домашнего очага. Это донья Изабелла поняла, почувствовала и испытала на себе, хотя ее брак с королем Арагонским и можно назвать счастливым. Что же удивительного, если она и мне желает того же? Нет, Луис, страсть ослепила вас, и вы несправедливы к нашей королеве. А ведь сейчас вам надо завоевать ее расположение, если, конечно, вы искренне хотите получить мою руку.

— Но как это сделать, Мерседес? Мавры побеждены, а среди наших рыцарей вряд ли найдется хоть один, кто даже ради вас рискнет сразиться со мной!

— Такие подвиги королеве не нужны, а мне — тем более! Мы уже знаем вас как доблестного рыцаря. Вы сами сказали, что никто не захочет скрестить с вами копья, и, уж конечно, никто не станет потакать подобным безумствам. Лучше всего вы сможете заслужить благосклонность королевы с помощью того же Колумба.

— Кажется, я начинаю понимать. Однако мне хотелось бы услышать все до конца из ваших уст.

— В таком случае, я буду говорить так ясно, как только смогу, — продолжала пылкая кастильянка, все

больше воодушевляясь, и нежное лицо ее разгоралось все жарче, словно озаряемое внутренним огнем.— Вам уже известны планы сеньора Колумба и то, как он надеется их осуществить. Я была еще ребенком, когда он впервые прибыл в Кастилию, чтобы уговорить двор помочь ему в этом великом предприятии, и я знаю, что королева много раз была готова оказать ему содействие, если бы ее не удерживало равнодушие дона Фердинанда и ограниченность ее министров. Думаю, что она и сейчас относится к планам Колумба благосклонно: это видно хотя бы из того, что, когда он недавно просился со всеми, намереваясь покинуть Испанию и обратиться за поддержкой к другим государям, его удержали по настоянию отца Хуана Переса, бывшего исповедника ее высочества. Теперь Колумб здесь, как вы уже знаете. Он с нетерпением ждет аудиенции, и надо только напомнить королеве, чтобы она ее не откладывала. Если он получит каравеллы, которые просит, многие дворяне, без сомнения, захотят принять участие в его экспедиции: ведь в случае успеха она принесет всем его спутникам неувядаемую славу! И вы тоже могли бы быть в их числе.

— Даже не знаю, Мерседес, что и думать о таком предложении. Как-то странно, когда человека, к которому питают добрые чувства, стараются отправить в экспедицию, откуда он может вообще не вернуться!

— Бог вас сохранит!— воскликнула девушка.— Вы отправитесь в путь ради славы господней, и он будет сам направлять и защищать ваши каравеллы своей могучей десницей!

Дон Луис де Бобадилья только улыбнулся. Он был далеко не столь религиозен, зато о реальных опасностях, подстерегающих мореплавателей, знал куда больше своей возлюбленной. Однако побуждения Мерседес теперь были ему ясны, хотя он и поспешил выразить свои сомнения. Да и само это плавание вполне отвечало его любви к странствиям и жажде новых опасностей и приключений. И Луис и Мерседес вполне сознавали, что в легкомыслии и в пристрастии к бродяжничеству его упрекали в общем-то не зря и что это служило единственным препятствием на пути к их счастью. Поэтому сейчас ему не понадобилось много времени, чтобы сообразить, как и чем он может

завоевать расположение доньи Изабеллы и добиться ее согласия на брак с Мерседес. Однако кое-что все еще было Луису неясно.

— Если королева расположена поддержать этого Колумба, почему он до сих пор ничего не получил?—спросил юноша.

— Этому мешали война с маврами, пустая сокровищница и холодное равнодушие короля.

— А не будет королева смотреть на всех спутников Колумба как на вздорных безумцев, когда мы вернемся с пустыми руками, что наиболее вероятно,—если только вообще вернемся?

— Это совсем не похоже на донью Изабеллу! Если она сама примет участие в великом предприятии, то сделает это во славу божью, а потому все, кто добровольно отправится вместе с Колумбом, уподобится в ее глазах крестоносцам, рыцарям гроба господня. А неудачи нечего опасаться, Луис! Вы вернетесь со славой, которая возвеличит вашу будущую жену и позволит ей гордиться вашим именем.

— Вы самая милая и восторженная защитница великих дел, Мерседес! Если бы можно было взять вас с собой, лучшего товарища в плавании я бы не стал искать!

Мерседес как могла ответила на эти лестные и, несомненно, искренние слова, после чего беседа между влюбленными приняла более спокойный и рассудительный характер. Дону Луису удалось смирить свое нетерпение. Великодушная доверчивость Мерседес, с какой она постепенно открыла ему свое сердце, а также ее глубокая вера в успех в конце концов убедили его. Теперь дон Луис смотрел на это предприятие как на достойное всяческого внимания, а не только как на повод удовлетворить свою неумную страсть к приключениям.

Королева задержала донью Беатрису, и влюбленные провели с глазу на глаз целых два часа. Когда же маркиза де Мойя вернулась, ее беззаботный, непоседливый, но великодушный и доблестный племянник поспешил распрощаться:

Однако Мерседес и ее опекунша не спали до самой полуночи. Девушка поспешила обо всем рассказать маркизе и объяснить, что теперь все ее надежды

связаны с предприятием Колумба. Донья Беатриса была и обрадована, и огорчена этой исповедью, но в то же время не могла удержаться от улыбки перед такой изобретательностью любви, связавшей воедино великий план генуэзца с достижением личного счастья. Но по-настоящему сердиться она не могла. Луис де Бобадилья был сыном ее единственного, горячо любимого брата, и она невольно переносила на сына чувства, которые питала к отцу. Да и все, кто знал его, не могли не оценить привлекательного и благородного юного рыцаря, хотя людей более осмотрительных и настораживала его излишняя смелость. Он мог бы при желании выбрать себе жену среди самых знатных красавиц Кастилии, и ничто не помешало бы ему, разве только какие-нибудь высшие соображения или совершенно необычные обстоятельства, препятствующие заключению брака. Поэтому маркиза охотно слушала свою воспитанницу, и, когда они наконец расстались на ночь, бесхитростная исповедь Мерседес, ее пылкое красноречие и наивная нежность почти окончательно привлекли донью Беатрису на сторону влюбленных.

Глава VI

*Попристальней взглядишь во тьму веков
И сам скажи: что сотворило время
С толпой ученых, мудрых стариков,
Познавших все и позабытых всеми,
Иль с воинами славными, пред кем
Весь мир дрожал? Внимательно взгляни
И сам ответь, где ныне все они?*

«Руины времени»

Прошло несколько дней, прежде чем испанцы освоились в древней твердыне магометан. К тому времени жизнь в Альгамбре и в городе постепенно упорядочилась. После всех волнений и тревог, когда улеглось горе побежденных и ликование победителей, в Гранаде наступило некоторое успокоение. Дон Фердинанд, политик осторожный и далеко не мстительный, издал строгий приказ обращаться с маврами мягко и снисходительно; приказ этот быстро

возымел действие, и жители Гранады начали возвращаться к своим привычным повседневным занятиям.

Однажды утром, на третий день после описанного выше разговора, Изабелла собрала у себя своих ближайших друзей, которые имели к ней доступ, можно сказать, в любое время. Ибо, хотя Кастилия и славилась строгостью придворного этикета, очевидно, перенятого ею у мавританских соседей, благожелательный нрав королевы создал вокруг нее нечто вроде интимного кружка, войти в который считалось высшей милостью и в то же время доставляло избранным подлинную радость.

В те дни духовенство пользовалось особым почетом: оно проникало во все сферы жизни и часто оказывало на них решающее влияние.

Мы быстро замечаем подобные недостатки у других народов, особенно когда подчеркиваем все то зло, какое причинили им своим вмешательством представители римской курии. Но это лишь доказывает справедливость старой притчи о том, что мы охотнее замечаем чужие ошибки, нежели свои. Ибо ни один народ не допустил бы над собой такого жестокого контроля со стороны церкви, какой существует у нас, в Соединенных Штатах, особенно в тех городах, которые были основаны сектантами, где вся жизнь до сих пор зависит от этих сект. Но, пожалуй, самой характерной нашей чертой является сегодня стремление распространить контроль общества на все области жизни, далеко за пределы, установленные законами и уложениями. Этот новый культ, получивший пристойное наименование Общественного Мнения, является детищем и продолжением сектантских церквей с их всенародными исповедями и покаяниями. Сектанты всегда стремились играть роль государства в государстве, чему немало способствовала их особая система иерархии, а также наши провинциальные обычаи.

Если так обстоят дела у нас самих, то что уж говорить о католиках или протестантах! Скажем только, что Изабелла была искренне набожна, а потому оказывала духовенству всяческие милости, когда они не шли вразрез с ее совестью. В частности, служители церкви имели к ней свободный доступ, и влияние их на королеву было весьма значительно.

Вот и сейчас в покоях королевы среди прочих приближенных находились Эрнандо де Талавера, только что назначенный архиепископом Гранадским, и отец Педро де Карраскаль, бывший наставник Луиса де Бобадилья, ученый богослов, известный своим высоким происхождением и великой простотой души.

Изабелла сидела за маленьким столиком и занималась таким обыденным делом, как шитье рубашки для короля; свои домашние обязанности она старалась выполнять так же добросовестно, как жена какого-нибудь простого купца из ее собственной столицы. Впрочем, таков был дух эпохи,—вернее, такова была политика государей. Многие путешественники видели знаменитое седло герцогини Бургундской с особым приспособлением для прялки на передней луке, чтобы даже во время езды верхом сия государыня могла подавать пример трудолюбия своим восхищенным подданным. И уже в наши времена всеобщего изобилия, когда иные жены и не снисходят до того, чтобы прикоснуться к предмету столь низменному, как рубашка мужа, мы собственными глазами видели другую королеву, которая в кругу своих дочерей шила так усердно, словно от ее прилежания зависела жизнь всей семьи.

Однако Изабелла ничего не делала напоказ. Одинаково правдивая в чувствах, словах и делах, она работала с искренним удовольствием, потому что была привязана к мужу и заботилась о нем с истинно супружеской нежностью, хотя и не могла не замечать его недостатков как государя.

Подле королевы сидела подруга ее юности, верная Беатриса де Кабрера. Мерседес примостилась на скамеечке у ног инфанты, еще две-три придворные дамы стояли поблизости, но достаточно далеко, чтобы соблюдать приличия этого пусть интимного, однако королевского кружка. Ибо сам король сидел тут же за столом в дальнем конце обширной залы и что-то писал. К нему никто не смел приблизиться, даже вновь назначенный архиепископ. Разговоры велись вполголоса, и сама королева говорила тише обычного, чтобы не отвлекать супруга от его размышлений. А в ту минуту, когда мы хотим ввести читателя в наш

рассказ, и эти разговоры затихли: королева о чем-то глубоко задумалась, и все вокруг нее смолкло.

— Милая маркиза! — обратилась наконец Изабелла к своей подруге. — Ты давно видела сеньора Колумба, этого мореплавателя, который представлял нам свой проект путешествия на запад? Что о нем слышно?

При этом вопросе Мерседес украдкой обменялась со своей опекуницей заговорщическим взглядом, затем донья Беатриса ответила с подобающей почтительностью:

— Вероятно, вы помните, сеньора, что писал отец Хуан Перес, бывший исповедник вашего высочества, который даже покинул свой монастырь святой Марии Рабидской и приехал сюда из Андалузии, чтобы ходатайствовать перед вами за этого человека. Тогда он убеждал вас поддержать великий замысел, опасаясь, как бы генуэзец не покинул Кастилию.

— Ты полагаешь, это действительно великий замысел, дочь моя?

— Разве кто-либо может в этом сомневаться, сеньора? Намерения Колумба возвышенны и разумны. Он хочет раздвинуть границы владений католической церкви и приумножить богатство и славу нашей родины, — а что может быть благороднее и похвальнее? Моя восторженная воспитанница Мерседес де Вальверде так увлеклась великими планами этого мореплавателя, что считает защиту их чуть ли не самым важным делом своей жизни, после служения богу и своим государям!

Королева с улыбкой повернулась к вспыхнувшей от этих слов девушке и некоторое время с материнской нежностью смотрела на нее.

— Это действительно так, донья Мерседес? — спросила она. — Неужели Колумб настолько повлиял на тебя, что ты готова его защищать с таким рвением?

Мерседес почтительно поднялась и, прежде чем ответить, приблизилась к королеве.

— Мне не пристало говорить в столь высоком присутствии, — ответила она, — однако не буду отрицать: я глубоко заинтересована в успехе сеньора Колумба. Замысел его так благороден, что будет жаль, если он не осуществится!

— Слова эти делают честь твоей юности и великодушию. Признаюсь, Беатриса, и я, как дитя, увлечена этой прекрасной мечтой! Кстати, Колумб еще здесь?

— Да, сеньора! — поспешно ответила Мерседес и смутилась, потому что вопрос был обращен не к ней. — Я знаю человека, который его видел в день вступления наших войск в Гранаду.

— Кто же этот человек? — спросила королева настороженно, но не слишком строго, со всевозрастающим интересом вглядываясь в лицо девушки.

Мерседес уже горько сожалела о своей оплошности. От волнения кровь прихлынула к ее щекам, и прошло какое-то время, прежде чем ей удалось наконец справиться с собой и ответить:

— Это дон Луис де Бобадилья, сеньора, племянник моей опекунии доньи Беатрисы.

Правдивость Мерседес оказалась сильнее чувства скромности!

— Что с тобой, сеньорита? — слегка удивилась королева, которая вообще была не способна относиться слишком сурово к таким юным и добрым созданиям, как Мерседес. — Дон Луис происходит из славного рода и не нуждается в герольдах. Разве только невежды не знают о его происхождении и семейных связях, остальным же достаточно одного его имени.

Мерседес готова была провалиться от мучительного стыда, но тут королева, по счастью, отвела от нее взгляд и обратилась к своей подруге:

— Милая маркиза, твой племянник неисправимый бродяга, однако вряд ли он решится отправиться вместе с Колумбом! Слава церкви и блага королевства его не очень-то интересуют...

— Помилуйте, сеньора! — вырвалось у Мерседес, но она тут же овладела собой, собрав всю свою волю.

— Ты хотела что-то сказать, донья Мерседес? — строго спросила королева.

— Извините меня, ваше высочество! Я не должна была говорить, пока вы меня не спросите.

— Здесь не двор королевы Кастильской, милая, а личные покои Изабеллы де Трастамара, — сказала Изабелла, пытаясь смягчить суровость своих предыдущих слов. — В тебе течет кровь кастильского адми-

рала, и ты в родстве с самим королем, так что можешь говорить свободно.

— Я знаю, как вы ко мне добры, сеньора, и потому едва не забылась. Я хотела только сказать, что дон Луис де Бобадилья страстно желает, чтобы сеньор Колумб получил необходимые ему каравеллы и чтобы ваше высочество позволили и ему принять участие в этой экспедиции.

— Возможно ли это, Беатриса?

— Луис, конечно, любит скитаться по морям, но не из низменных побуждений. Я сама слышала, как он выражал горячее желание последовать за Колумбом, если ваше высочество отправит генуэзца на поиски Кая.

Изабелла не ответила. Опустив рукоделие на колени, она глубоко задумалась. Никто не решался прервать молчание. Мерседес тихонько отошла и снова села на свою скамеечку у ног инфанты. Наконец королева встала и прошла через всю залу к столу, за которым трудился Фердинанд. Мгновение помедлив, словно сожалея, что приходится отрывать супруга от работы, она осторожно тронула его за плечо. Зная, что лишь один человек может себе позволить подобную вольность, король тотчас оглянулся, встал и заговорил. С первых же дней после победы над маврами Фердинанд думал только об укреплении своей власти, поэтому и сейчас сказал:

— Надо приглядывать за этими морисками¹. Зря мы оставили Абдаллаху столько сильных крепостей в Альпухарре! Он еще может наделать нам хлопот, если не вытеснить его совсем за Средиземное море...

— Поговорим об этом в другой раз, Фердинанд! — прервала его Изабелла, не допуская даже мысли о нарушении своего слова². — Я, конечно, понимаю, что тем, кто управляет судьбами людей, трудно

¹ Мориски — мавры, насильственно обращенные в христианство.

² Изабелла, когда это было ей выгодно, всегда отступалась от данного ею слова. Об этом свидетельствует и история с гранадскими маврами, которые подверглись неслыханным преследованиям, хотя Изабелла клятвенно обещала ни в чем не притеснять их, и ее взаимоотношения с Колумбом, которого она лишила всех привилегий и прав после того, как он совершил самые важные свои открытия.

выполнять свои обязательства, если бог и совесть подсказывают иное. Но я пришла не для этого. За делами, в треволнениях последних лет мы совсем забыли о нашем обещании Колумбу, тому самому мореплавателю...

— А вы все не расстаётесь с иглой, Изабелла, все думаете обо мне,— заметил Фердинанд, притрагиваясь к рубашке, которую королева, сама того не замечая, не выпускала из рук.— Немногие из наших подданных могут похвалиться такой заботливой и доброй женой!

— Забота о вас и вашем счастье для меня самое главное после моих обязанностей перед богом и моим народом,— ответила Изабелла.

Ей было приятно, что король Арагонский оценил этот маленький знак внимания, хотя она и подозревала, что он просто хочет уклониться от начатого разговора. Но Изабелла не позволила себя отвлечь.

— В таком важном деле, как экспедиция Колумба,— продолжала она,— я ничего не могу решить без вашего согласия и одобрения. К тому же я полагаю, что мы должны сдержать свое обещание: откладывать дальше нельзя. Семь лет—достаточно суровое испытание. И, если мы еще будем медлить, какой-нибудь пылкий дворянин совершит этот славный подвиг просто развлечения ради.

— Вы правы, сеньора, мы тотчас поручим Эрнандо де Талавере рассмотреть этот вопрос: архиепископ осмотрителен, и на него можно положиться. — С этими словами король знаком подозвал вышеупомянутого прелата.— Архиепископ Гранадский,— обратился к нему лукавый монарх,— наша августейшая супруга желает, чтобы вы немедленно рассмотрели ходатайство Колумба и доложили нам. Это наша общая воля: за двадцать четыре часа вы с другими советниками должны все здраво обсудить и во всем разобраться. Имена тех, кто примет вместе с вами участие в рассмотрении этого дела, вам сейчас сообщат.

Пока Фердинанд говорил, хитрый прелат по глазам и по холодному выражению короля ясно понял, чего тот ждет от столь решительных и быстрых действий. Однако он принял озабоченный вид, внимательно выслушал имена своих будущих помощников, кото-

рых назвала Изабелла, а свое мнение приберег про себя.

— Планы Колумба заслуживают самого пристального внимания,— продолжал король.— Надо рассмотреть их со всей тщательностью. Говорят, этот мореплаватель — добрый христианин?

— Я в этом убеждена, Фердинанд,— ответила королева.— Если бог увенчает успехом его предприятие, он намерен еще раз попытаться отвоевать у неверных гроб господень.

— Ого! Намерение похвальное, однако наши завоевания, пожалуй, вернее! Мы водрузили крест там, где лишь недавно развевались знамена неверных. Гранада куда ближе к Кастилии, и здесь нам будет легче защищать святыне алтари. Во всяком случае, я, как мирянин, держусь такого мнения. А что скажет наш архиепископ?

— Мнение поистине мудрое и справедливое, государь мой! — ответил прелат.— Лучше держаться за то, что мы в силах удержать, и не стремиться к целям чересчур отдаленным. Раз сама судьба от нас их так отдалила, стоит ли тратить время на их достижение?

— Слушая вас, ваше преосвященство,— заметила королева,— можно подумать, что мы не должны пытаться отобрать у неверных гроб господень!

— Нет, сеньора, это значило бы ложно истолковать мои слова,— поспешил поправиться изворотливый прелат.— Изгнание неверных из Иерусалима было бы благом для всего христианства, но для Кастилии важнее изгнать их сперва из Гранады. Различие несомненное, как сказал бы любой богослов.

— Да, для каждого несомненно, что вон те башни,— король метнул холодно сверкнувший взгляд за окно,— когда-то принадлежали Абдаллаху, а теперь принадлежат нам!

— Важнее для Кастилии,— задумчиво повторила королева.— Для ее могущества — возможно, но не для душ тех, кто о таком могуществе печется!

— Уважаемая жена моя и любимая супруга... — начал Фердинанд.

— Сеньора! — добавил прелат.

Однако Изабелла уже медленно отошла от них, погруженная в свои мысли. Оставшись одни, король и

прелат понимающе переглянулись, как два дельца, для которых барыш важнее справедливости.

Не возвращаясь к своему креслу, Изабелла некоторое время одиноко прохаживалась взад и вперед по свободной части залы, и даже Фердинанд не решался нарушить ее уединение. Несколько раз взор королевы останавливался на Мерседес, и наконец она подозвала девушку к себе.

— Доченька! — сказала Изабелла, которая часто обращалась так к тем, кто был ей дорог. — Ты не забыла о своем обете?

— Для меня превыше всего долг перед моей государыней.

Мерседес ответила твердо и уверенно. Изабелла не сводила глаз с ее бледного и прекрасного лица, и, когда та умолкла, во взгляде королевы отразилась такая нежность, с какой мать редко смотрит на любимую дочь.

— Надеюсь, я ничем не провинилась перед вами, сеньора? — робко спросила Мерседес, видя, что королева молчит. — Немилость вашего высочества была бы для меня страшной карой!

— О нет! Хотела бы я, чтобы все девушки Кастилии, и знатные и простые, были так же правдивы, скромны и послушны, как ты! Но мы не можем допустить, чтобы ты стала жертвой собственного увлечения. Ты слишком хорошо воспитана, донья Мерседес, чтобы не отличить внешний блеск от истинной добродетели...

— Сеньора! — вскричала Мерседес и тотчас умолкла, понимая, что не должна прерывать свою государыню.

— Я тебя слушаю, — проговорила Изабелла, немного помедлив, чтобы дать испуганной своей дерзостью девушке прийти в себя. — Говори без утайки, как с родной матерью!

— Я хотела сказать, сеньора, что если не всякий блеск есть добродетель, то за всем, что нам кажется слишком смелым или непривычным, тоже не всегда скрывается порок.

— Я тебя поняла, сеньорита, и я согласна. А теперь поговорим о другом. Мне кажется, ты одобряешь замыслы Колумба?

— Что значит мнение юной, неопытной девушки для мудрой королевы Кастильской, которая может советоваться с учеными и прелатами! — скромно ответила Мерседес.

— Но ты одобряешь его замыслы? — настаивала королева. — Или я неправильно тебя поняла?

— Я верю в Колумба, сеньора! Небо воздаст ему за его высокое благородство, и он добьется успеха на благо людям и во славу церкви!

— И ты думаешь, что найдутся знатные рыцари, которые последуют за этим никому не ведомым генуэзцем в столь дерзкое и опасное плавание?

Королева почувствовала, как дрогнула рука Мерседес, которую она ласково держала в своей, и, подняв глаза, увидела, что девушка потупилась и покраснела. Но Мерседес понимала, сколь многое зависит сейчас от ее самообладания — судьба любимого, счастье, вся ее жизнь! — и сумела ответить с твердостью, одновременно порадовавшей и удивившей королеву:

— Да, сеньора, я в этом уверена! И думаю, что дон Луис де Бобадилья тоже отправится с Колумбом. С тех пор как его тетушка откровенно поговорила с ним о целях и назначении экспедиции, он только об этом и думает. Он даже готов пожертвовать своим имуществом, если согласятся опекуны!

— Чего ни один опекун не должен делать! Мы можем распоряжаться своим состоянием, но не имеем права рисковать чужим. Однако, если дон Луис де Бобадилья останется верен своему намерению, я буду о нем лучшего мнения, чем была до сих пор!

— Сеньора!

— Слушай меня, дочка! Сейчас не время говорить об этом: меня ждут на совет, король уже там. Мы все обсудим с твоей опекуншей и не станем держать тебя в неведении. Но помни, Мерседес де Вальверде...

— Госпожа моя!..

— Помни свое обещание! Ты дала его по доброй воле и должна его сдержать.

Изабелла поцеловала девушку в бледную щеку и удалилась в сопровождении своих дам. Обрадованная и в то же время испуганная, девушка осталась одна посреди обширной залы, напоминая собой прекрасную статую Неуверенности.

*Он разумом вознесся так высоко,
Воздвиг такую мысли цитадель,
Что никакие страхи и сомненья
Его уж не могли поколебать.*

Даниэль¹

На следующий день Альгамбра, как обычно, была заполнена придворными: одни жаждали новых милостей, другие явились с жалобами на воображаемые обиды. Самые разнообразные просители толпились в приемных, ревниво поглядывая друг на друга и как бы прикидывая, помещает сосед их планам или, наоборот, поможет добиться своего. Все раскланивались между собой холодно и равнодушно и лишь изредка отвечали на приветствия с привычной для придворной среды заученной любезностью.

Среди всей этой пестрой толпы завсегдатаев испанского двора, которые шепотком, подмигивая и пожимая плечами, делились новостями, слухами и просто сплетнями, общее внимание привлекал своей величественной осанкой высокий, статный человек, одиноко стоявший в углу большой приемной. К нему мало кто приближался, да и те немногие сразу же отходили, бросая вокруг многозначительные самодовольные взгляды, как это делают обычно глупцы, воображающие, будто все остальные разделяют их насмешливое и презрительное отношение. Этим одиноким просителем был Колумб.

В те дни молва считала его безумцем и фантазером, и большинство соответственно относилось к нему со снисходительным пренебрежением. Но вскоре насмешки и шутки по его поводу иссякли. Те, кто давно дожидался приема, уже начали терять терпение, как вдруг легкое замешательство в дверях возвестило о появлении нового лица. По тому, с какой поспешностью ему уступали дорогу, можно было догадаться, что это важная особа. И действительно, на середину залы вышел Луис де Бобадилья.

¹ Даниэль Сэмюэл (1562—1619) — английский поэт и драматург.

— Это племянник королевской фаворитки,— прошептал один из придворных.

— Он из знатнейшего кастильского рода,— добавил другой.— Но, как ни странно, он ярый сторонник этого Колумба! Подумать только! Ни опекуны, ни сама королева, ни высокое положение не могут его отучить от бродячей жизни...

— Он один из лучших рыцарей Испании,— пробормотал третий.— Жаль только, что у него не хватает ума и осмотрительности, чтобы обратить свою доблесть себе же на пользу.

— Этот юнец показал себя в последних боях отважным воином! — буркнул какой-то офицер.— Да и на турнире он выбил из седла самого Алонсо де Охеду. Но лучше бы он не брался за меч и копье! Говорят, он якшается с пиратами...

Словно в подтверждение этих слов, Луис презрительно взглянул на офицера, затем пожал плечами и направился прямо к Колумбу. Его провожали улыбки, кивки, недоуменные взгляды и приглушенный шепот, но тут отворилась дверь в кабинет, и все тотчас забыли о нашем герое.

— Приветствую вас, сеньор,— между тем говорил Луис, почтительно кланяясь Колумбу.— После нашего последнего разговора я почти ни о чем ином не могу думать и явился сюда только затем, чтобы еще раз побеседовать с вами.

Колумб был польщен—это можно было заметить по его глазам, по улыбке и по тому, как он приосанился, словно вспомнил о величии своего предназначения. Но сейчас ему пришлось отказать себе в удовольствии, которое он обычно испытывал при обсуждении своих планов.

— Благородный сеньор,— сердечно ответил Колумб,— меня вызвал архиепископ Гранадский. Видимо, ему поручено рассмотреть наконец мое предложение; для этого, наверно, меня и пригласили сюда с утра. Мы стоим на пороге великих событий. Недалек тот день, когда даже завоевание Гранады поблекнет перед славными деяниями, ожидающими нас впереди.

— Клянусь святым Педро, моим новым покровителем, я верю вам, сеньор! Катай, несомненно, находится там, где вы говорите, или близ того места, и я вместе

с вами увижу его несметные богатства. Только прошу вас, не забудьте о некоем Педро де Муньосе!

— Я его не забуду, юный мой друг, обещаю вам, так же как и то, что подвиги ваших предков померкнут перед славой их потомка... Но я слышу свое имя; мы еще поговорим обо всем.

И действительно, паж громким, ясным голосом повторил:

— Сеньор Христофор Колумб!

Преисполненный радости и надежд, мореплаватель устремился на зов.

То, что из всей толпы придворных подобная честь была оказана человеку, на которого все смотрели если не с насмешкой, то с пренебрежением, многих удивило, но они сразу же обо всем позабыли, когда из других дверей появились чиновники, принимавшие жалобы и отвечавшие на вопросы.

Луис был разочарован. Ведь он надеялся подробно обсудить с Колумбом план путешествия, на которое возлагал столько надежд и которое, естественно, занимало теперь все его помыслы!

Однако оставим нашего героя и всех прочих придворных в приемной и последуем за великим мореплавателем во внутренние покои дворца.

Эрнандо де Талавера не забыл о возложенном на него поручении. Однако король и королева, вместо того чтобы дать ему в помощники людей сведущих и расположенных внимательно выслушать предложения Колумба, назвали наугад имена шести—восьми придворных, которые при всей их честности и благожелательности были совершенно не способны оценить грандиозность замыслов генуэзца. Перед советом этих представителей знати и духовенства и предстал сейчас Колумб.

Оставляя в стороне обычную церемонию представлений, перейдем сразу к сути нашего повествования.

От имени всех собравшихся первым выступил архиепископ Гранадский.

— Итак, сеньор Колумб,—сказал он,—если вам удастся заручиться поддержкой и покровительством короля Фердинанда и королевы Изабеллы, вы намерены отправиться в неведомые просторы Атлантиче-

ского океана в поисках страны Катай и прославленного острова Сианго. Мы вас правильно поняли?

— Да, таково мое намерение, ваше преосвященство,—подтвердил Колумб.—Вопрос этот столь часто обсуждался мною и доверенными лицами наших государей, что сейчас вряд ли необходимо подробно говорить об этом.

— Да, тем более что на совете в Саламанке ваши предложения тоже обсуждались и многие из ученых служителей церкви стали тогда на вашу сторону, хотя большинство было против вас. Тем не менее король и королева склонны ответить вам благоприятно. Поэтому мы и собрались здесь, чтобы подвести итог всему, что нам известно, и принять надлежащее решение. Сколько судов и людей вам потребуется для достижения с помощью божьей столь великой цели?

— Хорошо сказано, сеньор архиепископ: именно с помощью божьей! Ибо успех этого дела прославит церковь и имя божье. А с таким союзником, как всемогущий господь, мне не понадобится много земных средств. Две легкие каравеллы под флагами короля Арагонского и королевы Кастильской—вот и все, чего я прошу. Конечно, с необходимым экипажем.

Члены совета с удивлением переглянулись. Одни усмотрели в такой скромности легкомыслие безумца, другие—глубокую веру в успех.

— Поистине вы просите немногого,—продолжал прелат, который держался первого мнения.—И, хотя война опустошила королевскую казну, для выполнения вашей просьбы не потребуется особого чуда. Каравеллы можно найти и матросов нанять, но прежде следует разрешить несколько важных вопросов. Вы хотите, чтобы вам была вверена вся полнота единоличной власти над экспедицией, не так ли, сеньор Колумб?

— Разумеется! Без этого я не могу ручаться за успех. Я прошу полной власти адмирала или командующего флотом их высочеств. Силы экспедиции будут и без того невелики, так что тому, кто ее возглавит, необходимо будет опереться на весь авторитет обеих корон.

— Все это вполне справедливо и не вызовет возражений. А теперь скажите, сеньор, какие выгоды даст

ваше открытие монархам, если они окажут вам поддержку? Вы об этом подумали?

— Восемнадцать лет днем и ночью я думал только об этом предприятии, сеньор архиепископ, и, надеюсь, не упустил ничего. Что бы я ни изучал, чем бы ни занимался эти долгие годы, все мои помыслы были направлены на то, чтобы обеспечить успех этой небывалой экспедиции. Как же мог бы я забыть о всех выгодах, которые она сулит?

— Так назовите их!

— Во-первых, мое открытие расширит владения церкви, умножит ее паству.

При этих словах Эрнандо де Талавера и другие священники набожно перекрестились.

— Затем,— продолжал Колумб,— наши монархи получают выгоду от расширения их владений и увеличения числа подданных. Богатства неиссякаемым потоком хлынут в Кастилию и Арагон из новых провинций, ибо святейший папа охотно признает права короля и королевы на владения языческих принцев, чьи земли будут нами открыты, а народы обращены в христианскую веру.

— Все это разумно и убедительно,— ответил пре-лат.— Его святейшество папа обладает такой властью и, несомненно, воспользуется ею во славу господню. Вы, наверно, знаете, сеньор Колумб, что дон Жуан Португальский давно заинтересовался подобной возможностью и что он и его предшественники уже совершили немало открытий, после которых вряд ли что осталось открывать. За это Рим дал португальцам весьма значительные привилегии, с которыми приходится считаться.

— Я, конечно, знаю об открытиях португальцев и о привилегиях дона Жуана. Его суда плавают вдоль западного побережья Африки, а я хочу плыть совсем в другом направлении. Я намереваюсь отправиться прямо на запад, через Атлантический океан, и достичь восточных берегов Индии, сократив путь на много месяцев.

Хотя архиепископ и большинство советников смотрели на Колумба как на сумасбродного мечтателя, достоинство и серьезность, с какими он так просто излагал свои благородные планы, его спокойная мане-

ра поглаживать свои седые волосы и вдохновенный огонь в глазах,—все это произвело на присутствующих глубокое впечатление, и было мгновение, когда все уже склонялись на его сторону. Свидетельством такого редкостного единодушия прозвучал вопрос, заданный одним из советников:

— Сеньор Колумб, вы, конечно, собираетесь посетить двор пресвитера Иоанна¹?

— Я не знаю такого правителя, благородный сеньор,—ответил Колумб, чьи суждения основывались на установленных наукой фактах, а не на суевериях и заблуждениях того грубого века.—Я никогда не встречал ничего, что могло бы подтвердить существование этого монарха или его страны.

Такое заявление отнюдь не способствовало успеху Колумба. Утверждать, что земля—это шар, а пресвитер Иоанн—порождение фантазии, значило предпочесть всему чудесному реальные факты и научные доказательства, а это невежественному разуму и в те времена было совсем не по вкусу.

— Однако многие верят в существование пресвитера Иоанна и его страны!—воскликнул один из придворных, оказавшийся на совете только благодаря желанию Фердинанда.—А это начисто опровергает мнение, будто наша земля круглая. Ибо, если мы знаем, что где-то там есть христианские короли и их владения, значит, земля и океан такие плоские, какими они нам представляются!

Замечание это было встречено одобрительными улыбками, хотя архиепископу оно и не показалось столь уж убедительным.

— Сеньоры,—мягко возразил Колумб,—если бы все в этом мире действительно было таким, каким кажется, нам бы не в чем было исповедоваться и наказание за грехи было бы много мягче.

— Я считал вас добрым христианином, сеньор Колумб!—резко заметил Эрнандо де Талавера.

— Я только слабый человек, каким меня создал господь,—ответил Колумб.—Я лишь смиренно упо-

¹ Легенда о пресвитере Иоанне, чьи владения якобы были расположены где-то на границах Китая, имела в Европе широкое хождение с середины XII века.

ваю, что, когда мне удастся завершить сие великое дело, я буду более достоин оказанной мне небесами милости.

— Значит, правду говорят, что вы считаете себя свыше призванным для свершения этого подвига!

— Я чувствую в себе такое призвание, святой отец, и оно поддерживает во мне уверенность. Но я ничего не приписываю сверхъестественным или таинственным силам, которые недоступны разуму.

— Итак, вы хотите достигь Катая западным путем, через Атлантический океан,—продолжал архиепископ,—и в то же время отрицаете существование пресвитера Иоанна.

— Простите меня,—возразил Колумб,—я действительно намереваюсь доплыть до Катая и Сипанго западным путем, как вы сказали, но у меня нет уверенности, что монарх, о котором вы упомянули, существует. О возможности и вероятности первого я уже говорил и представил достаточно тому доказательств, что же касается последнего, то это еще необходимо установить.

— А между тем известно, что Джованни ди Монтекорвино, епископ нашей святой церкви, обратил этого принца в истинную веру почти двести лет назад!

— Бог всемогущ, и не мне сомневаться в достоинствах его избранных служителей,—ответил на это Колумб.—Могу лишь сказать, что я не нашел достаточно веских научных подтверждений, которые заставили бы меня поверить в эту легенду. Что же касается Катая, его местоположения и его чудес, то здесь мы имеем более достоверные сведения. Два знаменитых венецианца, Марко и Никколо Поло¹, не только побывали в этой стране, но и прожили несколько лет при дворе катайского правителя. Однако независимо от того, существуют или нет пресвитер Иоанн и страна Катай, у Атлантического океана, благородные сеньоры, наверняка есть западный берег, а его-то я и намереваюсь достигь!

Архиепископ с недоверчивым видом возвел глаза к небу, но этим и ограничился. Он помнил о приказе

¹ Речь идет о знаменитом путешественнике Марко Поло и о его отце Никколо Поло.

короля, знал о том, что планы Колумба несколько лет назад обсуждались в Саламанке, и почел за благо не выходить за пределы возложенного на него поручения.

— Вы рассказали о выгодах, которые в случае успеха могут получить наши государи,— продолжал архиепископ, возвращаясь к сути дела.— Они весьма заманчивы, если только ваши блестящие надежды действительно оправдаются. А теперь скажите, сеньор, какого вознаграждения вы ждете для себя за это опасное плавание и за все годы тяжких трудов?

— Это я тоже здраво обдумал, сеньор архиепископ. Здесь изложены все мои основные требования, а о второстепенных можно будет договориться и потом.

С этими словами Колумб вручил Эрнандо де Талавере пергаментный свиток. Тот просмотрел его сначала бегло, затем более внимательно, словно не веря своим глазам, и наконец с отвращением швырнул на стол. После этого он пристально поглядел на Колумба, словно желая удостовериться, не сошел ли мореплаватель с ума.

— Вы действительно требуете всего этого, сеньор? — сурово спросил архиепископ, устремляя на генуэзца взгляд, который любого другого просителя живо заставил бы отказаться от всяких требований, но Колумба было не так-то легко смутить!

— Сеньор архиепископ! — с достоинством ответил он.— Этому предприятию я отдал восемнадцать лет жизни. Восемнадцать лет ни днем, ни ночью я не мог думать ни о чем другом. Истина с каждым днем представала передо мной все отчетливее и определеннее. И сегодня я чувствую внушенную мне свыше веру в успех и считаю себя орудием, избранным для свершения великих дел, которые не ограничатся одной экспедицией. Но для этих будущих свершений я должен обладать необходимыми средствами и высоким званием. Поэтому я не могу ничего изменить, ни в чем уступить или отступить хоть от одного из моих условий.

Хотя слова Колумба звучали убедительно, архиепископ решил, что разум несчастного мореплавателя, посвятившего столько времени одной навязчивой идее, окончательно помутился. Единственное, что его

еще смущало,—это логичность и здравомыслие, с какими Колумб всегда, и даже сейчас, отстаивал справедливость своих географических теорий. Мореплавателю, конечно, трудно было убедить в своей правоте тех, кто считал его чудаком и мечтателем, однако доводы его поражали слушателей. И вместе с тем притязания генуэзца были настолько невероятны, что на какое-то мгновение архиепископ проникся к нему жалостью, впрочем, довольно быстро уступившей место негодованию.

— Как вам все это нравится, благородные сеньоры? — вскричал он, обращаясь к нескольким членам совета, которые жадно схватили свиток и читали его все вместе. — Что вы скажете о скромных и умеренных требованиях сеньора Колумба, сего знаменитого мореплавателя, смутившего даже ученых мужей Саламанки? Не кажется ли вам, что наши государи могли бы их принять и на коленях благодарить за подобную милость?

— Прочтите их нам, сеньор архиепископ! — слышались со всех сторон голоса. — Мы тоже хотим знать, чего он просит!

— Я пропущу всякие маловажные условия — о них не стоит спорить, — начал архиепископ, разворачивая свиток. — Но вот два требования, которые, несомненно, понравятся нашим государям. Сеньор Колумб согласен удовольствоваться званием адмирала и вице-короля всех стран, которые ему посчастливится открыть. А что касается вознаграждения, то с него будет довольно одной десятой — да, да, дети мои! — всего одной десятой всех доходов и пошлин с открытых им стран, то бишь скромной доли святой церкви!

Всеобщий ропот неодобрения показал, что Колумб в мгновение ока лишился всяких симпатий.

— И это еще не все, благородные сеньоры и святые отцы! — с торжеством продолжал архиепископ, как только решил, что слушатели достаточно успокоились. — Это еще не все! Чтобы столь высокие титулы не отягощали наших монархов, великодушный генуэзец согласен впредь и навсегда оставить их за собой и за своими потомками. Словом, он согласен превратить королевство Катай в наследственную вотчину династии Колумбов, для поддержания достоинства которой он и испрашивает десятину со всех доходов!

Если бы не строгое, полное достоинства лицо Колумба, все бы, кажется, покатились со смеху, но укоризненный взгляд мореплавателя смутил даже самого Эрнандо де Талавера. Архиепископ понял, что зашел со своими шутками, пожалуй, слишком далеко.

— Прошу меня извинить, сеньор Колумб,— поспешил он загладить свой промах,— но ваши условия настолько необычны, что я просто поражен. Неужели вы серьезно на них настаиваете?

— Я не отступлюсь от них ни на йоту,— ответил генуэзец.— Я прошу лишь то, что мне следует по справедливости, ибо тот, кто просит меньше, унижает самого себя. Я дам королю и королеве империю, которая превзойдет по богатству все их нынешние владения, но требую за это должного вознаграждения. А посему говорю вам, почтенный прелат: мой список еще не полон, многие условия еще придется уточнить!

— Поистине удивительное смирение для безвестного генуэзца! — воскликнул один из придворных, не в силах более сдерживать гнев и презрение.— Сеньор Колумб хочет даром заполучить звание адмирала, которое за ним и останется, даже если он ничего не свершит! А если ему и впрямь посчастливится открыть какую-нибудь землю, что весьма маловероятно, он к тому же станет вице-королем со скромным доходом, равным церковной десятине!

Это замечание решило дело, и все поднялись, считая, что больше разговаривать не о чем. Пытаясь соблюсти хотя бы видимость приличия и беспристрастия, архиепископ еще раз обратился к Колумбу, уверенный, что теперь-то генуэзец согласится на все.

— В последний раз спрашиваю вас, сеньор,— заговорил он более умеренным тоном,— вы все еще настаиваете на своих неслыханных условиях?

— Иных я не приму,— ответил Колумб.— Я знаю важность услуг, которые мне предстоит оказать Испании, и ничем не унижу, ни в коей мере не умалю их значения согласием на что-либо меньшее. Лишь в одном я могу уступить, благородные сеньоры: раз уж я рискую своей жизнью и своим именем, я готов рискнуть и своим состоянием. Я сам предоставляю восьмую часть необходимых для экспедиции средств, если вы согласитесь повысить мое будущее вознаграждение с десятины до одной восьмой всех доходов!

— Довольно, довольно! — вскричал прелат, направляясь к двери. — Мы тотчас доложим обо всем нашим государям, и вам не замедлят сообщить их волю.

На этом и закончился совет. Придворные разошлись, громко переговариваясь и не скрывая возмущения. А Колумб, погруженный в свои великие замыслы, ушел с видом человека, который слишком уважает себя, чтобы обращать внимание на ропот толпы. Невежество и ограниченность этих судей были ему очевидны и не могли поколебать его решимость.

Между тем Эрнандо де Талавера как сказал, так и сделал. Он был исповедником Изабеллы, а потому имел к ней доступ в любое время. Все еще под впечатлением совещания, архиепископ сразу направился в личные покои королевы и был тотчас принят.

Изабелла выслушала его с горечью и сожалением, ибо сама уже увлеклась мыслью о необычайной экспедиции. Однако исповедник благодаря своей фанатичной набожности имел на нее слишком большое влияние.

— Поведение его граничит с наглостью, сеньора! — говорил разъяренный прелат. — Какой-то ничий авантюрист требует себе почестей и власти, предназначенных лишь государям, помазанникам божьим! Кто он такой, этот Колумб? Безвестный генуэзец, у которого нет ни титула, ни заслуг, ни достаточной скромности. А между тем он предъявляет претензии, на какие не отважился бы сам Гусман!

— Но ведь он добрый христианин, святой отец, — неуверенно заметила Изабелла. — Мне казалось, он думает лишь о служении богу и католической церкви.

— На словах это так, сеньора, но не кроется ли за всем этим какой-либо обман?..

— О нет, сеньор архиепископ, Колумб не способен на обман! Более искреннего и смелого на словах и в делах человека не часто встретишь даже среди сильных мира сего. Он добивается от нас поддержки вот уже много лет и ни разу еще не прибегал к каким-либо низким уловкам.

— Я не стану говорить о нем дурно как о человеке, донья Изабелла, однако нам приходится судить о нем по его поступкам и требованиям. Разве они совмести-

мы с достоинством корон Кастилии и Арагона? Конечно, он человек степенный и рассудительный, его речь и манеры сдержанны и серьезны, и уже одно это в наше время немалое достоинство!

Изабелла улыбнулась, но промолчала, ибо, когда говорил ее духовный наставник, она не вправе была возражать.

— Да, да, достоинство! — продолжал архиепископ. — Ибо в наше время благомыслие и скромность не очень-то в почете при дворе. Но за всеми этими достоинствами могут скрываться недостойные расчеты! Чего стоят его важность и благородная осанка, если за ними прячутся неслыханная гордыня и невиданная алчность. Ибо даже «честолюбие» — слишком мягкое слово для его притязаний! Вы только подумайте, сеньора, чего он требует! Этот Колумб желает не много, не мало, как высокого титула вице-короля, и не только для себя, но и для своих наследников на вечные времена! Да к тому же еще — звания и власти адмирала над всеми морями и землями, которые он пока только надеется открыть. И все это сразу, сейчас, прежде чем он согласится принять командование над судами вашего высочества, что уже само по себе было бы достаточной наградой для такого ничтожества. Даже если сбудутся его самые безумные мечты — что совершенно невероятно, — и в этом случае требуемая им награда будет непомерно велика. А что, если не сбудутся? Тогда все станут смеяться над Кастилией и Арагоном и над их монархами, которые позволили себя одурачить какому-то авантюристу. Вся слава наших побед померкнет из-за одной злосчастной оплошности!

— Милая маркиза, — обратилась королева к своей испытанной и верной подруге, сидевшей подле нее с рукоделием, — неужели требования Колумба действительно так необычны?

— Да ведь и само предприятие, сеньора, по замыслу и рискованности тоже не из обычных, — уверенно ответила донья Беатриса, взглянув на Мерседес. — Великие дела требуют великих наград!

Королева перехватила взгляд своей любимицы и перевела глаза на бледное и взволнованное лицо девушки. Мерседес не заметила, что привлекла к себе внимание, а между тем каждому, кто знал ее тайну,

нетрудно было догадаться, с каким чувством ожидала она исхода дела.

Мнение исповедника показалось Изабелле достаточно обоснованным. Она уже готова была согласиться с решением совета и отказаться от своих тайных надежд, связанных с осуществлением планов Колумба, но чисто женское сочувствие Мерседес шевельнулось в ее сердце и побудило предоставить мореплавателю еще одну, последнюю возможность. Женское сердце редко остается глухим, когда речь идет о любви! Так и на сей раз мысль о счастье Мерседес де Вальверде в самый последний миг повлияла на решение королевы Кастильской.

— Нам не следует торопиться и судить генуэзца слишком строго, сеньор архиепископ,— проговорила Изабелла, снова обращаясь к прелату.— Он честен и прямодушен, а этими достоинствами государи не должны пренебрегать. Разумеется, требования его преувеличенны: он чересчур много думал о своем предприятии и потерял чувство меры. Однако добрым словом и убеждением мы сумеем, надеюсь, добиться от него уступок. Предложите ему наши условия. Я уверена, чувство справедливости да и необходимость заставят его согласиться. Конечно, вице-король является наместником государя, как вы сами заметили, святой отец, а одна десятая всех доходов — это доля церкви, но на звание адмирала он имеет полное право. Поговорите с ним! Предложите ему одну пятнадцатую часть доходов вместо десятины. Звание вице-короля тоже можно будет ему даровать с согласия дона Фердинанда и моего, но пусть откажется от мысли о передаче этого звания по наследству!

Даже эти условия показали Эрнандо де Талавера чересчур щедрыми, однако при всем своем авторитете духовного пастыря он слишком хорошо знал характер Изабеллы, чтобы возражать, когда она приказывала. И мягкий тон приказа тут уж ничего не значил!

Получив несколько дополнительных указаний и посоветовавшись с королем, который работал в смежном кабинете, архиепископ отправился выполнять возложенное на него поручение.

Прошло два-три дня, прежде чем дело разрешилось. Изабелла, как обычно, проводила время в своем домашнем кругу, когда к ней снова явился ее исповед-

ник. Архиепископ вошел багровый от негодования; с первого взгляда можно было заметить, что он находится в полном расстройстве чувств.

— Что с вами, святой отец? — удивилась Изабелла. — Может быть, новая паства возмутила ваш дух? Неужели неверные упорствуют?

— Совсем нет, сеньора, дело не в моих новых подопечных. Но даже последователи лжепророка не столь упорны, как иные христиане! Этот Колумб просто сумасшедший! Ему место среди фанатиков-магометан, а не за рулем корабля вашего высочества!

При этой вспышке злобы королева, маркиза де Мойя и донья Мерседес выронили рукоделие и одновременно устремили на прелата огорченный взгляд. Все они надеялись, что препятствия, вставшие на пути к благополучному завершению переговоров, будут устранены и что Колумб, завоевавший их глубокое уважение смелостью и необычностью своих замыслов, сможет вскоре отправиться в путь. Любопытство их было возбуждено до предела, ни о чем ином они уже не могли думать и ждали осуществления этих замыслов с понятным нетерпением. Тем неожиданнее и горше было разочарование. У Мерседес тоскливо сжалось сердце; донья Беатриса и королева были глубоко опечалены.

— Надеюсь, вы должным образом изъяснили сеньору Колумбу, что мы ему предлагаем? — с необычной для себя резкостью обратилась Изабелла к архиепископу. — Неужели он все еще настаивает на предоставлении ему и его потомству титула и власти вице-короля? Неужели он не отказался от своих неслыханных и оскорбительных требований?

— Именно так, ваше величество! Сам Людовик Французский или Генрих Английский в переговорах с королевой Кастилии не могли бы держать себя вышекомернее и неуступчивее этого подыхающего с голоду генуэзца! Он стоит на своем. Он воображает себя избранником божьим, но тот, кто действительно ощущает в себе высокое призвание, не станет держать подобные речи и ставить подобные условия. Ему нет оправдания!

— Что ж, такая настойчивость делает ему честь, — заметила королева, — но всяким уступкам то-

же есть предел. Я больше не стану его защищать. Предоставим Колумба его судьбе, которая не замедлит воздать ему должное за самомнение и за все его неслыханные притязания.

Это прозвучало; как приговор: в Кастилии Колумбу, видимо, больше нечего было делать. Архиепископ успокоился. Он о чем-то еще переговорил наедине со своей духовной дочерью и удалился.

Вскоре после этого Кристоваль Колон, как его называли испанцы, или Христофор Колумб, как он позднее называл себя сам и как называем его мы, получил окончательный ответ. Его условия были отвергнуты и всякие переговоры о путешествии в Индию кончены раз и навсегда.

Глава VIII

*Да, так всегда со мной бывало:
Чем радужней была мечта,
Тем безнадежней увядала,
Подобно розе без куста.*

Томас Мур¹. «Лалла Рук»

Было всего лишь начало февраля, но погода в этих южных краях стояла по-весеннему мягкая. Наутро после описанного выше разговора перед одним из невысоких домов Санта-Фе, возведенных для нужд испанской армии, собралось человек шесть — восемь. Но привлек их сюда не солнечный день, а гораздо более важное дело.

Все это были степенные пожилые испанцы, если не считать юного Луиса де Бобадилья. Статная фигура Колумба возвышалась над всей этой группой.

Генуэзец был в дорожной одежде, неподалеку его ожидал послушный и сильный андалузский мул. Рядом с мулом стоял оседланный боевой конь: видимо, кто-то собирался проводить мореплавателя.

В числе собравшихся были верный друг Колумба — главный казначей королевства Кастильского Алонсо де Кинтанилья и главный сборщик и храни-

¹ Мур Томас (1779—1852) — ирландский поэт.

тель церковной казны Арагона Луис де Сантанхель¹, который одним из первых оценил справедливость мудрых суждений генуэзца и величие его замысла. Оба пытались в чем-то убедить мореплавателя, но вскоре разговор их подошел к концу, и Сантанхель воскликнул со свойственной ему горячностью и прямодушием:

— Клянусь славой обеих корон, не так должно было кончиться это дело! Но прощайте, сеньор Колумб. Да хранит вас бог, и да пошлет он вам более мудрых и беспристрастных судей! То, что было, заставит нас устыдиться, а то, что будет, сокрыто временем.

Затем все, кроме Луиса де Бобадилья, простились с Колумбом. Как только провожающие разошлись, генуэзец сел на мула и в сопровождении юного графа двинулся вперед по людным улицам. Оба не обменялись и словом, пока город не остался позади; Колумб только вздыхал временами, как человек, удрученный глубокой печалью. Однако лицо его было спокойно, осанка горда, а глаза горели неугасимым огнем.

Когда они миновали городские ворота, Колумб учтиво обратился к своему спутнику и поблагодарил за любезность. Но мысли его вскоре приняли иной оборот, и он сказал:

— Я благодарен вам за оказанную честь и вижу в этом свидетельство вашей юности и благородства души. Вы заметили, друг мой Луис, что, когда мы проезжали по улицам, многие испанцы с насмешкой указывали на меня пальцем?

— Да, сеньор,—ответил Луис, краснея от гнева.—И, если бы не боязнь огорчить вас, я бы затоптал этих бродяг конем, раз уж со мной нет копья, чтобы проткнуть их насквозь!

— О нет, сдержавшись, вы поступили умнее. Но люди есть люди, и от них зависит общественное мнение. Впрочем, простонародье и знать мало чем отличаются друг от друга, несмотря на разницу в

¹ Луис де Сантанхель—управитель дворцовой палаты Арагонского королевства, ведал всеми хозяйственными и финансовыми делами королевства. Сантанхель изыскал средства для снаряжения экспедиции Колумба, ссудив королевскую казну суммами из церковных сборов и взятыми в долг у банкиров.

положении,— просто каждый изъясняется по-своему. Есть низменные души среди дворян и благородные — среди простого народа. Вот вы по своей доброте меня провожаете, а сколько упреков и нареканий ждет вас за это при дворе!

— Пусть только кто-нибудь посмеет говорить о вас неуважительно, и он будет иметь дело с Луисом де Бобадилья! У кастильцев горячая кровь, а в нашем роду и подавно!

— Я бы не хотел, чтобы кто-либо за меня вступался. Тем более что, если мы будем обращать внимание на все, что думают и говорят глупцы, нам не придется вкладывать меч в ножны. Пусть себе молодые дворянчики злословят в свое удовольствие, только вы не заставляйте меня пожалеть о дружбе с вами!

Луис горячо запротестовал, но его задело обидное слово, и он тут же спросил:

— Вы говорите о дворянах, как будто сами не принадлежите к их числу, сеньор Колумб. Но ведь вы тоже, конечно, дворянин?

— А если нет, ваши чувства и ваше мнение обо мне изменятся?

Дон Луис вспыхнул и мысленно выбралил себя за оплошность, но тут же без всяких колебаний и уверток ответил:

— Клянусь святым Педро, моим новым покровителем, я бы хотел, чтобы вы были дворянином, сеньор, хотя бы ради славы самого дворянства. Среди дворян слишком мало людей, достойных рыцарских шпор, и вы были бы для нас ценным приобретением!

— Все изменчиво в этом мире, юный мой друг,— улыбаясь, заметил Колумб.— Меняются времена года, день сменяется ночью, кометы появляются и исчезают, монархи становятся подданными, подданные — монархами, дворяне забывают о своих предках, а плебеи превращаются в дворян. В нашей семье есть предание, что некогда мы принадлежали к знатному роду, однако время и неудачи низвели нас до теперешнего скромного положения. Но, если мне посчастливится во Франции более, чем в Кастилии, неужели дворянин Луис де Бобадилья откажется быть моим спутником в великом путешествии только потому, что его капитан не может предъявить дворянские патенты?

— Это была бы самая недостойная причина! Не думайте обо мне так плохо. Нам предстоит сейчас расстаться,—надеюсь, на время,—так позвольте мне быть с вами откровенным до конца! Каюсь, когда я впервые услышал о вашем замысле, я принял его за бред сумасшедшего...

— Ах, друг мой Луис! — прервал его Колумб, грустно покачивая головой.— Так думают слишком многие! Боюсь, что дон Фердинанд Арагонский и этот засушенный прелат, который говорил от его имени, держатся того же мнения.

— Простите меня, сеньор Колумб, если я невольно обидел вас. Но я был однажды несправедлив к вам и теперь хочу искупить свою вину. Да, раньше я тоже так думал и заговорил с вами только для того, чтобы посмеяться над вымыслами чудака. Не сразу проникся я доверием к вашей теории, но меня поразило, что ее отстаивает такой глубокий мыслитель и философ, как вы. Видимо, при этом я бы и остался, удовлетворив свое любопытство, если бы не особые обстоятельства глубоко личного характера. Вы, наверно, знаете, сеньор, что я принадлежу к одному из древнейших родов Испании и обладаю немалым состоянием. Несмотря на это, я не всегда оправдывал надежды, возлагаемые на меня моими опекунами, которые...

— Об этом не следует говорить, мой добрый...

— Нет, следует, клянусь святым Луисом! Я должен сказать все. Мною всегда владели две непреодолимые страсти, иной раз вытесняющие одна другую. Одна из них — любовь к странствиям, жгучее желание видеть новые страны, бродить по морям по воле ветров и волн. Другая — любовь к мерседес де Вальверде, самой прекрасной, верной, доброй, ласковой и чистосердечной девушке во всей Кастилии!

— И к тому же дворянке,—улыбаясь, добавил Колумб.

— Сеньор, я не люблю шутить, когда речь идет о моем ангеле-хранителе,—насупившись, ответил юноша.— Она не только дворянка, достойная оказать честь моему роду,— в ней течет кровь самих Гусманов! Так вот, из-за своей любви к бродяжничеству я утратил расположение многих и едва не потерял свою любимую. Даже моя родная тетка, ее опекунша,

начала смотреть косо на мои ухаживания за Мерседес. Донья Изабелла, чье слово — закон для всех придворных дам, тоже настроена против меня, и теперь мне необходимо завоевать ее расположение, чтобы жениться на Мерседес. И вот я подумал, — как истинный рыцарь Луис решил все взять на себя, чтобы не выдать свою возлюбленную, — я подумал: а что, если мою склонность к странствиям направить на достижение какой-нибудь благородной цели? Например, такой, как ваша. Тогда мой недостаток превратился бы в достоинство в глазах королевы, а затем и всех остальных! С этой надеждой я пришел к вам, а потом ваши доводы окончательно убедили меня. Теперь ни один священник не верит так свято в бога, как я в то, что кратчайший путь к берегам Катая лежит через Атлантический океан; ни один ломбардец так не убежден, что его Ломбардия плоская, как я в том, что земля — это шар!

— Не следует говорить так непочтительно о служителях церкви, сеньор мой, — сказал Колумб и тут же с улыбкой добавил: — Значит, вас привлекли на мою сторону два таких мощных союзника, как любовь и разум? Сначала любовь, как более сильная, преодолела первые преграды, а затем разум довершил дело? Что ж, так часто случается: любовь торжествует в начале, разум — в конце!

— Я не отрицаю могущества любви, сеньор, ибо сам я не в силах с нею бороться, — продолжал Луис. — Теперь вы знаете мою тайну, знаете мои намерения, и мне нечего больше от вас скрывать. А потому я торжественно клянусь, — при этих словах Луис обнажил голову и поднял глаза к небесам, — последовать за вами в это путешествие по первому же зову, на любом судне, из любого порта, как только вы пожелаете! Даю эту клятву в надежде, во-первых — послужить богу и церкви, во-вторых — увидеть берега Катая и, наконец, — завоевать донью Мерседес де Вальверде!

— Принимаю ваш обет, сеньор, — проговорил Колумб, пораженный искренностью и пылом юноши. — Хотя, если уж держаться истины, вы бы могли перечислить вышеупомянутые причины в обратном порядке!

Луис был настолько увлечен своими мыслями, что даже не заметил шутки.

— Через несколько месяцев я стану полновластным хозяином своего состояния,— продолжал он,— и тогда ничто, кроме запрета самой королевы, не помешает нам снарядить по крайней мере одну каравеллу. Надеюсь, что денег хватит и на две, если только опекуны за годы моей юности не опустошили все мои сундуки. Дон Фердинанд мне не указ — я служу старшей ветви рода Трастамары,— и холодные расчеты короля меня не удержат.

— Ваши намерения великодушны, и ваши чувства делают честь такому благородному и смелому юноше, как вы, но принять это предложение я не могу. Было бы недостойно Колумба, если бы он воспользовался даром столь доверчивой души и столь горячей головы. Да к тому же главное и не в этом! Мне необходима поддержка какого-либо могущественного государя. Даже сам Гусман не решился бы взяться за такое обширное предприятие! Без высокого покровительства все наши открытия пойдут на пользу другим: ими воспользуются португальцы или еще кто-нибудь, а мы останемся ни при чем. Я чувствую в себе силы совершить славный подвиг, но он должен быть осуществлен в полном соответствии с величием замысла и цели... А теперь, дон Луис, простимся! Если во Франции мне улыбнется счастье, вы обо мне услышите. О спутнике с таким благородным сердцем и твердой рукой я могу лишь мечтать! Но пока вам не следует больше искушать судьбу. В Кастилии я конечный человек. Знакомство со мной не пойдет вам на пользу. А потому говорю еще раз: здесь мы должны расстаться!

Луис де Бобадилья горячо запротестовал, уверяя, что мнение других ему безразлично. Однако более умудренный годами и опытом Колумб не мог позволить доверчивому юноше из-за дружбы с ним рисковать своим будущим. Сам-то он стоял много выше людской молвы, но сейчас речь шла не о нем.

Простились они тепло. Колумб был растроган искренностью и глубоким волнением юноши, тем не менее, отъехав не очень далеко от города, они все-таки расстались: Колумб поехал дальше, а дон Луис де

Бобадилья повернул назад. Кровь Луиса кипела от ярости при мысли обо всех унижениях и оскорблениях, которые, как он догадывался, пришлось претерпеть его новому другу.

Совсем иные чувства обуревали Колумба. Семь мучительных лет он убеждал государей и знать Испании помочь ему снарядить экспедицию. Сколько лишений, насмешек и даже оскорблений пришлось ему вынести за эти долгие годы,—лишь бы не потерять даже тех немногих сторонников, которых ему удалось приобрести среди наиболее свободомыслящих и просвещенных умов! Пытаясь сделать сильных мира сего еще могущественнее, он сам едва зарабатывал себе на пропитание. Каждый луч надежды, как бы ни был он слаб, Колумб ловил с жадной радостью и каждое новое разочарование встречал со стойкостью, достойной самых закаленных сердец. Но теперь он переживал особенно горькие минуты.

Когда Изабелла снова призвала его, самые радужные мечты овладели душой Колумба. Однако он терпеливо ждал конца осады, сохраняя холодное достоинство и философическую покорность судьбе, которым научился за последние годы. Но вот приблизился решительный час, и все его светлые надежды рухнули. Он думал, что его намерения будут поняты, его самого оценят и его возвышенный замысел осуществится. А вместо этого на него по-прежнему смотрели как на безумца, словам его не верили, в услугах его не нуждались. Блистательные планы, вынашиваемые годами, рухнули в один день, оказанная ему ненадолго милость лишь возбудила несбыточные надежды, и теперь разочарование было еще мучительнее и горше.

Поэтому нет ничего удивительного, что, когда Колумб остался один на дороге, даже его непоколебимая душа дрогнула. Мореплаватель уронил голову на грудь. Пришел тот горький час, когда прошлое заслоняет грядущее, когда все сладостные упования тонут в волнах перенесенных страданий.

Семь лет, проведенных в Испании, были потеряны напрасно! А впереди его ждали, может быть, еще более долгие и трудные испытания, которые тоже могли кончиться ничем. Ему шел уже шестидесятый

год, жизнь ускользала от него, а великая цель была по-прежнему недостижима.

И все же высокая решимость поддерживала его. Ни на один миг не возникало у него мысли о том, чтобы поступиться своими правами, либо сомнения в осуществимости великого замысла. Тяжко было у него на душе, но он сохранял все свое мужество.

— Есть же бог всемогущий! — воскликнул Колумб. — Он должен знать, что хорошо, что плохо, и ему я вверяю себя!

Некоторое время мореплаватель ехал молча, потом глаза его сверкнули, едва приметная улыбка осветила суровое лицо, и он пробормотал:

— Да, господь что-то мешкает, но все равно мы доплывем до язычников, даже не знающих его имени!

После этой короткой вспышки чувств суровый мореплаватель, чьи волосы были уже белы как снег от забот, трудов и лишений, уверенно продолжал свой путь. Он признавал, что создан для великих дел, а в остальном спокойно полагался на судьбу. И, если тяжелые вздохи временами вырывались из его груди, лицо его сохраняло горделивую непроницаемость; если печаль и разочарование терзали его сердце, оно было достаточно сильно, чтобы вынести и эту боль.

Оставим теперь Колумба на выючной тропе, пересекающей равнину Вега, и поспешим обратно в Санта-Фе, ко двору Фердинанда и Изабеллы, возвратившихся туда после нескольких дней, проведенных в Альгамбре.

Луис де Сантанхель, человек пылких чувств и великодушных порывов, был одним из тех редких избранников, чей разум намного опережает свое время. Просветленное воображение позволяло ему многое предвидеть, не сбиваясь с истинного пути.

Расставшись с Колумбом, Сантанхель и его друг Алонсо де Кинтанилья направились к королевскому дворцу. Оба горячо осуждали постыдное решение совета, вынудившего славного мореплавателя навсегда покинуть Испанию. Дерзкий на язык сборщик церковных доходов не стеснялся в выражениях, хранитель кастильской казны и старый друг Колумба от него не отставал. И к тому времени, когда они дошли до королевских покоев, у обоих созрело решение

попытаться еще раз уговорить королеву, чтобы она спешно вернула Колумба и согласилась на его условия.

Изабелла охотно принимала своих приближенных, в чьей преданности и честности была уверена. То было время всевозможных церемоний, строгостей, сложного этикета, которым особенно славился кастильский двор, но по отношению к тем, кто был ей любезен, королева не соблюдала никаких формальностей, кроме самых необходимых для поддержания хорошего тона и приличий. Поэтому, когда Сантанхель и Кинтанилья попросили аудиенции, Изабелла тотчас ответила согласием, как бы давая заранее понять, что им ни в чем не будет отказа.

Королева приняла обоих сановников, окруженная своими любимицами: среди них, разумеется, находились маркиза де Мойя и донья Мерседес де Вальверде. Король, как обычно, занимался в соседнем кабинете своими расчетами и писанием приказов. Государственные дела составляли для него отраду и отдохновение; ничто его так не веселило, как стол, заваленный бумагами, от которых любой другой пришел бы в отчаяние. На коне он был рыцарем, во главе армии — полководцем, на совете — мудрецом, и вообще Фердинанда можно было бы назвать великим, если бы не низменность всех его побуждений.

— Что привело вас сюда в столь ранний час, сеньор Сантанхель и сеньор Кинтанилья? — спросила Изабелла с улыбкой радушной хозяйки. — Надеюсь, вы явились не как просители — для этого время еще неподходящее!

— Когда приносишь дар, а не прошение, всякое время бывает подходящим, милостивая сеньора! — с живостью возразил Луис де Сантанхель. — Мы здесь не для того, чтобы испрашивать себе милости, а для того, чтобы указать вашему высочеству, каким образом в короне Кастилии мог бы засиять несравненный алмаз, перед которым померкли бы все остальные.

Торопливая, взволнованная речь Сантанхеля и смелость его слов удивили Изабеллу. Однако к его нраву она привыкла, а потому не выказала особого недовольствия.

— Разве у мавров есть еще одно королевство, которое можно завоевать? — спросила она шутливо. — Или, может быть, уважаемый сборщик церковных доходов предлагает поход на Иерусалим?

— Нет, вашему высочеству надо только принять со смирением и благодарностью ниспосланный свыше дар, а не отвергать его, — ответил Сантанхель, почтительно и нежно целуя протянутую ему руку, чтобы немного смягчить резкость своих слов. — Знаете ли вы, милостивая моя госпожа, что сеньор Христофор Колумб, на коего мы возлагали столько надежд, сегодня сел на мула и покинул Санта-Фе?

— Я этого ожидала, сеньор, хотя и не знала, что он уже уехал. Мы с королем поручили рассмотреть его предложение архиепископу Гранадскому и другим достойным советникам, и они нашли условия генуэзца столь дерзкими и непомерными, что согласиться на них — значило бы пренебречь нашим долгом и унижить наше достоинство. Тому, кто предлагает столь сомнительное предприятие, следовало бы вести себя поскромнее. Многие считают его просто безумцем!

— О нет, сеньора! — возразил Сантанхель. — Человек, готовый ради чести отказаться от самых своих сокровенных надежд, достоин всяческого уважения! Колумб понимал, что приносит вам целую империю, и требовал соответственной награды.

— Тот, кто недостаточно высоко ценит себя сам, не может ожидать высокой оценки от других, — добавил Алонсо де Кинтанилья.

— А кроме того, — продолжал Сантанхель, не давая королеве даже вставить слово, — о характере человека и о его намерениях можно судить лишь по его делам. Если он добьется успеха, разве его открытие не затмит все прочие? Обойти кругом землю следом за солнцем — разве это не доказательство премудрости творца? А богатства, которые хлынут в Арагон и Кастилию? Ведь они же неисчислимы! Поистине я поражен: как могла государыня, обычно столь мудрая и прозорливая, отказаться от такого великого и славного дела!

— Вы горячитесь, мой добрый Сантанхель; — с беззлобной улыбкой заметила Изабелла, — а когда горячишься, легко можно забыться. Конечно, в случае успеха нас ждет и честь, и выгода. А в случае неудачи?

Если мы облечем Колумба потомственным званием вице-короля еще не открытых стран, а он их вовсе не откроет, что будут тогда говорить о мудрости наших советников? Кто возместит тогда непоправимый ущерб, нанесенный чести двух корон?

— Узнаю в этих речах сеньора архиепископа! — воскликнул Сантанхель. — Этот прелат не верит Колумбу, а когда не веришь, легче всего придумывать отговорки. Без риска нет и славы! Взгляните на наших соседей-португальцев, ваше высочество. Сколь много они получили от своих открытий! Но разве можно сравнить это с тем, что предлагает Колумб? Мы знаем, сеньора, что земля круглая...

— А вы в этом уверены? — раздался вдруг голос короля, который вышел из своего кабинета и незаметно приблизился к спорившим, привлеченный необычным тоном беседы. — Что, это твердо установлено? Наши доктора в Саламанке не могли прийти к единому мнению по этому основному вопросу. И, клянусь святым Яго, мне он самому не ясен!

— А если не круглая, то какой же она может быть? — возразил Сантанхель, мгновенно поворачиваясь к королю, как опытный боец к новому противнику. — Может ли хоть один доктор из Саламанки или откуда бы то ни было утверждать, что земля плоская, что у земли есть край, что можно стать на этот край и прыгнуть на солнце, когда оно будет прятаться на ночь? Разумно ли это, сеньор? И как это совместить со священным писанием?

— А может ли хоть один доктор из Саламанки или откуда бы то ни было утверждать, — с важным видом возразил король, хотя спор этот, в сущности, мало его занимал, — что есть страны, где люди ходят головами вниз, где дожди идут вверх и где моря не выливаются на облака, хотя поддерживающая их земля находится не под ними, а над ними?

— Объяснить эту великую тайну, сеньор дон Фердинанд, милостивый мой государь, под силу разве что одному Колумбу! Мы только знаем — это доказано, — что земля представляет собой шар, и все же моря везде остаются на своем месте. Корпус корабля много больше верхушки мачт, однако сначала мы замечаем именно мачты, когда сам корабль еще скрыт выпуск-

лой поверхностью океана. Раз это так—а все, кто бывал на море, могут это подтвердить,—почему же океанские воды не разольются везде ровно, хотя бы на наши берега? Да потому, что земля всюду шарообразна. Но, если земля круглая, значит, можно обойти вокруг нее по воде, а равно по земле, описав круг или часть его. Колумб намеревается проложить путь к подобному подвигу, и государь, который его поддержит, тем самым прославится на веки веков гораздо более, чем какой-нибудь завоеватель. Вспомните, сеньор: весь восток населен язычниками, и глава нашей церкви охотно дарует власть над ними любому христианскому монарху, который принесет им свет истинной веры. Верьте мне, донья Изабелла, если какой-нибудь другой король согласится на требования Колумба, он получит все выгоды от его открытия. И тогда враги Испании с победными гимнами поплывут вокруг земли, в то время как наш народ будет горестно сожалеть о том, что сегодня мы упустили счастье из рук!

— Куда направился сеньор Колумб? — с живостью осведомился Фердинанд: последние слова Сантанхеля мгновенно пробудили в нем политика.— Наверно, снова к дону Жуану Португальскому?

— Нет, сеньор, к королю французскому, чья любовь к Арагону уже вошла в поговорку.

Фердинанд пробормотал что-то сквозь зубы и взволнованно зашагал по комнате. Не было еще на свете человека, менее расположенного рисковать своими деньгами без полной уверенности в барыше, однако мысль о том, что кто-то другой может пожить олагодаря его промаху, тотчас вызвала у Фердинанда нестерпимую зависть, которая всегда определяла его жестокую и расчетливую политику.

Совсем иные чувства испытывала Изабелла. Желание послужить церкви давно склоняло ее на сторону Колумба. Она сочувствовала его великому и благородному замыслу и ожидала от его свершения немалой славы и больших результатов. Только война с маврами, имевшая для нее главным образом религиозное значение, мешала ей более подробно ознакомиться с идеями и планами мореплавателя. Поэтому ей стоило больших усилий согласиться с настояниями своего исповедника и отвергнуть условия Колумба. Тем бо-

лее что в ее отношении к генуэзцу играло свою роль и чисто женское сочувствие к Мерседес. Не зная, на что решиться, королева взглянула на прекрасную девушку, которая сидела, онемев от волнения, бледная, трепещущая, как воплощение пылкой и чистой любви.

— А что скажет об этом важном деле дочь моя маркиза? — спросила королева, как всегда обращаясь в минуту сомнения к своей верной подруге. — Неужто мы должны унизиться до того, чтобы призвать назад этого высокомерного генуэзца?

— Не называйте его высокомерным, сеньора, — ответила маркиза, — ибо он много выше подобных чувств. Лучше думайте о нем как о человеке, который точно знает, чего он хочет. Я полностью согласна с хранителем церковной казны. Страшно подумать, какой урон понесет Кастилия, если вскоре будет открыт целый новый свет и те, кто поддержит Колумба, станут с насмешкой указывать на нас и говорить, что слава этого открытия была у нас в руках и что мы ее так легкомысленно упустили...

— А все из-за какого-то титула! — вставил Сантанхель. — Из-за клочка пергамента, из-за пустого звука!

— О нет! — возразила королева. — Многие полагают, что требования Колумба много выше того, что он может дать, даже если сбудутся все его чаяния.

— В таком случае, госпожа моя, эти люди просто не знают целей генуэзца. Подумайте сами, сеньора, разве это мало — на опыте доказать, что земля круглая? Ведь пока мы знаем это лишь в теории! А богатства, которые мы получим из восточных владений? Ведь именно оттуда приходят все сокровища: пряности, жемчуг, шелк, золото, серебро! Наконец, подумайте о прославлении имени божьего!

Изабелла перекрестилась. От одной мысли о грядущей славе Испании щеки ее зарделись, глаза засверкали, полная, но все еще статная фигура, казалось, сделалась еще величественнее.

— Боюсь, дон Фердинанд, что наши советники действительно поспешили, — проговорила она, обращаясь к мужу. — Столь великий замысел, пожалуй, заслуживает более щедрой награды.

Но королю было мало дела до всех этих возвышенных соображений: струны зависти и политического расчета звучали в его душе куда громче желания послужить интересам науки или церкви. Фердинанд считался мудрым и хитрым государем, что не всегда совместимо с великодушием и справедливостью. Энтузиазм жены вызвал у него только усмешку, однако не отвлек от просмотра очередного документа, поданного ему секретарем.

— Ваше высочество судит так, как подобает донье Изабелле Кастильской, когда речь идет о славе церкви и чести ее короны,— заговорила Беатриса де Кабрера, зная, что королева поощряет подобную смелость в своем интимном кругу.— Что до меня, то я бы охотнее услышала ваш приказ о возвращении Колумба, чем новые крики торжества по поводу нашей победы над маврами!

— Я знаю, что ты меня любишь, Беатриса! — воскликнула королева.— Есть еще на свете верные сердца!

— Мы все вас любим и чтим, ваше высочество,— продолжал Сантанхель,— и все печемся только о вашей славе. Представьте себе, сеньора, открытую книгу истории, где вслед за страницей, где запечатлены славные победы над маврами, записаны деяния еще более великие — открытие короткого и доступного пути в Индию, расширение владений церкви. Представьте себе, какие неисчислимы богатства хлынут в Испанию! К Колумбу нельзя подходить с меркой холодного мужского расчета, его предприятие нуждается в благородной поддержке женщины, готовой ради славы божьей и благополучия церкви рискнуть многим.

— О нет, сеньор Сантанхель, как можно так говорить! Супруги неразделимы, а вы одновременно оскорбляете и льстите!

— Я просто не в силах скрыть разочарование, а если язык мой слишком дерзок, то лишь потому, что я болею за вас душой. Увы! Если французский король примет отвергнутые нами условия, сраму не оберешься, тогда уж Испании вовек не поднять головы!

— Сантанхель, вы уверены, что генуэзец отправился во Францию? — неожиданно спросил король своим резким и властным голосом.

— Я знаю это от него самого, ваше высочество. Да, да, сейчас он уже старается позабыть нашу кастильскую речь и ломает себе язык над французским произношением. Сеньора,—Сантанхель вновь обратился к королеве,—только ханжи и безмозглые рабы суеверий могут отрицать справедливость идей Колумба. Древние философы думали так же, как он. Пусть малодушным его замысел кажется слишком рискованным, даже безумным, но, если бы португалыцы не пустились в просторы Атлантики, они никогда не открыли бы своих островов! О господи, боже мой! У меня вся кровь закипает, когда я думаю о том, чего достигли эти луизитанцы, пока мы здесь, в Кастилии и Арагоне, дрались с неверными из-за каких-то нескольких гор и долин и препирались из-за их столицы!

— Сеньор, вы забываете о чести своих государей и о долге перед богом! — остановила его маркиза де Мойя, вовремя заметив, что Сантанхель в запальчивости перешел границы дозволенного.—Завоевание Гранады — одна из побед нашей церкви, и она одна прославит обе короны на веки веков. Сам глава католиков признал это, и все добрые христиане думают так же.

— Я не хочу преуменьшать наши успехи, донья Беатриса,—ответил Сантанхель.—Я только думаю о том, что победа Колумба дала бы церкви власть еще над миллионами и миллионами душ!

Маркиза, всегда стоявшая на страже интересов королевы, что-то возразила, и между нею, Сантанхелем и Алонсо де Кинтанилья завязался оживленный спор. Тем временем Изабелла отвела короля в сторону, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. Королева была серьезна и явно взволнованна, Фердинанд, как всегда, держался холодно, осторожно, хотя и весьма почтительно: с первой встречи и до последних дней он относился к Изабелле с глубоким уважением. Придворные уже привыкли к подобным сценам: король настолько же славился своей уклончивостью и осмотрительностью, насколько королева — великодушием и пылкостью, особенно когда речь заходила о каком-нибудь добром деле.

Эта тихая беседа продолжалась около получаса. Временами Изабелла смолкала, прислушиваясь к

тому, что говорят в другом углу, затем снова начинала убеждать своего супруга.

Наконец Изабелла оставила Фердинанда, который преспокойно вернулся к просмотру своих бумаг, и медленно двинулась к возбужденному кружку придворных. Теперь все они в один голос громко сожалели об отъезде Колумба — слишком громко даже, по мнению снисходительной хозяйки. Впрочем, она надеялась, что ее приближение умерит их пыл. Взглянув на Мерседес, королева остановилась. Девушка сидела в стороне и, забыв о своем рукоделии, жадно прислушивалась к речам приближенных королевы.

— Я вижу, ты не принимаешь участия в этом горячем споре, дитя мое,— заметила Изабелла, заглядывая во взволнованное лицо Мерседес.— Разве Колумб тебя больше не интересуется?

— Мои уста молчат, сеньора, потому что неопытной молодости больше пристала скромность, но сердце мое говорит!

— Что же говорит твое сердце, дитя? Ты тоже думаешь, что любая награда за услуги генуэзца не будет слишком велика?

— Раз уж вы удостоили меня такой чести, ваше высочество, я скажу то, что думаю,— ответила прелестная девушка, и бледное лицо ее порозовело от волнения.— Я верю, что это великое дело ниспослано вам в награду за все совершенное вами во славу нашей веры. Я думаю, что сама судьба привела Колумба к вашему двору и удерживала его здесь семь долгих лет, когда он терпел всяческие невзгоды, но все же не отказывался от своего замысла. И я верю, что этот последний призыв в защиту его не может быть не услышан!

— Ты слишком восторженна, дочка, особенно когда речь идет об этом путешествии,— возразила королева.— Но твое желание помочь Колумбу меня весьма трогает.

В ту минуту Изабелла не имела ни времени, ни желания разбираться в своих собственных чувствах, которые возникли у нее под влиянием множества самых разнообразных причин. Но этот короткий разговор с влюбленной девушкой сыграл свою роль, и, когда королева подошла к группе почтительно рассту-

пившихся перед нею придворных, разумные, хотя и слишком смелые речи Луиса де Сантанхеля показались ей уже гораздо убедительнее. Правда, Изабелла все еще колебалась. Расчетливый супруг только что указал ей, что сокровищницы обоих королевств пусты и что страна истощена войной.

— Скажите, сеньор Сантанхель, какая сумма нужна Колумбу, чтобы снарядить экспедицию, как он намеревался?

— Он просит всего-навсего две легкие каравеллы, сеньора, и три миллиона мараведи — сумма, которую любой молодой повеса истратит на свои развлечения за несколько недель!

— Да, это немного, — согласилась Изабелла, все более увлекаясь мыслью о благородстве целей смелого путешествия. — Сумма поистине невелика, однако супруг мой государь сомневается, найдется ли сейчас в сокровищницах обоих королевств даже такая малость.

— Какая обида, что из-за горсти золота мы можем упустить столь блестящий случай раздвинуть пределы христианства и прославить Испанию! — воскликнула донья Беатриса.

— Действительно, это было бы слишком обидно, — заметила королева. Сейчас щеки ее пылали от волнения почти так же ярко, как лицо Мерседес. — Сеньор Сантанхель, дон Фердинанд, как король Арагонский, не может принять участие в этом деле. Но я, как королева Кастильская, беру его под свое покровительство и сделаю все возможное, чтобы поддержать его на благо моих возлюбленных подданных. Если королевская казна пуста, моих личных драгоценностей вполне хватит, чтобы достать эту небольшую сумму. Я охотно отдам их в залог, лишь бы Колумб получил деньги, необходимые для доказательства своих теорий. Поистине значение их слишком велико, чтобы еще спорить и сомневаться!

Всеобщий крик восторга и восхищения встретил эти слова, ибо не так уж часто королевы соглашались расстаться со своими личными украшениями, будь то ради интересов церкви или кого-либо из подданных. Впрочем, главный сборщик церковных доходов быстро устранил все денежные затруднения, сказав, что

может ссудить требуемую сумму из церковной казны под одно слово королевы Кастильской и что расставаться со своими драгоценностями ей нет никакой нужды.

— А теперь надо вернуть Колумба!— сказала Изабелла.— Вы говорили, что он уже в пути. Надо немедленно сообщить ему о нашем решении!

— Ваше высочество!— воскликнул Алонсо де Кинтанилья, привлеченный цокотом копыт к окну.— Вот добровольный гонец, и уже снаряженный в дорогу! Во всем Санта-Фе вы не найдете человека, который с большей радостью сообщил бы генуэзцу эту весть, чем дон Луис де Бобадилья!

— Едва ли прилично давать такое поручение столь знатному рыцарю,— с сомнением заметила королева.— И в то же время каждая минута отсрочки усиливает обиду Колумба...

— Нет, сеньора, не отказывайтесь от услуг моего племянника!— с живостью воскликнула донья Беатриса.— Он будет только счастлив выполнить поручение вашего высочества!

— В таком случае, скорее зовите его сюда. Я не вправе медлить, когда главный участник великого путешествия с каждым шагом удаляется от нашего двора.

Один из пажей тотчас побежал за юным графом, и через несколько минут в приемной послышались шаги дона Луиса. Он вошел запыхавшийся, возбужденный, все еще пылая гневом из-за несправедливого изгнания своего нового друга. Да он и не скрывал своей неприязни к той, кто могла это предотвратить, и если бы королева сумела прочесть по его мрачным, горящим глазам его мысли, она бы поняла, что он считает ее виновницей крушения всех своих надежд. И все же юноша приветствовал ее хотя и сдержанно, но с должным почтением.

— Вам было угодно позвать меня, ваше высочество,— проговорил юный граф.

— Да, дон Луис, благодарю вас за то, что вы не замедлили прийти. Окажите мне услугу! Знаете ли вы, что случилось с сеньором Христофором Колумбом, генуэзским мореплавателем? Я слышала, вы были с ним довольно близки.

— Простите меня, сеньора, если у меня сорвется что лишнее с языка, но я должен высказаться, иначе сердце разорвется! Генуэзец сейчас потрясает прах Испании со своих ног и держит путь к другому двору, чтобы предложить там свои услуги, от которых ни один государь не должен был бы отказываться!

— Сразу видно, что вы не часто бываете при дворе, — с улыбкой заметила королева. — Но сейчас мы хотим воспользоваться вашей любовью к странствиям. Садитесь на коня и скачите вслед за сеньором Колумбом. Скажите ему, что все его условия будут приняты, и уговорите его вернуться. Я даю свое королевское слово, что он сможет отправиться в плавание, как только будут закончены все необходимые приготовления, а уж время отплытия пусть назначает сам.

— Сеньора! Донья Изабелла! Милостивая моя повелительница! Так ли я вас понял?

— В знак того, что слух вас не обманывает, вот вам моя рука, дон Луис.

Эти ласковые слова и протянутая для поцелуя рука пробудили в сердце влюбленного юноши все надежды, которые он старался забыть с тех пор, как узнал, что его счастье зависит от милости королевы. Припав на колени, он почтительно поцеловал руку своей повелительницы, затем, не поднимаясь, спросил, желает ли она, чтобы он тотчас исполнил ее поручение.

— Встаньте, дон Луис, и поспешите обрадовать генуэзца да и всех нас тоже. Потому что с того мгновения, как все это предприятие вдруг предстало передо мной в чудесном новом свете, признаюсь, у меня словно камень на сердце, и я не успокоюсь, пока сеньор Христофор не узнает о нашем последнем решении.

Дважды повторять такой приказ Луису де Бобадилья не было нужды: со всей поспешностью, какую позволял этикет, он раскланялся и через минуту уже сидел на коне.

Мерседес при появлении своего возлюбленного укрылась в нише окна, откуда, по счастью, был виден весь двор. Дон Луис заметил ее силуэт, и, хотя припороженный скакун уже рванулся вперед, он осадил его с такой силой, что храпящий конь встал на дыбы. В юности чувства так быстро сменяются,

влюбленные так легко переходят от отчаяния к радужным надеждам, что сейчас, когда глаза их встретились, в них сияли счастье и восторг. Ни Мерседес, ни Луис даже не думали об опасностях предстоящего путешествия, о том, как ничтожны шансы на успех и возвращение, о том, что тысячи причин могут еще побудить королеву отказаться от своего слова. Они забыли обо всем на свете!

Мерседес первая пришла в себя и подала Луису знак более не задерживаться. Снова гонец вонзил шпоры в бока благородного скакуна, искры посыпались из-под подков, и в следующий миг дон Луис де Бобадилья исчез из глаз.

Тем временем Колумб печально продолжал свой путь через Вегу. Расставшись с Луисом, он ехал медленно, часто останавливался и подолгу не двигался с места, опустив голову на грудь, как живое воплощение скорби. Благородная решимость, которую он выказывал на людях, сейчас почти покинула его. Поистине разочарование оказалось слишком горьким! На душе у него было невыносимо тяжело.

Так потихоньку добрался он до моста через Пиньос, где еще недавно происходило немало кровопролитных схваток, когда до его слуха донесся стук копыт. Обернувшись, Колумб увидел Луиса де Бобадилья, который мчался за ним на взмыленном скакуне.

— Радость! Радость! И тысячу раз радость, сеньор Колумб!— кричал нетерпеливый юноша, хотя находился еще слишком далеко, чтобы его слова можно было разобрать.— Слава деве Марии! Радость, сеньор, и ничего, кроме радости!

— Вот это неожиданность!— воскликнул мореплаватель.— Что заставило вас вернуться, дон Луис?

Однако юноша так запыхался, так спешил, что понять его скомканные, отрывистые фразы было довольно трудно. Колумб разобрал только, что Луис просит его немедленно повернуть назад.

— Но зачем я вернусь к этому не приветливому двору, где вечно колеблются и ни на что не могут решиться?— спросил он.— Разве мало я потерял времени, тщетно вытаясь принести им же пользу? Взгляните, юноша, на мои седые волосы и запомните: почти столько же лет, сколько вы живете на свете, я старался убедить правителей этого полуострова, что мой замысел осуществим, и все без толку!

— Но теперь будет толк! Изабелла, благородная королева Кастильская, поняла наконец значение ваших планов и дала свое королевское слово оказать вам поддержку и покровительство!

— Правда ли это? Может ли это быть, дон Луис?

— Меня для того и послали, чтобы скорее вернуть вас.

— Кто вас послал, мой юный сеньор?

— Сама донья Изабелла, моя милостивая повелительница.

— Знает ли она, что я не откажусь ни от одного из своих требований?

— Этого от вас никто и не ждет, сеньор. Наша великодушная королева согласна на все ваши условия и даже готова, как я слышал, заложить свои личные драгоценности, лишь бы экспедиция состоялась.

Колумб был глубоко тронут. На мгновение он снял шляпу и заслонился ею, словно устыдившись минутной слабости. А когда он снова открыл лицо, глаза его сияли от счастья и ни одна черта не выдавала недавней неуверенности. Долгие годы страданий были им позабыты в этот радостный миг! Он сказал, что согласен, и вместе со своим юным другом тотчас повернул обратно к Санта-Фе.

Глава IX

*О, как прекрасен ум, соединенный
Со святостью! И как могуч напев
Земной обыкновенной арфы, если
Ее коснется гения рука!
Тогда над алтарем высоким веры
Возносятся торжественные звуки
И прославляют бога в небесах.*

Джон Уилсон¹

Колумба встретили его друзья — Луис де Сантанхель и Алонсо де Кинтанилья. Оба не находили слов от радости, и оба громко восхваляли Изабеллу. Все это вместе с заверениями дона Луиса

¹ Уилсон Джон (1785—1854)—шотландский поэт.

убедило мореплавателя в серьезности намерений королевы и избавило от последних сомнений. Затем без всякого промедления его пригласили на аудиенцию.

— Сеньор Колумб, я рада вашему возвращению,— сказала Изабелла, когда генуэзец вошел и преклонил перед нею колена.— Теперь все недоразумения устранены. Надеюсь, отныне мы будем действовать сообща, стремясь к одной великой цели. Встаньте, сеньор, и вот вам залог моей дружбы и покровительства!— С этими словами королева протянула ему руку.

Колумб поцеловал ее и поднялся с коленей. Все присутствующие преисполнились надежды, ибо, как это ни странно, именно с этого мгновения великая мечта начала облекаться плотью. После длительного периода, когда слова Колумба подвергались сомнениям, а сам он — насмешкам и унижениям, это был первый миг его признания и торжества.

— Сеньора, от всей души благодарю вас за доброту,— проговорил Колумб с серьезностью и благородством, которые немало способствовали его успеху.— Она мне особенно дорога, потому что сегодня я меньше всего на нее рассчитывал. Нам предстоят великие дела, и я верю, что все мы сумеем достойно исполнить свой долг. Надеюсь, что и король не откажет моему предприятию в своем высоком покровительстве.

— Вы служите Кастилии, сеньор Колумб, а в этом королевстве ничего не делается без согласия и одобрения короля Арагонского. Дон Фердинанд при всей его мудрости и крайней осторожности тоже склонился на вашу сторону, хотя и не столь поспешно, как увлекающаяся и доверчивая женщина.

— С меня довольно мудрости и доверия Изабеллы Кастильской,— ответил мореплаватель с такой искренностью и достоинством, что невозможно было не принять его комплимент.— Одного этого достаточно, чтобы впредь оградить меня от насмешек пустоголовых бездельников. Я возлагаю на вас все свои надежды. Отныне и, надеюсь, навсегда я слуга и подданный вашего высочества!

Правдивый тон и гордая осанка Колумба произвели на королеву огромное впечатление. До сих пор она

его мало знала и ни разу не испытывала на себе того влияния, какое его вид и речь обычно оказывали на собеседников. Он не обладал утонченностью придворного, приобретенной годами праздной жизни, однако отсутствие внешнего лоска не могло скрыть сущности его возвышенной и могучей натуры, проявлявшейся буквально во всем. Умение властвовать над людьми и глубокая серьезность сочетались у Колумба с непоколебимой и пылкой верой в себя, которая придавала особую убедительность всем его словам и поступкам. Особенно высоко в нем было развито чувство справедливости в том смысле, как его понимали в те времена.

— Благодарю вас, сеньор, за такое доверие,— ответила Колумбу королева, удивленная и обрадованная его словами.— Пока бог не отнимет у меня власть и право решать, ваши интересы и судьба давно задуманного вами плана будут находиться под моим особым покровительством. Однако не следует забывать о короле: ведь он тоже примкнул к нам и теперь будет ждать результатов ваших открытий с таким же нетерпением, как и мы.

Колумб поклонился в знак согласия.

Тут дон Фердинанд вошел в залу и присоединился к разговору, словно для того, чтобы показать, что он тоже готов поддержать обещания своей жены.

— Наш беглец вернулся!— радостно обратилась Изабелла к мужу; глаза ее сверкали и лицо покраснелось не меньше, чем лицо Мерседес, которая находилась тут же и видела все происходящее.— Наш беглец вернулся, и теперь надо сделать все возможное, чтобы он без промедления смог отправиться в свое великое путешествие. Если ему действительно удастся достичь берегов Индии и Китая, это будет для христианской веры такое торжество, какое превзойдет по своему значению даже освобождение наших земель от мавров!

— Рад снова вас видеть в Санта-Фе, сеньор Колумб,— учтиво проговорил король и, обращаясь к Изабелле, добавил:— Если он сделает хотя бы половину того, на что вы, видимо, рассчитываете, нам не придется сожалеть о своем решении. Возможно, ему и не удастся увеличить могущество королевства Кастильского, но, может быть, сам он, как кастильский

подданный, обогатится настолько, что не будет знать, куда девать свое золото.

— Добрый христианин всегда найдет, на что употребить свои богатства, пока гроб господень остается во власти неверных,— отозвался Колумб.

— Как! Вы замышляете еще и крестовый поход?— быстро спросил Фердинанд своим резким, крикливым голосом.— И это одновременно с вашими открытиями?

— Да, ваше высочество. Именно на это я и хотел употребить те богатства, которые, несомненно, принесет открытие нового пути в Индию!

Энтузиазм мореплавателя вызвал у Изабеллы улыбку, хотя, по совести говоря, слова его встретили отклик в ее набожной душе. Жаль только, что век крестовых походов отошел навсегда!

Фердинанд тоже улыбнулся, но совсем с иными чувствами: он вдруг усомнился, разумно ли доверять этому сумасшедшему даже две легкие каравеллы и даже такую незначительную сумму, как три миллиона мараведи? Подумать только! Еще не приступив к осуществлению одного весьма сомнительного предприятия, он уже мечтает о новом, еще более безнадежном! Фердинанд с одинаковым недоверием относился и к открытию западного пути в Индию, и к крестовому походу на Иерусалим, так что было вполне достаточно чего-нибудь одного, чтобы возбудить всю его подозрительность. А тут перед ним стоял человек, который собирался осуществить первое, а в случае успеха уже помышлял о втором!

Отойдя в сторону, Фердинанд несколько минут серьезно раздумывал над тем, как ему избавиться от генуэзца, и, если бы разговор на этом и кончился, кто знает, может быть, холодная расчетливость короля и одержала бы верх над доброй волей и благими намерениями его жены. К счастью, беседа продолжалась, и, когда Фердинанд снова приблизился, он увидел, что Изабелла и Колумб настолько поглощены разговором, что никто из них даже не заметил его короткого отсутствия.

— Постараюсь ответить на вопрос вашего высочества,— говорил мореплаватель.— Я намереваюсь до-

стичь владений великого хана¹, потомка того монарха, которого посетил Марко Поло. В те времена многие при его пышном дворе выражали желание принять христианство, включая самого хана. В книге пророков сказано, что настанет день, когда вся земля будет чтить единого бога, и день этот, судя по многим приметам и знамениям, приближается. Для того чтобы утвердить во всех новых обширных владениях власть нашей церкви, понадобится лишь проповедь веры, поддерживаемая могуществом христианских государей.

— Да, видимо, это так,— согласилась королева.— Скажите, сеньор, эти Поло были миссионерами?

— Нет, всего лишь купцами, путешественниками. Они больше заботились о своей выгоде, но и о церкви не забывали. Сеньора, я полагаю, что вперед следует утвердить христианство на островах, а уж потом пронести крест по всему материку. Удобнее всего было бы начать с острова Сипанго. Думаю, там наша вера распространится с чудесной быстротой!

— А есть на этом Сипанго пряности или еще что-либо ценное, что может наполнить нашу казну и вознаградить нас за такой риск и расходы? — не совсем кстати вмешался в благочестивую беседу король.

Изабелла на секунду смутилась, но ничем не выдала своего недовольства.

— Судя по словам Марко Поло, ваше высочество, Сипанго — самый богатый остров на свете,— ответил Колумб.— Особенно много там золота, есть также драгоценные камни и жемчуг. Да и вообще весь восток — это край неистощимых богатств и язычества. Видно, сама судьба соединила одно с другим, чтобы вознаградить христианского государя, который согласится распространить на эти земли власть нашей церкви. Моря там изобилуют и не такими большими островами, как Сипанго,— Марко Поло насчитал их не менее семи тысяч четырехсот сорока. И на каждом из

¹ Великий хан — так Марко Поло называл потомка Чингис-хана — Хубилая, который с 1259 по 1294 год правил Китаем.

этих островов произрастает какое-нибудь ароматическое растение. Этими островами и я предполагаю заняться в первую очередь, милостивые сеньор и сеньора, чтобы послужить церкви и прославить оба королевства. Если нам удастся благополучно доплыть до Сипанго — а я полагаю, что при умелом управлении судами это можно сделать за два месяца, — мы освоимся там, а затем перейдем на материк и отправимся к великому хану в его королевство Катай. Тот день, когда моя нога ступит на землю Азии, будет днем славы для Испании и для всех, кто примет участие в этом великом плавании!

Пока Колумб спокойно, с глубокой убежденностью делился своими планами, Фердинанд не сводил с него пронизательных глаз. Он уже не знал, что ему и думать. Холодный расчет призывал его к осторожности, но перечень фантастических богатств был слишком соблазнителен. Изабелла же слышала, вернее, думала только о спасении и обращении неверных, и получилось так, что король и королева, следуя каждый своим различным склонностям, окончательно решили осуществить замысел Колумба.

Далее началось подробное обсуждение условий генуэзца, и все они были приняты одно за другим. О возражениях архиепископа больше никто не вспоминал. Колумб мог быть удовлетворен: с ним разговаривали и выслушивали его пожелания так, словно он был монарх, заключающий торжественный договор с монархами. Даже его предложение взять на себя одну восьмую часть расходов по экспедиции при условии, что потом он будет получать одну восьмую всех доходов с вновь открытых земель, было принято без возражений. Таким образом, он сразу стал как бы равноправным компаньоном королевской четы: каждый рисковал своей долей и в случае успеха мог рассчитывать на соответствующую выгоду.

Луис де Сантанхель и Алонсо де Кинтанилья покинули дворец вместе с Колумбом. Они проводили его до дома, где он остановился, и простились с ним почтительно и дружески, стараясь смягчить боль недавней обиды и разочарования.

Когда Колумб удалился, Луис де Сантанхель, несмотря на широту своих взглядов и на то, что именно он оказал мореплавателю решающую поддержку, воскликнул:

— Клянусь всеми святыми, друг мой Алонсо, этот генуэзец вознесся так высоко, что я уже сомневаюсь, правильно ли мы поступили! Он разговаривал с королем и королевой, как равный с равными!

— А кто помог ему в этом, как не вы, дон Луис? — возразил Алонсо де Кинтанилья. — Если бы не ваше смелое вмешательство — благодарите, кстати, донью Изабеллу, что она снесла все ваши дерзости, — с этим путешествием было бы покончено и генуэзец сейчас продолжал бы свой путь ко двору французского короля.

— О том, что сделано, я не жалею: чтобы не дать французам возгордиться, я бы и не на то еще пошел! Донье Изабелле, да благословят ее небеса за добрые намерения, не придется жалеть о столь ничтожной плате за столь благородное начинание, даже если оно кончится ничем! Но теперь, когда дело сделано, я сам поражаюсь, как могли королева Кастильская и король Арагонский согласиться на такие условия какого-то безвестного, безродного морского бродяги, у которого нет ни имени, ни денег, ни связей!

— Зато за него горой стоял Луис де Сантанхель!

— Да, что верно, то верно, — вздохнул сборщик церковной десятины. — И опять-таки не жалею — дело доброе и того стоит. Я только удивляюсь нашему успеху и тому, как держался сам Колумб. По совести говоря, я весьма опасался, как бы его непомерные требования нам все не испортили!

— А сами говорили королеве, будто это пустяки по сравнению с выгодами, которые принесет его путешествие!

— Удивляться тут нечему, достойный мой друг. Мы пускаемся на все, чтобы добиться цели, а когда добиваемся, испытываем лишь усталость, и тогда перед нами предстает другая сторона медали. Сейчас я просто изумлен своим собственным успехом! Что касается генуэзца, то он поистине удивительный чело-

век, и в глубине души я его одобряю за то, что он предъявил такие требования. Если он добьется своего, никакие почести и титулы не будут для него слишком высоки! А если нет, ему от них будет мало толку, да и Кастилия потеряет немного.

— Я заметил, друг мой Сантанхель, что люди всегда смеются над претензиями пустозвонов, но если даже почтенный человек сам себя не ценит, то и остальные его не ценят. Может быть, именно высокие требования Колумба оказали ему самую большую услугу. Король и королева сразу почувствовали, что разговаривают с человеком, уверенным в себе и в своих замыслах.

— Да, наверное, так оно и есть, друг мой Алонсо. Люди часто думают о нас то, что мы сами о себе думаем, во всяком случае, до тех пор, пока наши дела не слишком расходятся с нашими словами. Но у Колумба есть неопценимые достоинства, которые его спасают, что бы он ни делал и ни говорил: это рассудительность, умение себя держать и благородство чувств. Ей-богу, когда я его слушал, мне казалось, что на него снизошло вдохновение!

— Ну что ж, теперь посмотрим, истинное это было вдохновение или нет,—отозвался Алонсо де Кинтанилья.—А признаться по чести, я тоже сомневаюсь, умно ли мы поступили.

Вот так говорили о Колумбе и его великом путешествии даже самые преданные, самые ревностные его друзья и покровители! Когда дело его казалось уже безнадежным, они шли на все, чтобы защитить его и поддержать, а теперь, когда он получил наконец возможность доказать свою правоту, в их души закралось недоверие и сомнение.

Однако Луис де Сантанхель и Алонсо де Кинтанилья, несмотря на подобные речи, сохранили верность своим прежним убеждениям. Достаточно было одного присутствия Колумба, чтобы от их мимолетных сомнений не осталось и следа. Ибо, как было уже замечено, спокойствие, твердость и глубокая уверенность в себе этого необычайного человека убеждали не только его ревностных сторонников, но и всех, кому доводилось его слышать.

*...Там на холмах поют!
Грустны и сладостны Испании напевы,—
Я помню вас. Изгнанника юдоль —
Вас вспоминать. О песни детства, где вы?
Какую пробуждаете вы боль!*

«Лесное святилище»

После того как Изабелла дала свое королевское слово поддержать великий замысел Колумба, никто больше не сомневался в том, что экспедиция состоится, но никто и не придавал ей особого значения. Недавняя победа над маврами настолько занимала все умы, что это новое предприятие осталось почти незамеченным. И действительно, возможные, но весьма гадательные его последствия всем казались ничтожными по сравнению с завоеванием Гранады.

Впрочем, не всем: было одно юное и благородное сердце, счастье которого целиком зависело от успеха великого путешествия. Вряд ли нужно говорить, что речь идет о Мерседес де Вальверде.

Со всем пылом неискушенной, чистой души следила она за ходом событий. Надежды ее, казалось, уже приблизились к осуществлению. Мерседес испытывала глубокую, нежную радость, а временами — почти полное счастье. Однако, несмотря на беззаветную любовь к Луису, она не утратила обычной своей рассудительности и прозорливости; наоборот, качества эти под влиянием чувства, пробуждающего все силы женской души, сейчас еще больше обострились. Поэтому она вовремя заметила недовольство королевы и своей опекуни и в душе согласилась с ними, ибо все возрастающая любовь к Луису отнюдь не ослепляла ее.

Мерседес никогда не забывала о том, какие обязанности налагают на нее ее имя и положение при дворе, и даже не помышляла о замужестве без согласия королевы. Она держалась с предельной скромностью и осторожностью, искренне надеясь, что ее возлюбленный сумеет сам доказать, что она сделала правильный выбор.

Тем временем в кругах, близких к Изабелле, стало известно, что договор с Колумбом надлежащим обра-

зом составлен, изложен на бумаге, скреплен подписями и вступил в силу. Пока длились все эти приготовления, Луис и не пытался встретиться со своей возлюбленной и даже случайно не видел ее ни разу. Но, когда Колумб, покончив с делами при дворе, отбыл на побережье, юноша решил воспользоваться добротой своей тетки. Перед тем как покинуть Испанию, отправляясь в опасное плавание, он хотел заручиться обещанием, что в случае удачи его сватовство будет встречено благожелательно высокими покровительницами Мерседес.

— Я вижу, ты уже кое-чему научился у своего нового наставника! — с улыбкой ответила на просьбу юноши взыскательная, но добросердечная маркиза. — Ты тоже ставишь условия! Но не забывай, Луис: Мерседес не крестьянка, чтобы все решить вот так просто. В ней течет кровь древнейших испанских родов: по матери она Гусман, а по отцу принадлежит к семейству Мендосы. Кроме того, она одна из самых богатых невест Кастилии. И плохой бы я была опекуницей, если бы забыла о своем долге ради легкомысленного бродяги лишь потому, что этот бродяга — сын моего любимого брата!

— Ну хорошо, пусть донья Мерседес богата, знатна, красива, не говоря уж о ее чистоте, правдивости и тысяче других достоинств, — что из этого, донья Беатриса? Разве Бобадилья ей не пара?

— Что? И ты это говоришь серьезно? — воскликнула донья Беатриса. — Даже вспомнив о ее чистоте, правдивости и тысяче других достоинств? Да такому бродяге, как ты, нельзя доверять и десятой доли таких достоинств, иначе он их все растеряет в своих бесконечных странствиях!

Луису ничего не оставалось, как вместе с теткой посмеяться над самим собой. Но, чтобы не уронить установившуюся за ним репутацию человека веселого и покладистого, он постарался не выдать досаду, вызванную ее словами.

— Я не могу, как ее высочество, называть вас «дочь моя маркиза», — ответил Луис с такой плутоватой улыбкой, что сердце доньи Беатрисы дрогнуло, настолько он в этот миг походил на ее брата, когда тот собирался ее о чем-нибудь попросить, — но зато я

могу вас назвать «тетушка моя маркиза». И еще какая — золото, а не тетушка! Так неужели вы станете судить меня за старые грехи? А я-то надеялся, что теперь, когда Колумб должен вот-вот отплыть, вы меня простите во имя благородной цели его путешествия.

— Луис, неужели ты думаешь, что одного мужества достаточно, чтобы получить Мерседес? — возразила маркиза с той суровостью, какой частенько отличались ее слова и поступки. — Неужели ты только этим хочешь завоевать мое расположение? Наивный мальчишка! Разве ты не знаешь, что ее мать, Мерседес де Гусман, была подругой моего детства, самой близкой и любимой после ее высочества, и что перед смертью она доверила мне свое дитя? Болезнь ее длилась долго, и мы часто говорили с ней о судьбе сиротки. Конечно, мужем ее должен был стать лишь знатный человек, — но даже среди нас есть такие разные люди, что трудно было выбрать кого-либо заранее. Я думаю, бедная мать больше заботилась о счастье своей дочери, чем о собственной душе, и чаще молилась о ней, чем о себе. Ты не знаешь, Луис, как сильна материнская любовь! И тебе, конечно, трудно представить, что чувствовала моя подруга, думая о том, как ее нежная Мерседес будет жить одна среди равнодушных, чужих людей.

— Донья Беатриса, я надеюсь, молитвы святых отцов помогли ее материнской душе обрести райское блаженство! Но разве тетки не должны относиться к своим племянникам с такой же заботой, как матери — к дочерям?

— Нет, Луис, хотя мы и в кровном родстве, однако не в таком близком. Ты не восторженная и наивная девушка, и я тебе не любящая нежная мать.

— Клянусь святым Яго, неужели вы думаете, что Мерседес будет со мной несчастлива? Я тоже чувствителен, и, по чести сказать, даже слишком, и так же чистосердечен и постоянен, о чем вы можете судить по тому, что я всю жизнь любил одну Мерседес, хотя мог бы увлечься десятком других! И, если я не столь наивен, зато я молод, здоров, силен и смел, что для рыцаря гораздо важнее. Чего же вы еще хотите? Клянусь, я буду ей добрым мужем!

— И это ты-то, при своей ветрености, считаешь себя вполне достойным мужем для Мерседес де Вальверде?

— Ах, тетушка, вы задаете такие странные вопросы! Кто же может быть вполне достоин такого совершенства? И все же я ей пара. Я не менее знатен, почти так же богат, ничем не хуже других рыцарей, а главное — она мне дороже собственной души, а это одно чего-нибудь да стоит. Я сделаю все, чтобы она была со мной счастлива!

— Да ты просто неопытный мальчишка с добрым сердцем, беззаботным характером и светлой головой, забитой всякими пустяками! — воскликнула донья Беатриса, невольно поддаваясь родственным чувствам, но все же возмущаясь дерзостью своего племянника. — Однако послушай меня и подумай хорошенько над тем, что я тебе скажу. Ты уже знаешь, что мать Мерседес перед смертью вверила мне судьбу своей единственной дочери. Незадолго до рокового часа мы с королевой сидели у ее изголовья, и тогда она обратилась к нам со словами, которых мы никогда не забудем. Мы поклялись сделать все возможное, чтобы ее дочь была счастлива. Ты думаешь, что королева к тебе немилостива. И ты даже посмел в недостойных речах утверждать, что ее высочество чересчур заботится о благополучии своих подданных и вмешивается в дела, которые ее не...

— О нет, донья Беатриса! — поспешил прервать ее Луис. — Вы ко мне несправедливы! Да, мне было горько, когда я на себе почувствовал, что донья Изабелла не верит в мою любовь и постоянство. Однако я никогда не сомневался в ее праве распоряжаться нашими жизнями. Мы все знаем благородство королевы, знаем, что она ничего не делает ради каприза или из желания проявить свою власть!

Все это дон Луис высказал так горячо и убежденно, что трудно было усомниться в его искренности.

Если бы люди знали, к чему может привести даже одно слово, они бы больше думали и меньше болтали, а сплетники вообще исчезли бы из всех слоев общества!

Луис де Бобадилья никогда не заботился о выражениях и не думал о том, что говорит. И тем не менее этот

сорвавшийся с его уст быстрый ответ сослужил ему добрую службу и во многом определил его дальнейшую судьбу. Такая похвала по адресу Изабеллы тронула сердце маркизы, боготворившей свою царственную подругу и повелительницу. Она не замедлила передать слова Луиса королеве, и та, зная правдивость доньи Беатрисы, поверила в них безоговорочно.

Изабелла при всех ее добродетелях была всего лишь женщина. Когда она узнала, что, несмотря на ее холодность к нему, юный граф Луис де Льера отзывается о ней с глубоким почтением и высоко ценит ее достоинства, о которых и она сама была не менее высокого мнения, королева, в свою очередь, стала снисходительнее к его недостаткам и начала думать, что, пожалуй, напрасно принимала заблуждения молодости за порочные склонности. Но мы забежали слишком вперед. Первым же следствием ответа Луиса было то, что выражение лица его тетки смягчилось и она более благосклонно отнеслась к просьбе племянника позволить ему повидаться с Мерседес.

— Может быть, я была к тебе несправедлива, Луис,— сказала донья Беатриса, выдавая этим перемену, происшедшую в ее чувствах.— Но теперь я вижу, что ты помнишь о своем долге перед королевой и ценишь ее сердце. Выказывая уважение и любовь к донье Изабелле, ты только выигрываешь в моих глазах, ибо кто не может оценить добродетельнейшую женщину, вообще недостоин женской любви.

— Разве я не доказал обратного своей привязанностью к вашей воспитаннице, тетушка? Разве сам мой выбор не является как бы залогом истинности и верности моих чувств?

— Ах, Луис! Да ведь любой воспылал бы нежными чувствами к такой богатой и знатной невесте, если она к тому же самая красивая девушка в Испании!

— Значит, вы считаете меня лицемером, маркиза? Вы обвиняете сына вашего брата в недостойном притворстве? Неужели вы думаете, что золото и земли невесты могут повлиять на такое чувство, как любовь?

— Не просто земли, а чужестранные, далекие, к которым так влечет! — улыбаясь, ответила донья Беатриса.— Нет, Луис, тот, кто тебя знает, никогда не посмеет назвать тебя лицемером. Мы с королевой

верим в искренность и силу твоей любви, но именно потому и боимся.

— Как! Неужели вы цените притворные чувства выше истинных? — вскричал юноша. — Неужели напускная, лицемерная любовь вам дороже честной мужественной страсти?

— Именно такая честная мужественная страсть, как ты говоришь, может скорее всего возбудить ответные чувства в нежном сердце девушки. Такая страсть для нее — настоящее испытание, если только голова ее не забита тщеславными помыслами. И чем бескорыстнее любовь, тем скорее она находит отклик. Два родственных сердца сливаются в одно естественнее, чем две капли воды, мой племянник! Если бы ты не любил Мерседес всерьез, мой дорогой родственник, ты мог бы с нею петь и смеяться, сколько тебе угодно, в любое время, дозволенное приличиями, и меня бы это ничуть не тревожило.

— Если я действительно дорогой для вас родственник, тетушка, почему же мне нельзя хотя бы взглянуть на вашу воспитанницу, которая...

— ...которая находится под особым покровительством королевы Кастильской!

— Пусть так. Но чем род Бобадилья не угодил королеве Кастильской?

И Луис, пользуясь благоприятной минутой, принялся так упрощать, умасливать и уговаривать свою тетушку, что та в конце концов не устояла и дала слово переговорить с королевой о его желании повидаться с Мерседес. А согласие королевы было необходимо, потому что Изабелла, зная о родственных чувствах маркизы к своему племяннику, заранее условилась с ней, чтобы молодые люди встречались как можно реже, — так-то оно спокойнее!

Донья Беатриса сдержала свое слово. Пересказав Изабелле свою беседу с племянником, она попутно упомянула и о его чувствах к своей королеве. Лестные его слова не замедлили принести свой первый плод: королева не стала возражать против свидания нашего героя с Мерседес.

— Они ведь не государи! — заметила она с печальной улыбкой, и трудно было понять, что в ней отразилось: внезапная грусть или просто воспомина-

ние о чувствах, которые давно угасли и никогда уже не оживут.— Ведь только царствующие особы вступают в брак по расчету, даже не зная друг друга. Часто видется им, конечно, не следует, но было бы жестоко лишить их возможности проститься. Юноша отправляется в опасное плавание, исход которого никому не известен. Так пусть перед долгой разлукой выскажет свои чувства, пусть уверит любимую в своей преданности! Если ваша воспитанница действительно питает к нему склонность, память об этом свидании скрасит ей немало тяжелых часов, когда дон Луис будет уже далеко.

— И подольет масла в огонь! — добавила маркиза де Мойя.

— Этого мы не можем знать, добрая моя Беатриса,— возразила королева.— Тому, кто свято верит, не страшны соблазны и испытания. Мерседес никогда не забудет о своем долге. Она слишком долго жила воображением, и было бы неразумно оставлять нашу восторженную подопечную во власти ее грез. К тому же действительность далеко не так привлекательна, как мечты! Да и ваш племянник ничего не потеряет: если у него перед глазами постоянно будет образ той, кого он так усердно домогается, он приложит все силы, чтобы плавание закончилось успешно.

— Я весьма опасаюсь, ваше высочество... Ведь самые мудрые предположения не много значат в сердечных делах!

— Может быть, ты и права, Беатриса, однако дон Луис скоро уезжает, и я не вижу причины отказывать ему в прощальном свидании. Скажи ему, что я не возражаю, и заодно напомни, что ни один гранд не должен покидать Кастилию, не простившись со своей государыней!

— Ах, ваше высочество! — рассмеялась маркиза.— Это милостивое и лестное напоминание дону Луису покажется суровым упреком. Ведь он столько раз покидал страну, не простившись даже со своей родной теткой!

— Тогда он уезжал без определенной цели, а теперь принимает участие в благородном и серьезном деле,— разница немалая, и надо ему показать, что мы это понимаем.

Дав таким образом маркизе понять, что Луис может повидаться с Мерседес, королева заговорила о другом.

Что касается ее подруги, то маркиза де Мойя отнеслась к своим обязанностям опекуны более строго, чем сама королева. Не говоря уж о прямой ответственности за свою воспитанницу, она опасалась, что такая поблажка Луису вызовет подозрения, будто она сама хлопочет об этом почетном и выгодном для ее племянника браке. Но слово королевы было для доньи Беатрисы законом, и при первой же возможности она сказала Мерседес, что Луису разрешено с нею проститься перед далеким и полным опасностей плаванием.

Наша героиня встретила это известие с тем смешанным чувством тревоги и счастья, радости и смущения, которое охватывает юное сердце перед встречей с любимым. Она была уверена, что Луис не отправится в столь трудную экспедицию, не попытавшись увидеться с ней наедине, но сейчас Мерседес едва ли не сожалела о том, что маркиза и королева согласились на это свидание. Однако постепенно эти противоречивые чувства уступили место нежной печали, которая все усиливалась по мере того, как приближался час разлуки.

Мерседес уже не радовалась, что ее возлюбленный с такой готовностью принял ее совет отправиться вместе с Колумбом. Порой она восхищалась его мужеством и готовностью совершить подвиг во славу церкви, порой гордилась тем, что он единственный из всей кастильской знати рискнул последовать за генуэзцем, но иногда сомнения вновь овладевали ею, и она с тоской думала, что, может быть, не любовь, а тяга к странствиям и приключениям толкнула его на этот шаг. Чем невиннее и чище любовь, тем мучительнее ее колебания и неуверенность в себе!

Донья Беатриса решила быть милостивой к влюбленным. Как только Луис явился к ней в день отъезда, она сразу сообщила ему, что Мерседес его ждет у себя. Граф Луис де Льера торопливо поцеловал руку маркизы де Мойя, кое-как покончил с прочими, обычными в те времена изъявлениями уважения младшего к стар-

шей, и к тому же близкой родственнице, и поспешил к своей возлюбленной.

Мерседес была предупреждена заранее и встретила его спокойно; только щеки ее слегка розовели от волнения да печальные и кроткие глаза сияли ярче обычного. Однако при виде Луиса невольный возглас вырвался у нее, и она чуть не бросилась к нему навстречу. В последнее мгновение, устыдившись своих чувств, она сдержалась и лишь доверчиво протянула ему руку.

— Мерседес! — воскликнул юноша, осыпая ее руку горячими поцелуями. — Последнее время увидеть вас труднее, чем открыть неведомый Катай генуэзца Колумба! Донья Беатриса и донья Изабелла охраняют вас строже, чем архангелы райские врата!

— Может быть, это необходимо, Луис? Может быть, вы действительно опасны?

— Неужто вы думаете, что я собираюсь похитить вас, словно какой-нибудь испанский рыцарь мавританку? Посажу на круп своего коня и отвезу на каравеллу, чтобы вместе с вами отправиться на поиски пресвитера Иоанна и великого хана?

— Вы, может быть, и способны на подобные безумства, Луис, но вряд ли вы думаете, что я на это соглашусь.

— Разумеется, нет! Вы поистине образец осмотрительности во всем, что касается нашей любви!

— Луис! — воскликнула девушка, и непрошеные слезы хлынули из ее глаз.

— Простите меня, Мерседес! Любимая, дорогая, простите! Но эти жестокие отсрочки, эта холодная осторожность сводят меня с ума! Кто я по-вашему: безвестный нищий, авантюрист или кастильский рыцарь?

— Вы забываете, что кастильянкам знатного рода не дозволено оставаться с глазу на глаз даже с благороднейшими рыцарями. Только милость ее высочества и снисходительность моей опекуни и вашей тетушки позволили нам встретиться наедине.

— Наедине! Вы называете это «наедине» и говорите об особой милости ее высочества, хотя знаете, что за нами следит пара глаз и что нас подслушивает пара ушей! Я боюсь говорить даже шепотом, чтобы случай-

но не оторвать от размышлений вон ту почтенную сеньору! — И Луис де Бобадилья показал глазами на открытую дверь в соседнюю комнату, где с молитвенником в руках тихо сидела дуэнья его возлюбленной.

— Вы говорите про мою добрую Пепиту?

Мерседес рассмеялась. Она знала Пепиту с раннего детства, привыкла к ней, как к собственной тени, и в наивности своей не могла даже представить, что та может кого-либо стеснять.

— Она почему-то была очень недовольна, когда узнала о нашем свидании,—продолжала Мерседес.—Пепита говорит, что благородные девушки так поступать не должны и что моя бедная мамочка, будь она жива, никогда бы этого не допустила.

— То-то у нее такая внешность, что рука сама тянется к мечу! Зависть к вашей юности и красоте так и сочится из каждой ее морщины. Ну и лицо!

— Вы просто не знаете мою добрую Пепиту! У нее лишь один недостаток: она меня слишком любит и слишком балует.

— Ненавижу всех дуэний еще больше, чем мавров!

— Так говорят все юные сеньоры,—вдруг сказала Пепита, чьи чуткие уши слышали все, несмотря на молитвенник в ее руках.—Однако я знаю, что те же самые дуэнья, которые так неприятны влюбленным, со временем становятся весьма необходимы и приятны мужьям. Но раз уж вам так не нравится мое лицо и морщины, я могу закрыть дверь, и тогда вы не будете видеть меня, а я — слышать ваши любовные признания, сеньор рыцарь!

Все это было высказано необычным для дуэний изысканным слогом и совершенно добродушно, как будто дерзкие слова Луиса ничуть ее не задели.

— Нет, нет, Пепита, не смей закрывать дверь! — густо покраснев, закричала Мерседес и бросилась вперед, чтобы остановить дуэнью.—Что может граф де Льера сказать мне такого, чего бы ты не могла услышать?

— О, многое, дитя мое! — возразила дуэнья.—Благородный рыцарь собирался говорить о своей любви!

— И тебя это пугает? Ты же сама говорила мне, что любишь меня с того самого дня, как впервые взяла меня на руки!

— Если донья Мерседес думает о вашей любви то же самое, что о моей, плохо ваше дело, сеньор! — заметила, улыбаясь, дуэнья, стоя у полуприкрытой двери. — Надеюсь, дитя мое, — продолжала она, обращаясь к Мерседес, — вы не принимаете меня за веселого и знатного молодого щеголя, который принес свое сердце к вашим ногам? Разве могут мои простые слова привязанности сравниться со сладкими речами Луиса де Бобадилья, решившего покорить самую прекрасную девушку Кастилии?

Как ни была Мерседес наивна, но разницу между любовными речами Луиса и нежными словами своей кормилицы она понимала прекрасно. Девушка вспыхнула, отпустила дверь и закрыла лицо обеими руками. Воспользовавшись этим, Пепита затворила дверь. С торжествующей улыбкой Луис отвел свою возлюбленную к креслу, бережно усадил, а сам опустился подле нее на низенький табурет. Устроившись поудобнее, чтобы не сводить глаз со своего прекрасного кумира, юноша воскликнул:

— Да эта дуэнья всем дуэньям пример! Я мог бы и сам догадаться, что вы не потерпели бы возле себя какую-нибудь вздорную сварливую старуху. Ваша Пепита — сущий клад! И если благодаря уму генуэзца, снисходительности королевы, своей собственной решимости и вашей доброй воле мне настолько повезет, что я сделаюсь вашим мужем, она может считать, что должность дуэньи останется за ней пожизненно!

— Вы забываете, Луис, — ответила Мерседес, смеясь над причудливостью своей мысли, — что если мужу по сердцу дуэнья, которую не выносил влюбленный, то влюбленному может понравиться дуэнья, которую муж не пустит и на порог!

— О черт! Такая головоломка не для Луиса де Бобадилья! Я привык думать и говорить просто. Мне ясно одно, и это я готов без всяких ухищрений доказать всем докторам Саламанки и всем рыцарям на свете, будь то христиане или неверные: вы самая прекрасная, самая благородная, самая чистая и добродетельная девушка во всей Испании, и я люблю

и чту вас так, как ни один человек на свете еще не любил и не чтил своей избранницы!

Слова восхищения всегда сладостны для женских ушей, тем более когда их произносят с такой пылкостью, как Луис. Позабыв обо всем, что говорила ей дуэнья, Мерседес упивалась этими словами, каждое из которых находило отклик в ее сердце. Однако девичья застенчивость и слишком малый срок, прошедший с того дня, когда они впервые поведали друг другу о своих чувствах, мешали ей ответить столь же откровенно.

— Я слышала, — сказала она, — что все юные рыцари, мечтающие блеснуть своим искусством на турнирах, говорят то же самое о своих дамах сердца, надеясь, что кто-нибудь их опровергнет и тогда им представится благоприятный случай показать свою доблесть и прославиться.

— Я это говорю только здесь, Мерседес, и мои слова никогда не выйдут за стены этой комнаты, разве только если какой-нибудь наглец осмелится оскорбить вас дерзким взглядом! Мы ведь живем не во времена странствующих рыцарей и трубадуров, когда мужчины совершали столько безумств, что казались еще хуже, чем были на самом деле. Тогда рыцари больше рассуждали о любви, теперь говорят меньше, а чувствуют глубже и сильнее. Но, кажется, я сам пустился в нравоучения, достойные Пепиты!

— Не смейтесь над Пепитой, Луис! — упрекнула юношу Мерседес. — Если бы не ее доброта, вы бы сейчас не могли так свободно говорить со мной и глядеть на меня. Кстати, о том, что вы называете нравоучениями Пепиты. На самом деле это подлинные слова благороднейшей доньи Беатрисы де Кабрера маркизы де Мойя, урожденной Бобадила, если не ошибаюсь.

— Ну полно, полно! Мне все равно, чьи это слова, дуэньи или маркизы, если они обе держат взаперти такое прекрасное и благородное создание, как вы! Я слышал, вам, девушкам, рассказывают, будто мы, юноши, настоящие людоеды и что единственный способ попасть в рай — это отрещиваться от нас, как от чертей. Зато потом, когда появляется подходящий жених, несчастное юное существо приходит в ужас

от одной мысли, что ее хотят отдать на съедение какому-то чудовищу!

— Вы так судите по собственному опыту? Бедный, бедный! Нет, я думаю, что пытаться возбудить у юношей и девушек отвращение друг к другу — напрасный труд. Но боже, к чему вся эта пустая болтовня! Мы теряем драгоценные минуты, Луис, которые могут никогда не повториться. Скажите лучше, как идут дела у Колумба? Он еще здесь?

— Нет, Мерседес, Колумб уже уехал. Добившись от королевы всего, что ему было нужно, он сразу покинул Санта-Фе, облеченный всеми королевскими полномочиями. Теперь, если до вас дойдут слухи, что при дворе великого хана в Катае объявился некий Педро де Муньос, или Педро Гутьерес, вы будете знать, кто скрывается за этими именами.

— Мне было бы приятнее, если бы вы отправились в это путешествие под одним своим настоящим именем, Луис, а не под двумя вымышленными. Такая скрытность все равно ни к чему не приведет. Надеюсь,—при этих словах кровь прихлынула к щекам Мерседес,—вы уходите в это плавание не из каких-то низких побуждений, которые следует скрывать?

— Конечно, нет, Мерседес! Но такова воля моей тетки. Что касается меня, то я бы начертал ваше имя на своем шлеме, поместил ваш герб на своем щите и объявил везде и всюду, что граф де Льера отправляется ко двору правителя Катая, чтобы бросить вызов всем тамошним рыцарям, если они посмеют утверждать, будто у них найдется дама прекраснее и благороднее Мерседес де Вальверде!

— Мы ведь живем не во времена странствующих рыцарей, сеньор,—смеясь, ответила Мерседес, хотя в действительности каждое слово Луиса доходило до самой глубины ее сердца и все жарче разжигало в нем пламя страсти.—Век странствующих рыцарей и трубадуров прошел, как вы сами сказали, дон Луис де Бобадилья. Наступил век разума, когда даже влюбленные рыцари трезво размышляют о достоинствах и недостатках своих дам. Но все это пустое. От вас, Луис, я ожидаю гораздо большего. Ведь не для того же вы, в самом деле, стремитесь в Катай, чтобы разъезжать там по дорогам в поисках великанов и прославлять

мою красоту, надеясь, что кто-нибудь с этим не согласится хотя бы потому, что ему надоеет ваше нелепое хвастовство! Ах, Луис! Теперь вы отправляетесь в поистине великое путешествие, которое прославит ваше имя на долгие годы! Когда мы оба состаримся, нам будет о чем вспоминать и будет чем гордиться!

С неизъяснимым наслаждением внимал юноша своей возлюбленной, которая от полноты чувств наивного сердца уже считала их соединенными общей судьбой. И, когда она умолкла, так и не осознав значения своих слов, он продолжал напряженно прислушиваться, как будто слова эти все еще звучали у него в ушах.

— Никакое самое благородное предприятие не пробудило бы во мне столько сил и решимости, как желание добиться вашей руки! — воскликнул Луис после минутного молчания. — Только ради вас я отправляюсь с Колумбом, только для того, чтобы получить согласие доньи Изабеллы. И я последую за генуэзцем хоть на край света, чтобы вы могли открыто гордиться своим избранником. Вы для меня больше, чем великий хан, любимая Мерседес, а за вашу любовь и улыбку я отдам весь Катай!

— Не говорите так, дорогой Луис! Вы сами не знаете, какая у вас высокая душа и как прекрасны ваши чувства. Замысел Колумба поразителен! Создать такое силой своего разума и воображения, и все это — одному! Я счастлива, что у него хватило на это мужества, но не только потому, что его путешествие прославит имя божье и принесет язычникам истинную веру. Боюсь, не меньшую радость доставляет мне мысль, что ваше имя тоже навсегда будет связано с этим великим свершением. Вы достигнете благородной цели, и тогда все ваши недруги устыдятся и смолкнут, признав ваше мужество, волю и непреклонность.

— А если мы не доберемся до Индии? Что тогда, Мерседес? — спросил юноша. — Что, если нам не помогут все наши святые и мы потерпим неудачу? Боюсь, что тогда даже вы со стыдом отвернетесь от злосчастного искателя приключений, над которым все

будут смеяться, вместо того чтобы чувствовать и прославлять, как вы ожидаете!

— Видно, вы меня плохо знаете, Луис де Бобадилья! — поспешно ответила Мерседес, и глубокая нежность прозвучала в ее словах; щеки ее вспыхнули и глаза засияли почти небесным светом. — Да, да, вы меня совсем не знаете! Я желаю, чтобы это путешествие принесло вам славу не только потому, что многие злословят и шушукаются за вашей спиной, а главное, потому, что этим способом вы сможете быстрее всего завоевать расположение ее высочества. Но, если вы думаете, будто я отдала вам свое сердце только из-за того, что вы решились последовать за Колумбом, значит, вы не понимаете моих чувств и не знаете, сколько горя доставило мне это решение.

— Бесценная, возвышенная душа! Я недостойн вашей чистоты, вашей искренности и преданности! Прогоните меня прочь, чтобы я никогда больше не мог причинить вам горя!

— Нет, Луис, такое лечение будет хуже болезни, — с улыбкой возразила прелестная девушка; она снова вспыхнула и одарила юношу нежным взглядом. — Только с вами я могу быть счастлива, если так будет угодно судьбе, а без вас — навсегда несчастна!

После этого полный недомолвок и намеков разговор принял бессвязный характер, как бывает всегда, когда чувства влюбленных начинают опережать их мысли. Пересказать все, что они говорили, просто невозможно!

Луис, как обычно, был переменчив и порывист: то он клялся в любви и верности, то начинал ревновать и тут же раскаивался в своей ревности; временами все представлялось ему в самом мрачном свете, а через мгновение воображение уносило его в какой-то земной рай. Мерседес была взволнована, однако не забывала о своей девичьей гордости и скромности. На все уверения возлюбленного она отвечала с глубокой нежностью, умеряя его пыл, а когда он в своих восторгах и клятвах становился слишком смел или впадал в преувеличения, она останавливала его мягко, но достаточно решительно.

Беседа их продолжалась более часа, и вряд ли стоит говорить, что оба снова и снова клялись друг

другу в верности и Луис бесчисленное количество раз давал обеты никогда не жениться на другой. Когда пришло время расставаться, Мерседес открыла маленький ларец, где хранились ее драгоценности, и достала оттуда небольшой крестик, усыпанный сапфирами.

— Я не дарю вам свою перчатку, чтобы вы носили ее на своем шлеме на турнирах,— сказала она, вручая Луису залог своей любви.— Пусть этот святой символ напоминает вам о вашей великой цели и о той, кто будет ждать исхода вашего предприятия с не меньшим нетерпением и тревогой, чем сам Колумб! Глядя на него, вы сможете читать свои молитвы. Эти камни—сапфиры; они считаются залогом верности. Так пусть же верность будет залогом вашего благополучия, пусть эта вещь поможет вам сохранить любовь к той, кто ее подарил.

Все это было высказано с грустной и легкой улыбкой, ибо в час разлуки Мерседес испытывала одновременно и тяжесть невыносимого горя, и полную уверенность в своей собственной любви.

Сапфировый крестик был сам по себе ценным подарком, но Луису он показался еще дороже благодаря значению, какое вложила в этот дар Мерседес.

— Вы позаботились о моей душе, любимая,—с улыбкой проговорил юноша, снова и снова целуя крестик.—Теперь, если даже правитель Кая и не перейдет в христианство, можете быть спокойны—я тоже не приму его веру! Боюсь только, что любой мой подарок покажется вам жалким и ничтожным по сравнению с вашим бесценным даром.

— Одну прядь ваших волос—вот все, чего я хочу, Луис,—ответила девушка.—Вы ведь знаете, я не нуждаюсь в драгоценностях!

— Если бы я думал, что вид моих спутанных волос доставит вам удовольствие, я бы отправился в плавание с тонзурой, как у священника, или обрился наголо, как неверный! Но у Бобадилья есть свои фамильные драгоценности, и невеста Бобадилья будет их носить. Это ожерелье, Мерседес, досталось мне от матери. Говорят, когда-то оно принадлежало королеве. Но из всех, кто его носил, вы будете самой достойной, любимая!

— Я не могу отказаться от вашего дара, Луис,— ответила Мерседес.— И все же я принимаю его с трепетом, потому что вижу в различии наших подарков разницу между нашими характерами. Вы выбрали блеск и роскошь, которые со временем ведут к пресыщению и никогда не дают полного удовлетворения, а я своим женским сердцем избрала постоянство. Боюсь, что какая-нибудь блестящая восточная красавица скорее вызовет ваше восхищение, чем скромная кастильянка, у которой нет иных достоинств, кроме верности и любви!

Юноша бурно запротестовал, и Мерседес подарила ему на прощание нежный и долгий поцелуй. Она разрыдалась на груди Луиса: в самый последний миг все ее чувства вырвались наружу, вся душа излилась в слезах. С трудом оторвался Луис от своей любимой. А вечером того же дня, в скромной одежде и под вымышленным именем, он пустился в путь к порту, где его уже ожидал Колумб.

Глава XI

*Но где Гарольд, печальный странник мой?
Он вновь стихии волн себя вверяет.
Никто не машет вслед ему рукой,
Никто о нем притворно не рыдает,
Он суету людскую презирает
И прочь стремится: здесь он всем чужой.*

Байрон. «Чайльд-Гарольд»

Не следует думать, будто вся Европа следила за нашими мореплавателями. В ту пору еще не было газет, которые так быстро, с торгашеской деловитостью разносят по свету правду и, видимо, искони неотделимую от нее ложь. Лишь немногие избранные знали о предстоящем путешествии Колумба. Поэтому никто из придворных не обратил внимания на исчезновение Луиса де Бобадиля, а если кто и заметил его отсутствие, то подумал, что он отправился в один из своих замков или снова пустился скитаться по свету, за что его немало порицали, считая подобное времяпрепровождение недостойным знатного человека.

Что касается самого генуэзца, то его отъезд не мог пройти незамеченным. При дворе ходили неясные слухи о том, будто Изабелла заключила с ним какое-то соглашение, по которому мореплаватель получил такое высокое звание и такие привилегии, что вряд ли сумеет их оправдать всеми своими будущими заслугами. Остальные же участники готовящегося плавания были слишком незначительны, чтобы привлечь к себе внимание: об их отъезде на побережье знал только узкий круг их родственников и знакомых.

Несмотря на всю дерзость замысла Колумба и огромное значение предстоящих открытий, экспедиция снаряжалась в одном из самых незавидных портов Испании, который славился только своими лихими моряками да еще разве тем, что был расположен за Гибралтарским проливом и потому частенько страдал от нападений африканских пиратов. Впрочем, выбор пал именно на этот портовый городишко еще и потому, что его жители совершили какую-то провинность, за что на них вместо штрафа или пени было возложено обязательство предоставить в распоряжение правительства две каравеллы с полным экипажем сроком на год. Такого рода наказания были, видимо, в ходу в те времена, когда мореходство считалось в Испании чуть ли не тяжким оброком портовых городов и когда военные корабли служили главным образом для перевозки сухопутных войск.

Городишко Палос де Могер, на который была наложена такая контрибуция, считался заштатным даже в конце пятнадцатого века, а сегодня он и вовсе превратился в рыбачий поселок. Подобно многим местам, обделенным природой, он был населен людьми суровыми, смелыми и весьма предприимчивыми,—насколько позволяло их невежество. Здесь не строили больших тяжелых карак; бедность и традиции заставляли жителей Палоса ограничиваться более легкими каравеллами или совсем небольшими фелюгами. Вот такие две каравеллы с экипажем и должен был получить Колумб. Кроме того, с ним отправлялся обычный для королевских экспедиций отряд солдат с офицерами. Это было все, чем пожаловали генуэзца после долгих и настоятельных просьб два королевства — Кастильское и Арагонское.

Но пусть читатель не думает, что в данном случае проявилось какое-то пренебрежение или недоверие к Колумбу со стороны Изабеллы. Объяснялась такая скупость состоянием ее казны, истощенной недавней войной с маврами, а также опытностью и скромностью самого великого мореплавателя, который прекрасно понимал, что для его плавания небольшие, легкие каравеллы будут гораздо удобнее и безопасней.

На расстоянии менее лиги от Палоса, на высоком скалистом мысу, стоит монастырь Ла Рабида, прославившийся тем, что Колумб нашел пристанище в его стенах. Семь лет назад, держа за руку своего юного сына, генуэзец постучал в монастырские ворота и попросил хлеба для усталого, голодного мальчика. Дальнейшее так хорошо известно, что нет никакой необходимости пересказывать эту историю еще раз. Прибавим только, что долгое пребывание Колумба в этом монастыре и дружба с гостеприимными францисканцами, видимо, повлияли на его решение остановить свой выбор на испанском дворе. В Ла Рабиде генуэзец впервые начал распространять свои идеи среди монахов и наиболее образованных окрестных жителей, и здесь он завоевал своих первых в Испании сторонников.

Несмотря на все это, королевский приказ о снаряжении двух каравелл привел моряков Палоса в смятение. В те времена даже плавание вдоль берегов Африки до экватора считалось сказочным подвигом! О лежащих на этом пути странах существовало тогда весьма смутное представление, и многие даже думали, что, если плыть все время на юг, можно добраться до таких мест, где солнце сжигает все — и растения и животных. Движение светил, суточное вращение Земли, причины смены времен года — смысл подобных явлений был непостижим даже для самых образованных людей, и если в этом направлении существовали какие-то догадки, то они были подобны первым робким лучам солнца, лишь возвещающим рассвет. Чему же тут удивляться, если простодушные и невежественные моряки Палоса восприняли приказ королевы как смертный приговор всем, кто вынужден будет его исполнять!

В те дни считалось, что где-то за неведомыми пределами океан сливается с небом, превращаясь в своего рода хаотическую бездну. В воображении моряков этот хаос рисовался как страшная пропасть, куда морские течения и водовороты увлекают все корабли, преступившие роковую черту. Многие были уверены, что где-то есть край земли, откуда стремительные течения незаметно увлекают все в пустоту.

Так обстояли дела к середине июля. Однажды, когда Колумб находился в монастыре Ла Рабида в обществе своего давнишнего друга и приверженца, настоятеля Хуана Переса, в келью вошел послушник и доложил, что у ворот какой-то чужестранец настойчиво спрашивает сеньора Христофора Колумба.

— Похож он на королевского гонца? — спросил мореплаватель. — После неудачи Хуана де Пеньялосы¹ их высочествам приходится дополнительно подтверждать свои повеления, иначе они не выполняются!

— Не думаю, сеньор, — ответил послушник. — Гонцы королевы появляются на взмыленных конях, кричат, спешат, угрожают, а этот молодой кабальеро приехал на крепком андалузском муле и ведет себя весьма скромно.

— Он назвал свое имя?

— Даже два, сеньор: он сказал, что его зовут Педро де Муньос, или Педро Гутьерес, без титула «дон».

— Превосходно! — воскликнул Колумб, порывисто обернулся к двери, но тут же овладел собой. — Я жду этого юношу, он мне нужен. Приведи его прямо сюда, без лишних церемоний.

— Какое-нибудь придворное знакомство, сеньор? — выжидательно спросил монах.

— Этот юноша, жаждущий славы и приключений, решил отправиться с нами. Он из знатной семьи и весьма богат, но опекуны не разрешают ему до времени тратить свое состояние. Однако сейчас оно ему и не понадобится: достаточно того, что он

¹ Хуан де Пеньялоса был прислан в Палос, чтобы ускорить снаряжение экспедиции, но он ничего здесь не добился. Отчасти в этом виноваты были Изабелла и Фердинанд, которые всякий раз назначали невыполнимые сроки для завершения всех подготовительных работ.

рискует своей жизнью. Впрочем, не знаю, можно ли говорить о риске, когда мы никак не можем даже снарядить экспедицию, несмотря на все приказы короля и королевы!

При этих словах дверь отворилась, и в келью вошел Луис де Бобадилья. Юный граф отказался от условностей, связанных с его высоким титулом, и явился в скромной дорожной одежде, более приличествующей рядовому матросу, нежели человеку его звания. Он сердечно и с уважением приветствовал Колумба, затем отвесил смиренный поклон францисканцу. Мореплаватель чувствовал, что этот изящный и беспечный юноша по-настоящему увлекся его замыслом и готов на все, лишь бы отправиться вместе с ним.

— Добро пожаловать, Педро,—проговорил Колумб.—Вы приехали вовремя, ваше присутствие и помощь сейчас могут быть весьма полезны. Первый приказ королевы, по которому я должен получить две каравеллы, остался невыполненным. Со вторым, дающим мне право конфисковать два любых подходящих судна, дела тоже обстоят неважно, хотя из дворца сюда специально прислали сеньора Пеньялосу с предписанием наложить на город и порт пеню в двести мараведи за каждый просроченный день. Эти болваны выдумывают бог знает что, запугивая и себя и своих соседей! Мне кажется, я теперь так же далек от осуществления моих надежд, как и тогда, когда еще не приобрел дружбы отца настоятеля и высокого покровительства доньи Изабеллы. Не так-то легко, друг мой Педро, видеть, как гибнут твои мечты, особенно когда стремишься послужить во славу науки и на общее благо!

— Я привез вам хорошие вести, сеньор,—ответил юноша.—По дороге от города Могера мы ехали вместе с неким Мартином Алонсо Пинсоном¹. Это бывалый моряк, и я с ним когда-то плавал. Мы с ним долго говорили о ваших делах и затруднениях. Он

¹ Мартин Алонсо Пинсон—уроженец и житель Палоса, сведущий моряк; во многом содействовал успешной подготовке экспедиции. Он и его младший брат, Висенте Яньес Пинсон, усиленно вербовали матросов и принимали участие в снаряжении кораблей.

сказал, что вы его знаете, сеньор Колумб. Судя по его словам, этот Пинсон уверен, что вас ждет удача.

— Да, да, я его знаю, добрый Педро. Он всегда внимательно слушал меня и соглашался, как благоразумный и опытный мореплаватель, потому что он на самом деле весьма искусен в кораблевождении. Но вы, кажется, сказали, что тоже его знаете?

— Да, сеньор. Мы плавали вместе, один раз на Кипр, а другой—до острова Англия. В таких дальних плаваниях люди хорошо узнают друг друга, и я о сеньоре Пинсоне неплохого мнения.

— Вы еще слишком молоды, сын мой,—заметил настоятель монастыря,—чтобы судить о таких опытных и старых моряках, как Мартин Алонсо. Здесь он считается человеком влиятельным и весьма богатым. Тем не менее я рад слышать, что он не изменил своего прежнего мнения об этом путешествии, а то я уже думал, будто и он колеблется.

Дон Луис хотел уже высказать все, что думает об этом весьма влиятельном и богатом Пинсоне, но взгляд Колумба предостерег его и напомнил, что ему следует забыть о своем высоком звании, памятуя лишь о скромной роли Педро де Муньоса.

— Это звучит обнадеживающе и, возможно, приблизит наше отплытие в Катай,—проговорил мореплаватель.—Насколько я понял, вы с вашим добрым знакомым Мартином Алонсо разговаривали по дороге от Могера к Палосу, не так ли?

— Да, сеньор, он-то и сказал мне, где найти адмирала, причем назвал вас полным титулом, дарованным вам королевой, и в этом я вижу явный признак дружеского расположения, потому что все остальные, к кому я здесь обращался, награждали вас совсем иными титулами!

— Мне не нужны люди, которые не склонны признавать мою власть или не доверяют моим познаниям,—сурово проговорил мореплаватель, словно предупреждая юношу, что тот еще может отказаться от своего намерения, пока не поздно.

— Клянусь святым Педро, моим покровителем,—со смехом воскликнул Луис,—в Палосе и в Могере я слышал совсем другое! Там говорят, будто ни один человек с морским загаром не решается

высунуть нос на улицу, боясь, что его тотчас схватят и отправят в Катай по неведомому пути, которого никто еще не проходил, разве только во сне! Несмотря на это, один смелый человек по доброй воле готов последовать за вами хоть на край света, сеньор Колумб, если земля окажется плоской, или обойти вокруг нее, если она действительно круглая. Этот человек — Педро де Муньос, и он пойдет за вами не ради презренного золота или прочих благ, которые так дороги людям, а из одной любви к приключениям, облагороженной любовью к самой прекрасной и чистой девушке Кастилии!

Настоятель Хуан Перес с изумлением уставился на юношу, пораженный его смелой речью и вольным обращением; обычно Колумб внушал людям такое почтение, что в его присутствии мало кто осмеливался на подобное легкомыслие даже тогда, когда генуэзец еще не получил звания адмирала и вице-короля. Откуда же было бедному монаху знать, что перед ним в обличье Педро де Муньоса стоял человек гораздо более высокого круга, хотя и не занимавший никакой официальной должности! Поэтому старик не удержался, чтобы еще раз не уколоть дерзкого юнца, который так непринужденно говорил со столь уважаемым человеком.

— Мне кажется, сеньор Педро де Муньос, — начал он, — если это действительно ваше имя, хотя ведете себя вы, как какой-нибудь герцог, маркиз или граф, — мне кажется, вы обращаетесь с его милостью адмиралом так же непочтительно, как с нашим земляком, достойным Мартином Алонсо. Подчиненный должен быть скромнее и не отпускать всяких шуточек о своем начальнике, да еще в таких вольных выражениях!

— Приношу вам свои извинения, святой отец, а также адмиралу, хотя, надеюсь, он поймет меня, даже если я его чем-нибудь и задел! Я только хотел сказать, что знаю вашего земляка Мартина Алонсо как старого товарища по плаванию, что сегодня мы с ним проехали вместе несколько лиг¹ и что под конец разговора он выразил готовность подтолкнуть своим могучим

¹ Лига (сухопутная) равна 4,83 км.

плечом телегу экспедиции, застрявшую если не в топкой трясине, то, во всяком случае, в прибрежном песке, для чего он и явится сюда, в достойный монастырь Ла Рабида. А что касается меня, то я могу лишь добавить, что готов следовать за досточтимым сеньором Колумбом куда угодно!

— Прекрасно, добрый мой Педро, прекрасно! — оживился адмирал. — Я вполне верю вашей искренности и благородным побуждениям, — пусть это вас утешает, пока другие не убедятся в том же. Но больше всего меня радует весть о решении Мартина Алонсо: он ведь действительно может оказать нам добрую услугу, святой отец, хотя за последнее время его рвение и начало как будто ослабевать.

— Конечно, может, и он это сделает, если только захочет по-настоящему, — отозвался францисканец. — Мартин — самый прославленный кормчий на всем нашем побережье! Правда, я только со слов этого юноши узнал, что он бывал на Кипре, но мне известно, что он доходил на севере до Франции, а на юге — до Канарских островов. Скажите, сеньор адмирал, а до Катай много дальше, чем до Кипра?

Колумб улыбнулся и покачал головой, словно желая подготовить своего друга к горькому разочарованию.

— Хотя Кипр и лежит неподалеку от святой земли, захваченной неверными, Катай находится гораздо дальше, — ответил мореплаватель. — Я не льщу себя надеждой и не стану обманывать тех, кто за мной последует, будто мы быстро доплывем до берегов Индии, ибо до них, должно быть, не менее восьмисот, а то и тысячи лиг¹.

— Какое страшное и утомительное путешествие! — в ужасе воскликнул францисканец, в то время как Луис стоял с беспечной улыбкой: ему было безразлично, тысяча лиг или десять тысяч, лишь бы плавание было полно приключений и привело его в объятия Мерседес. — Да, да, путь страшный и утомительный! — продолжал монах. — Но все же я верю, сеньор адмирал, что вам суждено его открыть и проложить дорогу тем, кто последует за вами!

¹ Лига (морская) равна 3 морским милям, или 5,56 км.

— Будем надеяться,— ответил Колумб.— А вот и доказательство, что наши надежды не напрасны!— добавил он.— Я вижу, сеньор Мартин Алонсо пожаловал к нам, и в немалой спешке!

Мартин Алонсо Пинсон, чье имя уже знакомо читателю, был одним из тех, кто оказал генуэзцу немалую помощь в осуществлении его грандиозного замысла. Он вошел в келью взволнованный и озабоченный, как это сразу подметил зоркий глаз Колумба. Бедный настоятель Хуан Перес окончательно перестал что-либо понимать, когда его прославленный земляк сначала приветствовал какого-то Педро и лишь затем адмирала и его самого. Но францисканец так и не успел выразить свое негодование по поводу столь явного нарушения приличий, потому что Мартин Алонсо заговорил первым, да так горячо, что монах сразу понял—гость явился сюда не с дружеским визитом, а по важному делу.

— Я вне себя, сеньор адмирал!— начал Мартин Алонсо.— Упрямство моряков Палоса, не желающих выполнять приказ королевы, ни на что не похоже! Я сам житель этого города и один из тех, кто всегда со вниманием прислушивался к вашим словам о западном пути в Азию, хотя и не во всем с вами соглашался. До сих пор я не знал, как далеко зашло преступное неповиновение моих сограждан, пока не встретился в дороге со своим старым знакомым, доном Педро, то есть, я хотел сказать, сеньором Педро де Муньосом, здесь присутствующим. Он хоть и приехал издалека, однако сразу разглядел все козни смутьянов, которые затевались у меня под носом. Но, сеньор адмирал, вы-то должны знать, из какого теста слеплены люди! Говорят, они разумные существа, а вместе с тем лишь один из ста дает себе труд над чем-либо поразмыслить. Поэтому можно будет легко склонить многих на вашу сторону, да так, что сами они ничего не заметят.

— Поистине это справедливо,— вставил настоятель.— Человек—животное, способное понимать и усваивать, но зачем ему еще думать и размышлять? И богу неугодно, и церкви накладно! Делами церковными занимается духовенство, так что неразумным и невежественным людям незачем над этим ломать голову. Так же и в мореходстве: лучше на корабле

иметь одного кормчего, чем сотню. И, хотя человек создан существом разумным, в жизни людям гораздо чаще приходится повиноваться, не размышляя, нежели размышлять, не повинаясь.

— Все это верно, святой отец и добрый мой сосед, во всяком случае, в Палосе никто с вами не станет спорить. Кстати, раз уж об этом зашла речь, должен сказать, что больше всего препятствий на пути сеньора адмирала нагородила ваша церковь! Каждая старуха на паперти вопит, что земля не может быть круглой, что это, мол, ересь, несовместимая со священным писанием. И, если уж говорить всю правду, их в этом поддерживают многие послушники из вашего монастыря. Конечно, что спросишь со старой женщины, которая всю жизнь провела в долине и ни разу не взбиралась на вершину горы! Даже мне, моряку, избороздившему океан, и то нелегко было бы поверить, что земля круглая, если бы мы не видели сотни раз, как над горизонтом сначала появляются верхушки мачт или же кресты церквей, хотя верхние паруса много меньше самих каравелл, а кресты — храмов. Но у нас, у моряков, свой способ убеждать людей, а у священников — свой, так что, пока я буду вколачивать в головы матросов Палоса более здравые мысли, вы, досточтимый отец настоятель, пустите в ход свое духовное влияние, чтобы урезонить женщин, а заодно приструните вашу слишком ревностную братию!

— Если я вас правильно понял, сеньор Пинсон, вы всерьез заинтересовались моим предприятием и хотите принять в нем прямое участие?

— Совершенно справедливо, сеньор адмирал. Разумеется, если мы сговоримся насчет условий, как вы сговорились с нашей государыней доньей Изабеллой. Я уже беседовал с доном... я хотел сказать, с сеньором Педро де Муньосом... Что за пристрастие к титулам! Чего доброго, оно у меня еще перейдет в опасную привычку!.. Так вот, я уже говорил с ним об этом, и, когда узнал, что даже такой рассудительный юноша собирается последовать за вами, это настолько меня воодушевило, что и я решил принять участие в вашей экспедиции. Мы с сеньором де Муньосом немало поплавали вместе, и я буду только рад еще раз побывать в такой славной компании!

— Это радостная весть, Мартин Алонсо! — воскликнул настоятель. — Благослови господь тебя и всех, кто решится вместе с тобой на сей доблестный и благочестивый подвиг! В Палосе, сеньор адмирал, поддержка Пинсона значит куда больше покровительства короля и королевы, ибо если они — наши государи, то он для здешних моряков — сам император, и слово его — закон. Теперь я не сомневаюсь, что с каравеллами задержки не будет!

— Раз уж вы действительно решили принять участие в нашей экспедиции, сеньор Мартин Алонсо, — с достоинством сказал Колумб, — то, уж конечно, обдумали и свои требования. Вы принимаете те условия, которые я вам уже предлагал?

— Принимаю, сеньор, хотя денег в наших кошельках сейчас меньше, чем во время нашего первого разговора. С этим могут возникнуть трудности, а обо всем остальном, я думаю, мы с вами быстро договоримся.

— Что касается восьмой части расходов, которую я по договоренности с королевой взял на себя, то теперь это не столь существенно: я надеюсь найти иной источник средств, — при этих словах Колумб невольно взглянул на мнимого Педро, а Мартин Алонсо многозначительно хмыкнул, уловив его взгляд. — Гораздо больше меня смущают упрямые и нерадивые матросы, убедить которых сможете только вы. Пройдемте в соседнюю келью и обсудим все пункты договора, пока отец настоятель побеседует тут с нашим юным гостем.

Францисканец не стал возражать, и Колумб с Пинсоном удалились, оставив Хуана Переса и нашего героя одних.

— Итак, вы серьезно решили сопровождать адмирала в этом великом путешествии, сын мой, — проговорил настоятель, пристально разглядывая Луиса, на которого раньше не обратил особого внимания. — С виду вы больше похожи на молодого придворного. Придется вам отвыкать от своих широких замашек — наши каравеллы для них слишком тесны!

— Я плавал на пинассах, галерах, караках, фелюгах, фустах, каравеллах¹ и прочих судах, святой

¹ Дон Луис перечисляет здесь различные типы парусных судов времен Колумба.

отец, и сумею вести себя при адмирале, как если бы он был самым доном Фердинандом Арагонским или недавно свергнутым со своего трона Боабдилом Гранадским, напрасно погубившим своих всадников в сражениях с нашими рыцарями.

— Все это громкие, заносчивые слова, сын мой, но должен вас предостеречь: на генуэзца они не действуют. В нем есть нечто такое, что позволяет ему сохранять достоинство даже в присутствии самой доньи Изабеллы!

— Вы знаете нашу королеву, святой отец? — живо спросил Луис, снова позабыв о своей роли и обличье.

— Я знаю ее возвышенные мысли и чистую душу, потому что был ее исповедником. Конечно, все кастильцы ее любят, но никто не знает этой благочестивой государыни и превосходной женщины так хорошо, как ее духовый наставник.

Дон Луис кашлянул, поиграл рукоятью своей шпаги и наконец спросил о том, что его интересовало больше всего:

— Скажите, святой отец, а вам не приходилось исповедовать одну девушку, любимицу королевы, чья душа не менее чиста, чем душа самой доньи Изабеллы, за это я готов поручиться!

— Сын мой, ваш вопрос доказывает, что вам сначала не мешало бы поучиться в Саламанке или хотя бы ознакомиться с обрядами и установлениями нашей церкви, прежде чем пускаться в столь богоугодное плавание, как это. Разве вы не знаете, что нам запрещено выдавать тайны исповеди или делать сравнения между исповедующимися? Я уж не говорю о том, что донью Изабеллу ни с кем нельзя сравнивать, ибо она — образец благочестия для всех кастильцев. А та девушка, о которой вы говорите, может казаться людям весьма добродетельной, но в глазах церкви быть закоренелой грешницей.

— Хотел бы я перед отплытием из Испании услышать подобные слова от Гусмана или Мендосы или от кого-нибудь еще, кто не выстригает тонзуры, как вы, святой отец! — взорвался дон Луис.

— Вы слишком вспыльчивы и неводержанны, сын мой, и говорите пустые слова, — возразил настоятель. — Ну что вы можете сделать, даже если услы-

шите то же самое от Мендосы, Гусмана или Бобадильи? Впрочем, кого это вы так ревностно защищаете? Кто эта девушка?

— Не стоит говорить, действительно это пустые слова. Мы занимаем слишком различное положение, нас разделяет такая пропасть, что мы, наверно, никогда не сможем даже встретиться, да и нет у меня таких заслуг, чтобы она могла забыть о своей знатности и гордом имени.

— Значит, вы ее имя знаете?

— Знаю, святой отец. Я думал о донье Марии де лас Мерседес де Вальверде, когда услышал ваше оскорбительное предположение. Но, может быть, вам самому посчастливилось узнать эту прославленную красавицу?

— Да, я знаю эту девушку,—ответил настоятель.—Когда я последний раз был в Гранаде, королевский духовник заболел, и я сам ее исповедовал, так же как и донью Изабеллу. Действительно, она достойна своей царственной госпожи, но ваше восхищение этой благородной девушкой похоже на преклонение перед красотой небесной звезды. На что вы надеетесь?

— Как знать, святой отец! Если наша экспедиция будет успешной, все мы добьемся почестей и высоких чинов. А чем я хуже других?

— Почестей вы, может быть, и добьетесь, да только донья...

Но тут францисканец словно подавился, потому что едва не выдал тайну исповеди. Он-то хорошо знал тревоги и сомнения Мерседес, главной причиной которых была любовь к Луису! И именно он с благочестивым лукавством, может быть, сам того не подозревая, подсказал ей мысль, как обратить пристрастие ее возлюбленного к бродяжничеству на пользу дела и на благо их взаимной любви. Воспоминания о чистой страсти девушки были настолько живы, что Хуан Перес чуть не проговорился, и только долг и многолетняя привычка вовремя удержали его, а то, что успело сорваться с языка, показалось францисканцу вполне безобидным.

— Судя по словам сеньора Алонсо, вы немало странствовали,—продолжал он после минутного молчания.—Вам никогда не доводилось встречать, сын

мой, некоего дона Луиса де Бобадилья, кастильского рыцаря, который также носит титул графа де Льера?

— Я его мало знаю, и мне нет дела до его титулов,— спокойно ответил Луис, решив показать францисканцу, что этот разговор ему совершенно безразличен.— Но видеть я его видел. Взбалмошный, дерзкий юнец, хорошего от него не жди!

— Боюсь, вы недалеки от истины,— подхватил Хуан Перес, печально покачивая головой.— А ведь говорят, что он доблестный воин, самый искусный во всей Испании. Какая жалость!

— Гм, может быть, может быть,— пробормотал Луис, чувствуя, что у него начинает першить в горле.— Но какой толк от доблести при таком скверном нраве? О нем редко кто отзывается с похвалой, об этом юном графе де Льера.

— Я думаю, он совсем не таков, каким кажется,— возразил простодушный монах, все еще не подозревая, с кем он говорит.— И я знаю людей, которые хвалят его... да что там хвалят—которые готовы отдать за него жизнь и душу!

— Святой отец! Назовите мне хоть одно или два имени! Кто эти люди?— воскликнул Луис с такой горячностью, что францисканец вздрогнул.

— А почему я должен их называть именно вам, мой юный сеньор?

— Потому... потому что... по многим причинам, самым возвышенным и самым важным! Во-первых, я молод, как вы сами видите, а для юноши добрый пример лучше всякого наставления. Во-вторых, я сам питаю некоторое пристрастие к бродяжничеству, и мне будет полезно узнать, как другие справляются с этим недостатком. И, наконец, сердце мое успокоится, если... Впрочем, достаточно и двух причин, а какая вам больше нравится, выбирайте сами!

Хуан Перес был добрым христианином, образованным священником и ученым с широкими взглядами, но в мирских делах и страстях человеческих он разбирался не лучше наивного ребенка. Однако он был все же не настолько прост, чтобы не заметить странного поведения своего собеседника и не уловить некоторых необычных подробностей. Первое подозрение возникло у него, когда Луис упомянул полное

имя нашей героини. Затем настоятель сам направил разговор по избранному им руслу, и вскоре загадка начала проясняться.

— Послушайте, юный сеньор! — воскликнул настоятель. — А вы... вы не дон Луис Бобадилья?

— Раз уж вы догадались, святой отец, я не стану отпираться! Да, я тот, чье имя вы назвали, и я решил отправиться в это плавание, чтобы завоевать любовь Мерседес де Вальверде.

— Я так и думал. И потому, сеньор, мне прискорбно, что вы можете подумать о нашем бедном монастыре хуже, чем он того заслуживает. Разрешите мне приказать послушникам, чтобы они подали вам хоть какое-нибудь угощение и освежающее питье!

— Простите меня, святой отец, Педро де Муньос, или, если угодно, Педро Гутьерес, не голоден. Но теперь, когда вы меня знаете, у вас нет причин не говорить со мной о донье Мерседес?

— Именно теперь, когда я вас узнал, сеньор граф, у меня для этого еще больше причин, чем раньше, — с улыбкой возразил Хуан Перес. — Ваша уважаемая и добродетельная тетка, маркиза де Мойя, сама могла бы предоставить вам полную возможность добиваться руки очаровательной девушки, но раз она проявляет в этом деле осмотрительность, священнику вмешиваться не пристало.

Это объяснение послужило началом долгой и откровенной беседы, но теперь достойный настоятель был настороже и больше не выдал никаких тайн; он только старался внушить юноше уверенность в себе и всячески одобрял его решение связать свою судьбу с судьбой Колумба.

Тем временем великий мореплаватель продолжал обсуждать договор со своим новым соратником. И когда наконец они вышли из кельи, где велись переговоры, Луис и настоятель узнали, что Мартин Алонсо Пинсон присоединяется к экспедиции и даже согласен взять на себя командование одной из каравелл.

Глава XII

*Лишь тот, кому сражений пыл знаком,
Кому свирепый хаос — отчий дом,
Вперед стремится и идет с отвагой
Там, где другой не сделал бы и шага.*

Абенсеррах

Слух о том, что Мартин Алонсо Пинсон решил отправиться вместе с Колумбом, мгновенно облетел весь Палос. Теперь, желающих принять участие в плавании было более чем достаточно: пример одного известного и уважаемого в округе человека подействовал на местных моряков куда вернее всех приказов королевы и ученых объяснений Колумба. Мартина Алонсо они знали давно и привыкли считаться с его словами. За ним они шли слепо, целиком полагаясь на его опыт, в то время как сухие приказы пусть даже почитаемой, но незримой государыни вызывали у них мысль не о выгодном предприятии, а о суровых наказаниях. Что же касается Колумба, то, хотя его достойный вид и серьезность производили на матросов благоприятное впечатление, за спиной о нем судачили в Палосе точно так же, как раньше при королевском дворе в Санта-Фе.

Семья Пинсонов принялась за снаряжение экспедиции с усердием людей, привыкших скорее исполнять, чем рассуждать. Многие из них приняли в этом деле самое непосредственное участие; один из братьев Мартина Алонсо, Висенте Яньес, тоже бывалый моряк, принял на себя командование каравеллой, другой согласился плыть кормчим¹. Короче говоря, за месяц, истекший после встречи Колумба с Пинсоном, для

¹ На кораблях флотилии Колумба, помимо капитанов, командные обязанности выполняли «маэстре» и кормчие, которые определяли курс корабля и прокладывали его на карте. Колумб, Мартин Алонсо Пинсон и его брат Висенте Яньес Пинсон были соответственно капитанами «Санта-Мари», «Пинты» и «Ниньи». Кормчими были: на «Санта-Мари» — Пералонсо (или Педро Алонсо) Ниньо, на «Пинте» — галисийский моряк Гарсиа Сармьенто, на «Нинье» — Санчо Руис де Гама. Франсиско (а не Бартоломе) Ролдан был, очевидно, помощником кормчего на «Санта-Мари». Впоследствии Ролдан стал злейшим врагом Колумба и причинил адмиралу немало неприятностей.

экспедиции практически было сделано гораздо больше, чем сам мореплаватель сумел сделать за семнадцать долгих лет, хотя отдавал этому предприятию все свое время, силы и мысли.

И все же, несмотря на помощь Пинсонов, снаряжение судов экспедиции встречало упорное противодействие. У этой семьи были не только друзья, но и враги, и вскоре, как это часто бывает, население маленького городка разделилось на две партии, одна из которых трудилась ради осуществления планов великого мореплавателя, а другая всячески им препятствовала.

По приказу двора была конфискована для Колумба каравелла, и владельцы ее возглавили враждебную партию. Многие матросы, по обычаю тех времен, тоже были завербованы насильно для участия в необычайном и таинственном путешествии, и, разумеется, все их друзья тотчас примкнули к числу недовольных. С каждым днем на судах обнаруживалось все больше упущений и значительных недоделок, а когда вызывали рабочих, чтобы их устранить, те отказывались что-либо делать. Чем ближе подходил день отплытия, тем яростнее разгоралась эта скрытая борьба. Пинсоны с горечью убеждались, что даже те, кто добровольно изъявил желание испытать свое счастье, начали колебаться, а некоторые попросту сбежали.

Так шли дела до конца июля. В один из последних дней этого месяца Мартин Алонсо Пинсон снова приехал в монастырь Ла Рабида, где Колумб проводил все свое время, свободное от непосредственного наблюдения за снаряжением судов и подготовкой к плаванию, и где Луис де Бобадилья изнывал от безделья, не находя себе иного занятия, кроме размышлений о красоте, преданности и прочих добродетелях Мерседес де Вальверде. Даже настоятель Хуан Перес и тот старался всемерно помочь свои друзьям. Ему удалось почти полностью подавить ропот невежественной монастырской братии; во всяком случае, они больше не поносили Колумба на всех перекрестках, а если и высказывали свои сомнения, то много тише и осторожнее.

Когда Колумбу и настоятелю сообщили, что их хочет видеть сеньор Пинсон, оба тотчас поспешили его принять. Час отплытия приближался, и значение

Пинсона все более возрастало; мореплаватель и монах прекрасно понимали, что в такой момент даже покровительство самой Изабеллы не могло заменить влияние и энергию бывалого моряка. Поэтому сеньору Пинсону не пришлось долго ждать: почти сразу же его провели в келью, где ревностный францисканец обычно принимал гостей.

— Добро пожаловать, достойный Мартин Алонсо! — воскликнул настоятель, едва его старый друг появился в дверях. — Что нового в Палосе? Когда наконец вы сможете приступить к исполнению ваших благих замыслов?

— Клянусь святым Франциском, этого вам никто не сможет сказать! — угрюмо отозвался Мартин Алонсо. — Я уже раз десять готовился поставить паруса, и каждый раз возникали все новые препятствия. «Санта-Мария», на которой поплывут адмирал и сеньор Гутьерес, или де Муньос, — не знаю, что ему больше нравится, — уже снаряжена. Судно доброе, грузоподъемностью более ста тонн, и адмиралу со всеми его благородными спутниками будет на нем не хуже, чем святым отцам в монастыре Ла Рабида, тем более что на этой каравелле есть палуба!

— Славная весть! — воскликнул настоятель, радостно потирая руки. — Неужто судно палубное? Сеньор адмирал, может быть, эта каравелла и недостойна вашего высокого предназначения, но раз она с палубой, вам будет на ней удобно и безопасно.

— Стоит ли говорить о моих удобствах и безопасности, друг мой Хуан Перес, когда речь идет о гораздо более важных вещах! — заметил Колумб. — Я рад, что вы навестили нас сегодня, сеньор Мартин Алонсо, потому что как раз этим утром я собирался отправить ко двору гонца с письмами и хотел бы знать, как обстоят дела. Сможет ли «Санта-Мария» к концу месяца выйти в море?

— Да, сеньор. Судно хорошо подготовлено к плаванию и может спокойно принять на борт человек шестьдесят, если наберется столько охотников. Эти тупоголовые болваны из Палоса опять перетрусили и все разбегаются! Надеюсь, святые на небесах видят наши муки и не оставят нас своими милостями, когда мы завершим это беспримерное в истории мореплавания предприятие!

— Высшую милость, честный Мартин Алонсо, вы найдете в распространении веры и в прославлении имени божьего! — многозначительно произнес настоятель.

— Разумеется, святой отец, однако простым морякам, кроме целей возвышенных, не мешает позаботиться и о своих семьях! Вряд ли я ошибусь, если скажу, что сеньор Колумб тоже подумывал о золоте, когда замышлял свое путешествие в Китай.

— Вы не ошиблись, честный Мартин Алонсо, — невозмутимо ответил Колумб. — Я действительно надеюсь, что после этого путешествия сокровища Индии хлынут потоком в кастильскую казну. И вообще я считаю, святой отец, что от успеха нашего предприятия зависит прежде всего освобождение гроба господня, а уж потом — наше мирское благополучие.

— Все это превосходно, сеньор адмирал! — довольно резко прервал его Мартин Алонсо. — Такие намерения могут снискать нам расположение всех добрых христиан, особенно монахов Ла Рабиды. Но попробуйте сказать матросам, которые и без того неохотно выполняют приказ королевы и свои обязательства перед нами, что им предстоит истратить заработанные потом и кровью гроши на крестовый поход, — увидите, что тогда будет! Достойные кормчие Франсиско Мартин Пинсон, мой брат, Санчо Руис, Педро Алонсо Ниньо и Бартоломе Ролдан связаны с нами узами договора и закона. Но, если они узнают, что в конце путешествия их еще ждет поход на Иерусалим, все святые не удержат их на судах!

— Я никого не неволю и говорю только за себя, — спокойно возразил Колумб. — Каждого из нас, друг мой Мартин Алонсо, будут судить по его деяниям и спрашивать с него только то, что он сам обещал. С того, кто не давал никаких обетов, ничто и не спросится, но и награды ему тоже не будет. Однако скажите лучше, как идут дела у вас на «Пинте». Пригодна она для океанского плавания?

— Сами знаете, сеньор, как бывает на судах, конфискованных для королевской службы! Все делается со скрипом, да и люди работают совсем не так, как бывает, когда они трудятся по доброй воле и ради хорошего заработка.

— Эти нерадивые моряки просто не понимают, что трудятся для собственного блага! — заметил Колумб. — Долг людей необразованных — подчиняться более просвещенным и благодарить их за те выгоды, которые они получают благодаря чужим знаниям, хотя бы и против собственной воли!

— Поистине это так! — подхватил настоятель. — Иначе нам, священникам, нечего было бы делать. Вера, вера в церковь — вот первая и последняя добродетель христианина!

— Все, что вы тут говорите, разумно, однако невеждам трудно согласиться с тем, чего они не могут понять, — возразил Мартин Алонсо. — Когда человек воображает, что его приговорили к страшной смерти, он не думает о благах загробной жизни. Но как бы там ни было, «Пинта» будет готова к плаванию раньше других судов. Вся моя команда набрана до последнего человека и на таких жестких условиях, что с нотариусами больше не придется иметь дело.

— Значит, остается только «Нинья», — заметил Колумб. — Когда ее снарядят, можно будет наконец приступить к осуществлению наших планов?

— Да, сеньор. Мой брат Висенте Яньес все-таки согласился взять это маленькое суденышко под свою команду, а если Пинсон за что-нибудь берется, он свое дело сделает! «Нинья» будет готова к отплытию одновременно с «Пинтой» и «Санта-Марией», и поистине Катай должен находиться на краю света, если мы не доберемся до него на одном из наших судов!

— Это звучит обнадеживающе, сосед мой Мартин Алонсо, — проговорил настоятель, весело потирая руки. — Надеюсь, вы обогнете землю и вернетесь в Палос с другой стороны! Кстати, что сейчас говорят могоерские сплетницы и досужие болтуны относительно формы земли и возможности доплыть до Индии?

— Болтают разное, отец мой Хуан Перес, бездельников и невежд по-прежнему хоть отбавляй! О том, что над горизонтом сначала появляются самые верхние, хотя и самые маленькие наруса, знают все моряки в любой гавани, но только они говорят, что это происходит не из-за формы земли, а из-за движения вод!

— Неужели никто из них не видел тень, которую земля отбрасывает на луну в конце месяца и в

новолуние?—спокойно спросил Колумб с легкой улыбкой человека, который глубоко проник в суть явлений и шутя излагает очевидные для него истины тем, кто способен усвоить лишь самые поверхностные понятия.—Разве они не замечали, что эта тень круглая, и разве им не ясно, что круглую тень может отбрасывать только круглое тело?

— Да что говорить, это ясно каждому!—подхватил настоятель.—Теперь даже самые заядлые сплетники побережья должны будут умолкнуть! Скажите людям, добрый Мартин Алонсо, пусть попробуют обойти свой собственный дом—они сами увидят, что когда идешь вдоль стены направо, то к тому же месту возвращаешься слева.

— Преподобный отец,—отозвался моряк,—если бы можно было все свести к таким простым и знакомым примерам, любая старуха в Могере и любой придворный в Севилье проникли бы в эту тайну! Да, видно, не так все просто. Недавно стал я говорить об этом с нашим альгвасилом¹ в Палосе, и вдруг сей почтенный сеньор спрашивает, не намереваюсь ли я вернуться из путешествия через недавно отвоеванный город Гранаду! Нет, мне кажется, самый простой и надежный способ убедить добрых людей, что до Катая можно доплыть западным путем,—это доплыть туда и вернуться!

— Так мы и сделаем в самое ближайшее время!—уверенно проговорил Колумб.—Но до отплытия уже недалеко, и надо, чтобы каждый исполнил свой религиозный долг. Прежде чем взойти на суда, в порту отслужат торжественную мессу и отец настоятель благословит нас в путь!

Упомянув об этом обряде, которым редко пренебрегали в те дни, Колумб задал еще несколько вопросов относительно снаряжения судов, а затем Мартин Алонсо откланялся. Последующие дни прошли в лихорадочной спешке приготовлений к отплытию.

2 августа 1492 года в монастырской церкви отслужили торжественную мессу, на которой присутствовали почти все участники экспедиции. После службы Колумб и Луис вместе вышли из церкви.

— Что-то наши матросы приуныли!—заметил Луис.—По правде говоря, в таком плаваньи хотелось бы

¹ Альгвасил—полицейский чин в Испании.

видеть вокруг себя веселые лица людей с храбрым сердцем!

— Уж не думаете ли вы, юный граф, что только улыбки свидетельствуют о твердости духа и что суровые люди не могут быть храбрецами?— насмешливо спросил Колумб.— Эти честные моряки размышляют о своих грехах, опасаясь, что окажутся недостойными столь возвышенного и святого дела, а потому стремятся очистить свои души и укрепить сердца. Надеюсь, Луис, вы тоже подумали об этом?

Этот вопрос он задал с чисто отцовским беспокойством, не считаясь с неравенством их положения.

— Клянусь святым Педро, моим новым покровителем, я больше думал о Мерседес де Вальверде, сеньор адмирал, чем обо всех этих высоких материях. Она—моя путеводная звезда, моя вера и мой Катай. Вы можете с богом отправляться куда угодно, хоть в Индию, хоть на Сипанго,—я покорно последую за вами, не вынимая меча из ножен и опустив копье, однако повторяя всем и каждому, что никто не сравнится с прекрасной кастильянкой. Мне и восток-то хочется повидать лишь для того, чтобы доказать всему свету, что Мерседес прекраснее всех прочих девушек, из какой бы страны они ни явились!

Суровые черты Колумба смягчились, однако он считал необходимым остановить юношу и умерить его легкомысленные восторги.

— Мне жаль, юный мой друг,—сказал он,—что ваши чувства не соответствуют величию поставленной перед нами цели. Неужто вы не видите, какие славные события и дела последуют за нашим путешествием: распространение истинной веры через посредство церкви, подчинение Кастилии отдаленных империй, решение целого ряда научных и философских вопросов, неистощимый поток сокровищ и, как самое важное и конечное следствие всего,—освобождение гроба господня от власти неверных!

— Разумеется, сеньор Колумб, разумеется, я все это вижу, но прежде всего я вижу Мерседес. Что мне до золота, которого у меня скоро будет более чем достаточно? Что мне до новых завоеваний—королем Кастилии мне все равно не быть! А что касается гроба господня, то дайте мне Мерседес, и я готов, подобно нашим предкам, при первой же возможности

вступить в единоборство с самым доблестным из неверных! Одним словом, сеньор адмирал, указывайте дорогу, и, хотя мы отправляемся в путь с разными помыслами и надеждами, он, несомненно, приведет нас к одной цели. Ваш благородный и возвышенный замысел мне по душе, а какая причина заставила меня последовать за вами, это уже неважно!

— Вы слишком взбалмошный, Луис! Вам надо исправить свой характер хотя бы ради той нежной и чистой девушки, которой заняты все ваши мысли.

— Вы ее сами видели, сеньор! Разве она не достойна занимать мысли всех юношей Испании?

— Она, конечно, прелестна, добродетельна и благородна, а главное — она ревностная защитница нашего путешествия. Это редкое сочетание, поэтому ваши восторги можно понять и извинить. Но не забывайте: чтобы завоевать Мерседес, вам надо сначала увидеть Катай!

— Вы, должно быть, хотели сказать: «увидеть наяву», сеньор адмирал, потому что во сне и в мечтах я только его и вижу да еще Мерседес, которая с улыбкой ждет меня на том далеком берегу... О господи, эта ее улыбка! Иной раз она мне душу опалает, словно огнем, а иной раз смирят страсть своей кротостью... Святая Мария! Пошли нам попутного ветра, чтобы мы могли покинуть эту до смерти надоевшую бухту и этот унылый монастырь!

Колумб промолчал; при всем сочувствии Луису у него было много дел, гораздо более важных, чем раздумья о причудах влюбленного юноши.

Глава XIII

*Не только Зейда плачет:
О нем скорбят без слов
Все, кто в Альгамбре гордой жил,
В тени ее садов.*

Из переводов Брайнта¹

Наконец наступил день отплытия. Благословенный час, которого так долго ожидал Колумб, приблизился, и он позабыл о годах нищеты, обид и унижений, а если и вспоминал о них, то уже

¹ Брайнт Уильям Кален (1794—1878) — известный американский поэт.

без чувства горечи. Теперь у мореплавателя было все необходимое для осуществления первой части своего великого замысла, которому были отданы семнадцать лет жизни, а что касается второй его части — освобождения Иерусалима, — то она целиком зависела от удачи первого предприятия. И в то время как окружающие с изумлением взирали на скудные средства, с помощью которых он собирался добиться столь многого, или ужасались дерзости этого плавания, якобы противного всем земным и небесным законам, Колумб по мере приближения минуты отплытия становился все спокойнее, а если что и испытывал, то лишь глубокую, всепоглощающую, хотя и сдержанную радость. Глядя на него, Хуан Перес шепнул Луису, что адмирал похож на доброго христианина, готового покинуть грешный мир с уверенностью, что за гробом ему суждено вкушать неосязаемые, но сладостные плоды бессмертия.

Но далеко не все разделяли радость Колумба. Посадка на суда была закончена, и кормчие намеревались отвести каравеллы к городку Уэльве, откуда выходить в море было гораздо удобнее, чем с рейда Палоса. Расстояние до Уэльвы ничтожное, но все-таки это было уже началом плавания, и многим казалось, что даже такое незначительное передвижение обрывает последние нити, связывающие их с жизнью.

Колумба задержали в монастыре письма, которые он должен был отослать ко двору, и прочие важные дела. Наконец, покончив со всем этим, мореплаватель в сопровождении Луиса и настоятеля отправился к каравеллам, уже запаздывая к отплытию. Всю дорогу до берега они ехали молча, каждый раздумывал о своем. Доброму францисканцу великое предприятие никогда еще не казалось столь опасным и сомнительным, как в этот последний час; Колумб старался припомнить, не забыл ли он чего-нибудь в спешке, а Луис, как всегда, думал о Мерседес, или прекрасной кастильянке, как он ее называл, и о том, сколько длинных и скучных дней пройдет, прежде чем он ее снова увидит.

В ожидании высланной за ними шлюпки они остановились на берегу, вдали от крайних домов городка. Здесь Хуан Перес простился с двумя смель-

чаками, уходившими навстречу опасностям и приключениям. Все трое долго молчали, и это молчание было выразительнее всяких слов. Но надо было его прервать.

Настоятель был так взволнован, что сначала не мог произнести ни звука и лишь с трудом наконец заговорил:

— Сеньор Христофор, прошло уже немало лет с того дня, когда вы впервые постучали в ворота монастыря Ла Рабида, и все эти годы благодаря знакомству с вами были для меня годами радости!

— Да, мой брат Хуан Перес, с тех пор прошло целых семь лет,—отозвался Колумб.—И, хотя для меня это были тяжкие годы скитаний и разочарований, их скрашивала ваша добрая дружба. Не думайте, что я смогу забыть тот день, когда бездомным нищим странником пришел к вам, ведя за руку моего Диего, и попросил монастырской милости. Будущее в руках судьбы, но прошлое запечатлено здесь,—Колумб положил руку на сердце,—и я его не забуду. Вы были мне верным другом, святой отец, и не отвернулись от меня даже тогда, когда еще никто не верил неизвестному генуэзцу. И что бы ни думали обо мне люди...

— Они уже изменили свое мнение о вас,—живо прервал его настоятель.—Теперь вы пользуетесь покровительством королевы и поддержкой дона Фердинанда, и с вами, кроме этого юного сеньора, отправляются в плавание самые добрые надежды и пожелания всех просвещенных людей!

— Вы говорите о себе, дорогой мой Хуан Перес, и вам я верю: вы желаете мне удачи и будете за меня молиться. Однако лишь очень немногие в Испании будут вспоминать о нас с надеждой и уважением, пока мы будем странствовать по неведомому и пустынному океану. Боюсь, что даже сейчас, когда мы стоим на пороге великих научных открытий, когда мы готовимся распахнуть ворота, за которыми нас ждут сокровища всей Индии,—боюсь, что даже в это мгновение почти никто не верит в наше дело и наш успех!

— На вашей стороне, сеньор, донья Изабелла!—сказал монах.

— И донья Мерседес!—добавил Луис.—Я уж не говорю о моей тетке—она вам верна до конца!

— Мне нужно всего несколько месяцев, чтобы разрешить все сомнения!— воскликнул Колумб, возводя к небесам горящий взор и подставляя ветру непокрытую седую голову.— Счастливые этих месяцев даже не заметят, несчастные как-нибудь их протянут, а нам они будут казаться годами! Отец мой, я часто уходил в плавание, зная, как грозен океан, равно готовый к смерти и к благополучному возвращению, но в этот радостный миг я уверен в себе. Бог сохранит нам жизнь и пошлет удачу!

— Такая уверенность необходима в столь серьезном деле, и я искренне надеюсь, что она оправдается... Но вон за вами уже идет лодка, сеньоры! Пора прощаться. Сын мой,— обратился монах к Колумбу,— душа моя всегда будет с вами в этом славном плавании!

— Поминайте нас в своих молитвах, святой отец, и пусть ваша братия тоже о нас не забывает! Вы отслужите за нас несколько месс?

— Не сомневайтесь, сын мой, мы будем ежедневно молить деву Марию и всех святых о ниспослании вам удачи. Но пути господни неисповедимы, и, хотя мы уверены в успехе вашего предприятия, надо быть готовым ко всему.

— Неудачи быть не может, святой отец!— возразил мореплаватель.

— Как знать, сеньор Колумб! Разум человеческий по сравнению с мудростью творца все равно что горчичное семя, затерянное в песках побережья. Но я это говорю лишь для того, чтобы вы знали: если ваши надежды не сбудутся и вы вернетесь ни с чем, ворота нашего монастыря всегда перед вами открыты! Ибо мы считаем, что уже сама попытка осуществить столь возвышенный замысел заслуживает не меньшего уважения, чем его воплощение.

— Я понимаю вас, святой отец! Для меня такое доказательство дружбы едва ли не дороже той чашки воды и того куска хлеба, которые вы подали моему голодному сыну. Благословите меня в путь!

— Станьте на колени, сеньор! Ибо сейчас с вами будет говорить не Хуан Перес де Марочена, а служитель церкви. И неважно, что под ногами у вас не церковные плиты, а морской песок!

В глазах Колумба и священника стояли слезы, оба были глубоко взволнованы в эту торжественную минуту. Мореплаватель искренне любил францисканца за то, что тот оказался преданным другом в самые тяжелые времена; а достойный настоятель был привязан к Колумбу всем сердцем, как к младшему брату. Кроме того, каждый из них умел ценить и уважать убеждения другого, даже когда они расходились с его собственными.

Колумб опустился на колени прямо на песок и принял благословение своего друга с глубоким смирением, как сын, принимающий напутствие от родного отца.

— Прощайте, святой отец!—воскликнул Колумб, горячо пожимая руку старого друга.—Вы поддерживали меня, когда я был оставлен всеми, но я знаю, скоро настанет день, когда те немногие, кто верил в мои предсказания, перестанут краснеть при упоминании моего имени! Не забывайте молиться о нас эти несколько месяцев, и вы услышите весть, которая потрясет всю Кастилию. Тогда даже завоевание Гранады покажется лишь незначительным и преходящим событием славного царствования Фердинанда и Изабеллы!

Эти слова могли бы показаться похвальбой, если бы не глубокая убежденность Колумба, говорившего как человек, ясно видящий будущее, сокрытое от остальных. Уверенность его заражала всех, словно он не пророчествовал, а говорил о чем-то вполне очевидном. Смиренный францисканец запомнил слова Колумба; все долгие месяцы его отсутствия они служили ему немалым утешением.

Наконец друзья обнялись и расстались. Настоятель отправился в свой монастырь, а Колумб и Луис медленно двинулись к тому месту, где пристала высланная за ними шлюпка. Когда они уже подходили к ней, их внезапно обогнала молодая женщина. Не обращая ни на кого внимания, она бросилась на шею молодому матросу, сошедшему с шлюпки, в страстном порыве приникла к нему и забилась в неудержимых рыданиях.

— Пойдем, Пеле!—наконец заговорила она торопливо и таким тоном, словно была уверена, что не

встретит отказа.—Пойдем домой! Твой сын плачет и зовет тебя. Пойдем! Пора с этим кончать.

— Не могу, Моника,—отозвался муж, взглянув на Колумба, который подошел уже достаточно близко, чтобы его слышать.—Ты ведь знаешь, я не по своей воле отправляюсь в это неведомое плавание. Если б можно было, я бы давно ушел с корабля, да нельзя—приказ королевы! Разве смеет бедный моряк ослушаться?

— Не будь глупцом, Пепе!—воскликнула молодая женщина и, схватив его за отвороты куртки, потянула прочь от воды.—Пойдем! Довольно я намучилась, у меня и так сердце разрывается. Пойдем к нашему сыну!

— Моника, адмирал тебя слышит, а ты говоришь такое!

Привычное уважение к высоким титулам заставило женщину умолкнуть. Она умоляюще взглянула на Колумба полными слез глазами и, не выдержав, сама обратилась к великому мореплавателю.

— Сеньор,—горячо заговорила молодая женщина,—зачем вам мой Пепе? Он вам помог довести суда до Уэльвы, а теперь отпустите его домой, к жене и маленькому сыну!

Колумб был тронут видом этой женщины, почти обезумевшей от горя, и ответил ей мягче, чем следовало бы в тот решительный час, когда малейшее неповиновение могло сыграть роковую роль.

— Твой муж удостоился высокой чести быть моим спутником в этом славном плавании,—проговорил он.—Ты бы лучше не оплакивала его судьбу, а пожелала ему удачи, как подобает настоящей жене моряка!

— Не верь ему, Пепе!—вскричала женщина.—Этот человек хочет тебя погубить! Он богохульствовал, говорил, будто земля круглая и будто можно отправиться на запад, а приплыть на восток! Дьявол внушил ему эти мысли, и он заведет на гибель всех, кто за ним последует!

— А какой мне от этого толк, добрая женщина?—возразил Колумб.—Что мне даст гибель твоего мужа или его товарищей?

— Не знаю да и знать не хочу! Пепе для меня все, и я не пущу его в это безумное, страшное плавание! Добром оно не кончится!

— Каких же бед ты страшишься и почему это плавание кажется тебе таким опасным, что ты цепляешься за мужа и говоришь подобные слова адмиралу ее высочества королевы? Ты ведь знала, что твой Пепе моряк, когда шла за него замуж! Так почему ты сейчас мешаешь ему исполнять повеление королевы, хотя в этом его призвание и долг?

— Пусть идет воевать против мавров, португальцев, англичан—я не скажу и слова, но в это нечестивое плавание я его не пущу! Зачем говорить, будто земля круглая, когда мы видим собственными глазами, что это не так? А если она круглая, как сможет корабль спуститься с ее бока, а потом подняться назад? Море не потечет вспять, а каравелла не сможет идти против течения, сеньор! Как отыщете вы обратный путь в пустынном океане? О сеньор, Палос такой маленький городок, что, потеряв его из виду, вы забудете к нему дорогу!

— Все это кажется пустой ребяческой болтовней,—заметил Колумб, обращаясь к Луису,—но именно такие речи мне приходилось выслушивать даже от самых ученых и образованных людей все последние семнадцать лет! Когда разум погружен во мрак невежества, он цепляется за самые вздорные доводы, лишь бы не признавать явлений, которые ему кажутся невероятными. Попробую сыграть на религиозных чувствах этой женщины, может быть, мне удастся превратить ее из врага в союзника... Моника!—ласково сказал адмирал.—Ты веришь в бога?

— Святая Мария! Неужто сеньор адмирал мог подумать, что Пепе женился на какой-то мавританке?

— Тогда слушай меня, и ты поймешь, что твое поведение недостойно доброй христианки. Мавры не единственные неверные на свете; их великое множество, и земля стонет под тяжестью их грехов! В одном королевстве Катай язычников больше, чем песчинок на всем этом побережье! Лишь небольшая часть земли принадлежит христианам, и даже гроб господень до сих пор в руках нехристей. Так вот, я спрашиваю: неужели ты настолько маловерна, что не видишь

предназначения наших государей? Каждому христианину должно быть ясно, что им суждено распространить истинную веру по всей земле!

— Я поняла, Пепе!— воскликнула молодая женщина, бросив на мужа довольный взгляд.— Сеньор адмирал хочет сказать об изгнании мавров! Говорят, недавно мы захватили их город Гранаду, и там было великое торжество, и сама донья Изабелла первая въехала в город...

— Но эта победа— лишь начало великих деяний нашего времени,— продолжал Колумб.— Теперь в Гранаде есть христианские церкви, а скоро они появятся и в далеком Китае. Мы хотим послужить господу, а ты, неразумная женщина, мешаешь нам! Будь у тебя больше веры, ты бы сама благословила этого славного моряка на великий подвиг!

Моника была поражена. Она посмотрела на адмирала, потом на своего мужа, понурила голову и набожно перекрестилась. Наконец, справившись со смущением, она взволнованно спросила Колумба:

— Это правда, сеньор? Вы в самом деле пускаетесь в путь, чтобы послужить богу?

— Конечно, добрая женщина!— вмешался в разговор Луис.— И если не сам бог поведет нас, то уж наверняка один из его ангелов!

— Ты тоже так думаешь, Пепе? Неужели нас обманывали и возводили на сеньора адмирала напраслину?

— А что ты обо мне слышала?— спокойно спросил Колумб.— Не бойся, говори все, как есть, я не буду сердиться.

— Сеньор, у вас, как у всех людей, есть враги. Вы сами знаете, что могут думать о вас жены, матери и невесты моряков Палоса! Они говорят, вы нищий...

— Да, я беден, и от этого никуда не денешься. Но разве бедность считается в Палосе преступлением?

— Бедняков нигде не уважают, сеньор. Почему, я и сама не знаю, только мы даже себя и то не уважаем! Еще говорят, вы не кастилец, а генуэзец.

— И это правда. Но с каких пор моряки Могера перестали ценить граждан Генуэзской республики, прославившихся своими подвигами на всех морях?

— Не знаю, сеньор, только многие говорят, что, если человек не кастилец, как наша донья Изабелла, хорошего от него не жди. Во всяком случае, быть генуэзцем не так почетно, как быть испанцем. Я бы охотнее отпустила моего Пепе в плавание с настоящим испанцем, особенно если он родом из Палоса!

— Да, доводы у тебя любопытные, хотя и не слишком убедительные,—проговорил Колумб, выдавая свои чувства только натянутой улыбкой.—Но разве бедняк и генуэзец не может служить богу, как всякий христианин?

— Наверно, может, сеньор. Теперь и я думаю об этом плавании не так, как раньше. Потому что теперь я сама видела вас, говорила с вами и знаю, куда и зачем вы плывете. И все-таки тяжело молодой женщине отпускать в такую даль мужа, отца ее единственного ребенка!

— Взгляни, женщина!—сказал Колумб, указывая на Луиса.—Вот перед тобой знатный юноша, единственный наследник целого рода, настоящий кастилец, достаточно прославленный и богатый, чтобы идти куда хочет и делать что хочет. А между тем он по доброй воле отправляется со мной, покидая свою возлюбленную, которая не только не стала его удерживать, а, напротив, благословила в далекий путь!

— Неужто это правда, сеньор?—с живостью спросила Луиса женщина.

— Разумеется!—ответил тот.—Все мои надежды я возлагаю на это плавание! Разве я не сказал, что нас поведет прекрасный ангел?

— О, эти знатные сеньоры кого хочешь заговорят! Но, сеньор адмирал—вас ведь так надо величать?—рассказывают еще, что от этого путешествия только вам будет прок—и почести и богатства,—а простым морякам достанется нищета и смерть! Еще недавно вы были бедны и безвестны, а сейчас—уже королевский адмирал, хотя, говорят, если вы встретитесь в открытом море с венецианскими галерами, они на это не посмотрят!

— Но какое до всего этого дело твоему мужу? Я отправляюсь туда же, куда и он, меня ждут те же опасности, и я тоже рискую своей жизнью. Если мы добудем золото, он получит свою долю! Если нам

улыбнется удача и мы доплывем до цели, твой Пепе только выиграет. А перед богом мы все равны, и он не станет спрашивать, кто был беден и кто богат, кто был генуэзцем и кто кастильцем.

— Все это так, сеньор, и все же молодой жене нелегко расстаться с мужем! Ну, а ты, Пепе, ты в самом деле хочешь отправиться вместе с адмиралом?

— А мне-то что, Моника! Мне приказано служить королеве, вот я и служу. Нам, морякам, рассуждать не приходится! Только теперь, послушав его милость, я уже не так опасаясь этого плавания.

— Если ваше путешествие и впрямь может послужить славе божьей, тебе, мой муженек, не след отставать от других! Сеньор!—прибавила она, обращаясь к Колумбу.—Разрешите моему Пепе переночевать дома. К утру он непременно вернется на «Санта-Марио»!

— А кто поручится, что он выполнит свое обещание?

— Сеньор, мы ведь тоже христиане!

— Что ж, это верно,—согласился Колумб.—Пепе, у нас и без тебя хватит гребцов. Иди сейчас к жене и сыну, но только смотри, поутру ты должен быть на своем месте!

Моника рассыпалась в благодарностях, и Колумб подумал, что этой славной испанке с добрыми глазами, пожалуй, можно доверять.

Пока гребцы готовили шлюпки, адмирал и Луис прохаживались по песчаному берегу и вели серьезный разговор.

— Вы видите, что мне приходится выносить, какие трудности преодолевать, чтобы добиться даже такой мелочи!—грустно, хотя и без горечи заметил Колумб.—Быть генуэзцем—преступление, бедняком—вдвойне, а говорить и думать не то, что думают другие,—смертный грех. Но настанет день, граф де Льера, когда Генуя будет гордиться тем, что была родиной Христофора Колумба, и когда ваша надменная Кастилия будет оспаривать у нее эту честь! Вы богаты и знатны от рождения, юный мой сеньор, и вы не торопитесь вступать на путь великих дел, которые приведут вас к славе. Но я отягощен годами, голова моя поседела от времени и страданий, и мне больно

думать, что я только приступил к осуществлению того, что заставит людей помнить мое имя.

— Что делать, сеньор, так уж ведется на этом свете! Люди способные, но незнатные стараются возвыситься до положения, которое бы соответствовало их достоинствам, а те, кто все имеет от рождения, часто довольствуются почетом и славой, завоеванными их предками. Чему же тут удивляться? Так уже заведено, и такова человеческая натура.

— Вы правы, Луис, но одно дело — философия, а другое — действительность. Вы прямой и бесстрашный юноша, Луис, вас не пугали ни мечи мавров, ни насмешки испанцев — и тем и другим вы отвечали с одинаковым мужеством. Скажите же мне сейчас, неужели вы, кастилец, считаете меня хуже ваших соотечественников только потому, что я родился в Генуе?

— Наоборот, сеньор, если Геную представляет Христофор Колумб, а Кастилию — всего лишь Луис де Бобадилья! — со смехом ответил юноша.

— Добро бы так! Но вы слышали, что думает обо мне жена этого матроса Пепе? Вы держитесь того же мнения?

— А что вы хотите, сеньор Христофор? Люди всюду одинаковы, и у нас, и в Италии, и в Англии. Каждый воображает, что он лучше своих соседей! От этого никуда не уйдешь.

— Я задал вам прямой вопрос, Луис, и не годится отвечать на него отговорками.

— Не надо смешивать честный, но вежливый ответ с уклончивым. Мы, кастильцы, считаем себя смиренными и преданными слугами божьими и потому воображаем, будто одни мы безупречны, а все остальные погрязли в пороках. Но клянусь святым Яго, одной такой королевы, как донья Изабелла, и одной такой девушки, как Мерседес де Вальверде, вполне достаточно, чтобы возгордиться своей нацией!

— Такая преданность своей королеве и своей возлюбленной вдвойне похвальна, — с грустной усмешкой заметил Колумб. — Видно, этим мне и придется удовлетвориться вместо ответа. Но пусть я не кастилец! Сам Гусман не отважился отправиться в Китай, и королевский дом Трастамары вынужден был прибег-

нута к услугам генуэзца! Провидение выбирает своих слуг, не считаясь с их родом и племенем. Посмотрим, посмотрим, юный мой сеньор, что скажет восхищенное человечество через какие-нибудь три месяца!

— Сеньор адмирал, я от души надеюсь, что мы достигнем острова Сипанго и царства великого хана! А если нет... Мы не отступали перед трудностями и невзгодами, хватит у нас сил и на то, чтобы пережить разочарование!

— Разочарования не будет, дон Луис!— возразил адмирал.— Тем более сейчас, когда нас поддерживает королева и когда у меня есть три добрые каравеллы! Я так же уверен, что мы достигнем Катая, как капитан какого-нибудь парусника, идущего с Мадейры в Лиссабон.

— Я не сомневаюсь, сеньор Колумб, что вы совершите все, что только под силу опытному мореплавателю. Однако разочарование— наш общий удел, и разумнее заранее готовиться к худшему.

— Я вижу путь в Индию так же ясно, как солнце, заходящее вон за те холмы! Семнадцать лет, Луис, он представлялся мне столь же отчетливо, как суда на реке, как Полярная звезда на небе, и у меня нет сомнений. Конечно, разумнее готовиться к худшему, ибо от разочарований не убережешься, в этом я убедился за долгие годы, когда все мои надежды рушились одна за другой. Порой мне внимали государи, сановники и князья церкви, а потом снова все отворачивались от меня, называли пустым мечтателем, у которого нет ни разума, ни доказательств...

— Клянусь моим новым покровителем, святым Педро,— прервал его Луис,— поистине у вас была не сладкая жизнь, сеньор адмирал, во всяком случае последние годы! Представляю, с каким чувством вы ждете начала плавания!

— Если вы думаете, что в этот решительный час я тревожусь и сомневаюсь, значит, вы не знаете, что такое вера и убежденность, Луис,— возразил Колумб.— Сегодня самый счастливый день моей жизни после стольких мучительных лет! Пусть силы наши невелики, пусть наши суда— всего лишь хрупкие и легкие скорлупки,— с их помощью мы откроем дорогу к тому светочу, который до сих пор был от нас сокрыт. И тогда слава Кастилии затмит славу всех королевств.

— Вы должны сожалеть, сеньор Колумб, что вся эта грядущая слава достанется Кастилии, а не вашей родной Генуе, которая отвергла ваш великодушный дар и не поддержала столь благородный замысел.

— Да, это меня печалит, Луис. Ведь не так-то просто на склоне лет покинуть родину и искать пристанища где-то на чужбине! Тяжко это даже для нас, моряков, которые не столь привязаны к своему дому, как те, кто никогда не покидает суши. Но о Генуе я не хочу думать! Если дети должны любить и уважать своих родителей, то и родители обязаны защищать и пестовать своих детей. Когда же мать забывает о своих обязанностях, детям остается одно: искать защиты и пропитания у чужих людей. Генуя была для меня неласковой матерью. Ничто не заставит меня поднять на нее меч, но я ей больше ничего не должен! Впрочем, когда речь идет о столь великой цели, не все ли равно, кто тебе поможет в ее достижении? Трудно возненавидеть свою родину, но, когда она к тебе несправедлива, можно ее разлюбить. Это чувство взаимно. Если страна тебя не защищает, если она не уважает твои мысли и твои права, тем самым она освобождает своего подданного от его обязанностей. Что посеешь, то и пожнешь! Поэтому отныне моя государыня — донья Изабелла, а моя родина — Кастилия!

В это время со шлюпки крикнули, что все готово, и оба путешественника поспешили занять свои места.

Нужно было обладать всей глубиной убежденности Колумба и его пылким характером, чтобы с восторгом говорить о том, что наконец-то он получил средства для осуществления своего великого замысла. Особенно, если рассудить здраво, что это были за средства!

Мы уже упоминали названия трех его кораблей — «Пинта», «Санта-Мария» и «Нинья» — и вкратце о них говорили. Но, чтобы читатель составил себе более полное представление о славном подвиге Колумба, не лишним будет описать эти суда подробнее, особенно то, на котором должны были плыть сам адмирал и Луис де Бобадилья.

Разумеется, это была «Санта-Мария», превосходившая следующую за ней по грузоподъемности «Пинту» почти вдвое. Ее подготовили лучше других из уважения к адмиралу и позаботились создать на

ней всевозможные удобства. Судно было палубное, каюта адмирала, или, как бы мы сейчас сказали, полуют¹, находилась на корме, «Санта-Мария» несколько не походила на современные суда, легкие и гармоничные, с высокими мачтами и низкой кормой. Кроме кормовой двухъярусной надстройки, на ней была еще одна, носовая, или полубак², но и та и другая отличались нелепой громоздкостью. Каюта называлась «замком», она и в самом деле напоминала средневековую крепость; полубак, где ютилась большая часть команды, был несоразмерно велик, он занимал чуть ли не треть каравеллы.

Тем, кто никогда не видел кораблей, на которых европейцы плавали всего каких-нибудь сто лет назад, трудно себе представить, чтобы столь маленькое суденышко могло благополучно пересечь океан. Однако это объяснимо. Многие помнят очень старые парусники, отличавшиеся такими же особенностями, а некоторые нам довелось видеть собственными глазами. Борты их корпусов в верхней части имели уклон внутрь, вследствие чего корабли вверху были почти на четверть уже, чем в средней по высоте, самой широкой части. Благодаря такой предосторожности высокая надводная часть не представляла особой опасности, а так как каравеллы были по большей части короткими судами, легко всходящими на волну, то они вполне основательно считались хоть и не быстроходными, зато надежными судами.

Хотя их и называют кораблями³, их вооружение не походило на парусное вооружение современных кораблей, к тому же корабли XV столетия не обязательно имели то же число мачт, что и корабли XIX столетия. Слово «каравелла» обозначало судно вообще, независимо от его конструкции или парусного вооружения. Поэтому она была кораблем не в том смысле, который мы обнаружим, когда обратимся к более точной классификации моряков.

¹ Полуют — надстройка на кормовой палубе, то есть на юте.

² Полубак — надстройка на носовой палубе, то есть на баке.

³ «Кораблем» в XIX веке называли суда, имевшие три мачты с прямыми (четыреугольными, устанавливавшимися поперек судна) парусами.

Многие недоумевают, почему два остальных судна, участвовавших в этом удивительном плавании, были беспалубными. Однако не следует забывать, что в те времена плавали главным образом вдоль побережья, а если и нужно было добраться до какого-либо острова, то все равно судно удалялось от берегов всего на несколько дней. Поэтому тогда, как и сейчас на юге Европы, моряки при первых же признаках непогоды укрывались в ближайшем порту. Никто не собирался бороться с бурями в открытом океане, и в палубах не было никакой нужды ни для безопасности судна, ни для защиты груза, ни для особых удобств команды.

Впрочем, пусть читатель не думает, будто на беспалубных судах вовсе не было никаких укрытий для груза и команды. На морских каравеллах тоже имелись кормовые и носовые надстройки, соединявшиеся переходами, а груз, чтобы предохранить его от воды, закрывали парусиной.

После всего сказанного даже неискушенному «сухопутному» читателю должно быть ясно, с какими скудными средствами собирался Колумб осуществить свое великое предприятие. А опытного моряка их ничтожность и полное несоответствие с целью и возможными опасностями должны просто поразить! Однако не следует думать, будто моряки тех времен считали эти средства совершенно недостаточными. Если бы такие старые морские волки, как Пинсоны, не рассчитывали на благополучный исход плавания, они не стали бы добровольно рисковать собственным судном, деньгами и жизнью.

Глава XIV

*Там, где безбрежна моря синева,
Свободен разум и душа жива;
Где ветер свищет, пену с волн срывая,
Владенья наши без конца и края.*

Байрон

Едва ступив на палубу «Санта-Мари», Колумб ушел к себе, и в тот вечер Луису больше не довелось с ним поговорить. Правда, в качестве адмиральского секретаря юный граф зани-

мал часть той же самой каюты, однако великий мореплаватель был так занят последними приготовлениями к отплытию, что ему нельзя было мешать. Почти до полуночи Луис расхаживал по палубе, мечтая о Мерседес, а когда вернулся к своей койке, то увидел, что Колумб уже спит крепким сном.

Назавтра была пятница. Не мешает заметить, что самое великое и успешное плавание в истории человечества началось в пятницу, хотя моряки давно уже считают ее несчастливым днем и даже часто откладывают отплытие, опасаясь каких-то неведомых роковых последствий.

Утром Луис вышел на палубу одним из первых, однако, подняв глаза, увидел, что адмирал уже стоит на полуюте, который играл роль запретного для всех остальных капитанского мостика. Отсюда адмирал наблюдал за ходом своей эскадры, управляя движением судов и отдавая приказы, здесь же он производил астрономические наблюдения или просто прогуливался в часы досуга. Капитанский мостик «Санта-Марии» был невелик, всего футов одиннадцать в ширину и чуть поменьше в длину, зато он был обособлен и оттуда открывался хороший обзор.

Как только адмирал — или дон Христофор, как его отныне называли, ибо назначение на эту высокую должность давало ему права и привилегии дворянина, — как только дон Христофор заметил Луиса, он кивком пригласил юношу подняться наверх и стать рядом с ним.

Хотя все силы малочисленной экспедиции в общей сложности уступали мощи одного небольшого современного военного корабля, покровительство королевы, серьезность и достоинство самого Колумба и большинства его соратников, а также таинственность неведомой цели с самого начала придали всему предприятию характер особой значительности, никак не отвечавшей его весьма скромным средствам. Чтобы усилить свое влияние на склонных к недовольству матросов и внушить им уважение к своему высокому званию, Колумб не допускал малейшей близости между собой и экипажем. Он предвидел, что настанет день и ему понадобится весь его авторитет, а потому уже сейчас отдавал приказы только через

Пинсонов или своих кормчих. Опыт подсказывал Колумбу, что, когда люди на долгие месяцы заключены в тесное пространство корабля, заставить их выполнять свой долг и удерживать в повиновении можно, только строго соблюдая субординацию. Поэтому он придавал особое значение тому, как к нему обращаются и как исполняют его приказы, зная, что от этого зависит его власть.

В этом и заключается один из секретов корабельной дисциплины. Даже мятежникам можно внушить к себе уважение, а когда оно завоевано, никто уже не решится ослушаться человека, который на голову выше остальных на борту. Мы знаем множество случаев, когда просьба или поручение такого человека выполнялись безоговорочно, в то время как даже приказ капитана, не обладающего столь высоким авторитетом, ни на кого не действовал.

— Сеньор Гутьерес, постарайтесь быть поблизости от меня! — громко сказал Колумб, называя Луиса тем именем, которое тот якобы скрывал как свое настоящее, называясь просто Педро де Муньосом.

Колумб знал, что на корабле всегда найдутся любители подслушивать чужие разговоры, и хотел, чтобы юношу считали одним из приближенных короля.

— Ваше место здесь! — продолжал он. — И здесь мы оба будем проводить большую часть времени, пока не доплывем до Катая и не проникнем во владения великого хана. Отныне наш путь лежит только вперед, через океанский простор, и мы с него не свернем!

С этими словами Колумб показал на развернутую на оружейном ящике карту и уверенно провел пальцем по проложенному курсу.

На карте были изображены очертания Европы со всеми известными тогда географическими подробностями и часть Африки примерно до берегов Гвинеи, за которой начинались неведомые земли — *terra incognita* для ученых того времени. Открытые несколькими поколениями ранее Канарские и Азорские острова тоже находились на своих местах. Зато вся западная часть Атлантического океана была украшена совершенно фантастическими контурами, которые должны были изображать восточное побережье Индии, а

может быть, и Катая. Тут же был остров Сипанго, или Япония, и еще группа каких-то островов, начертанных главным образом по описаниям Марко Поло и его спутников.

Благодаря любопытной случайности остров Сипанго на этой карте оказался примерно на той же долготе, что город Вашингтон, то есть тысячи на две лиг восточнее, чем на самом деле. Но, может быть, именно этот просчет Колумба, неправильно определившего земную окружность, и спас его смелую экспедицию от неминуемого провала.

Впервые с тех пор, как Луис решил отправиться вместе с Колумбом, в нем пробудился настоящий интерес к великому предприятию. Он живо склонился над незнакомой картой. Только сейчас предстала перед ним вся грандиозность цели генуэзца, только сейчас он понял, сколько тайн природы может быть раскрыто и какие огромные результаты могут быть достигнуты в случае успеха.

— Клянусь святым Дженнаро Неаполитанским,—вскричал он (одним из недостатков графа Луиса была привычка к месту и не к месту поминать иноземных святых, словно для того, чтобы показать людям, где он побывал и чему научился в своих странствиях),—клянусь святым Дженнаро, дон Христофор, будет великой заслугой, если мы найдем дорогу через столь обширное водное пространство, но еще большей—если мы когда-нибудь сумеем вернуться!

— Большинство людей на борту только и думают, что о возвращении,—тихо ответил Колумб.—Вы заметили, дон Луис, какие угрюмые и печальные лица у наших матросов? А слышите, какой стоит крик и плач?

Эти слова заставили юношу оторваться от карты и взглянуть вокруг. Маленькая «Нинья» — в сущности, простая легкая фелюга под латинским парусом¹ — догоняла «Санта-Марию». Со всех сторон его окружали лодки, переполненные женщинами и детьми; все плакали, многие с воплями отчаяния воздевали руки к небесам. То же самое происходило вокруг «Пинты»,

¹ Латинский парус — треугольный парус на рейке.

на которой поднимали паруса, хотя авторитет Мартина Алонсо Пинсона и мешал слишком громким изъяснениям горя. Множество лодок окружило и «Санта-Марию», однако страх и уважение к адмиралу удерживали провожающих на почтительном расстоянии. Видно было по всему, что они полагали, будто видят своих близких в последний раз, да и сами матросы по большей части тоже думали, что уже никогда не вернутся в Испанию.

— Вы сегодня видели Пепе среди команды? — спросил Колумб, впервые вспомнив о молодом матросе. — Если он не сдержал слова, это дурной признак. Это значит, что нам придется не спускать глаз с остальных, пока у них есть хоть какая-то возможность бежать на берег!

— Если его отсутствие — дурной знак, значит, возвращение славного парня должно быть хорошей приметой. Вон он, на рее, над нашими головами, сеньор адмирал, отдает парус!

Колумб поднял глаза и действительно увидел молодого матроса на самом кончике рейка латинского паруса бизань-мачты¹: раскачиваясь на ветру, он отдавал концы, удерживающие парус. Время от времени Пепе с тревогой поглядывал вниз, чтобы узнать, замечено его возвращение или нет, и, несмотря на свою обычную ловкость, даже немного замешкался, чем и привлек к себе всеобщее внимание. Колумб сделал знак, что узнал его, и обрадованный юноша тотчас отдал парус.

Адмирал вместе с Луисом подошли к гакаборту², чтобы взглянуть, не осталось ли какой-нибудь лодки вблизи каравеллы «Санта-Мария». И действительно, возле самого судна плыл ялик, где на веслах сидела одна Моника, — только поэтому ей и позволили подойти так близко.

Увидев адмирала, Моника всплеснула руками, словно хотела что-то сказать, но не решалась. Колумб понял, что жена Пепе растерялась от воплей толпы, множества любопытных глаз и необычной близости.

¹ Бизань-мачта — задняя мачта, расположенная ближе всего к корме судна.

² Гакаборт — самая верхняя часть борта у оконечности кормы.

сти каравеллы, которая возвышалась над ней, как стена.

— Я вижу, твой муж сдержал свое слово, добрая женщина,— заговорил он первым так мягко и с такой лаской, что Луис даже удивился.— Наверно, это ты сказала ему, что лучше честно послужить королеве, чем сделаться всеми гонимым беглецом?

— Да, сеньор!— ответила Моника.— Раз надо послужить господу, я отдаю королеве мужа без ропота, хотя и против своей воли. Теперь я вижу, что была виновата. Я буду молиться, чтобы мой Пепе всегда был впереди!

— Вот слова, достойные верной жены и доброй католички! Молись за нас и будь уверена, что твой Пепе увидит Катай, получит свою долю сокровищ и вернется домой целым и невредимым.

— Ах, сеньор, но когда?— воскликнула Моника, которая, несмотря на всю свою религиозность и кажущуюся решимость, не могла совладать со своим женским горем.

— Это уж как богу будет угодно, добрая... Как твое имя, женщина?

— Моника, сеньор адмирал! А моего мужа зовут Пепе, а нашего бедного сына, который остался теперь без отца, окрестили Хуаном. Мы настоящие испанцы, в нас нет ни капли мавританской крови. Вспомните об этом, сеньор адмирал, когда вам понадобится человек на опасное дело!

— Можешь быть спокойна, я позабочусь об отце твоего Хуана,— с улыбкой проговорил Колумб, хотя слезы застилали ему глаза.— Я ведь тоже оставляю на берегу тех, кто дорог моему сердцу, и среди них — своего сына, у которого нет матери. Если что-нибудь случится с нашими судами, мой Диего останется круглым сиротой, а у твоего Хуана все же будет ласка и заботы матери!

— Простите меня, сеньор, тысячу раз простите!— воскликнула Моника, растроганная горем, которое слышалось в голосе адмирала.— Мы все думаем только о себе! Когда у нас своя большая беда, мы забываем о чужих страданиях. Плывите же с богом, и пусть мой муж будет всегда при вас! Если бы мой Хуан не был так мал, я бы и его отпустила вместе с вами...

Голос Моники прервался, она взялась за весла и начала медленно отгребать в сторону; казалось, сам ялик не хотел удаляться и сопротивлялся веслам, направлявшим его к берегу.

Разговор этот происходил довольно громко, так что, когда Колумб обернулся, он увидел, что находившиеся поблизости матросы замерли на своих местах, боясь проронить хоть слово. В эту минуту якорь «Санта-Мари» отделился от дна, и она стала уклоняться под ветер. В следующее мгновение большой квадратный фок¹ каравеллы начал наполняться ветром, и вскоре все три судна медленно вышли из бокового рукава реки Одьеля, где стояли на якоре, и уверенно двинулись вниз по течению к устью реки.

Солнце еще не взошло или, вернее, только восходило над холмами, как сияющий волшебный шар. На судах поставили все паруса. В то великолепное утро многие с грустью смотрели на удаляющиеся берега Испании, словно предчувствуя, что уже не увидят их никогда.

Большая часть лодок следовала за «Пинтой» и «Ниньей» до устья реки, а некоторые плыли за ними еще часа два, высоко взлетая на пологих волнах пробуждающегося океана. Лишь когда поднялся свежий ветер с запада, они мало-помалу отстали, провожая моряков последними горестными воплями и прощальными взмахами рук. Словно освободившись от пут, каравеллы устремились в голубые просторы Атлантики, подобно людям, влекомым неведомой судьбой, которой они не в силах ни предвидеть, ни избежать.

День был прекрасный, ветер ровный и сильный. Казалось, все благоприятствовало плаванию, однако будущее было скрыто во мраке неизвестности, и эта неизвестность пугала большинство моряков, покинувших все, что было им близко и дорого. Они только знали, что адмирал намеревался как можно скорее достичь Канарских островов, а оттуда двинуться в неведомые просторы океана, где еще не побывало ни одно судно. Поэтому все считали, что за Канарскими островами и начнется самое страшное, и многие с ужасом ожидали их появления на горизонте, как приговоренные к смерти ждут утра казни.

¹ Фок — нижний парус на передней мачте, то есть на фокмачте.

Однако не все были столь трусливы. Многие заранее подготовились душой и разумом ко всевозможным опасностям, но даже и те колебались. Бывали часы, когда вся команда вдруг проникалась надеждой на успех и матросы начинали обсуждать выгоды, которые сулило это плавание, затем так же внезапно всех охватывали безотчетная тревога и неуверенность, близкая к отчаянию.

В те времена даже путешествие к Канарским или Азорским островам считалось среди моряков чуть ли не подвигом. Расстояние, правда, не превышало обычного, и, следуя почти в том же направлении, многие доходили до самого Зеленого Мыса. Однако во всех дальних плаваниях европейские мореходы держались в виду берегов, а если и пересекали, скажем, Средиземное море, то все время знали, что находятся в знакомых водах, давно изученных многими поколениями. И, наоборот, стоило им выйти на просторы Атлантики, как они оказывались в положении аэронавта, увлекаемого верхними воздушными течениями, когда знакомая и близкая ему земля исчезает где-то внизу и он остается один среди безбрежного неведомого голубого пространства.

Канарские острова были известны еще древним. Говорят, уже мавританский царь Юба, современник Юлия Цезаря, довольно подробно описал их под названием «Счастливых островов». Это описание было утрачено, однако сведения о «Счастливых островах» сохранились в трудах других авторов. В частности, из них мы узнаем, что и в те отдаленные времена на этих островах было многочисленное население, обладавшее довольно развитой культурой. Но затем в смутный период, последовавший за падением Римской империи, европейцы забыли даже местоположение этих островов. Об их существовании вспомнили только в первой половине XIV столетия, когда несколько испанцев, спасаясь от мавров, совершенно случайно открыли их заново.

После этого португальцы, самые отважные мореплаватели той эпохи, захватили один-два острова и сделали их как бы форпостом для своих морских экспедиций вдоль берегов Гвинеи. В свою очередь, испанцы, сломив могущество мавров и отвоевав у них большую часть своих старых владений, устремили взоры к тем же островам. К тому времени, о котором

идет речь, часть их принадлежала португальцам, а часть — испанцам, покорившим местное население.

Луис де Бобадилья, избороздивший все Средиземное море и много странствовавший по северным морям, о Канарских островах знал только понаслышке. Стоя на корме с картой в руках, Колумб сейчас знакомил его с местоположением и особенностями каждого острова. Он говорил об их будущем, о припасах, которые можно там получить, и о значении Канарских островов как отправного пункта для новых открытий.

— Португальцам эти острова служат хорошую службу,— говорил адмирал.— Здесь они набирают топливо, воду и прочие припасы, и я не вижу, почему бы кастильцам не последовать их примеру и не извлекать из своих островов такую же выгоду. Смотрите, как далеко на юг проникли наши соседи! Торговля их процветает, богатства вновь открытых земель текут в Лиссабон рекой, хотя по сравнению с сокровищами Катая и тем, что принесет наша экспедиция, это, конечно, не более чем капля воды в океане.

— Разве по вашим расчетам, дон Христофор, до владений великого хана не дальше, чем до самых южных земель, захваченных португальцами?— спросил Луис.

Мореplаватель опасливо оглянулся, но, даже убедившись, что поблизости никого нет, понизил голос, чтобы никто их не услышал. Зато ответ его польстил юноше, доказав, что адмирал относится к нему с полным дружеским доверием.

— Вы знаете, дон Луис, с какими людьми нам приходится иметь дело,— начал Колумб.— Я ни в чем не могу быть уверен, пока мы не удалимся от берегов Европы! Ведь нет ничего легче для любой из наших малых каравелл, как ночью покинуть нас и укрыться в знакомой гавани под каким-нибудь выдуманым предлогом!

— Мартин Алонсо не из тех, кто способен на такой недостойный и низкий поступок!— прервал его Луис.

— Из трусости, пожалуй, и нет,— возразил Колумб с задумчивой улыбкой, которая показывала, как верно и быстро распознал он характер своих спутников.— Мартин Алонсо смелый и умный мореплаватель, он полон решимости и осмотрительности— в этом на него вполне можно положиться. Но один

Алонсо не в силах за всем уследить, а с обезумевшей от страха, взбунтовавшейся командой не справиться ни одному мудрецу на свете. Пока остается надежда на быстрое возвращение, я не уверен даже в наших собственных матросах, а в тех, что находятся на других судах, и того менее. Поэтому при людях я не смог бы откровенно ответить на ваш вопрос, Луис. Мой ответ о расстоянии, которое нам предстоит пройти, напугал бы матросов. Но вы дворянин и рыцарь, известный своим мужеством. Вам я могу сказать правду, зная, что вы не поддадитесь недостойному малодушию. Наше плавание, Луис, никогда не имело себе подобных ни по дальности расстояния, ни по совершенной безлюдности пути!

— Как же вы, сеньор, пустились в путь с такой уверенностью, словно мы плывем к знакомой гавани?

— Да, Луис, я в себе уверен. А что касается всяких разговоров о том, что надо будет плыть куда-то вниз или вверх, о том, что невозможно будет вернуться, о крае света, с которого можно свалиться в пространство, и прочих ужасах, то ведь ни я, ни вы в эти басни не верим?

— Клянусь святым Яго, сеньор дон Христофор, в этих делах я не слишком разбираюсь! Правда, я до сих пор не слышал, чтобы кто-нибудь свалился с земли в воздух, и не очень-то верю, что такая судьба ждет кого-нибудь из нас или наши корабли. Но, с другой стороны, единственный способ доказать, что земля круглая,— это отправиться на восток западным путем. Здесь я воздерживаюсь от суждений. Но, если уж нам придется падать на луну, Луис де Бобадилья полетит вслед за вами!

— Вы хотите казаться невежественнее и сумасброднее, чем есть на самом деле. К чему это, юный мой сеньор? Впрочем, не стоит сейчас об этом говорить. У нас еще будет предостаточно времени, и я успею познакомить вас со всеми своими сложными соображениями и самыми убедительными доказательствами. Подумайте о другом. Разве это не милость судьбы, что вот наконец я в открытом океане, удостоенный высокого доверия двух монархов, облеченный званием адмирала и вице-короля? И под моим командованием королевский флот, который должен распространить власть Испании и нашей церкви до самых дальних пределов земли!

Все это было сказано спокойно, однако с горячей убежденностью, отличавшей великого мореплавателя, с той убежденностью, которая у одних вызывала насмешливое недоверие, а у других — глубокое уважение. Что касается Луиса, то на него, как и на всех, кто был близко знаком с Колумбом и мог по достоинству оценить здравость его суждений, такие речи всегда производили большое впечатление, и даже сама Мерседес вряд ли могла бы здесь что-либо изменить. Искра такого же высокого восторга теплилась и в душе юноши, а потому ему было нетрудно понять благородные побуждения родственного сердца.

Луис ответил, как думал, и слова его не противоречили мыслям адмирала. Еще долгое время стояли они на юте и поверяли друг другу свои надежды, однако беседа их вскоре стала настолько выпренней и отвлеченной, что пересказывать ее невозможно да и вряд ли необходимо.

Каравеллы вышли из реки около восьми часов утра. С тех пор прошло много времени. Далеко позади растаяли холмы Палоса и очертания знакомых берегов. Эскадра шла курсом прямо на юг.

В ту эпоху рангоут¹ на судах был куда беднее, они несли гораздо меньше парусов, чем современные быстроходные корабли, поэтому и двигались сравнительно медленно. Плавание, которому, как многие полагали, вообще не будет конца, во всяком случае, обещало быть долгим. Две морские лиги в час считалось тогда отменной скоростью даже при свежем попутном ветре. Было, правда, несколько дней, когда каравеллы, судя по записям самого Колумба, проходили за сутки до ста шестидесяти миль, и такие дни мореплаватели отмечали с законной гордостью. Но просвещенному читателю, конечно, известно, что в наше время и при наших скоростях хороший парусный корабль прошел бы точно такое же расстояние в два-три раза быстрее!

Солнце первого дня этого достопамятного плавания клонилось к закату. Каравеллы шли уже одиннадцать часов, подгоняемые «сильным ветром», как отметил сам Колумб. К этому времени они уже удалились от своего порта на добрых пятьдесят миль, следуя преж-

¹ Рангоут — деревянные детали, служившие для несения парусов: мачты, рей и т. п.

ним курсом на юг. Палос окончательно скрылся из глаз, и лишь кое-где на востоке над гладью океана еще проступали неясные вершины гор, которые мог различить только опытный глаз моряка. Но вот сияющий диск солнца исчез за западной кромкой океана, и наступила ночь.

Как раз в эту минуту Колумб и Луис снова поднялись на полуют, чтобы бросить последний прощальный взгляд на исчезающие берега Испании. Неподалеку от них два матроса срачивали перетершийся трос. Они сидели прямо на палубе, чуть в стороне, как бы из уважения к адмиралу, и сначала тот их не заметил.

— Вот и солнце скрылось за волнами необозримого океана, сеньор Гутьерес,— заметил Колумб, который из осторожности всегда пользовался одним из вымышленных имен Луиса, когда кто-либо находился поблизости.— Солнце покинуло нас, друг мой Педро, но оно продолжает свой путь, и в этом я вижу доказательство шарообразной формы земли, а также того, что, плывя на запад, мы непременно достигнем берегов Каяа.

— Я всегда охотно склоняюсь перед мудростью ваших планов, предположений и помыслов, сеньор дон Христофор,— ответил Луис де Бобадилья, строго соблюдавший почтительность в обращении к адмиралу.— Но, признаться, я не вижу никакой связи между круговоротом солнца и местоположением Каяа или дорогой, по которой следует к нему плыть. Мы знаем, что великое светило нескончаемо совершает свой путь по небесам, что утром оно поднимается из моря и уходит на ночь в свою водяную постель. Если мы это видим в Кастилии, то же самое, наверное, увидим и в Каяе. Только почему круговорот солнца должен предвещать нам успех или неудачу? Непонятно!

При этих словах оба моряка прекратили работу и с любопытством уставились на адмирала, ожидая его ответа. Заметив их, Луис узнал в одном Пепе и кивнул ему; другого он, кажется, встречал впервые.

По виду это был заправский моряк того времени, или как сейчас говорят в Европе, настоящий морской волк. В это понятие обычно вкладывается представление о человеке, полностью слившемся со своей морской профессией, которая наложила отпечаток на все его привычки, внешность, мысли, язык и даже мо-

раль. Ему можно было дать лет пятьдесят. Приземистый, широкоплечий, мускулистый и в то же время очень подвижной, он был, как говорится, грубо скроен, да крепко сшит; его простое лицо с угловатыми, тяжелыми чертами светилось лукавством, за которым угадывались природный юмор и сильная воля. Колумб сразу признал в нем первоклассного матроса, и не только по виду, но и по делу, которым тот был занят, потому что сращивание, или, по-морскому, сплеснивание, канатов доверяют лишь самым умелым и опытным членам команды.

— Непонятно? — переспросил адмирал, тоже бросив взгляд на двух моряков. — Что ж, я объясню вам, сеньор. Солнце ведь не зря и не без толку ежедневно обходит землю. Трудно вообразить, что такое благодатное и щедрое светило растрчивает свое тепло и свет понапрасну. И, наоборот, если мы представим — а я в этом уверен! — что день вслед за ночью все время движется на запад, что солнце всегда изливает свои живительные лучи на землю и покидает одну страну лишь для того, чтобы осветить другую, тогда вся система обретет законченность и гармонию. То самое солнце, что уже ушло от нас, еще освещает Азорские острова. А поутру его увидят где-нибудь на востоке, в Смирне или в Греции, на час с лишним раньше, чем оно взойдет над нами. В природе нет ничего бесполезного или неразумного, а потому я уверен, что солнце, покинувшее нас, вскоре будет светить над Катаем, за ночь пройдет над всем обширным Азиатским материком и, обойдя кругом землю, снова пошлет нам свой утренний привет. Короче говоря, друг мой Педро, мы на своих каравеллах совершаем тот же самый путь, что солнце в небесах, только помедленнее да поскромнее. И, если бы у нас было довольно времени, мы бы обошли вокруг всего земного шара и вернулись в Испанию с востока, через земли персов и татар.

— Значит, залог нашего успеха в шарообразной форме земли? — спросил Луис. — Я правильно вас понял?

— Совершенно правильно, сеньор де Муньос! — ответил адмирал. — И я буду весьма огорчен, если хоть один человек на борту моих каравелл в этом еще сомневается. Да вот, кстати, два матроса, они, наверно, слышали наш разговор! Давайте их спросим: мнение

опытных моряков всегда полезно знать... Это с тобой я разговаривал на берегу вчера вечером? — обратился Колумб к более молодому матросу. — Тебя, кажется, зовут Пепе?

— Так точно, сеньор адмирал! Для меня великая честь, что ваша милость меня заметили и запомнили...

— Как же не запомнить такое честное лицо! Видно, и сердце у тебя столь же честное, и я уверен, что в случае чего смогу на тебя положиться.

— Не сомневайтесь, ваша милость! Вы для меня не просто сеньор адмирал! Человек, который сумел уговорить мою Монику, для меня все равно что король!

— Благодарю, честный Пепе, я тебя не забуду. А ты, приятель, — продолжал Колумб, обращаясь ко второму моряку, — как твое имя? Похоже, тебя никакая буря не испугает!

— Ваша правда, благородный адмирал, волны мне ни почем, и имя у меня тоже есть! — ответил моряк с видом человека, который за словом в карман не полезет. — Правда, я обхожусь без «дон» или «сеньор», — ничего не попишешь! А зовут меня по-разному. Приятели, когда торопятся, зовут просто Санчо, а когда у них есть время для церемоний, прибавляют еще Мундо¹, так что полное мое имя Санчо Мундо.

— Довольно высокое имя для такого коротышки! — улыбаясь, заметил Колумб; он знал, что верные друзья среди команды могут ему еще очень пригодиться, а потому, не теряя достоинства и не опускаясь до ненужной фамильярности, иногда снисходил до грубоватых шуток, которые нравились морякам. — Удивляюсь, как у тебя хватает смелости называться так громко!

— А я и то говорю своим приятелям, что Мундо — это не имя, а мой титул, который превышает всех королевских титулов. Ведь мир куда больше любого королевства!

— Твои родители тоже звались Мундо? Или ты сам придумал себе такое имя, чтобы дерзить, когда с тобой разговаривает адмирал?

— Что до почтенных моих родителей, то вы их лучше сами спросите, сеньор дон адмирал, потому что я не знаю, как они звались и было ли у них имя

¹ Мундо — по-испански означает: вся земля, весь мир.

вообще. Говорят, что, когда мне стукнуло всего несколько часов от рождения, меня нашли в старой корзине у ворот корабельной верфи нашего старого...

— Это уже неважно, друг мой Санчо,— прервал его Колумб.— Тебя нашли, и корзина служила тебе колыбелью,— вот и весь сказ!

— Нет, ваша милость, для меня как раз очень важно, где меня нашли. Ну, да будь по-вашему! Раз уж никто толком не знает, куда мы плывем сейчас, то не все ли равно, откуда мы приплыли когда-то? Те, кто называл меня Мундо, дали мне весь широкий мир в наследство, вот я и стараюсь оправдать свое имя.

— А ты давно сделался моряком, Санчо Мундо, если уж ты хочешь так называться?

— Так давно, что теперь на суше меня просто тошнит и кусок не идет в горло! От ворот корабельной верфи до пристани всего три шага, так что, наверное, меня прямо в корзине отнесли на какую-нибудь каравеллу. Как и когда это случилось, никто точно не помнит. С тех пор я покорился своей судьбе и едва приду в порт, как опять спешу выйти в море.

— А какими счастливыми судьбами ты очутился на моей каравелле, добрый Санчо?

— По приказу наших мogerских властей во исполнение королевской воли, ваша милость! Они рассудили, что такое путешествие, наверное, никогда не кончится, а потому будет мне больше всего по вкусу.

— Значит, ты отправился в это великое путешествие по принуждению?

— Совсем нет, сеньор дон адмирал, хотя наши мogerцы думают, что да. Разве не естественно для человека желать хоть раз в жизни осмотреть все свои владения? Мне сказали, что вы собираетесь на ту сторону света,— мог ли я упустить такой случай?

— Ты христианин, Санчо, и, наверное, тоже хочешь донести до язычников свет истинной веры.

— Ваша милость сеньор дон адмирал! Какое Санчо дело до того, чем нагружено судно? Мне главное — чтобы воды в трюме было поменьше, а чесноку в похлебке побольше! Если я не такой уж ревностный христианин, то в этом виноваты те, кто меня нашел, потому что церковь и пристань от ворот корабельной верфи на одинаковом расстоянии. Вот Пепе, я

знаю, христианин: я сам видел его в купели. Но во всем Могере вряд ли найдется хоть один старик, который бы видел, как крестили меня. Смею, однако, заметить, благородный сеньор адмирал, что я все же не мусульманин.

— Ну что ж, Санчо, зато ты должен быть смелым и опытным моряком.

— Об этом, сеньор дон Колумб, пусть вам скажут другие. А когда налетит буря, вы сами увидите, что не ошиблись. И, если наши каравеллы доплывут до того места, где, как многие думают, земля кончается, у вас будет хороший случай убедиться, кто сможет стать на самый край и, не дрогнув, взглянуть вниз!

— Превосходно! — воскликнул Колумб. — Значит, на тебя и на Пепе я могу рассчитывать как на самых надежных товарищей.

С этими словами адмирал отошел от матросов с серьезным и достойным видом, который немало помогал ему поддерживать свой авторитет и внушал окружающим глубокое уважение. Луис последовал за ним, и через несколько минут они удалились в свою каюту.

— Дивлюсь я тебе, Санчо, — сказал Пепе, едва матросы остались на корме одни. — Как это ты не боишься так смело разговаривать с адмиралом, посланцем самой королевы! А вдруг он разгневается?

— Вот что значит иметь жену и ребенка! — насмешливо воскликнул Санчо. — Теперь тебе понятна разница между людьми, у которых есть предки и потомки, и теми, у кого нет ничего на свете, кроме собственного имени? А что до нашего сеньора дона адмирала, то он либо поистине великий человек — и тогда ему суждено открыть неведомые моря и земли, — либо просто изголодавшийся генуэзец, готовый плыть куда глаза глядят, лишь бы пить и есть досыта, быть в чести и спать вволю, пока мы тут надрываемся. Так всегда бывает: рысак налегке, а терпеливые мулы — под вьюком! Но в любом случае мне бояться нечего. Если он великий человек, что ему досужая болтовня какого-то матроса? А если просто плут, нечего ему чваниться перед настоящим кастильцем!

— С каких это пор ты сделался кастильцем? Тебя вроде нашли в корзине, корзину — у ворот кора-

бельной верфи, верфь была в Могере, а Могер до сих пор подвластен Севилье¹!

— Слушай, Пепе, разве королева Кастильская не наша государыня? И разве ее подданные — я говорю об истинно преданных подданных, таких, как мы с тобой, — недостойны считаться ее земляками? Никогда не унижай себя сам, Пепе, потому что всегда найдутся добрые люди, которые об этом позаботятся и без тебя. А что до генуэзца, то для Санчо он будет либо другом, либо врагом. В первом случае я буду только рад, во втором — пусть его ищет свой Катай хоть до скончания века, ему его не видать, как своих ушей!

— Ладно, Санчо, если бы удача или неудача плаванья зависели от твоего языка, быть бы тебе первым моряком на свете! Ты хоть кого заговоришь!

Закончив свою работу, оба матроса сошли с юта и присоединились к остальным.

Колумб рассчитал верно: его дружеские слова произвели на Санчо Мундо, как мы его будем отныне называть, самое благоприятное впечатление, а завоевать союзника с таким ловко подвешенным языком дело немалое. Порой один какой-нибудь поступок или один человек определяют успех всего предприятия. И вполне возможно, что открытие Нового Света до известной степени зависело от суждений людей еще менее приметных, чем наш Санчо Мундо.

Глава XV

*Ты храпишь самозабвенно,
А бессонная измена
Бродит у дверей.
Если жить тебе охота,
Сбрось беспечную дремоту,
Пробудись скорей!*

Ариэль

Ветер держался ровный, и все три каравеллы довольно быстро продвигались по направлению к Канарским островам. Особенно удачным было воскресенье: за двадцать четыре часа эскадра

¹ Севилья и ее округ входили в границы Кастилии, но считались особым владением, а не исконно кастильским городом.

Колумба прошла сто двадцать миль! И ветер по-прежнему оставался благоприятным.

Утром в понедельник 6 августа Колумб весело беседовал на полуюте с Луисом и еще несколькими спутниками, как вдруг он заметил, что на «Пинте» убрали паруса и торопливо, чтобы не сказать неумело, приводятся к ветру: такой маневр указывал, что случилось что-то неладное. Пользуясь преимуществом в ветре, «Санта-Мария» тотчас поспешила на помощь.

— Что там у вас, сеньор Мартин Алонсо? — закричал Колумб, как только каравеллы оказались достаточно близко одна от другой. — Почему вы так внезапно остановились?

— Видно, от судьбы не уйдешь, сеньор дон Христофор, — ответил капитан «Пинты». — Такая добрая каравелла, и вдруг руль сорвало с места! Надо его укрепить, прежде чем снова довериться ветру.

Суровые морщины прорезали лоб великого мореплавателя, брови его нахмурились. Приказав Мартину Алонсо немедленно исправить повреждение, он принялся молча расхаживать по юту. Видно было, что Колумб сильно взволнован и что эта задержка ему весьма не по душе. Не решаясь его тревожить, все предпочли спуститься на палубу, оставив адмирала наедине с Луисом, которого считали доверенным лицом короля. Помолчав немного из уважения к Колумбу, Луис сказал:

— Надеюсь, сеньор, поломка незначительная и нас не остановит! Я знаю Мартина Алонсо, это бывалый честный моряк. Он найдет способ как-нибудь добратся до Канарских островов, а там можно будет исправить и не такое повреждение.

— Конечно, Луис, будем надеяться на лучшее. Жаль, что море разгулялось и мы не можем помочь «Пинте», но Мартин Алонсо и в самом деле моряк опытный: положимся на его сообразительность. Но меня тревожит не это, хотя потерять управление в океане дело тоже не шуточное. Тут все много серьезнее! Вы знаете, что «Пинта» была реквизирована для нас по приказу королевы за какие-то провинности жителей Палоса, и, уж конечно, против воли ее владельцев? Так вот, хозяйева «Пинты», Гомес Раскон

и Кристоваль Кинтеро, находятся на своей каравелле. Для меня ясно: это поломка не случайная. Они и раньше, еще в Палосе, делали все возможное, чтобы задержать наше отплытие, и, как видно, продолжают нам вредить даже в открытом океане.

— Клянусь верностью королеве, сеньор дон Христофор, поручите это дело мне, и я живо расправлюсь с изменниками! Позвольте мне сесть в шлюпку и отправиться на «Пинту»! Я только скажу этим господам Раскону и Кинтеро, что, если у них опять сорвет руль или случится еще что-нибудь подобное, первый будет повешен на рее его собственной каравеллы, а второй выброшен за борт, чтобы исследовать ее киль и всю подводную часть вместе с тем же рулем!

— Не стоит прибегать к таким крутым мерам без крайней необходимости, особенно когда мы не можем доказать их вину, — возразил Колумб. — Разумнее будет подыскать на Канарских островах другую каравеллу. Я уверен, что мы не избавимся от неприятностей, пока не отделаемся от обоих судовладельцев и их судна. Кроме того, сейчас спускать шлюпку опасно, иначе я бы сам отправился на «Пинту». Так что пока нам остается только положиться на Мартина Алонсо и его умение.

Колумб ободрил издали экипаж «Пинты», и матросы принялись за дело. Часа через два повреждение было исправлено, и каравеллы на всех парусах вновь двинулись к Канарским островам.

Несмотря на остановку, в течение этого дня и ночи удалось пройти добрых девяносто миль. Но на следующее утро руль снова сорвало с места, и так как на сей раз повреждение оказалось более серьезным, то чтобы устранить его, потребовалось гораздо больше времени. Эти повторяющиеся поломки привели адмирала в негодование. Они ясно свидетельствовали о чьем-то злом умысле, и Колумб окончательно решил отделаться от «Пинты», если только на островах удастся подыскать другое подходящее судно. Из-за долгой задержки каравеллы прошли в тот день всего каких-нибудь шестьдесят миль, хотя попутный ветер не утихал. Утром все три каравеллы сблизились, чтобы

капитаны и кормчие могли сравнить свои наблюдения и совместно определить местоположение эскадры.

Одним из достоинств Колумба было его умение точно определяться, несмотря на несовершенство приборов того времени. Правда, все мореплаватели уже более столетия пользовались компасом, однако о магнитном склонении¹, знание которого в дальних плаваниях не менее важно, чем знание самого инструмента, никто не знал. Моряки тогда не осмеливались отходить далеко от берегов и не имели понятия об этом таинственном явлении природы, да и вообще, прокладывая путь, они больше полагались на солнце и звезды, чем на свои вычисления. Колумб был редчайшим исключением среди этих людей. Он досконально изучил все, что могла дать мореплаванию наука той эпохи, чтобы применить эти знания для достижения великой цели, ради которой, казалось, он только и жил.

Как и следовало ожидать, точно определить местоположение каравелл сумел один адмирал, и кормчие вскоре убедились в его правоте, когда в предсказанное им время на горизонте в юго-западном направлении появились вершины Канарских островов, похожие на четко очерченные темные тучи, встающие над океаном. Но, поскольку с моря да еще в ясную погоду горы видны на очень большом расстоянии, каравеллы достигли главного острова Гран-Канария только 8 августа, то есть почти через неделю после выхода из Палоса. Суда вошли в порт и стали на якорь. Колумб немедленно принялся за поиски новой каравеллы, но, потерпев неудачу, отправился на остров Гомеру, полагая, что там скорее отыщет необходимое ему судно.

Пока «Санта-Мария» и «Нинья» находились на Гомере, Мартин Алонсо оставался на Гран-Канарии, так как «Пинта» нуждалась в ремонте. Но поиски Колумба оказались безрезультатными, и он тоже вскоре вернулся на Гран-Канарию. Здесь выяснилось, что, помимо всего прочего, «Пинта» была плохо

¹Склонение — угол между направлением стрелки компаса, или магнитным меридианом, и географическим, или истинным, меридианом.

проконопачена, видимо, тоже для того, чтобы сделать ее непригодной к плаванию. Все эти недоделки пришлось устранять сейчас. Наконец эскадра двинулась к Гомере, откуда Колумб намеревался пуститься в неведомый океан.

Тем временем среди матросов нарастало глухое недовольство, да и те, кто командовал ими, тоже начинали смотреть на будущее все более и более мрачно.

Во время плавания от Гран-Канарии к Гомере Колумб со своими постоянными собеседниками, среди которых был и Луис, стоял, как обычно, на юте, когда вдруг до него донесся разговор матросов, собравшихся внизу у гротмачты. Была уже ночь, ветер затих, и голоса разносились гораздо дальше, чем полагали возбужденные спорщики.

— Говорю тебе, Пепе, наша судьба непрогляднее этой ночи! — яростно доказывал какой-то горластый матрос. — Посмотри на запад — что ты там видишь? Ничего! Никто и не слышал, чтобы за Азорскими островами была еще какая-нибудь земля. Материк окружен бесконечным океаном лишь с редкими островами, чтобы никто и не думал из любопытства соваться в недоступные людям просторы. Надо быть последним дураком, чтобы этого не понимать!

— Ладно, Пэро, говори что хочешь, — ответил Пепе, — но я знаю — и моя Моника думает так же, — что наш адмирал выполняет волю божью. А с божьей помощью мы совершим великое открытие и принесем язычникам истинную веру!

— Вечно ты со своей Моникой! Уж такая она ученая, умная да благоразумная, так мудро решает все за себя и за тебя, что быть бы ей не Моникой, а доньей Изабеллой! Впрочем, для тебя она и есть королева, весь Могер это знает. Дай ей волю, она всем городом будет вертеть, как вертит тобой! Не зря говорят...

— Не смей говорить ничего плохого о матери моего сына! — сердито прервал его Пепе. — Я еще могу снести твою глупую болтовню, пока ты ведешь речь обо мне, но, если ты заденешь Моника, берегись! Даром тебе это не пройдет!

— Уж больно ты смел на словах, дружище Пэро! — вмешался кто-то третий (Колумб и Луис

тотчас узнали голос Санчо Мундо).— Особенно когда удалишься миль за сто от своей собственной дражайшей половины, которая сойдет за все девять десятых! Вольно же тебе высмеивать Пепе! Мы-то знаем, кто командует у тебя на борту: в своей семейной каюте ты кроток, как дельфин, попавший на крючок, а здесь хорохоришься. Но довольно болтать о бабах! Если хотите говорить, поговорим, как подобает морякам. Вместо того чтобы спрашивать Пепе — он еще слишком молод и мало видел, — спрашивайте лучше меня, я готов ответить!

— А что скажешь ты об этой неведомой земле, которая будто бы лежит за океаном и которой никто никогда не видел да и не увидит?

— Скажу, что у тебя язык без костей: ты, Пэро, сам не знаешь, что мелешь. А еще скажу, что было время, когда Канарских островов тоже никто не видел, когда моряки вообще боялись отходить от берегов, когда португальцы даже не слышали о такой земле, как Гвинея, и, уж конечно, не знали, что у них там будут владения и рудники. А теперь я сам побывал в Гвинее, и благородный дон Христофор тоже — я его видел там собственными глазами!

— При чем здесь Гвинея и португальские рудники, когда мы говорим о путешествии на запад! Все знают, что есть такая страна Африка, и нет ничего удивительного, если португальские моряки доплыли до земли, о которой давно знали. Но кто поручится, что за океаном есть другие материки? Это все равно, что говорить, будто есть другая земля на небесах!

— Хорошо сказано, Пэро! — поддержал матроса один из его единомышленников. — Придется Санчо пошевелить мозгами, чтобы на это ответить!

— Хорошо для болтливой бабы, которая не думает, о чем говорит, — холодно заметил Санчо. — А вот королева и наш адмирал рассудили по-другому! Слушай, Пэро, ты, видно, знаешь только одну дорожку — между Палосом и Могером, а потому считаешь, что от Севильи до Гранады и пути нет! В каждом деле бывает начало, и наше плавание, конечно, проложит дорогу в Китай. А плывем мы на запад, а не на восток потому, что, во-первых, так ближе, а во-вторых, — это единственный водный путь. Ответьте, друзья, может

каравелла или любая другая посудина с любой оснасткой пройти под парусами через горы и долины целого материка?

— Нет, конечно, не может! — последовал единодушный ответ.

— В таком случае, взгляните утром на карту адмирала, когда он ее развернет у себя на юте! — с торжеством продолжал Санчо. — Вы там сами увидите, что земля тянется от полюса к полюсу по обеим сторонам Атлантического океана. Значит, плыть можно только на запад, куда мы и поплывем! Так что Пэро просто болтает невесть что!

— Верно, Санчо! — слышался еще один голос. — А ты, Пэро, лучше укороти свой язык!

Но язык Пэро было не так-то легко укоротить, и, возможно, он сумел бы ответить Санчо столь же язвительно и неопровержимо, если бы ему не помешал крик ужаса и смятения.

Ночь была довольно светлая, и с каравелл можно было ясно различить вершины гор на острове Тенерифе. Внезапно над самой высокой из них взметнулся гигантский столб пламени, которое то озаряло всю гору, то снова меркло, погружая окрестности в жуткую и таинственную мглу¹. Многие матросы упали на колени, шепча молитвы, остальные торопливо крестились. Затем поднялся всеобщий ропот, и через несколько минут даже те, кто спал, были разбужены и высыпали на палубу, растерянные и ошеломленные небывалым зрелищем. Не зная, что думать, матросы решили обратиться к адмиралу и выбрали для переговоров Пэро.

Колумб со своими приближенными все время оставался на юте и, конечно, одним из первых заметил это редкое явление природы. Спутники его были людьми достаточно просвещенными и наблюдали за извержением вулкана без всякого страха, когда на мостик поднялся Пэро в сопровождении чуть ли не всей команды.

Заставив своих друзей замолчать, Пэро обратился к Колумбу.

¹ Это был вулкан Пико-де-Тейде, один из высочайших в мире. Высота его 3716 м.

— Сеньор адмирал! — заговорил он испуганно и в то же время дерзко. — Мы пришли обратить внимание вашей милости на вершину острова Тенерифе. Это дурное знамение! Оно предостерегает нас, чтобы мы не пускались в неведомые просторы Атлантики! Поистине пришло время вспомнить о слабости сил человеческих. Можно ли дальше испытывать терпение судьбы, когда даже горы извергают дым и пламя!

— Кто из вас плавал по Средиземному морю и побывал на острове Сицилия? — спокойно спросил Колумб.

— Я, сеньор дон адмирал! — поспешно ответил Санчо. — Мне, недостойному, выпала такая честь. Я видел Кипр, Александрию и даже Стамбул!

— Ну что ж, значит, ты видел и гору Этну, постоянно извергающую такое же пламя, хотя она расположена на цветущем острове, которому судьба явно покровительствует, а вовсе не гневается на него, как вы вообразили.

Затем Колумб принялся подробно объяснять матросам, что такое вулканы, ссылаясь на своих приближенных, с охотой подтверждавших каждое его слово. Он сказал, что это небольшое извержение — явление обычное, и если уж считать его за предзнаменование, то лишь за доброе: видно, сама природа решила осветить им путь в ночи!

После этого все, кто был на полуюте, спустились на палубу, чтобы своим примером и разумными речами предотвратить готовую вспыхнуть панику. В какой-то степени это удалось — во всяком случае, вулкан уже не пугал так матросов, — и главную роль здесь сыграли не офицеры, а Санчо и еще несколько моряков, уже повидавших подобные огнедышащие горы.

Вот с какими трудностями приходилось сталкиваться великому мореплавателю даже тогда, когда после долгих лет безуспешных ходатайств и просьб он получил наконец три жалкие каравеллы и приступил к выполнению своего грандиозного замысла, не имевшего себе равных во всей истории человечества.

Суда подошли к Гомере 2 сентября и простояли здесь несколько дней, устраняя последние неполадки и запасаясь всем необходимым, прежде чем оконча-

тельно покинуть пределы цивилизованного мира и пуститься навстречу неизвестности.

Прибытие эскадры Колумба производило большое впечатление на жителей островов, куда заходили каравеллы: в те времена судов было мало, и приход каждого из них становился настоящим событием. Колумбу всюду оказывали высокие почести, и не только потому, что он был представителем двух манархов, а главным образом из-за поразительного и таинственного плавания, в которое он отправлялся.

На всех близлежащих островах, включая Мадейру, Канарские и Азорские, было распространено мнение, будто где-то на западе находится материк. Островитяне твердо верили в его существование, в чем Колумб не преминул убедиться во время своего второго посещения Гомеры.

Пожалуй, самой интересной личностью на Гомере была донья Инеса Пераса, мать графа Гомеры. Она охотно принимала и своих соседей, важных особ с других островов, являвшихся засвидетельствовать ей свое почтение. По случаю прибытия Колумба донья Инеса устроила пышный прием, на который пригласила не только адмирала, но и всех, кого он сам счел достойным этой чести. Мнимый Педро де Муньос, или Педро Гутьерес,—теперь Луиса называли то одним, то другим именем,—разумеется, оказался в их числе, да и остальных спутников Колумб подобрал с таким расчетом, чтобы они в изысканном обществе графини не ударили в грязь лицом.

— Я рада, дон Христофор,—обратилась Инеса Пераса к адмиралу,—что их высочества согласились наконец помочь вам в разгадке великой тайны, рада за нашу святую церковь, которая, судя по вашим словам, весьма заинтересована в успехе экспедиции, и за наших государей, и за всю Испанию... Но, если оставить в стороне высокие соображения, затронутые в нашей беседе, больше всего я радуюсь за дорогих мне обитателей наших Счастливых островов. Они убеждены, что на западе есть земля, и многие даже уверяют, будто не раз ее видели.

— Я уже слышал об этом, благородная сеньора,—ответил Колумб,—но, поскольку мы заго-

ворили о том, что нас обоих интересует, я хотел бы сам поговорить с этими очевидцами.

— В таком случае я попрошу одного достойного сеньора, чьи слова не вызывают сомнений, рассказать вам, что мы думаем по этому поводу и что мы, как нам кажется, видели. Прошу вас, сеньор Дама, поведайте адмиралу о неизвестной земле, которая раз в году чудесным образом появляется далеко в океане!

— Всегда рад исполнить любую вашу просьбу, донья Инеса,— отозвался один из гостей и приготовился начать свое повествование с охотой знатока всего таинственного и необычайного, который наконец получил возможность поговорить на любимую тему.— Прославленный адмирал, наверно, слышал об острове Сен-Брандан, что лежит лигах в восьмидесяти или ста к западу от острова Ферро. Его многие видели, но еще ни один мореплаватель не смог до него доплыть, по крайней мере на нашей памяти¹.

— Да, я часто слышал об этом сказочном острове, сеньор,— ответил Колумб.— Но прошу меня извинить, я думаю, что такого острова, который моряки видели, но ни разу не могли достичь, просто нет на свете.

— Что вы, благородный адмирал! Вы ошибаетесь! Не говорите так! — перебил его сразу десяток громких голосов, среди которых можно было отчетливо различить голос самой доньи Инесы Перасы.— Его видели неоднократно, об этом все здесь знают! А доплыть до острова не мог ни один капитан, они сами так говорили!

— То, что мы видели, мы знаем, а то, что знаем, можем описать,— упрямо возразил Колумб.— Пусть мне скажут, на каком меридиане или на какой параллели расположен этот остров Сен-Брандан, или Сен-Барандон, и я берусь за неделю выяснить, существует он или нет.

— Я мало смыслю в меридианах и параллелях, дон Христофор,— ответил сеньор Дама,— но своим глазам я привык доверять. Я сам видел этот остров

¹ В XIII—XV веках ходили различные легенды о таинственных островах в Атлантическом океане, причем некоторые из этих островов легковверные картографы того времени наносили на свои карты. Таким мифическим островом был и райский остров Сен-Брандан.

более или менее отчетливо в разные времена года и однажды в такой ясный день, что можно было различить даже его очертания и размеры. А как-то раз, помню, я видел этот остров на закате, когда солнце уходило за одну из его вершин.

— Такие слова, разумеется, заслуживают доверия, — с этим согласится любой мореплаватель. И все же, сеньор, я полагаю, что вы видели мираж, некую атмосферную иллюзию.

— Нет! Не может этого быть! Невозможно! — раздался прежний хор голосов. — Сотни людей каждый год видят остров Сен-Брандан, и каждый раз он так же внезапно и таинственно исчезает!

— Вот в этом и кроется ваша ошибка, благородные дамы и сеньоры! — воскликнул Колумб. — Вершину Тенерифе вы видите отсюда круглый год. Да и с корабля, даже если вы удалитесь от острова на сто миль в любую сторону, она будет по-прежнему видна, пока не скроется в тумане или в облаках. Ибо земля есть твердь, она создана постоянной и не может исчезнуть, пока ее не поколеблет какое-нибудь страшное потрясение, нарушающее все законы природы.

— Возможно, вы правы, сеньор, без сомнения правы, но нет правил без исключения! Вы же не станете отрицать, что в мире много загадочного и что веления судьбы часто неспостижимы для людей. Почему мавры так долго владели Испанией? Почему гроб господень до сих пор в руках у неверных? Или почему наши государи столько лет оставались глухи к самым убедительным вашим просьбам и предложениям пронести их знамена и святой крест до берегов Китая, куда вы только сейчас направляетесь? И кто знает, может быть, явления острова Сен-Брандан тоже ниспосланы провидением, чтобы побудить такого же отважного и благородного человека, как вы, когда-нибудь двинуться на его поиски?

Подобно большинству людей своего времени, Колумб верил в чудеса и полагал, что молитвы, обеты, паломничества и приношения храмам могут оказать влияние на исход любого предприятия: это суеверие было тогда очень широко распространено, особенно среди моряков. Но вместе с тем его ясный и смелый ум отвергал нелепые рассказы невежественных лю-

дей. Он мог считать себя избранником судьбы, предназначенным свыше для осуществления великой цели, однако вообразить, будто призрачный остров появляется где-то на западе для того, чтобы увлечь за собой моряков и довести их до берегов Китая,—это уже было слишком!

— Я верю, что судьба избрала меня своим скромным орудием для открытия нового пути из Европы в Азию,—спокойно возразил мореплаватель, хотя глаза его, как всегда, горели огнем воодушевления,—но я далек от странной мысли, будто какой-то сказочный остров может мне указать этот путь! Такие чудеса несовместимы с высшей мудростью, да и мне самому приятнее думать, что к своему решению я пришел на основании знаний, доступных скромному кормчему и опытному в решении логических задач философу. Сначала я только раздумывал над этим вопросом, затем годы учения и углубленных размышлений просветили мой разум, а наука предоставила мне доказательства, которые окончательно убедили меня самого и помогли убедить других принять участие в этом предприятии.

— Скажите, сеньор адмирал, а ваши спутники тоже верят в доказательства науки? —спросила донья Инеса, бросив взгляд на Луиса де Бобадилья, чей мужественный облик и рыцарское обхождение покорили сердца прекрасных островитянок.—Взять хотя бы сеньора Гутьереса—он тоже постиг всю вашу ученую премудрость и сидел по ночам над книгами, мечтая о прославлении нашей церкви и открытии более короткого пути из Кастилии в Китай?

— Сеньор Гутьерес добровольно пустился с нами на поиски приключений,—ответил Колумб.—А что его к этому побудило, он может сам объяснить, если пожелает.

— В таком случае спросим его самого. Сеньор!—обратилась донья Инеса к Луису.—Мои гости горят желанием узнать, что заставило отправиться в подобное плавание доблестного рыцаря, который наверняка мог отличиться в войне с маврами и снискать милость королевы Изабеллы!

— Война с маврами окончена, сеньора,—ответил Луис,—а донья Изабелла и ее придворные дамы

охотнее дарят свои милости тем, кто достаточно смел, чтобы послужить на благо и во славу Кастилии вдали от королевского двора. Я мало разбираюсь в философии, и мне далеко до ученых отцов церкви, однако Катай влечет меня к себе, как яркая, сверкающая звезда на небе, и я готов поставить на карту душу и тело, лишь бы доплыть до его берегов!

Прелестные слушательницы встретили эти слова восторженными возгласами: когда ты молод, знатен и хорош собой, восхищение вызвать нетрудно. Никого не удивляло, что такой закаленный и опытный моряк, как Колумб, на склоне лет отважился рискнуть своей жизнью, пытаясь проникнуть в тайны Атлантического океана, но когда юноша, явно ничем не обиженный судьбой, ставит на карту все свое будущее ради сомнительного успеха столь необычного предприятия,—это в глазах окружающих становится свидетельством его отваги, упорства, решимости и прочих высоких качеств.

Луис был молод, а потому тщеславен; он искренне наслаждался восторгами своих хорошеньких слушательниц, как вдруг донья Инеса совсем некстати лишила его этой радости.

— Жаль, что не у всех юношей такие благородные побуждения! — сказала сеньора Пераса. — Мне писали из Севильи об одном наследнике древнейшего кастильского рода, который мог бы вести себя иначе хотя бы для того, чтобы не позорить свое славное имя. Говорят, он пристрастился к бродяжничеству, недостойному его высокого звания, и странствует по всему свету без цели, не заботясь о благе своей страны и государей, не говоря уж о своем собственном.

— Кто же этот легкомысленный юнец? — весело спросил Луис, слишком опьяненный своим успехом, чтобы предвидеть ответ. — Надо бы его вразумить, что со своим знатым именем он мог бы придумать что-нибудь поумнее!

— Имя его ни для кого не секрет: при дворе открыто говорят о его странном и недостойном поведении, которое вредит ему даже в любовных делах. Это небызывестный нам всем дон Луис де Бобадилья граф де Льера!

Говорят, что тот, кто подслушивает, редко слышит о себе что-либо хорошее, и сейчас Луису довелось убедиться на собственном опыте в справедливости этой пословицы. Он почувствовал, как вся кровь прилила к его лицу, и с огромным трудом удержался от того, чтобы тут же не высказаться по этому поводу, присовокупив к своему мнению имена всех известных ему святых. К счастью, он успел овладеть собой. Проглотив слова, готовые сорваться у него с языка, Луис подозрительно огляделся, и горе было бы тому, на чьем лице мелькнула бы в эту минуту улыбка. Однако все мужчины собрались вокруг Колумба, горячо доказывая мореплавателю, что остров Сен-Брандан все-таки существует, а улыбки на женских лицах не давали повода для ссоры. К тому же одна из гостей доньи Инесы, побуждаемая сочувствием к влюбленным, столь свойственным юным сердцам, поспешила взять под защиту незнакомого юношу, и первые же слова хорошенького адвоката утешили нашего героя.

— Действительно, сеньора,—заговорила она нежным голоском, который мог бы утихомирить любую душевную бурю,—я тоже слышала, что дон Луис любит скитаться по чужим странам и отличается непостоянством в своих склонностях и вкусах. Но в то же время я слышала, что у него золотое сердце, щедрое и благородное, что он считается самым отважным рыцарем, а его возлюбленная — самой прекрасной из всех девушек Кастилии!

— Ну что тут поделаешь! — улыбаясь, воскликнула донья Инеса. — Сколько бы ни проповедовали священники, сколько бы ни ворчали родители, юность и красота всегда будут ценить мужество, удаль и воинские подвиги много выше более скромных и незаметных добродетелей, которые так ревностно прославляют церковь и ее служители! Что значат годы воздержания, недели поста и часы молитв по сравнению с отбитой атакой неверных или одной-двумя победами на турнире!

— Как знать, сеньора,—возразил Луис, наконец обретя дар речи,—может быть, и тот молодой рыцарь, о котором вы говорите, тоже постился, неделями и часами стоял на молитве! Если ему посчастливи-

лось иметь добросовестного наставника, вряд ли он мог избежать того и другого, особенно покаянных молитв. Впрочем, видимо, он и в самом деле не стоит доброго слова, так что я не удивлюсь, если возлюбленная его отвергнет. Кстати, в вашем письме не называли ее имени?

— Называли. Это донья Мария де Лас Мерседес де Вальверде. Она в близком родстве с Гусманами и другими знатными семьями и, как говорят, красивейшая девушка в Испании.

— И это действительно так! — воскликнул Луис. — Она столь же прекрасна, как добродетельна, и столь же умна, как добра!

— Вот как? — удивилась донья Инеса. — Откуда вы знаете эту высокопоставленную особу? Вы так уверенно говорите о ее достоинствах и внешности...

— Я ее видел однажды, и этого довольно, чтобы судить о ее красоте, — поспешил ответить Луис. — А о ее совершенствах мне рассказывали. Но скажите, сеньора, может быть, вы знаете из того же письма, что случилось с ее незадачливым поклонником?

— Ходят слухи, будто он снова покинул Испанию, видимо, чем-то сильно прогневив своих государей, потому что с тех пор королева даже имени его не упоминает. Куда он отправился, никто не знает. Наверное, опять бороздит моря где-нибудь на востоке в поисках приключений.

Затем разговор перешел на иные темы, а вскоре адмирал и его спутники откланялись, чтобы засветло вернуться на свои суда.

— Право, сеньор дон Христофор, люди часто сами не знают, чем они могут прославиться! — усмехнувшись, проговорил Луис, когда они вдвоем с Колумбом подходили к берегу. — Моряк я неважный, кормчий совсем никакой, а сколько шума поднялось вокруг моих морских подвигов! Если ваша милость после этого плавания прославится хотя бы так же, как прославился я, вы можете быть уверены, что потомство вас не скоро забудет!

— Что делать, Луис, этой доли никому не избежать, — ответил адмирал. — Стоит человеку возвыситься над другими, и люди тотчас начинают об-

суждать каждый его шаг, каждое слово,—ничто не укроется от их всевидящих глаз и праздных языков!

— Хорошо, если бы только это, сеньор адмирал, но вы забыли еще и о людской зависти, злословии и клевете! Что тут особенного, если молодой человек посетил несколько отдаленных стран, чтобы набраться знаний и попытаться там счастья? Однако этого оказалось достаточно, чтобы севильские сплетницы заполняли свои письма к сплетницам с Канарских островов всяческими пересудами о его проступках! Клянусь всеми святыми, будь я королевой Кастильской, я бы издал закон, запрещающий писать в письмах о том, что делают другие люди. А женщинам я бы вообще запретил писать!

— В таком случае, сеньор де Муньос, вы бы навсегда лишились удовольствия получать письма, написанные рукой самой прелестной девушки Кастилии! — рассмеялся Колумб.

— Я имел в виду письма от женщин к женщинам, дон Христофор,—поспешил поправиться Луис.— А что касается писем благородных девушек, способных вдохновить на подвиги влюбленных в них рыцарей, то такие письма очень даже нужны и полезны, и ни один святой не станет слушать еретика, который вздумал бы против этого возражать! Сеньор, мне кажется, путешествия принесли мне несомненную пользу хотя бы тем, что научили шире смотреть на вещи и избавили меня от предрассудков ограниченных провинциалов и горожан, и я только радуюсь, когда девушки пишут своим возлюбленным, родители — детям и даже жены — мужьям. Но что касается писем от сплетниц к сплетницам, то клянусь жизнью, сеньор адмирал, я их презираю и ненавижу, как сам сатана, наверно, ненавидит тех, кто несет святой крест язычникам!

— Да, разумеется, сатане наше предприятие не по нраву,—с улыбкой согласился Колумб,—потому что за нами последуют...

Но тут на глаза Колумбу попался матрос, который явно поджидал его, и адмирал спросил, прервав свою речь:

— Я вижу, ты хочешь мне что-то сказать? Тебя, кажется, зовут Санчо Мундо, если не ошибаюсь?

— Сеньор дон адмирал, у вас прекрасная память! — ответил матрос. — Да, меня зовут Санчо Мундо, а иногда просто Санчо с корабельной верфи. Я хочу кое-что шепнуть вам относительно нашего плавания, если вам угодно будет выслушать меня, благородный сеньор, но только так, чтобы вокруг не было любопытных ушей.

— Можешь говорить свободно: этот сеньор — мой секретарь, я ему вполне доверяю.

— Ну что ж! Ваша милость — прославленный кормчий и, конечно, знает не хуже меня, кто такой португальский король и чем в последние годы занимаются португальские мореплаватели. Поэтому я добавлю только одно: они открывают и захватывают все новые земли и в то же время изо всех сил стараются помешать в этом другим.

— Дон Жуан Португальский — просвещенный монарх, и тебе бы не мешало относиться с уважением к его титулу, приятель. Кроме того, он человек широких взглядов — недаром из его портов отправилось столько смелых экспедиций!

— Да уж, что отправилось, то отправилось и еще отправится! — ответил Санчо, иронически поглядывая на адмирала; видно было, что он что-то знает, но не хочет говорить прямо. — Кто же сомневается, что он всегда готов снарядить экспедицию, если она выгодна! Да только...

— Слушай, Санчо, ты что-то узнал, и я тоже хочу это знать! Говори все и положишься на меня — если твои сведения того заслуживают, ты в накладе не останешься!

— Если у вашей милости хватит терпения меня выслушать, я расскажу вам все полностью с начала и до конца, со всеми подробностями, ничего не упуская и не забывая, чтобы вы все поняли досконально, как только может душа пожелать или, скажем, как священник понимает нас на исповеди.

— Говори, мы не станем тебя перебивать, — приказал Колумб. — За честную услугу будет и щедрая плата.

— Хорошо, сеньор дон адмирал! Вы, наверно, слышали, что лет одиннадцать назад отправился я из Палося в Сицилию на каравелле Пинсона, но только

не Мартина Алонсо Пинсона, который командует «Пинтой», а другого Пинсона, родича его покойного отца, умевшего строить каравеллы не чета нашим. Да и что это за снаряжение в такой спешке, если толком рассудить,—такелаж гнилой, конопатка ни к черту, а уж паруса такие, что и говорить...

— Стой, дружище Санчо! — прервал его нетерпеливый Луис, который еще не остыл от досады на чересчур болтливую приятельницу доньи Инесы с ее письмами.— Говори покороче! Ты забываешь, что скоро ночь и что адмирала ждет шлюпка!

— Как же можно забыть от этом, сеньор,— лукаво возразил Санчо,— если я вижу, что солнце уже потонуло в море, если я сам с этой шлюпки и улизнул с нее только для того, чтобы рассказать благородному адмиралу обо всем, что знаю?

— Прошу вас, сеньор Педро, не мешайте ему,— обратился к Луису Колумб.— Пусть рассказывает свою историю, как умеет. Мы ничего не выиграем, если будем его сбивать.

— Истинные слова, ваша милость,— выиграете не больше, чем если начнете подстегивать мула! Так вот, как я уже говорил, отправился я в Сицилию и познакомился на судне с одним матросом, неким Хосе Гордо. Родом он был португалец, однако испанские вина любил куда больше тягучих сиропов своей страны, а потому чаще плавал на испанских судах. Кто он в душе, испанец или португалец, я так и не мог узнать; знаю только, что особенно ревностным христианином он не был никогда.

— Будем надеяться, что с тех пор он исправился,— спокойно заметил Колумб.— Я уже понял, что то, о чем ты собираешься мне рассказать, ты узнал от этого Хосе. Однако на слова плохого христианина так же трудно полагаться, как на слова лжесвидетеля. А потому говори скорей, что он тебе сообщил, а мы посмотрим, можно ли ему верить.

— Ну, теперь тот, кто посмеет сказать, будто ваша милость не доберется до Катая, будет просто еретиком! Как это вы догадались? Я ведь ничего такого не говорил! Хосе в самом деле только что прибыл на фелюге, которая стоит на якоре близ «Санта-Марии», и, узнав, что среди участников экспедиции есть

некий Санчо Мундо, поспешил проведать своего старого приятеля.

— Все это настолько ясно, что ты мог бы об этом и не рассказывать,— заметил Колумб.— Но теперь, когда Хосе благополучно прибыл на борт нашей доброй каравеллы, мы, может быть, наконец узнаем, что он тебе сообщил?

— Узнаете, сеньор, узнаете. И, чтобы не тратить лишних слов, скажу сразу, что речь шла о доне Жуане Португальском, о доне Фердинанде Арагонском, о донье Изабелле Кастильской, о вашей милости, сеньоре доне адмирале, о вас, сеньор Муньос, и обо мне самом!

— Что за престранная компания! — со смехом воскликнул Луис и, сунув в руку матроса реал, прибавил: — Может быть, это заставит тебя сократить свой рассказ и перейти прямо к делу!

— Еще одна монета сразу приблизила бы мой рассказ к развязке, сеньор! Если уж говорить правду, Хосе ждет вон за той изгородью. Он сказал, что его новости стоят доблы, и будет весьма огорчен, когда узнает, что я уже получил свою долю, а ему еще придется ждать.

— Вот, пусть это его успокоит,— проговорил Колумб, вкладывая в руку хитрого матроса целую доблу; по тому, как держался Санчо, адмирал понял, что сведения его действительно важные.— Зови скорее своего Хосе, пусть он сам говорит, если ты не можешь ничего сказать!

Санчо исчез и через минуту появился со своим приятелем. Хосе получил свою доблу, тщательно взвесил ее на ладони, спрятал в карман и немедленно приступил к рассказу. В отличие от краснбая Санчо он сразу выложил все, что знал, и умолк, не прибавив ни одного лишнего слова.

Оказалось, что Хосе недавно был на острове Ферро, где видел три хорошо вооруженные каравеллы под португальским флагом. Суда крейсировали в виду Канарских островов с явным намерением перехватить кастильскую эскадру. В подтверждение своих слов Хосе сослался на двух-трех пассажиров, прибывших час назад на его фелюге.

Не теряя времени, Колумб и Луис разыскали этих людей, выслушали их и убедились, что Хосе сказал чистую правду.

— Из всех наших неприятностей, Луис, эта, пожалуй, самая серьезная! — подвел итог адмирал. — Проклятые португальцы могут нас задержать или же последовать за нами и присвоить себе нашу славу и плоды наших усилий. Сколько раз я предлагал им этот великолепный дар, но тогда у них не хватило ума и решимости, а теперь они ловко хотят воспользоваться случаем!

— Для этого дон Жуан Португальский должен послать рыцарей похрабрее гранадских мавров, иначе у него ничего не выйдет! — ответил Луис с чисто испанским презрением к своим соседям. — Говорят, дон Жуан монарх просвещенный и смелый, однако и ему придется считаться с королевской экспедицией под флагом Кастилии, особенно здесь, близ наших собственных островов!

— Вряд ли мы сможем противостоять высланным против нас силам. Португальцам хорошо известно число и вооружение наших каравелл, и они, без сомнения, снарядили флот, который наверняка сможет добиться своей цели, какой бы она ни была. Увы, Луис, судьба неблагоприятна ко мне, хотя я и надеялся, что под конец жизни она вознаградит меня за все страдания! Сколько лет я предлагал португальцам совершить это плавание на тех же условиях, какие столь милостиво приняла донья Изабелла, но они холодно отворачивались от меня и даже больше — отвечали мне насмешками и презрением. И вот теперь, едва я приступил к выполнению тех планов, которые они так долго отвергали, португальцы хотят помешать мне силою и коварством!

— Благородный дон Христофор, мы скорее умрем, сражаясь, как подобает кастильцам, но не допустим подобного бесчестья!

— Нет, Луис, — возразил Колумб, — наша единственная надежда — на быстрый уход отсюда. Хорошо, что Мартин Алонсо оказался таким опытным и добросовестным моряком, — «Пинта» готова к отплытию, и завтра с восходом солнца мы сможем покинуть Гомеру. Сомневаюсь, чтобы у португальцев хватило

смелости разыскивать нас в неведомых просторах пустынной Атлантики! На рассвете мы снимемся с якоря. Главное сейчас — уйти от Канарских островов незамеченными!

Приняв решение, Колумб вместе с Луисом поспешил к шлюпке, и через несколько минут они были уже на борту «Санта-Марии».

К тому времени лишь вершины гор на островах еще розовели в последних лучах заката, а вскоре и они растаяли словно тени; только каравеллы покачивались, как три неясных темных пятна, на волнах вечно дышащего океана.

Глава XVI

*Кто знал, что этот день в века
Войдет, что дети их восславят?
Что целых два материка
Они в наследство им оставят?*

Брайнт

Самые различные чувства обуревали в ту ночь участников Колумбовой экспедиции.

Получив свою мзду, Санчо не стал стесняться и рассказал о том, что знал, каждому встречному и поперечному, так что не успел адмирал ступить на борт своего судна, как слух о замыслах португальцев облетел всю маленькую эскадру. Многие надеялись, что этот слух оправдается, и желали своим врагам удачи, полагая, что любая участь лучше той, которую им сулило это плавание. Но, видно, таков уж дух соперничества — большинство матросов все-таки ожидало отплытия с нетерпением, хотя бы для того, чтобы одурачить португальцев и доказать превосходство своей нации. Что же касается Колумба, то он пребывал в глубоком унынии. Казалось, жестокая судьба решила отнять у него кубок, который после долгих лет мучительных ожиданий он только-только поднес к губам! Всю ночь душевная тревога не давала ему сомкнуть глаз, и под утро он вышел на палубу первым.

Едва забрезжил рассвет, все были уже на ногах. Приготовления к отплытию закончились еще ночью, поэтому с первыми лучами солнца каравеллы

снялись с якоря и вслед за «Пинтой», которая, как обычно, шла впереди, двинулись в открытое море. Ветер был такой слабый, что суда плохо слушались руля, однако дорога была каждая минута, и эскадра упорно продвигалась в западном направлении.

Вскоре вдали показалась какая-то каравелла с обвисшими парусами; она еле ползла им навстречу и лишь через много часов наконец приблизилась настолько, что Колумб смог ее окликнуть. Выяснилось, что каравелла идет с Ферро, самого крайнего из Канарских островов на юго-западе, поэтому она и подошла так близко к курсу, которого намеревалась держаться эскадра до выхода в неведомый открытый океан.

— Что слышно на Ферро? — спросил Колумб, пока чужая каравелла медленно проплывала мимо «Санта-Мари»; оба судна едва делали одну милю в час. — Есть там что-нибудь новое?

— Если бы я знал, что говорю с доном Христофором Колумбом, тем самым генуэзцем, которому наши государи доверили почетное и важное дело, я бы с охотой рассказал ему обо всем, что видел и слышал! — ответил кормчий встречной каравеллы.

— С вами говорит Христофор Колумб, адмирал их величеств и вице-король всех морей и земель, какие нам суждено открыть, он же генуэзец, как вы заметили, хотя по долгу и по велению сердца — кастилец и верный слуга королевы.

— В таком случае, благородный адмирал, хочу вам сказать: опасайтесь португальцев! Три их каравеллы поджидают вас близ Ферро, намереваясь помешать вашей экспедиции.

— Откуда вы это знаете, друг? Неужели португальцы осмелились выслать против нас свои каравеллы, чтобы силой остановить суда ее высочества Изабеллы Католической? Разве они не знают, что папа Римский недавно присвоил нашим государям этот высокий титул за их заслуги в деле изгнания мавров с христианских земель?

— Сеньор, слух об этом дошел до всех островов, только португальцам на все плевать, когда они опасаются за свои барыши. Покидая Ферро, я говорил

с матросами и твердо уверен, что португальцев ничто не остановит.

— Что же, они бряцают оружием или утверждают, будто имеют право воспрепятствовать нашему плаванью?

— Нам они ничего толком не говорили, зато весьма настойчиво расспрашивали, нет ли у нас на борту прославленного дона Христофора Колумба, вице-короля всех восточных земель. А что до оружия, то у них на всех каравеллах есть ломбарды¹ и множество солдат в шлемах и латах,—похоже, они сняли весь свой гарнизон с Азорских островов и теперь там португальцев осталось куда меньше!

— Эти каравеллы держатся близ берегов или в открытом море?

— Большой частью в открытом море, много западнее Ферро. Утром уходят от острова, а к вечеру возвращаются. Поверьте слову старого кормчего, дон Христофор, эти негодяи замышляют недоброе!

Последние слова Колумб понял с трудом, потому что судна разошлись и больше уже ничего нельзя было расслышать.

— Неужели честь Кастилии пала так низко, что собаки-португальцы осмелятся нанести оскорбление флагу нашей королевы? — воскликнул Луис.— Вы в самом деле так полагаете, дон Христофор?

— Я не боюсь насилия с их стороны, хотя они, конечно, могут нас задержать и ограбить, а для меня это сейчас немногим лучше смерти. Гораздо больше я опасаясь, что под предлогом защиты интересов Жуана Португальского они последуют за нами до берегов Китая и нам придется потом оспаривать у них честь нашего открытия и делиться с ними славой. Надо во что бы то ни стало избежать встречи с ними, а потому мы пойдем прямо на запад, не приближаясь к острову Ферро, если только нас не принудят к этому крайние обстоятельства.

Однако, несмотря на страстное нетерпение адмирала и большинства его спутников, стихии словно сговорились задержать эскадру у Канарских остро-

¹ Ломарда, или бомбарда,—бронзовая пушка довольно большого калибра.

вов. Ветер все слабел и наконец совсем утих. Пришлось подобрать обвисшие паруса, и три каравеллы лениво закачались на плавных волнах, то поднимаясь, то опускаясь, как три гигантских зверя, беспечно дремлющих под лучами жаркого солнца.

Многие матросы тайком молились и давали обеты всем святым, прося ниспослать им попутный ветер. На мгновение показалось, что провидение вняло их мольбам. Подул легкий ветерок, и на каравеллах тотчас распустили паруса в тщетной надежде двинуться дальше, но за надеждой, как это часто бывает, последовало разочарование. Наконец все смирились со своей судьбой: эскадра попала в полосу мертвого штиля. Лишь в сумерках снова поднялся слабый ветер, и несколько часов вода с журчанием струилась вдоль бортов, но скорость каравелл была так мала, что они почти не слушались руля. В полночь и это едва заметное продвижение прекратилось; суда только мерно покачивались на мертвой зыби, набегавшей откуда-то с запада из необозримой океанской дали, где свирепствовали бури и ветры.

Когда занялся рассвет, Колумб увидел, что они все еще находятся между Гомерой и островом Тенерифе, величественный пик которого отбрасывал на воду длинную заостренную тень, постепенно бледневшую к вершине и сливавшуюся с холодной лазурью океана. Опасаясь, как бы португальцы не выслали на розыски шлюпки или легкие весельные фелюги, Колумб предусмотрительно приказал убрать паруса, чтобы по возможности скрыть свое присутствие от вражеских глаз. Наступило уже 7 сентября; с тех пор как экспедиция покинула Испанию, прошло пять недель.

Опыт показывает, что при штиле в открытом море остается только запастись терпением. Колумб был достаточно бывалым мореплавателем, чтобы усвоить эту истину, поэтому, приказав из предосторожности убрать паруса, он вместе с капитанами и кормчими других каравелл занялся вычислениями, чтобы проложить самый выгодный и безопасный курс плавания. Немногочисленные инструменты, которыми пользовались моряки той эпохи, были вынесены наверх, осмотрены, сверены и оставлены у всех на виду: они должны были внушить матросам еще больше уважения к своим начальникам, а главное — веру в их знания.

Сам Колумб уже завоевал всеобщее признание как опытный мореплаватель, доказав на подходе к Канарским островам, что умеет определяться гораздо точнее остальных кормчих. И теперь, когда он начал сверять свои компасы и другие приборы, заменявшие в те времена секстан, матросы следили за каждым его движением, одни — с восхищением, другие — с тайной завистью. Некоторые выражали своё мнение вслух, говоря, что Колумб может вести каравеллы куда угодно и всюду отыщет дорогу, но были и такие, кто исподтишка ко всему придирался, выказывая суеверный страх и подозрительность, столь свойственные невеждам.

Луис никогда не мог постичь всей премудрости мореплавания: учение для его дворянской головы было своего рода подвигом, который не соответствовал ни его вкусам, ни желаниям. Однако он был вовсе не глуп и обладал вполне достаточными для рыцаря своего времени познаниями, выделявшими его из числа молодых придворных. К счастью, он полностью доверял опыту Колумба и был лишен честолюбия, поэтому в лице юного графа адмирал имел самого исполнительного и преданного спутника.

Так прошёл день 7 сентября. Наступила ночь, а маленькая эскадра, или «флот» Колумба, как его именовали на высокопарном языке той эпохи, по-прежнему беспомощно раскачивался все на том же месте между островами Гомерой и Тенерифе. Утро не принесло никаких изменений: ни одно дуновение не смягчало палящей жары, и море сверкало, как расплавленное серебро. Адмирал выслал на марс дозорных и, убедившись, что португальцев нигде не видно, почувствовал истинное облегчение: ему стало ясно, что его преследователи тоже застряли где-то западнее острова Ферро, застигнутые тем же штилем. Тем не менее адмирал часами оставался на полуюте, без усталости осматривая горизонт.

— Клянусь всеми надеждами моряков! — провозгласил Луис, появляясь на юте после сладкой сiestы¹. — Что ж это делается, сеньор дон Христо-

¹ Сиеста (исп.) — послеобеденный отдых в самые жаркие часы дня; обычай, распространенный в большинстве южных стран.

фор? Похоже, все демоны объединились против нас! Третий день болтаемся на месте, а пик Тенерифе торчит перед глазами, как придорожный столб для дельфинов, чтобы они по нему определяли свою скорость! Тот, кто верит в приметы, может вообразить, что все святые сговорились помешать нашему плаванью, хотя, ей-богу, мы для них же стараемся!

— Мы с вами не можем верить в приметы, зная; что это только следствия законов природы,—спокойно и серьезно ответил адмирал.—Штиль скоро кончится. На востоке стучается дымка, а это значит, что оттуда движется поток воздуха. Этот поток и повлечет наши каравеллы на запад. Эй, кормчий!—обратился он к своему помощнику, который в эту минуту вышел на палубу.—Прикажи отдать паруса и приготовься: с северо-востока идет попутный ветер!

Примерно через час предсказание Колумба сбылось, и все три каравеллы пошли вперед, разрезая носами водную гладь. Однако этот ветер, вернее — его подобие, оказался для нетерпеливых моряков еще мучительнее штиля: встречная мертвая зыбь становилась все сильнее, ветер был слабый, и каравеллы продвигались на запад с большим трудом.

Теперь Колумб уже не так опасался появления португальских судов: по его расчетам, они должны были находиться сейчас много южнее. Адмирал и братья Пинсоны, Мартин Алонсо и Висенте Яньес — капитаны «Пинты» и «Ниньи» — употребили все свое искусство и опыт, чтобы увеличить ход каравелл. Однако двигались они чрезвычайно медленно и с немалыми трудностями. При внезапных шквалах суда так резко зарывались носом, что это угрожало мачтам и парусам. А скорость между тем оставалась такой ничтожной, что понадобился острый глаз Колумба, чтобы заметить, как высокая конусообразная вершина пика на Тенерифе медленно, дюйм за дюймом, словно погружается в океан.

Между тем суеверные матросы снова начали роптать, и на сей раз громче обычного. Нашлись зачинщики, которые нашептывали остальным, что адмиралу не следовало бы пренебрегать столь явными и редкими знамениями природы и, пока не поздно, повернуть обратно. Однако громко высказывать не-

довольство не решались даже они: суровая непреклонность Колумба внушала команде «Санта-Марии» уважение, способное утихомирить самых непокорных. Что же касается моряков других каравелл, то они продолжали идти за своим адмиралом, слепо повинаясь воле старшего, как это бывает в подобных обстоятельствах.

Вечером, когда Колумб вычислил пройденное за день расстояние и вернулся в свою каюту, Луис заметил, что адмирал выглядит еще более озабоченным.

— Надеюсь, все идет как следует, дон Христофор?—весело спросил юноша.—Путешествие началось прекрасно, и мне кажется, что я уже вижу Китай на горизонте!

— Это вам только кажется, Луис,—ответил адмирал.—Вам просто хочется, чтобы все шло прекрасно, поэтому вы и видите все в розовом свете! А мне полагается смотреть правде в глаза, и, хотя я тоже вижу перед собой Китай—один только бог знает, как ясно я его вижу!—я вынужден считаться с опасностями и препятствиями, способными преградить нам путь.

— Неужели эти препятствия оказались серьезнее, чем мы предполагали, сеньор?

— Будем надеяться на удачу... Но взгляните сюда, мой юный друг,—ответил Колумб, указывая на карту.—Вот здесь мы находились утром, и вот сколько мы прошли за весь трудный день до вечера. Эта коротенькая линия отмечает наше продвижение, а это—необъятный океан, и его нам еще предстоит пересечь, чтобы добраться до цели нашего плавания. По моим расчетам, несмотря на все наши усилия и на то, что именно сейчас скорость нужна нам как никогда—не только из-за португальцев, но и из-за наших собственных матросов!—за целый день мы прошли всего девять лиг. А что такое девять по сравнению с тысячью лиг, которые еще лежат впереди! Если так будет продолжаться, нам не хватит ни воды, ни продовольствия.

— Кто-кто, а вы-то найдете выход из положения, дон Христофор, я целиком полагаюсь на ваш опыт и знания!

— А я полагаюсь на бога, надеясь, что он не оставит своих слуг в трудный час,— ответил Колумб и прилег, чтобы соснуть хоть несколько часов; положение эскадры его так беспокоило, что он даже не стал раздеваться.

С первыми проблесками рассвета адмирал и Луис вышли из каюты. Поднявшись на полуют, они преклонили колена, помолились, а затем стали с нетерпением ожидать, что принесет им занимающийся день. В их положении это нетерпение было вполне естественно.

Восход солнца на море описывали слишком часто, поэтому вряд ли стоит здесь повторяться. Скажем только, что Луис любовался красками восхода с восторгом влюбленного, различая в легких розовых облачках, которые обычно в сентябре предвещают в этих широтах ясную погоду, какие-то черты, напоминавшие ему выразительное лицо Мерседес. Более практичный адмирал смотрел в том направлении, где лежал остров Ферро, и ждал полного рассвета, чтобы убедиться, не произошли ли там за ночь непредвиденные изменения. Минута проходила за минутой, а мореплаватель все так же напряженно вглядывался в даль. Наконец он подозвал к себе Луиса.

— Видите там, на юго-западе, неясную черную массу, выплывающую из темноты?— спросил он.— С каждым мгновением она обретает форму и становится все отчетливее, хотя до нее самое малое восемь—десять лиг. Это остров Ферро, и португальцы несомненно поджидают нас там, сгорая от нетерпения. Приблизиться к нам в такой штиль они не могут, и, пока нет ветра, мы в безопасности. Надо только убедиться, нет ли вражеских каравелл между нами и островом. Если их здесь не окажется, можно считать, что мы спасены. Только не надо подходить ближе—мы должны, как вчера, сохранять свое преимущество в ветре. Взгляните, Луис, нет ли в том направлении парусов.

— Ни одного, сеньор!—отозвался Луис.— А сейчас уже достаточно светло, так что белый парус я бы сразу заметил.

— Превосходно!—воскликнул Колумб и тотчас приказал наблюдателю на марсе осмотреть весь горизонт.

Ответ был благоприятный: грозных португальских каравелл нигде не было видно.

Однако с восходом солнца поднялся свежий ветер с юго-запада, так что остров Ферро и любые суда, которые могли возле него крейсировать, оказались на ветру от каравелл Колумба. Тотчас были подняты все паруса, и адмирал приказал идти курсом на северо-запад, полагая, что португальцы, не понимавшие его замысла, будут подстерегать его к югу от острова.

К тому времени зыбь, набегавшая с запада, поулеглась. Каравеллы шли с весьма незначительной скоростью, но ровно: ветер, видимо, не собирался утихать. Часы тянулись медленно, однако, по мере того как солнце поднималось все выше, очертания острова Ферро становились все менее отчетливыми. Скоро остров казался уже туманным пятном, похожим на расплывчатое облако, а затем и оно растаяло. И, когда адмирал со своими ближайшими помощниками поднялся на полуют, чтобы взглянуть на море, вдали едва виднелась только вершина острова, да и та прямо на глазах тонула в океане.

Самый поверхностный наблюдатель и тот бы заметил, как по-разному воспринимал это экипаж «Санта-Мари». На корме все радовались и веселились; непосредственная опасность миновала, и даже самые заядлые скептики на какое-то время обрели надежду и не столь мрачно смотрели в неясное будущее. Что касается кормчих, то они были заняты делом и ко всему относились со стоицизмом бывалых моряков. Зато лица матросов были угрюмы и печальны, словно они собрались вокруг покойника. Но решительно все, словно зачарованные, смотрели туда, где исчезали в пучине вершины острова Ферро.

В это мгновение Колумб приблизился к Луису и вывел юношу из оцепенения, прикоснувшись рукой к его плечу.

— Неужели сеньор де Муньос поддался настроению команды? — с удивлением и легким упреком спросил адмирал. — Ведь сейчас каждый, кто способен оценить значение нашего путешествия, должен только радоваться, что попутный ветер помог нам уйти от преследования вражеских каравелл! Почему же вы смотрите на этих матросов таким печальным, остано-

вившимся взглядом? Может быть, вы вспомнили о нашем грустном отплытии? Или затосковали по своей очаровательной возлюбленной?

— Клянусь святым Яго, дон Христофор, на сей раз вы не угадали! Я ни в чем не раскаиваюсь и ни о чем не тоскую, как вы подумали, а просто мне жаль этих бедных парней, которые места себе не находят от страха.

— Да, невежество плохой советчик, сеньор Педро, особенно сейчас, когда оно разжигает воображение моряков с жестокостью злого тирана. Они боятся худшего только потому, что у них недостает знаний, которые позволили бы им предвидеть лучшее. Страх всегда был верным союзником невежества, а вместе они сильнее надежды. Для темных людей все, что внове, вернее — все, что невозможно измерить привычной, знакомой меркой, кажется невозможным. Люди способны мыслить только доступными им понятиями. Вот почему эти матросы смотрят на исчезающий остров, как на последний клочок земли, связывающий их с жизнью. Но, право, их горе даже сильнее, чем я ожидал.

— Да, горе их глубоко, сеньор, и многие не могут его сдержать, — заметил Луис. — Я видел слезы на глазах у таких моряков, которые, наверно, в жизни не ощущали на своих щеках иной соленой влаги, кроме морской воды!

— Зато наши два приятеля, Санчо и Пепе, держатся молодцом, — возразил адмирал. — Правда, Пепе что-то задумывается, а вот Санчо, этот бродяга, ведет себя, как настоящий моряк, который только радуется, когда прибрежные утесы и мели остаются далеко за кормой. Для таких людей появление одного острова или исчезновение другого равным счетом ничего не значит! Им привычен чистый горизонт, а на все остальное — гавани, острова — они взирают равнодушно, как на явления временные и скоропреходящие. Я знаю, что на Санчо можно положиться, хоть он и порядочный плут. Это один из самых надежных наших людей.

Крики, раздавшиеся внизу на палубе, отвлекли внимание адмирала; он привычно оглядел горизонт и сразу заметил, что на юге простирается только без-

брежная океанская ширь: остров Ферро исчез из глаз. Лишь самые упрямые моряки все еще уверяли, будто видят его вершину даже после того, как остров окончательно скрылся за чертой горизонта. Но, когда и эти перестали что-либо видеть, горестные стоны и вопли вырвались наружу; многие рыдали, не стыдясь и не скрывая слез, другие в отчаянии заламывали руки, паника разрасталась, переходя в открытое возмущение, грозившее погубить экспедицию в самом ее начале.

Почувствовав это, Колумб приказал собрать команду на корме, около полуюта, чтобы видеть оттуда лица всех матросов, и обратился к ним с речью. Великий мореплаватель говорил искренне и убежденно, стараясь внушить своим спутникам глубокую веру в свои доводы и дать им понять, что он ничего от них не скрывает и ни о чем не умалчивает.

— Когда наши возлюбленные монархи дон Фердинанд и донья Изабелла облекли меня высоким званием адмирала и вице-короля неведомых морей и земель, к которым мы плывем, это был самый знаменательный и счастливый день в моей жизни,— начал Колумб.— А это мгновение, которое многим из вас кажется таким печальным, я считаю почти столь же радостным и благословенным. Для меня исчезновение острова Ферро означает прежде всего исчезновение португальцев, ибо теперь, в открытом море, вдали от известных им берегов, мы волею провидения стали недоступны нашим врагам и завистникам. До тех пор, пока мы будем уверены в себе и в нашей великой цели, нам нечего опасаться! И если у кого-нибудь из вас есть еще какие-то сомнения, пусть выскажет их прямо. Мы слишком убеждены в своей правоте, чтобы принуждать вас к молчанию, и готовы ответить на все вопросы.

— Раз такое дело,— сразу же заговорил Санчо, не упуская возможности почесать язык,— то скажу вам прямо, сеньор дон адмирал: у этих честных парней на сердце кошки скребут по той же причине, по какой вы так радуетесь. Если бы можно было все время оставаться в виду острова Ферро или какой-нибудь другой земли, они последовали бы за вами до самого Китая так же охотно и безропотно, как шлюпка

за каравеллой при свежем ветре в ясную погоду. Но теперь, когда исчезла вдали земля, с оставшимися там женами и детьми, сердца матросов сжимаются от горя и слезы льются из глаз.

— Ну, а ты, Санчо, старый моряк, родившийся на море...

— Э; нет, ваша милость, прославленный дон адмирал,—прервал его Санчо с лукаво-простодушным видом,—родился я не на море, а только поблизости, там, где пахло морем. Правда, нашли меня у самых ворот корабельной верфи, но вряд ли какое-нибудь судно станет заходить в гавань, чтобы оставить на берегу столь малую толику своего груза!

— Ну хорошо, старый моряк, родившийся у моря, если тебе так больше нравится, неужели даже ты готов рыдать, как баба, только из-за того, что какой-то остров скрылся за горизонтом?

— Помилуйте, ваша милость!—возопил возмущенный Санчо.—Да по мне, пусть хоть половина островов совсем провалится на дно океана! К примеру, глаза бы мои больше не видели островов Зеленого Мыса¹, а заодно и Лампедузы, и Стромболи², и прочих, от которых нам, морякам, мало толку! Но речь не о том, ваша милость. Вот если бы вы соизволили растолковать этим честным парням, куда мы плывем, что нас там ожидает, а главное — когда мы вернемся, у всех стало бы много легче на душе!

— Я полагаю, что капитан должен делиться своими замыслами с командой, когда не требуется сохранения тайны, а потому охотно отвечу на все вопросы,—начал Колумб.—Прошу слушать меня со вниманием, особенно тех, кто больше всего обеспокоен нашим теперешним положением и тем, что нас ждет впереди! Цель нашего плавания — Катай, страна, которая лежит на самом восточном краю Азии, где уже побывали многие европейские путешественники. Но в том-то и заключается отличие нашего плавания от всех других путешествий, что мы должны достичь этой страны не восточным путем, а западным! Но достичь этой цели

¹ Острова Зеленого Мыса расположены у западных берегов Африки.

² Лампедуза и Стромболи — острова в Средиземном море.

могут лишь истинно храбрые, бывалые моряки, хорошо знакомые с океаном,—искусные кормчие и ловкие, исполнительные матросы. Ибо нам предстоит пересечь необозримое водное пространство, руководствуясь лишь звездами, ветрами, течениями да еще некоторыми расчетами. Я убежден, что земля круглая; следовательно, у Атлантического океана есть не только западный берег, но и восточный. Можно почти с полной уверенностью сказать, что это берег Индии, которая находится не более чем в двадцати пяти—тридцати днях успешного плавания от наших европейских берегов. Я сказал вам, куда мы плывем и когда дойдем до места назначения,—продолжал Колумб.—Теперь послушайте, какие выгоды сулят нам будущие открытия. По свидетельству венецианца Марко Поло и его спутников, людей честных и достойных доверия, королевство Китай не только самое обширное, но и самое богатое на свете. Там множество драгоценных камней, золота, серебра и прочих редких металлов. А о том, что получите вы, если нам удастся открыть такую страну, вы можете судить хотя бы по тому, какой чести удостоился я. Король и королева сделали меня адмиралом и вице-королем, предвидя удачное завершение нашего плавания, так что в случае успеха любой из вас будет отмечен и щедро вознагражден. Разумеется, каждый получит по заслугам: кто заслужит больше, тот и получит больше. Но добра там хватит на всех! Марко Поло и его товарищи прожили при дворе великого хана семнадцать лет; значит, их словам о неисчислимых богатствах и сокровищах той страны вполне можно верить. И, хотя они были обыкновенными купцами из Венеции и располагали только вьючными животными, каждый из них сумел щедро вознаградить себя за мужество и лишения. Одних привезенных ими драгоценных камней оказалось достаточно, чтобы обогатить их самих и вернуть прежний блеск их некогда уважаемым, но обнищавшим семьям, а это уже само по себе подтверждает правдивость их рассказа о путешествии в Китай. От них мы знаем, что у берегов Китая лежит множество островов, и можем рассчитывать встретить их раньше, чем доберемся до самого Азиатского материка. Природа там сказочно

щедра, и все острова изобилуют пряностями, благово-
ниями, драгоценными породами деревьев и прочими
богатствами. Поистине трудно вообразить, какая ве-
ликая награда ожидает нас впереди, в то время как
поспешное и неоправданное возвращение навлечет на
нас только презрение и насмешки. Мы идем к берегам
Катая не как захватчики, а как добрые христиане и
друзья, а потому можем ожидать самого дружеского
приема. И несомненно, что одних подарков и прино-
шений гостям-чужестранцам, прибывшим из столь
отдаленной страны, как наша, к тому же по еще не
разведанному пути, вполне хватит, чтобы сторицей
вознаградить вас за труды и тревоги!

Закончив свою речь, Колумб отступил на шаг и
смешался со своими приближенными, находившими-
ся на юте.

Слова адмирала на время успокоили команду.
Матросы уже с меньшим сожалением провожали
глазами облака над исчезнувшим вдали островом,
пока и они не растаяли. Однако многие по-прежнему
были печальны и продолжали сомневаться в удаче.
В ту ночь одним снились сказочные богатства Востока,
о которых говорил Колумб, другим — что черти увле-
кают их в неведомые страны, где им придется вечно
блуждать в наказание за свои грехи, ибо совесть
никогда не дремлет, особенно у тех, кто полон сомне-
ний и тревог.

Незадолго до заката адмирал приказал всем трем
каравеллам лечь в дрейф и вызвал обоих Пинсонов на
борт «Санта-Марии». Когда они явились, Колумб
изложил свои планы и соображения, особенно на тот
случай, если им придется расстаться и плыть порознь.

— Поймите меня хорошенько, сеньоры! — сказал
он в заключение. — Самая ваша основная и первейшая
задача — идти за флагманским судном в любую погоду
и при любых обстоятельствах до последней возможно-
сти! Но, если мы все-таки расстанемся, вам надлежит
держаться курс на запад по той же параллели, пока не
отойдете от Канарских островов на семьсот лиг. После
этого каждую ночь ложитесь в дрейф, потому что к
тому времени вы можете уже подойти к азиатским

островам и с этой минуты вам надо быть как можно осторожнее. Но все же идите дальше на запад, и мы увидимся с вами при дворе великого хана, если судьба не пошлет нам более ранней встречи.

— Все это хорошо, сеньор адмирал,— отозвался Мартин Алонсо, поднимая глаза от карты,— однако куда лучше будет держаться вместе, особенно для нас, не привыкших к придворным обычаям. В случае чего мы уж вас подождем, чтобы вместе явиться ко входу такого могучего властителя, как великий хан.

— Вы, как всегда, осмотрительны, добрый Мартин Алонсо, и я этому рад. Конечно, будет лучше, если вы меня дождетесь, чтобы правитель Китая мог принять такого гостя, как вице-король, облеченного доверием двух царственных повелителей, раньше, нежели его подчиненного. Итак, решено: если кому-либо из вас доведется первым дойти до островов перед Китаем, пусть подождет остальных, прежде чем двинуться дальше к материку. Ну, а теперь расскажите, как вели себя ваши люди, когда скрылся из виду последний остров на нашем пути.

— Не слишком хорошо, сеньор,— ответил Мартин Алонсо.— Я уже опасался, что начнется бунт. У меня на «Пинте» есть такие матросы, что только страх перед гневом короля и королевы помешал им завладеть каравеллой и вернуться в Палос!

— Не спускайте с этих людей глаз, чтобы вовремя подавить беспорядки,— посоветовал Колумб.— А с добрыми, но колеблющимися матросами будьте добры и великодушны. Подстегивайте их всяческими обещаниями и будьте снисходительны, насколько это возможно. И бойтесь, чтоб ваш горячий нрав не лишил вас заслуженного уважения. А теперь, сеньоры, время уже позднее, садитесь на свои шлюпки— и по судам. Ветер попутный, жаль было бы его терять!

Когда Колумб остался наедине с Луисом в их маленькой каюте, он сел к столу и, подперев голову рукой, погрузился в глубокое раздумье.

— Вы давно знаете этого Мартина Алонсо, дон Луис? — наконец спросил мореплаватель.

— Давно, сеньор,— ответил Луис, угадывая направление мыслей Колумба.— Конечно, если считать

по моим молодым годам: пожилому человеку может показаться, что я его знаю всего один день!

— От него зависит многое,— сказал адмирал.— Он показал себя мужественным, опытным и находчивым моряком; надеюсь, он окажется честным человеком.

— Он честный человек, дон Христофор, и с ним можно иметь дело, хотя он далеко не лучший из моряков. Мартину Алонсо плевать на рыцарские обеты и на святую церковь — он не для этого пустился в плавание. Но посулите ему хорошее вознаграждение, и он будет самым верным вашим спутником, пока ему не представится другая возможность обогатиться!

— В таком случае я только с вами могу поделиться своей тайной,— проговорил Колумб.— Взгляните сюда! Видите, я нанес на карту наш курс. С утра мы прошли девятнадцать лиг, да и то не совсем на запад, как полагалось. Если я буду говорить команде правду и если после долгих дней пути мы все еще не встретим земли, паника охватит всех, и тогда с матросами трудно будет совладать. Поэтому я решил отмечать каждый день меньшее число; например, сегодня — пятнадцать лиг, а настоящие цифры будем знать только вы да я. Благодаря такой маленькой уловке мы сможем спокойно пройти тысячи лиг, и пусть остальные думают, что позади осталось лиг семьсот — восемьсот!

— Никогда не думал, что даже мужество людей надо рассчитывать! — со смехом воскликнул Луис.— Но, клянусь святым Луисом, моим покровителем, я бы стал презирать рыцаря, которому для храбрости понадобилось бы считать лиги!

— Все неведомые опасности устрашают,— возразил Колумб.— Даль внушает страх невеждам, простор океана пугает даже мудрецов, юный мой друг. Я уж не говорю о таких вещах, от которых зависит жизнь, — о припасах и о воде!

Пожутив своего юного спутника за легкомыслие, адмирал сам застлал свою койку и, помолившись, лег спать.

*Сквозь розовый туман,
Когда пылает в небесах закат далекий,
Куда плывешь ты через океан,
О странник одинокий?*

Брайт

Колумб спал мало, но, как человек, умеющий управлять собой, сразу погружался в глубокий сон и по желанию просыпался, когда ему было нужно.

По ночам он обычно несколько раз выходил наблюдать за погодой и за ходом каравелл. Так и в эту ночь в первом часу адмирал проснулся и вышел из своей каюты. Казалось, все было в полном порядке. Кругом царила сонная тишина, какая обычно стоит на судах в спокойные часы полуночной вахты. Почти все матросы спали, кормчий дремал, и только рулевой и дозорные бодрствовали на своих местах. Ветер посвежел, каравелла ходко и неумоимо резала волны, с каждым мгновением удаляясь от острова Ферро и португальцев. Единственными звуками, нарушавшими тишину, были посвист ветра, плеск волн да временами скрип мачт, когда ветер сильнее надувал паруса и натягивал снасти.

Ночь была темной, и Колумб некоторое время ничего не видел, но, когда его глаза приспособились к слабому свету, он сразу заметил, что судно не идет близко к ветру, как было приказано. Подойдя к рулю, адмирал обнаружил, что каравелла сильно уклоняется на северо-восток, словно хочет повернуть в сторону Испании.

— Ты кто, моряк или погонщик мулов на извилистой горной тропе? — сурово спросил он рулевого. — Как ты ведешь судно? Видно, у тебя душа осталась в Испании и ты воображаешь, будто такими дурацкими уловками ускоришь свое возвращение домой!

— Увы, сеньор адмирал, душой я на самом деле в Испании, — ответил рулевой. — А что я могу поделать? Ведь у меня в Могере осталось семеро детей без матери!

— Ты разве не знаешь, что я тоже отец и тоже оставил в Испании любимого сына? Он у меня один, и матери у него нет, как у твоих детей,— в чем же различие между нами?

— У вашего сына отец—адмирал, а у моих сирот—простой рулевой!

— А не все ли равно моему дону Диего, кем умрет его отец, адмиралом или простым рулевым, если уж нам суждено погибнуть? — возразил Колумб; он гордился оказанной ему высокой честью и всегда подчеркивал дворянскую приставку «дон», хотя это было и не совсем законно.— Неужели ты думаешь, что моему сыну легче потерять отца, чем твоим детям?

— Сеньор, король и королева возьмут его под свое покровительство, его будут почитать как вашего сына и опекать как наследника вице-короля, а кто позаботится о сиротах безвестного матроса?

— Пожалуй, ты прав, друг мой, и я тебя понимаю,— согласился Колумб, который обладал высоким чувством справедливости.— Но ты бы лучше помнил о том, что будущее твоих детей зависит от твоего мужества и упорства, вместо того чтобы думать о всяких несчастьях, которых может и не быть! Если мы потерпим неудачу, нам всем будет плохо, а если добьемся успеха, никто не останется в накладе. А теперь скажи, могу я тебе доверить руль или лучше послать за кем-нибудь другим, кто не собьется с курса?

— Уж лучше пошлите за другим, сеньор адмирал,— со вздохом ответил моряк.— Я не забуду вашего совета и постараюсь не тосковать по дому, но, пока мы так близко от Испании, пусть каравеллу ведет другой, так оно будет вернее!

— Ты знаешь матроса Санчо Мундо из палубной команды? — спросил Колумб.

— Кто же его не знает, сеньор! Это самый бывалый матрос. Во всяком случае, в Могере он искуснее всех!

— Он в твоей вахте или спит с другими внизу?

— Санчо в нашей вахте, а вниз он и не спускается, потому что обычно спит прямо на палубе. Такому все тревоги и опасности нипочем! На сушу ему даже смотреть противно, так что вряд ли он обрадуется,

даже если мы увидим те далекие страны, о которых вы говорили.

— Хорошо, пошли сюда Санчо, а я пока сам постою у руля.

Колумб привычной рукой взялся за руль и плавным движением развернул каравеллу так, что она пришла почти к ветру. Удары волн сразу же стали громче и чаще, каравелла сильнее накренилась на левый борт, и мачты закрипели под натиском вновь наполнившихся парусов.

Санчо явился через несколько минут, позевывая и протирая глаза.

— Становись на руль! — приказал ему Колумб, как только матрос подошел к нему. — И держись строго этого курса! Тот, кто стоял на руле, оказался ненадежным человеком: он поворачивал каравеллу в сторону Испании. Надеюсь, ты такой глупости не сделаешь! Я считаю тебя верным и преданным спутником, друг мой Санчо, и думаю, на тебя можно положиться.

— Сеньор дон адмирал, я слуга королевы и ваш подчиненный, — отозвался Санчо, слегка перекладывая руль из стороны в сторону, чтобы почувствовать, как слушается судно руля: так опытный возница, прежде чем тронуться в путь, разбирает и пробует вожжи. — Я готов исполнить любой ваш приказ!

— Значит, у тебя нет этих дурных предчувствий, недостойных настоящего моряка?

— Во всяком случае, у меня их меньше, чем у священника на молитве или у старухи в церкви. Конечно, и у меня есть сомнения, потому что все мы не без слабостей, но океан меня никогда не страшил — только в плавании я и бываю счастлив, — а что до жены и детей, то раз у меня нет жены, то вряд ли сыщутся и дети!

— Какие же у тебя сомнения? — настаивал Колумб. — Откройся мне, друг, я постараюсь их рассеять.

— Я не сомневаюсь, сеньор, что мы доплывем до Катая или до любой другой страны, какую ваша милость захочет отыскать, и верю, что вы сумеете обвести великого хана вокруг пальца, а при нужде стянуть даже бриллианты с его тюрбана — он ведь неверный и, должно быть, носит тюрбан! Не сомневаюсь я и в богатствах, которые принесут наши откры-

тия, ибо знаю, что вы, сеньор дон адмирал, достаточно искусны, чтобы привести каравеллы до края света, нагрузить их карбункулами, если не хватит алмазов, и вернуться в Испанию.

— Если ты так веришь моей опытности, в чем же твои сомнения? Что тебя тревожит?

— А сомневаюсь я в том, выпадет ли хоть какая-нибудь часть и хоть один драгоценный камешек на долю безвестного бедного моряка Санчо Мундо, у которого даже целых штанов нет и которому почести и деньги гораздо нужнее, чем думает наша добрая королева Изабелла и ее царственный супруг!

— Да, Санчо, теперь я вижу, что у всех людей есть недостатки, а твой недостаток — корыстолюбие. Если у каждого человека имеется цена, то ты о своей никогда не забудешь!

— Сразу видно, что сеньор адмирал недаром странствовал по морям, — ваша милость видит каждого человека насквозь! Я тоже всегда подозревал, что душа у меня корыстолюбивая, а потому охотно принимал всякие угодные ей подношения. Барыш и деньги — лучшее лекарство против корыстолюбия, а что до моей цены, то я изо всех сил старался набить себе цену, чтобы меня не принимали за ничтожного подхалима. Дайте мне побольше денег и всяких подарков, и я тотчас стану бескорыстнее отшельника в пустыне!

— Понимаю, — проговорил Колумб. — Тебя нельзя запугать, но можно купить. Ты, конечно, считаешь, что одна добла слишком малая плата тебе и твоему приятелю-португальцу. Хорошо, Санчо, я буду с тобой говорить твоим языком: вот тебе еще один золотой — это задаток за твою верность мне в продолжение всего плавания.

— Можете без стеснения располагать мной, сеньор дон адмирал, и со стеснением тоже, беда невелика! Отныне у вашей милости нет более бескорыстного друга на всех трех каравеллах. Я только надеюсь, что, когда начнут составлять список награжденных, имя Санчо Мундо займет в нем почетное место в соответствии с его преданностью. А теперь идите спокойно спать, сеньор адмирал: «Санта-Мария» будет держать курс прямо на Катай, насколько позволяет юго-западный ветер!

Колумб последовал совету матроса, однако еще два или три раза просыпался и выходил на палубу, чтобы проследить за погодой и за людьми. Пока у руля стоял Санчо, все шло хорошо, но, едва он сменился и вместе со своей вахтой ушел вниз, другие рулевые начали вытворять то же самое, что и первый, отстраненный Колумбом.

Утром, когда Луис проснулся, адмирал уже сидел за столом, вычисляя пройденный путь. Встретив веселый взгляд юноши, Колумб серьезно и не без грусти сообщил ему:

— Мы шли хорошо, хотя и отклонились к северу дальше, чем хотелось бы. По моим расчетам, за ночь мы удалились от острова Ферро на тридцать лиг. Правда, для остальных я, как видите, записал только двадцать четыре. Ночью рулевые стояли на руле из рук вон плохо — это преступное небрежение, если не прямая измена. Они вели каравеллу так, что временами она шла почти параллельно берегам Европы. Пока я раздумывал, как обмануть наших матросов у себя в каюте, они старались обмануть меня на палубе. Весьма печально, дон Луис, прибегать к обману или обнаруживать обман в таком великом и святом деле, от исхода которого зависят счастье всего человечества и слава Испании!

— Даже святые отцы иной раз пускаются на обман, — беззаботно ответил Луис. — Если им это можно, то нам и подавно! Мне говорили, что половина их чудес на самом деле просто ловкость рук. Неверие и сомнения закоренелых грешников вроде нас с вами вполне оправдывают их маленькие фокусы, если они необходимы для спасения наших душ!

— Никакое чудо не откроет глаза невеждам, — возразил адмирал, — но отказаться от этого путешествия было бы преступлением! Слава богу, мой мальчик, теперь мы избавились от португальцев и идем прямо к цели! Отныне нам могут угрожать лишь стихии да наши собственные страхи. Я рад, что Пинсоны остались мне верны: их каравеллы все время держатся вплотную за «Санта-Марией», — так могут вести суда только люди, твердо верящие в нашу цель и в успех плавания.

Когда Луис оделся, они с Колумбом вышли из каюты. Солнце стояло уже высоко, и весь бескрайний океан сверкал под его лучами. Ветер крепчал, поэтому суда шли почти по намеченному курсу, а так как волнение было не сильное, то казалось, все благоприятствовало плаванию.

Тревога, вызванная исчезновением последнего острова, поулеглась, команда успокоилась, и только страх перед неведомым грядущим еще таился в душах, как огонь в недрах умолкнувшего, но не погасшего вулкана. Привычная гладь океана, свежий ветер, яркое солнце и отсутствие какой-либо опасности радовали моряков и воскрешали в них надежды. За этот день и следующую ночь каравеллы прошли по пустынным водам сто восемьдесят миль, и никто больше не горевал о далекой земле. Однако Колумб со свойственной ему осторожностью сообщил команде, что за сутки пройдено всего около ста пятидесяти миль.

Во вторник 10 сентября ветер стал еще более благоприятным. В этот день, впервые после отплытия с Канарских островов, каравеллы шли прямо на запад. Старый Свет остался у них за кормой, впереди простирался неведомый океан, и смелые искатели приключений плыли навстречу своей судьбе, подгоняемые юго-восточным ветром. Суда делали всего около пяти миль в час, но зато эта скорость была постоянной и шли они прямым курсом.

Покончив с обычными полуденными наблюдениями, Колумб только успел объявить своим нетерпеливым спутникам, что какое-то неизвестное течение постепенно сносит каравеллы к югу, как вдруг с марса раздался возглас:

— Кит! Кит!

Подобные встречи в открытом океане всегда служат развлечением, нарушающим монотонность плавания, поэтому многие полезли даже на мачты, чтобы полюбоваться морским чудовищем.

— Ты его видишь, Санчо? — спросил адмирал оказавшегося рядом с ним матроса. — Мне кажется, в этих водах китов быть не должно.

— Ваши глаза, сеньор дон адмирал, острее, чем у того болтуна на марсе. — ответил Санчо. — Я вижу

только океан, волны да пену на гребнях и больше ничего!

— Хвост, вон его хвост! — закричали матросы, указывая на темный, раздвоенный конец, высунувшийся из воды. — Он ныряет! Головы не видно, только хвост!

— Увы! — досадливо воскликнул более опытный Санчо. — Что они смыслят, эти горе-моряки! Они приняли за хвост кита мачту какого-то несчастного судна, которое уже покоится на дне океана со всем своим грузом и командой!

— Ты прав, Санчо, — отозвался адмирал. — Теперь я и сам вижу верхушку мачты с реями. Это несомненно обломок кораблекрушения.

Новость сразу облетела каравеллу, и лица матросов омрачились, как бывает всегда при встрече со следами морской катастрофы. Лишь кормчие остались равнодушны и даже принялись обсуждать, не вытащить ли мачту из воды: в случае какой-нибудь поломки она могла бы пригодиться. Но волнение было слишком велико, а ветер такой, что жалко было терять время, и они отказались от своей затеи.

— А ведь это нам предостережение! — вдруг закричал один из недовольных матросов, когда «Санта-Мария» проплывала мимо верхушки мачты. — Само небо посылает нам знамение, чтобы мы не смели плыть туда, куда не заплывал ни один моряк!

— Знамение-то знамение, да только какое? — перебил его Санчо: полученная им от Колумба добла сделала его еще более красноречивым. — Видишь, на что похожа эта мачта? На крест! Значит, это добрый знак — святой крест предвещает нам успех и удачу!

— Правильно, Санчо! — подхватил адмирал. — Крест возник перед нами посреди океана, благословляя нас, чтобы мы донесли свет веры до несчастных язычников Азии.

Верхушка мачты с верхней реей действительно весьма походила на крест, и счастливая выдумка Санчо имела успех. Через четверть часа этот последний обломок европейской цивилизации остался за кормой и начал постепенно удаляться, пока совсем не исчез среди волн.

После этого небольшого происшествия плавание протекало спокойно еще два дня и две ночи. Ветер все время оставался благоприятным, и каравеллы шли по компасу прямо на запад, хотя в действительности отклонялись немного к северу от запада, но этого мореплаватели той эпохи не знали. С утра 10 сентября до вечера 13-го было пройдено около девяноста лиг почти по прямой линии; в этот момент флот Колумба находился на меридиане или немного западнее меридиана Азорских островов — самой западной из открытых европейскими мореплавателями земель. Однако, начиная с того же 13 сентября, встречное юго-восточное течение начало сносить каравеллы еще южнее, к северной границе пассатных ветров¹.

Вечером этого дня адмирал и Луис стояли на своем обычном посту на полюте, когда Санчо передал вахту сменившему его рулевому. Однако, вместо того чтобы отправиться на бак к остальным матросам, он задержался на корме, неуверенно поглядывая на полуют. Убедившись наконец, что там находятся только адмирал и его постоянный спутник, он начал подниматься к ним по лестнице, видимо желая сообщить нечто важное.

— Ты хотел мне что-то сказать, Санчо? — спросил Колумб, дав матросу возможность оглядеться и увериться, что на узком мостике, кроме них, нет никого. — Говори смело, я тебя слушаю!

— Сеньор дон адмирал, ваша милость хорошо знает, что я не какая-нибудь пресноводная рыбешка, чтобы трястись от страха при виде акулы или кита или ужасаться тому, что корабль плывет на запад, а не на восток, и все же я должен сказать, что с этим плаванием не все чисто. Есть знамения и чудеса, которыми моряк не может пренебрегать, настолько они непривычны и зловещи.

— Я действительно не считаю тебя, Санчо, за труса, которого может испугать какая-нибудь птица или обломок мачты, поэтому говори, я хочу знать, что ты имеешь в виду. Говори прямо, без лишних проволочек.

Пассаты — ветры, постоянно дующие в тропиках в одном направлении: в Северном полушарии — северо-восточные, а в Южном — юго-восточные.

1. Юго-восточные.

чек! Если хочешь получить еще один золотой, я тебе его обещаю.

— Нет, сеньор, либо моя новость не стоит и одного мараведи, либо она дороже всего золота на свете, так что пусть ваша милость не беспокоится о моем вознаграждении. Вы знаете, сеньор, что на вахте у руля мы, старые моряки, всегда о чем-то мечтаем — об улыбке и глазках какой-нибудь плутовки, о сладких плодах или сочном бараньем боке, а иногда раздумываем о собственных грехах.

— Слушай, парень, все это мне прекрасно известно, но не об этом же ты явился рассказывать адмиралу!

— Как знать, сеньор, адмиралы тоже бывают разные! Я знавал таких, кто понимал толк в баранине, особенно после долгого плавания, и в женских улыбках и глазках тоже, и, если они не слишком часто вспоминали о своих грехах, зато грешили чаще некуда, отягощая свои и без того погрязшие в скверне души. Вот, помню...

— Позвольте мне выбросить этого болтуна за борт, дон Христофор! — вскричал выведенный из терпения Луис и уже шагнул было вперед, чтобы привести в исполнение свою угрозу, но Колумб остановил его движением руки. — Пока его не выкупаешь, мы никогда не услышим ничего путного!

— Премного вам благодарен, граф де Льера! — с усмешкой проговорил Санчо. — Но, если вы так же ловко топите моряков, как вышибаете из седел христианских рыцарей на турнирах или мавров в бою, то я предпочитаю, чтобы меня искупал кто-нибудь другой!

— Как, ты меня знаешь, плут? — удивился Луис. — Наверно, ты меня видел в одном из моих прежних плаваний!

— И кошке дозволено смотреть на короля, сеньор граф! — возразил Санчо. — Но поберегите свои угрозы для других, я вашу тайну не выдам. Если мы доберемся до Катая, вам нечего будет стыдиться, что вы участвовали в таком плавании, а если нет, то вряд ли вообще уцелеет хоть один человек, чтобы поведать миру о том, как ваша светлость пошла на корм рыбам, или подохла с голоду, или еще каким-нибудь способом

приобщилась к святым мученикам на лоне Авраамовом.

— Довольно пустых слов! — строго оборвал его Колумб. — Говори, что хотел сказать, или убирайся, да не вздумай болтать лишнего о графе де Льера!

— Сеньор, ваше слово для меня закон. Как вы знаете, дон Христофор, по ночам мы, старые моряки, всегда следим за нашей преданной и неизменной подругой — Полярной звездой. Так вот, час назад я заметил, что направление на нашу верную спутницу и направление стрелки компаса, по которому я вел каравеллу, разные!

— Ты не ошибся? — с живостью спросил Колумб; видно было, что эта новость его сильно заинтересовала и встревожила.

— Мог ли я ошибиться, если пятьдесят лет вижу эту звезду и вот уже сорок, как свел знакомство с компасом! Но вашей милости незачем полагаться на мнение какого-то неученого моряка: Полярная звезда по-прежнему на своем месте, а ваш собственный компас — у вас под рукой. Сравните их показания!

Колумб уже сам об этом подумал и, не дожидаясь, пока Санчо кончит говорить, вместе с Луисом нетерпеливо склонился над компасом. Сначала им показалось, что прибор неисправен или подвергается какому-то постороннему влиянию, но более тщательные наблюдения убедили Колумба в правоте Санчо. Мореплаватель был удивлен и раздосадован: наметанный глаз простого матроса раньше всех уловил это отклонение! Впрочем, обычай все время сравнивать показания компаса с положением Полярной звезды, которая считалась неподвижной и постоянной по отношению к наблюдателю, был настолько распространен, что любой опытный моряк, стоя ночью у руля, мог бы заметить такое непривычное явление.

Проверив свои компасы — у Колумба их было два, — адмирал окончательно удостоверился, что все четыре прибора показывают одинаковое отклонение от нормального почти на полрумба! Стрелки компасов, вместо того чтобы указывать прямо на север, то

есть на точку под Полярной звездой, отклонялись от нее на полрумба к западу¹.

Это новое и совершенно необъяснимое нарушение неизменных законов природы, как их понимали в те времена, грозило сделать плавание тем более трудным и рискованным, что моряки одновременно теряли уверенность в своей путеводной звезде и в единственном своем приборе, который позволял им прокладывать курс в облачную погоду и беззвездные ночи. Поэтому первой мыслью адмирала было предотвратить панику, которую эта новость могла вызвать среди матросов, и без того склонных видеть во всем дурные приметы.

— Надеюсь, ты будешь молчать, Санчо! — сказал он моряку. — Вот тебе еще одна добла.

— Простите бедного матроса за дерзость, но эту доблу я не могу принять, сеньор адмирал! Тут дело нечисто, и, если это шутки чертей, которые хотят помешать нам добраться до язычников, я предпочитаю не брать греха на душу. Кто знает, какое оружие нам понадобится, когда мы схватимся врукопашную с самим сатаной!

— Но ты никому об этом не скажешь? — настаивал Колумб.

— Можете быть спокойны, сеньор дон адмирал: об этом деле я и слова не вымолвлю, пока вы мне сами не позволите!

— Ну хорошо, ступай! — проговорил Колумб.

Когда матрос ушел, Луис, который до сих пор молча прислушивался к разговору, весело сказал:

— Похоже, эти отклонения компаса вас не на шутку взволновали, дон Христофор! Я бы на вашем месте положился на провидение: ведь не для того же оно ведет нас в просторы Атлантики, чтобы покинуть в самое неподходящее время!

¹ Компас «капризничал» потому, что его стрелка указывает не на географический, а на магнитный полюс, подчиняясь закону магнитного склонения. Угол отклонения северного конца магнитной стрелки от Полярной звезды (оно-то и называется магнитным склонением) в разных точках земного шара бывает разным. До Колумба явления магнитного склонения были известны в Европе, но таблиц склонений, по которым сейчас вносят поправки, конечно, еще не существовало.

— Какой бы возвышенной ни была цель, людям приходится полагаться не на провидение, а на свои силы, а чтобы использовать их с толком, надо понимать законы природы. В этом явлении я вижу доказательство того, что нам еще предстоит сделать немало удивительных открытий и, может быть, даже разгадать тайну магнитной стрелки. Минеральные богатства Испании отличаются от минеральных богатств Франции, некоторые руды встречаются везде, однако недра каждой страны имеют свои особенности. Есть такие места, где в изобилии встречаются магнитные руды, и, может быть, сейчас мы проходим мимо какого-нибудь острова, который оказывает столь необъяснимое влияние на наши компасы.

— А разве такие острова уже известны? — удивился Луис.

— До сих пор не были известны, и я не уверен, чтобы какой-нибудь остров мог так отклонить магнитную стрелку. Впрочем, на свете нет ничего невозможного! Наберемся терпения и подождем: сначала надо убедиться, что это отклонение истинное и постоянное, а уж потом попытаемся его объяснить.

На этом разговор о странном явлении прекратился, но мысль о нем не давала адмиралу спать всю ночь. Он почти не спускал глаз с компаса, подвешенного к потолку его каюты; благодаря такому компасу капитаны судов могут следить за курсом корабля, когда рулевые об этом даже не помышляют. Утром Колумб встал чуть свет, когда Полярная звезда еще была отчетливо видна на небосклоне, и тщательно сравнил ее положение с показаниями всех компасов. Выяснилось, что предыдущие наблюдения были правильны и что за ночь магнитные стрелки отклонились еще более. По расчетам Колумба, каравеллы прошли за последние сутки почти сто миль и находились теперь милях в шестистах западнее острова Ферро, но об этом не подозревали даже кормчие.

Санчо молчал, остальные рулевые были не столь внимательны, и пока никто больше не заметил странного поведения компасов. Сделать это можно было только ночью, когда появлялась Полярная звезда, к тому же отклонение стрелки было еще так незначи-

тельно, что уловить его мог лишь зоркий глаз очень опытного моряка.

Таким образом, день и ночь 14 сентября прошли спокойно: команда ни о чем не подозревала и не волновалась, тем более что ветер ослаб и каравеллы за это время прошли к западу всего миль шестьдесят. Несмотря на столь незначительное продвижение, Колумб с точностью искусного мореплавателя, тщательно сверив все компасы, убедился, что стрелки медленно, почти неприметно продолжают отклоняться на запад.

Глава XVIII

*Пусть компас вдребезги разбит —
Звезда не выдаст, не слукавит;
Моряк с доверием глядит
На свет ее и к дому правит.
Так всем затерянным в ночи —
В пустыне, в дебрях, в море пенном —
Указывают путь лучи
Звезды Полярной, неизменной.*

«Гимн Полярной звезде»

В субботу 15 сентября маленькая флотилия Колумба находилась в десяти днях пути от острова Гомеры. С тех пор как моряки в последний раз видели землю, прошло уже шесть дней. Всю неделю матросов одолевали горестные предчувствия, но постепенно они привыкли к пустынному океану и уже не выражали своего недовольства так открыто, как в первые дни. Чувства их словно заснули, убаюканные монотонностью плавания, однако по любому поводу все старые страхи готовы были пробудиться с новой силой. Ветер держался слабый, но благоприятный, работы на судах было немного, и никто не подозревал, что каравеллы проходят за сутки почти по сто миль. Колумб неустанно наблюдал за компасами и все время отмечал, как по мере продвижения на запад магнитные стрелки едва ощутимо, но постоянно отклоняются в том же направлении.

Адмирал и Луис настолько свыклись друг с другом, что одновременно ложились спать, одновременно вставали и весь день были неразлучны. Юноша знал слишком мало об угрожавших им опасностях, чтобы тревожиться, да и от природы был храбр, а потому не испытывал ничего, кроме живейшего интереса. Теперь он не меньше самого Колумба горел желанием добраться до Катая, уже не думая о том, принесет это счастье ему и Мерседес или нет. Вместе с адмиралом они без конца обсуждали каждую пройденную милю, делились друг с другом своими надеждами, и постепенно Луис начал вникать во все тонкости кораблевождения, от которых могли зависеть продолжительность и успех путешествия.

В тот субботний вечер Колумб и его мнимый секретарь, стоя на полуюте, как обычно, разговаривали о приметах, погоде и событиях дня.

— Вчера вечером с «Ниньи» нам что-то сообщили,— заметил юноша.— Я сидел в каюте над судовым журналом и ничего не слышал; вы знаете, что там у них стряслось, дон Христофор?

— Ничего особенного,— отозвался Колумб.— Просто матросы заметили двух птиц, о которых говорят, будто они никогда не улетают далеко от берега. Возможно, где-то поблизости есть острова — ведь люди еще не проплывали таких больших расстояний, не встретив земли. Но мы не можем терять время на поиски: открытие группы мелких островов было бы слишком скудным вознаграждением, когда впереди нас ждет целый материк!

— А как обстоит дело с компасами? Стрелки по-прежнему отклоняются?

— По-прежнему, и даже еще значительно. Больше всего я боюсь за матросов: как-то они себя поведут, когда узнают об этом непостижимом явлении!

— А нельзя ли их убедить, что такое отклонение стрелок на запад — добрый знак? Мол, само провидение указывает нам путь и побуждает продолжать плавание.

— Пожалуй, это мысль! — улыбаясь, заметил адмирал.— Но будь у них побольше смекалки и поменьше боязни, они бы спросили, почему провидение лишает нас возможности знать, куда мы плывем, если

желает, чтобы мы плыли в определенном направлении!

Крик вахтенных прервал их беседу: ослепительная вспышка внезапно озарила океан и каравеллы, словно над ними зажглись сразу тысячи ламп. Огненный шар пересек небосвод и как будто канул в волны за чертой горизонта. За этой вспышкой наступила жуткая в своей непроглядности тьма. Это был всего лишь метеор, но такой огромной величины, какой не многим доводилось видеть хоть раз в жизни. Суеверные моряки, конечно, приняли его за очередное знамение — одни за доброе, другие за неблагоприятное для дальнейшего плавания.

— Клянусь святым Яго! — вскричал Луис, когда свет померк. — Похоже, наше путешествие привлекло внимание всех стихий и прочих высших сил, сеньор дон Христофор! Что бы ни значили эти знамения, они, во всяком случае, предвещают нечто необычайное.

— До чего же слаб человеческий разум! — воскликнул Колумб. — Стоит ему выйти за пределы знакомых, привычных понятий, и он уже начинает видеть чудесные знамения в самых обыкновенных переменах погоды, в блеске молний, в порывах ветра или в полете метеоров! Разве не ясно, что все эти явления подчиняются законам природы и чудесными их делает только наше воображение? Метеоры падают довольно часто, особенно в низких широтах, и нам они ничего не могут предвещать.

— Зато они могут смущать умы и внушать страх нашим матросам, сеньор адмирал, — возразил Луис. — Санчо уже говорил мне, что среди команды началось брожение. Люди только с виду спокойны, а на самом деле недовольство усиливается с каждым часом.

Несмотря на то что адмирал еще раньше рассказывал матросам о метеорах, этот случай действительно произвел на команду сильное впечатление, и горячие споры о нем шли всю ночь. Впрочем, никто открыто не выражал своих чувств, хотя большинство про себя считало, что это предупреждение свыше, запрещающее проникать в сокрытые от глаз людских тайны, и лишь немногие приняли падение гигантского метеора за добрую примету.

Все это время каравеллы упорно двигались на запад. Ветер то усиливался, то ослабевал, и направление его тоже менялось, однако не настолько, чтобы нужно было убирать паруса или отклоняться от проложенного адмиралом курса. Все думали, что идут прямо на запад, но в действительности суда шли приблизительно на румб южнее, и течения незаметно относили их все ближе к полосе пассатных ветров. За 15 и 16 сентября было пройдено еще двести миль, Колумб же из обычной предосторожности записал меньше, чтобы расстояние от берегов Европы не казалось таким устрашающим.

16 сентября было воскресенье. Как полагалось в те времена, на кораблях отслужили воскресную службу, которая умиротворила матросов. Погода для сентября стояла превосходная: легкий моросящий дождь освежил воздух и умерил жару, а когда он прошел, подул юго-восточный ветер, словно напоенный всеми ароматами далекой земли. Радость и надежда возродились во всех сердцах, а тут еще марсовые весело закричали, указывая на какие-то предметы слева по борту. Каравеллы слегка изменили курс и через несколько минут оказались среди скоплений морских водорослей, растянувшихся на многие мили. Матросы шумно приветствовали столь несомненный признак близости земли; те самые матросы, которые лишь недавно находились на грани отчаяния, сейчас радовались, как малые дети.

Водоросли и в самом деле имели такой вид, что могли возбудить надежду у самых опытных моряков. Хотя часть их уже поблекла, остальные были так свежи, словно совсем недавно оторвались от питавшего их дна или берега. В том, что земля близка, теперь не сомневались даже кормчие каравелл.

Среди водорослей плавало множество тунцов, и матросам с «Ниньи» посчастливилось загарпунить одного. Люди обнимались со слезами на глазах, и даже те, кто еще вчера смотрел на мир со злобой и раздражением, сегодня готовы были расцеловать всех подряд.

— Вы тоже разделяете их надежды, дон Христофор? — спросил Луис. — Неужели морская трава действительно означает, что Индия уже недалеко?

— Увы,— отозвался Колумб,— люди обманывают самих себя, полагая, что наше плавание близится к концу. До Катая еще далеко. С тех пор как остров Ферро скрылся из глаз, мы прошли всего триста шестьдесят лиг, что, по моим предположениям, составляет не более трети нашего пути. Аристотель упоминает о том, что некоторые суда, вышедшие из Кадиса, были отнесены бурей далеко на запад и встретили в океане обширные, покрытые водорослями пространства¹, где изобиловали тунцы. Должно быть, вы знаете, Луис, что эта рыба, по словам древних, видит правым глазом лучше, чем левым, а потому, проходя через Босфор, стаи тунцов держатся ближе к правому берегу, а возвращаясь из Понта Эвксинского²,— ближе к левому...

— Клянусь святым Франциском,— со смехом прервал Колумба беспечный Луис,— теперь я понимаю, почему эти односторонние создания поселились в таком месте! Интересно, как они смотрят на своих красоток! У Аристотеля или других древних мудрецов об этом ничего не сказано? А как они понимают справедливость? Неужели они, словно наши судьи, берут взятки сначала у одной стороны, а потом у другой?

Аристотель говорит только об изобилии этих рыб среди океанских трав, и мы видим: он не ошибся. Те моряки из Кадиса подумали, что очутились поблизости от каких-то затонувших островов, и с первым же попутным ветром поспешили вернуться к родным берегам. Наверно, мы находимся на том же самом месте, где они побывали, однако здесь не может быть больших островов, разве что один какой-нибудь, вроде промежуточной вехи между Европой и Азией. Конечно, земля, откуда приплыли водоросли, не может быть далека, но меня эти приметы не интересуют, дон Луис: я ищу континенты, а не острова!

Теперь всем известно, что Колумб был прав, когда думал, что до материка еще далеко, и ошибался,

¹ 16 сентября корабли Колумба вошли в Саргассово море. Море это получило свое название по бурым саргассовым водорослям, которые образуют здесь большие скопления.

² Понт Эвксинский («Гостеприимный Понт») — древнегреческое название Черного моря.

полагая обнаружить вблизи тех мест какой-нибудь остров. Но как очутились посреди океана эти водоросли — то ли их принесло сюда течением, то ли бури оторвали от дна, — этого точно никто не знает, хотя последнее мнение более распространено. Дело в том, что в этом районе Атлантики много мелких мест, и, возможно, моряки из Кадиса были не так уж далеки от истины, как это кажется на первый взгляд, потому что отмели и банки весьма похожи на затонувшие или, вернее, образующиеся острова.

Никакой земли на горизонте не было видно. Каравеллы продвигались вперед со средней скоростью около пяти миль в час, обходя стороной поля водорослей; временами они оказывались прямо под килем, но это почти не замедляло хода. Что касается адмирала, то он был настолько увлечен своим благородным замыслом и мечтами о великих географических открытиях, полон такой решимости довести свое дело до конца, что скорее боялся, чем надеялся встретить здесь какой-либо остров.

За сутки каравеллы прошли в западном направлении более ста миль и теперь находились почти на полпути от меридиана, отделяющего западную часть Атлантического океана от восточной, то есть гораздо ближе к Африке, чем к Америке, если вести отсчет по той параллели, которой они держались. Ветер сохранялся постоянный, океан был спокойным, как озеро, и все три судна шли в тесном строю, для чего на более быстроходной «Пинте» уменьшили парусность.

На следующий день после встречи с водорослями — это был понедельник 17 сентября или восьмой день плавания в открытом океане — во время послепопуденной вахты Мартин Алонсо Пинсон окликнул кормчего «Санта-Марии» и дал ему знать, что, когда солнце склонится к закату, он собирается проверить точность показаний своих компасов и сверить их с наблюдениями «Санта-Марии».

После обеда Луис и Колумб спали глубоким сном, как вдруг кто-то начал трясти великого мореплавателя за плечо с такой силой и бесцеремонностью, на какую способны только матросы, да и то лишь когда будят своих товарищей. Адмиралу вообще бывало достаточно минуты, чтобы очнуться от самых сладких

сновидений, а тут и подавно; он сразу вскочил и мгновенно пришел в себя.

— Сеньор дон адмирал, сейчас не время спать! — сказал Санчо, ибо это был он. — Все кормчие уже заметили, что стрелка компаса показывает не на Полярную звезду!

— Хорошенькая новость! — воскликнул Колумб. — Ну, теперь держитесь, сейчас начнется такое, чего мы еще не видели с тех пор, как покинули Палос!

— Похоже на то, сеньор адмирал, — согласился Санчо. — Матросы верят в компас больше, чем священники в милосердие Христа. Пока они в добром настроении, но что будет через час, один бог знает!

Адмирал растолкал Луиса, и через пять минут оба уже стояли, как обычно, на юте.

Со своего высокого мостика Колумб хорошо видел все, что происходило на «Пинте», которая шла в нескольких сотнях ярдов от «Санта-Мари». Он сразу заметил, как Мартин Алонсо растерянно мечется от одного компаса к другому. Еще через несколько минут с «Пинты» попросили «Санта-Марию» лечь в дрейф, спустили шлюпку, и Мартин Алонсо с гребцами начал продираться через водоросли к адмиральскому судну. Почти одновременно к другому борту «Санта-Мари» подошла шлюпка с «Ниньи», где сидел Висенте Яньес, и оба Пинсона вместе поднялись на палубу. Они сразу же направились к адмиралу, а за ними последовали оба кормчих «Санта-Мари»: Санчо Руис и Барталоме Ролдан.

— Что означает такая поспешность, добрый Мартин Алонсо? — спокойно спросил Колумб. — Вы и ваш брат Висенте Яньес и эти честные кормчие мчитесь ко мне так, словно уже увидели Китай!

— Похоже, что мы никогда не увидим не только этой далекой земли, но вообще никаких берегов, до которых можно добраться по компасу! — ответил старший Пинсон, с трудом переводя дух. — Мы все четверо выверяли наши компасы, и оказалось, что все они без исключения отклонились от истинного севера почти на целый румб!

— Это было бы поистине удивительно! Но, может быть, вы сделали какую-нибудь ошибку во время наблюдений?

— Не может этого быть, сеньор адмирал,— поддержал своего брата Висенте Яньес.— Видно, даже магнитная стрелка нам изменила! Когда я сказал об этом своему старшему рулевому, он ответил, что еще ночью показания компаса не совпадали с Полярной звездой!

— И наши рулевые говорят то же самое! — добавил Руис.— А некоторые готовы поклясться, что эти чудеса начались с тех пор, как мы плывем по травяному морю.

— Все может быть, сеньоры,— согласился Колумб с невозмутимым видом.— Но я здесь не вижу беды. Мы знаем: все небесные светила движутся — одни ровно, другие с отклонениями от общих правил. Возможно, даже солнце, которое обходит землю всего за двадцать четыре часа, незаметно отклоняется от своего извечного пути, но мы этого не замечаем, потому что оно от нас слишком далеко. Многим астрономам казалось, будто они уловили эти отклонения; иногда на солнце появляются пятна, а потом исчезают, словно прячутся за диском светила. И я думаю, со временем будет установлено, что и Полярная звезда на какое-то время слегка отклонилась от своего обычного пути, но, конечно, вскоре опять вернется на свое привычное место, и тогда никакого расхождения между нею и стрелками компасов уже не будет. Понаблюдайте ночью за Полярной звездой; я думаю, постоянство движения этих небесных тел подтвердит мое предположение. И, повторяю, ничего страшного в этом нет. Скорее надо радоваться, что мы сделали неоценимое открытие, которое принесет нам славу и явится новым вкладом в науку.

За неимением другого капитанам и кормчим пришлось удовлетвориться этим объяснением. Они еще долго оставались на полуюте, обсуждая непонятное явление. Обычно, когда люди чего-нибудь не понимают, они стараются себя уверить, что тревожиться нечего или, наоборот, что надо опасаться самого худшего; к счастью, в данном случае первое мнение победило.

Гораздо хуже обстояло дело с матросами: они тотчас узнали об отклонении магнитных стрелок, и всех охватило чувство, близкое к отчаянию. Но тут Санчо Мундо оказался на высоте.

Когда паника охватила команду и матросы уже собирались идти к адмиралу с требованием немедленно повернуть обратно, он употребил все свое влияние и весь свой опыт, чтобы предотвратить бунт. Прежде всего этот верный спутник Колумба начал клясться и божиться без зазрения совести, будто собственными глазами раз двадцать видел, как стрелка компаса отклонялась от Полярной звезды, и ничего худого от этого с ним не случилось. Затем он предложил самому старому и опытному матросу убедиться, что отклонение составляет по компасу не более румба, а утром проверить, увеличилось оно или нет.

— Если стрелка будет отклоняться дальше к западу,— рассуждал Санчо,— это, братцы, верный знак, что Полярная звезда перемещается. Ведь компасы-то как стояли, так и стоят на своих местах от самого Палоса! Когда из двух вещей одна движется и мы собственными глазами видим ту, что неподвижна, легко догадаться, что другая сошла со своего места! Вот, смотри сюда, Мартин Мартинес! — обратился он к наиболее горластому из матросов.— К чему тратить слова, если можно все доказать на деле! Видишь вон те два мотка бечевки на брашпиле? Так вот, надо узнать, какой из них исчезнет, а какой останется. Я беру маленький моток, и ты сам видишь, что остался большой. Значит, на месте может остаться только большой моток, когда я убираю маленький. А кто не может понять даже такой простой и ясной вещи, тот не способен вести каравеллу ни по компасу, ни по звездам!

Мартин Мартинес при всей своей озлобленности в логике был не силен, а потому ничего не мог возразить на доводы и клятвенные уверения Санчо. Приятели от него отступились, и он, как всякий не очень умный смутьян, готовый на все, только когда чувствует за собой поддержку, сразу же остыл, едва остался в меньшинстве.

Санчо потрудился на славу. Ему удалось убедить большинство матросов, что разумнее не бунтовать раньше времени, а дожидаться утра, а там будет видно, что покажут новые наблюдения!

— Молодец, Санчо! — похвалил его Колумб, когда моряк ночью прокрался в его каюту, чтобы

рассказать о настроении команды.—Только зря ты клялся, будто много раз видел подобное явление. Сколько я ни плавал по свету, сколько ни производил наблюдений с самыми точными приборами, мне еще ни разу не доводилось видеть, чтобы стрелка компаса отклонялась от Полярной звезды! А если уж я не видел, то ты и подавно.

— Вы несправедливы ко мне, сеньор дон адмирал! Вы думаете, я вру? Такой обиды я не перенесу, разве только золотой сможет меня утешить...

— Отчего же ты так встревожился, когда впервые заметил отклонение компаса? — перебил его Колумб.—Я помню, ты тогда настолько перетрусил, что даже отказался от золота, а это с тобой не часто бывает!

— В первый раз я действительно встревожился, ваша милость, не стану от вас скрывать —вы же насквозь видите каждого и сами обо всем догадываетесь! А потому скажу лучше прямо: в ту ночь я уже не надеялся когда-либо снова увидеть Испанию или церковь Санта-Клары Могерской, и мне было все равно, кто из нас адмирал, а кто простой рулевой!

— И ты еще будешь бахвалиться и говорить, что не трусил! Зачем же ты клялся своим приятелям, что видел такие отклонения стрелки, да к тому же еще раз двадцать?

— Ваша милость, теперь вы сами видите, что можно быть весьма достойным адмиралом и вице-королем, можно знать все про далекий Китай и ничего не смыслить в самых простых вещах! Ведь я же, дон Христофор, говорил своим товарищам, что видел это раньше, то, бишь, до этой ночи, и готов был сгореть заживо, как мученик на костре, если соврал. Всем нам, грешникам, когда-нибудь придется гореть вечным огнем, но пока еще не время, и, я надеюсь, ваша милость подтвердит истинность моей клятвы!

— На это ты, Санчо, зря надеешься: я сам никогда не давал ложных клятв и не стану их подтверждать!

— В таком случае, я призываю в свидетели дона Луиса де Бобадилья, он же Педро де Муньос,—невозмутимо заявил Санчо.—Потому что, когда на человека возводят напраслину, он имеет право защищаться. Пусть ваша милость соизволит вспомнить, что

впервые я заметил, как гуляют стрелки, и сообщил об этом в ночь на четверг тринадцатого числа, а сейчас у нас что? Понедельник, семнадцатого сентября! Клянусь, что за последние четыре дня я наблюдал это явление, как вы его называете, по крайней мере раз двадцать, если уж держаться ближе к истине! Святая Мария! Да я только этим и занимался, особенно первые часы!

— Ну, довольно, довольно, Санчо! Я вижу, совесть у тебя имеет свои широты и долготы, которыми ты и пользуешься. Что и говорить, изворачиваться ты мастер. А теперь, раз уж ты знаешь причину отклонения компаса, постарайся ободрить своих друзей да и сам не падай духом.

— Я не спрашиваю вашу милость, почему движется Полярная звезда,— заметил Санчо.— Только мне пришло в голову, что, может быть, мы намного ближе к Катаю, чем думали, и какой-нибудь злой дух старается сбить нас с пути?

— Ступай-ка лучше спать, хитрец, и подумай о собственных грехах, а отыскивать причины таинственных явлений предоставь людям более сведущим. Вот тебе твоя добла, и держи язык за зубами!

Наутро матросы всех трех каравелл с нетерпением ожидали результатов новых наблюдений. Ветер держался хоть и не сильный, но попутный, течение начало поворачивать на запад, и за последние сутки каравеллы прошли более ста пятидесяти миль, что сделало отклонение компасных стрелок более заметным, подтвердив тем самым предположения Колумба. А так как невежественные люди охотнее всего верят тому, что имеет видимость истины, сомнения до поры до времени улеглись, и все решили, что передвигается Полярная звезда, а стрелки компасов по-прежнему указывают правильное направление.

Трудно сказать, верил ли в это сам Колумб. Известно, что он не стеснялся прибегать к обману, когда считал его безобидным и необходимым для поддержания мужества своих спутников, но у нас нет доказательств, что и в данном случае он пустился на хитрость. Даже в те времена, когда магнитное склонение еще не было известно, ни один ученый не думал, будто стрелка компаса обращена именно к Полярной звезде; это считалось случайным совпадением, а по-

тому можно предположить, что адмирал, у которого было несколько вполне исправных компасов, мог поверить в перемещение звезды, возложив окончательное решение этой загадки на будущие поколения.

На этот счет существует два мнения: одни утверждают, что прославленный мореплаватель верил в свою теорию, другие это отрицают. Но последние не слишком убедительно ссылаются на то, что такой человек, как Колумб, якобы не мог совершить столь грубую ошибку, хотя в те времена подобные явления были науке совершенно неизвестны. Впрочем, возможно, что адмирал не был вполне убежден в своей правоте, а только старался подыскать непонятному явлению правдоподобное объяснение. Ибо в тот век, когда географические и астрономические знания были еще слабы, этот необыкновенный мореход выдвинул немало смелых и точных предположений, истинность которых впоследствии подтвердилась, что свидетельствует о проницательности и трезвости его ума.

К счастью, когда рассвело, матросы смогли убедиться не только в том, что отклонение магнитных стрелок увеличилось, но и в том, что вокруг каравелл по-прежнему простирается море водорослей. Были и другие обнадеживающие признаки, которые указывали на очевидную близость земли.

Ветер теперь дул в ту же сторону, куда шло течение, океан был гладок, как зеркало, и каравеллы могли спокойно двигаться на самом близком расстоянии друг от друга.

— Сеньор адмирал! — окликнул Колумба с «Пинты» старший Пинсон. — Эти водоросли похожи на те, что обычно растут на отмелях. Я думаю, где-то неподалеку должно быть устье какой-то большой реки!

— Все может быть, — отозвался адмирал. — Но, чтобы в этом убедиться, надо попробовать воду на вкус. Эй, Пепе, — приказал он, — зачерпни-ка ведро воды за бортом!

Пепе немного замешкался, выжидая, пока «Санта-Мария» подойдет к более густым зарослям, и в эту минуту острый глаз Колумба заметил краба, который взобрался на одну из особенно свежих по виду во-

дорослей. Адмирал тотчас приказал рулевому свернуть чуть в сторону, и Пепе подхватил краба ведром.

— Смотрите, какая драгоценная добыча, добрый Мартин Алонсо! — крикнул Колумб, держа краба двумя пальцами, чтобы Пинсон мог его разглядеть. — Эти животные, как известно, никогда не уходят от берега далее чем на восемьдесят лиг! А вон там видите, сеньор, белую тропическую птицу? Говорят, они не могут ночевать на воде! Но особенно меня радует, что все эти добрые приметы и признаки появляются с запада, непостижимого, неведомого запада!

Радостными криками встретили на каравеллах эти признаки близости земли. Забыв о недавних страхах, матросы преисполнились такой уверенности, что готовы были видеть благоприятные приметы в самых обыкновенных явлениях. На всех судах зачерпнули забортной воды, и каждый хотел попробовать ее сам. И такова была сила самовнушения, что все единодушно объявили, будто эта вода гораздо менее солоная, чем обычная, морская. Даже Колумб при всей его рассудительности, осторожности и хладнокровии забыл на мгновение о своих высоких замыслах и поддался общему настроению. Он поверил, что где-то неподалеку находится обширный остров, расположенный на полпути от Европы к Азии. Обнаружить его было бы тоже немалой честью, хотя она и не могла сравниться с тем, что ожидало их впереди.

— Действительно, друг мой Мартин Алонсо, — сказал он, — у этой воды не такой вкус, какой бывает в открытом море, вдали от большой земли.

— Мне тоже так кажется, сеньор адмирал! — отозвался старший Пинсон. — А вот и еще одна примета: на «Нинье» загарпунили второго тунца и сейчас втаскивают на борт!

Ликующие возгласы сопровождали появление каждой такой приметы. Уступая горячим просьбам команды, адмирал приказал поставить все паруса и идти полным ходом, чтобы честь открытия досталась тому, кто первым увидит неведомый остров. Впрочем, гонка продолжалась недолго: «Пинта» легко ушла вперед, а «Санта-Мария» и «Нинья» гораздо медленнее двигались за ней, с почти одинаковой скоростью. Весь этот долгий день на каравеллах царили ра-

дось и веселье. Такие счастливые дни выпадают редко на долю тех, кто плывет посреди Атлантического океана, где всюду, куда ни глянь, виден все тот же горизонт, замыкающий все ту же неизменную водную ширь, а в центре этого гигантского круга движется крохотная точка — одинокое судно.

Глава XIX

*Наполнив парус, прочь от берегов
Попутный ветер гнал корабль, играя,
И вскоре среди пенистых валов
Сокрылись скалы, словно чаек стая,
И, может быть, о родине вздыхая,
Он о своем решении пожалел,
Но затаилась в сердце боль немая.
Кругом рыдали, свой кляня удел,
Лишь он пред мощью волн склониться не
хотел.*

Байрон. «Странствия Чайльд-Гарольда»

С наступлением сумерек на «Пинте» убавили паруса, чтобы остальные каравеллы могли ее догнать. Все взоры были обращены на запад, где матросы еще надеялись увидеть долгожданный остров. Однако небо постепенно темнело, скоро ночь опустилась на океан, а никаких признаков земли так и не было замечено. По-прежнему дул ровный юго-восточный ветер и волнение было не больше, чем в устье широкой реки. Стрелки компасов едва приметно продолжали отклоняться к западу от Полярной звезды; теперь уже никто не сомневался, что этот небесный маяк сошел со своего места.

Все это время каравеллы сносило на юг, и они шли курсом на запад один румб южнее, хотя Колумб думал, что движется прямо на запад. Именно это обстоятельство помешало мореплавателю сразу достичь побережья штата Джорджия или Каролины, потому что если бы он прошел мимо Бермудских островов, его подхватил бы Гольфстрим и неизбежно отнес далеко на север, к континенту.

Ночь на 18 сентября прошла как обычно, и к полудню, когда, по традиции, оканчиваются морские

сутки, между эскадрой Колумба и Старым Светом пролег еще один значительный отрезок бесконечного пути через океан.

Водоросли исчезли, а вместе с ними и стаи тунцов, которые действительно кормятся на отмелях и держатся в тех местах потому, что здесь океанское дно расположено на много тысяч футов ближе к поверхности, чем в других районах Атлантики. Каравеллы в полдень, как обычно, начали сближаться, чтобы кормчие могли сравнить результаты своих наблюдений. Быстроходной «Пинте» снова пришлось лечь в дрейф, дожидаясь остальных судов. Пока «Санта-Мария» к ней подходила, Мартин Алонсо стоял, держа шляпу в руке, и ждал, когда адмиральское судно приблизится настолько, чтобы можно было говорить.

— Сеньор дон Христофор! — радостно окликнул он Колумба, пока на «Пинте» выбирали шкоты¹, приноравливаясь к ходу «Санта-Марии». — Благоприятных примет становится все больше, земля должна быть где-то поблизости! Мы видели впереди целые стаи птиц, да и тучи на севере кажутся такими тяжелыми, словно клубятся над каким-нибудь островом или даже материком!

— Все это, конечно, хорошие признаки, достойный Мартин Алонсо, — отозвался адмирал. — Однако хочу вам напомнить, что на этой долготе я не рассчитывал встретить ничего, кроме группы маленьких цветущих островов, ибо до Азии еще много дней пути. К вечеру очертания этих облаков еще больше начнут походить на далекие горы, и, наверно, мы будем их видеть со всех сторон. Но главная наша цель — Китай, и, когда впереди нас ждет такое великое открытие, мы не можем сворачивать с пути ради каких-то островов!

— Разрешите мне на «Пинте» уйти вперед, доблестный адмирал, чтобы мы первыми увидели берега Азии. Я не сомневаюсь — к утру они предстанут перед нами!

— Плывите с богом, достойный капитан, если вы в этом так уверены, но я вас предупредил, что азиатских берегов вы так скоро не увидите. Однако, если вам

¹ Шкоты — снасть для постановки парусов в нужное положение.

посчастливится найти хотя бы остров в этих отдаленных и неисследованных водах, даже такое открытие сделает честь Кастилии. Тот, кто первый увидит землю, получит награду! И вам и всем остальным я даю разрешение открыть хоть сотни островов и даже материков!

Все посмеялись этой шутке, потому что, когда у людей легко на сердце, любое доброе слово их веселит, а затем «Пинта» устремилась вперед. Лишь к вечеру она опять легла в дрейф, дожидаясь остальных, и казалась издали черным пятном на фоне великолепного закатного неба. На горизонте на севере собирались густые тучи, которые легко можно было принять за вершины крутых гор со скрытыми между ними долинами и мысами, неясными из-за большого расстояния.

На следующий день, впервые с тех пор, как каравеллы попали в полосу пассатов, ветер сделался слабым и переменчивым, небо покрылось тучами и начал накрапывать дождь. Суда сблизились, от одного к другому засновали шлюпки, завязался общий разговор.

— Я пришел к вам, сеньор адмирал,—объявил старший Пинсон, едва ступив на борт «Санта-Марии»,—по единодушной просьбе моей команды. Разрешите нам повернуть на север: там несомненно должна быть какая-нибудь земля—остров или материк! Такое открытие увенчает наше предприятие, прославит наших государей и воздаст должное вашей прозорливости.

— Похвальное желание, добрый Мартин Алонсо, и высказано оно в подходящих выражениях,—ответил Колумб.—Однако согласиться с вами я не могу. Весьма маловероятно, что мы найдем в северном направлении что-либо стоящее, зато от главной своей цели отклонимся наверняка. Катай и царство великого хана находятся на западе, и мы отправились в это плавание не для того, чтобы открыть еще одну группу островов, подобных Канарским или Азорским, а для того, чтобы обойти вокруг земли и проложить путь истинной вере в исконные пределы язычества!

— Сеньор Муньос, неужели вы не поддержите нашу просьбу?—воззвал Мартин Алонсо к Луису.—

Адмирал к вам благоволит и, может быть, ради вас окажет нам эту маленькую милость!

— По правде говоря, добрый Мартин Алонсо, я так жажду обратить великого хана в нашу веру, что ни за что не соглашусь свернуть ни направо, ни налево, пока не достигну этой великой цели,— насмешливо ответил дон Луис, выказывая скорее безразличие дворянина к простому капитану, нежели почтение скромного секретаря к первому после адмирала человеку в экспедиции.— Я давно заметил, что сатане бывает нелегко совратить того, кто идет прямой дорогой, зато со всеми, кто ищет окольных путей, он справляется без труда и уже набил ими ад до отказа!

— Неужели нам придется оставить всякую надежду, сеньор адмирал? — настаивал Мартин Алонсо.— Неужели мы пренебрежем всеми этими благоприятными приметам, даже не попытавшись открыть новую землю?

— Я не вижу иного выхода, мой достойный друг. Дождь как будто указывает на близость земли, это затишье — тоже, а вон еще один, самый достоверный вестник — видите? Похоже, он собирается отдохнуть на вашей «Пинте»!

Пинсон и все остальные, кто был поблизости, оглянулись и увидели огромного белого пеликана, который тяжело летел над самой водой по направлению к «Пинте». Однако величавая птица, крылья которой достигали в размахе десяти футов, презрительно миновала небольшое судно и опустилась на мачту адмиральской каравеллы.

— Если это еще и не признак близости земли,— серьезно заметил Колумб,— то самый верный знак милости судьбы. Она ободряет нас и призывает идти, не сворачивая, к великой цели! Никогда еще, Мартин Алонсо, я не видел птиц этой породы далее чем на расстоянии одного дня плавания от берегов.

— Я тоже, доблестный адмирал, и я с вами согласен: эта птица сулит нам удачу! Но, может быть, она указывает, что нам следует свернуть на север, что удача ждет нас именно в том направлении?

— Нет, это явное знамение, что нам следует продолжать плавание на запад,— возразил адмирал.— На обратном пути мы сможем более обстоятельно и не

спеша обследовать эту часть океана, но, пока мы не доплывем до Индии, наша задача останется невыполненной, а до Индии еще не одна сотня лиг. Воспользуемся лучше затишьем, чтобы собрать всех кормчих и посмотреть, как они определяют свое положение на карте!

Вскоре все кормчие собрались на адмиральской каравелле, и каждый, согласно своим расчетам, воткнул булавку в грубую карту Атлантического океана, составленную адмиралом,—грубую в смысле точности, зато с виду очень красивую. Кормчие Висенте Яньеса с «Ниньи» воткнули свои булавки дальше всех, отмерив от Гомеры четыреста сорок морских лиг. Мартин Алонсо поместил свою «Пинту» лиг на двадцать восточнее. Когда подошла очередь Колумба, он воткнул свою булавку еще на двадцать лиг к востоку по сравнению с Мартином Алонсо. Условившись о том, что следует говорить матросам, капитаны и кормчие вернулись на свои каравеллы.

Видимо, Колумб действительно верил, что проходил в это время между островами, и его биограф Лас-Касас утверждает, будто мореплаватель в своем предположении не ошибался. Но, если в этой части океана и были когда-то острова, они давно уже исчезли—такое явление возможно, хотя и не слишком вероятно. Говорят, даже в нашем столетии в этом районе еще видели буруны, и, может быть, здесь существуют обширные отмели. Но, с другой стороны, Колумб сам делал промеры глубины до двухсот морских саженей¹ и не достал дна.

Большое скопление водорослей в этом районе было отмечено давно, еще первыми мореплавателями; скорее всего, их приносит сюда течение. Что касается птиц, то они прилетают сюда в поисках пищи, которую легче найти там, где изобилуют водоросли, а следовательно, и рыба. Кроме того, водоплавающие птицы могут отдыхать на воде. Летят они со скоростью до тридцати, а некоторые—до пятидесяти миль в час, и, если такая птица достаточно сильна, она может пересечь весь Атлантический океан всего за четверо суток.

¹ Морская сажень равна шести футам, или 182 см.

Несмотря на благоприятные приметы, матросы вскоре снова пали духом. Санчо, все время доносивший тайком адмиралу о настроениях команды, сообщил ему, что люди ропщут больше обычного и что после недавних радужных надежд и восторгов наступила реакция, близкая к отчаянию. Об этом Колумб узнал на закате 20 сентября, то есть на одиннадцатый день после того, как земля скрылась из виду.

— Люди жалуются, что море уж больно гладкое,—говорил Санчо, занимаясь для виду какой-то работой на юте, где адмирал производил свои вычисления.—Они говорят, что здесь дуют только восточные ветры, а штиль означает, будто мы дошли до такого места, где вовсе не бывает ветров, и что восточный ветер пригнал нас сюда в наказание за нечестивое любопытство.

— Постарайся их ободрить, Санчо,—отвечал Колумб.—Напомни этим бедным парням, что штиль бывает на всех морях. А что касается восточного ветра, то в низких широтах он почти круглый год дует со стороны Африки, следуя за солнцем,—разве это не ясно? Надеюсь, у тебя самого нет этих глупых страхов?

— Я стараюсь не поддаваться, сеньор адмирал. Впереди меня никто не ждет с попреками, а позади никого не осталось, чтобы меня оплакивать, так что мне все равно! Но я был бы не прочь еще послушать о богатствах той далекой земли, ибо при мысли о золоте и драгоценных камнях я становлюсь столь ревностным католиком, что перестаю тосковать по Могере и жирной баранине с добрым вином!

— Поди прочь, болтун! Твою жадность никакое золото не удовлетворит! Впрочем, возьми еще одну доблу и воображай, на нее глядя, что это монета великого хана. Будь уверен, у такого правителя золота предостаточно, хотя он, возможно, и не захочет с ним расстаться.

Санчо ловко поймал монету и спустился с полуюта, оставив Колумба наедине с Луисом.

— Сегодня—восторги, завтра—отчаяние и ропот. Пора положить этому конец!—раздраженно воскликнул граф.—Я бы живо успокоил этих бездельников рукоятью меча, а если понадобится—и острием!

— Нельзя, мой юный друг. По крайней мере сейчас, пока у нас нет достаточного повода для таких суровых мер. Не думайте только, что я долгие годы добивался осуществления своего замысла и прошел столько сотен лиг через океан, чтобы сейчас так легко отказаться от великой цели! Но не все люди созданы по одному подобию, и крестьянину труднее усвоить то, что доступно гранду. В свое время мне пришлось положить столько трудов, чтобы внушить самые очевидные истины ученым и знатым сеньорам, что я готов быть снисходительным к невежеству простых матросов. Попробуйте представить, в каком ужасе были бы все мудрецы Саламанки, если бы мне пришлось с ними спорить здесь, посреди Атлантического океана, где еще не бывал ни один человек и где только с помощью логики и науки можно отыскать верный путь!

— Насчет мудрецов вы правы, сеньор адмирал, но я не думаю, чтобы рыцари, даже не согласные с вами, потеряли здесь голову от страха. Чего нам бояться? Конечно, кругом океан и до ближайшего берега не одна сотня лиг, но ведь мы в безопасности! Клянусь святым Педро, в одной схватке с маврами я видел больше убитых, чем их поместилось бы на всех наших трех каравеллах, и столько крови, что по ней можно было бы плыть на всех парусах, как по озеру!

— Конечно, опасности, угрожающие морякам, не столь кровавы, как нападение мавров, дон Луис, но от этого они не менее страшны. Откуда мы возьмем воду, чтобы смочить пересохшие губы, когда наши запасы иссякнут? Откуда мы добудем хлеб и пищу? Нет ничего ужаснее смерти от голода и жажды посреди безбрежного океана, когда агония длится день за днем и нет никакой надежды даже на пристойное погребение. Вот что сейчас на душе у матросов, поэтому прибегать к крайним средствам можно только в крайних обстоятельствах.

— Мне кажется, дон Христофор, их душами мы успеем заняться, когда осушим последний бочонок воды и съедим последний сухарь. А пока я прошу позволения обработать головы этих каналов снаружи, оставив в покое то, что внутри, хотя вряд ли там может быть что-либо доброе!

Колумб слишком хорошо знал горячий нрав юного графа, чтобы придавать значение его словам, а потому даже не ответил ему. Некоторое время они стояли молча, прислонившись к бизань-мачте, смотрели прямо перед собой и раздумывали о том, что их ждет впереди.

Уже стемнело, фигуры вахтенных внизу на палубе казались смутными тенями, и лица невозможно было различить. Матросы собрались в кучу и, судя по взволнованным, приглушенным голосам, опять заговорили про штиль и прочие подстерегающие их опасности. Силуэты «Пинты» и «Ниньи» четко вырисовывались на фоне усыпанного яркими звездами неба; паруса обвисли складками, а черные корпуса каравелл казались совершенно недвижимыми, словно они стояли на якорях в затоне какой-нибудь реки. Ночь была теплой и тихой; глубокое спокойствие дремлющего океана и поскрипывание мачт, напоминавшее по временам о судах, затерянных в необъятных пустынных просторах, придавали ей возвышенную торжественность.

— Луис, вы не слышите — словно что-то трепещет там, на реях? — осторожно спросил Колумб. — Либо слух меня обманывает, либо это шелест крыльев. Но шелест такой легкий, что если это и птицы, то, вероятно, очень маленькие!

— Вы не ошиблись, дон Христофор, — отозвался Луис. — Какие-то пичужки устроились на верхних реях, и размером они не более самых маленьких певчих птиц, какие бывают у нас...

— Тш-ш-ш! — прервал его адмирал. — Слышите? Какие веселые, звонкие голоса! Можно подумать, что мы с вами в апельсиновых рощах Севильи! Вот новое доказательство обширности и единства нашего мира. Земля должна быть недалеко, иначе такие слабые и нежные создания не смогли бы сюда прилететь.

Вскоре птичек заметили на палубе, и их радостный щебет успокоил простых матросов вернее самых точных математических расчетов, основанных на последних достижениях науки.

— Говорил я тебе, что земля близко? — воскликнул Санчо, с торжеством обращаясь к своему постоянному противнику, Мартину Мартинесу. — А вот и доказа-

тельство, которого не увидит разве что слепой! Слышишь, как заливаются эти лесные птички? Разве усталые птицы могут так петь? Кажется, будто эти маленькие пернатые разбойники слетелись на сладкую винную ягоду или на спелый виноград где-нибудь у нас в Испании, и пируют, и веселятся вовсю!

— Санчо верно говорит! — поддержали его матросы. — И в воздухе пахнет землей! И море такое, словно мы в заливе! Слава нашему королю и милостивой королеве, донье Изабелле!

С этой минуты на каравеллах снова воцарились надежда и радость. Даже адмирал, глядя на крошечных и с виду таких слабых птичек, подумал, что земля близка.

Позднейшие исследования показали, что, несмотря на столь веские соображения, Колумб в данном случае ошибался. Люди часто недооценивают силу маленьких существ или, наоборот, переоценивают мудрость их инстинкта. В действительности же маленьким легким птичкам в океане, особенно в южных широтах, почти ничего не угрожает, в отличие от крупных, если только те не из породы водоплавающих. Скопления водорослей всегда служат местом отдыха, а то и кормежки для множества мелких птиц. Лесные птицы, конечно, не улетают так далеко в океан, но иногда ураганные ветры и бури уносят за сотни миль от берегов даже могучих филинов. Кроме того, инстинкт частенько подводит животных: киты нередко застревают на мелководье и птицы залетают гораздо дальше, чем позволяют их силы.

Но, каковы бы ни были причины появления пернатых обитателей роц на мачтах «Санта-Марии», матросы успокоились и развеселились. Ни один самый блестящий оркестр не смог бы доставить знатокам музыки такую глубокую и полную радость, какую испытывали простые моряки, прислушиваясь к щебету маленьких певцов. А когда они уснули, благодарные люди старались ничем не тревожить их покой.

С восходом солнца пичужки защебетали еще веселее, а потом разом снялись с мачт и полетели на юго-запад.

В тот день с утра был полный штиль, затем подул ветер, но такой слабый, что каравеллы с трудом

продвигались через сплошные скопления водорослей, придававших океану сходство с заливным лугом. Появилось встречное западное течение, а к вечеру Санчо пробрался к адмиралу с новым тревожным известием.

— Матросы вбили себе в голову еще одну дурь, сеньор адмирал! — докладывал он. — Да такую чудную, что сразу видно — они больше верят в чудеса, чем в самого бога! Мартин Мартинес, философ непревзойденный, когда хочет нагнать на себя и на других людей страх, теперь ходит и трезвонит, будто на дне этого моря полным-полно затонувших островов, будто водорослей, которых, по правде говоря, и так хоть отбавляй, дальше начнет попадаться еще больше, пока каравеллы совсем не застрянут в них и уж тогда не смогут двинуться ни назад, ни вперед!

— И люди этим глупостям верят? — спросил Колумб.

— Верят, сеньор дон адмирал, потому что гораздо легче найти таких, кто готов уверовать в любую нелепицу, чем хотя бы одного, кто верит только в истину. К тому же матросы удручены: последние дни нам не везет. Они думают, что это козни нечистого, который, надо полагать, не желает, чтобы ваша милость насаждала христианскую веру во владениях великого хана, а потому преграждает нам путь в Китай. Безветрие тревожит моряков, и даже про бедных птичек они говорят, будто их послал сам дьявол, чтобы завести нас туда, откуда мы уже не выберемся. Некоторые говорят, что скоро мы сядем на мель, да так и останемся навсегда посреди океана!

— Ступай и прикажи готовиться к промерам глубины. Я докажу им, что они ошибаются. И пусть все соберутся на палубе, чтобы каждый сам убедился в своей глупости!

Колумб повторил свой приказ кормчим, и за борт спустили лот¹. Сажень за саженью лот-линь² убежал под воду, увлекаемый в глубину свинцовым грузом, пока его не осталось ровно столько, чтобы можно было вытащить лот обратно.

¹ Лот — грузило для измерения глубины.

² Лот-линь — тонкий, но прочный трос, на котором опускают лот.

— Ну, видите, друзья? — спросил Колумб. — До мелей, которых вы так опасаетесь, более двухсот сажень, линия не хватило; значит, море здесь еще глубже! А вон — глядите! Видите кита? Он только что выбросил фонтан воды! Вы же знаете, что эти животные появляются только вблизи больших островов или материков!

Колумб не выдумывал — в те времена действительно так полагали. Появление кита пришлось весьма кстати: матросы охотно поверили адмиралу, сославшемуся на знакомую им примету.

Теперь-то мы знаем, что киты заходят в эту часть океана, потому что здесь, среди водорослей, они могут сытно кормиться; недаром лучшим местом для китобойного промысла до последнего времени считалась так называемая ложнобразильская отмель, расположенная почти посредине Атлантики. Короче говоря, все эти связанные с привычками птиц и животных приметы, в которые свято верили не только простые участники великого плавания, но и сам Колумб, на самом деле означали очень мало! Но что было спрашивать с мореплавателей той эпохи, только-только начинавших удаляться от берегов и совершенно не знакомых с тайнами открытого океана!

Несмотря на мимолетные вспышки радости и надежды, моряков продолжали томить сомнение и страх. Те, кто возмущался с первых дней плавания, теперь пользовались малейшей возможностью, чтобы разжечь всеобщее недовольство. Поэтому утром в субботу, 22 сентября, когда солнце снова взошло над неподвижными, застывшими водами, многие матросы собрались на палубе и решили еще раз потребовать от адмирала, чтобы он повернул каравеллы назад, на восток.

— Сотни лиг мы шли попутным ветром, не зная дороги! — кричали они. — А теперь зашли в такое место, где ветра совсем не бывает! Здесь мы навеки застрянем среди морской травы или сядем на какой-нибудь затонувший остров и все погибнем от голода и жажды!

Такого рода рассуждения были весьма характерны для той эпохи, когда даже самым образованным людям приходилось с огромным трудом продираться

сквозь заросли дремучего невежества, суеверий и предрассудков. Во что только люди не верили! В бога и в чудеса, в дьявола и в его козни, и любое явление объясняли вмешательством добрых сил — если дела шли хорошо, или пакостями нечистого — если их преследовали неудачи.

Но, к счастью для экспедиции, как раз в это время с юго-запада подул свежий ветерок, позволивший каравеллам двинуться вперед сквозь скопления водорослей, которые внушали ужас матросам. Прежде всего надо было выбраться на чистую воду, поэтому флотилия свернула в первый же достаточно широкий просвет между нескончаемыми полями морских трав, и, лишь когда они остались позади, суда легли на желаемый курс, насколько это позволял ветер.

Колумб считал, что они идут на запад-северо-запад, хотя в действительности сейчас каравеллы держались гораздо ближе к тому курсу, которым он хотел идти, когда вел их по компасу, и с которого сбился из-за отклонения магнитной стрелки. Одно это обстоятельство уже доказывает, что Колумб верил в свою теорию смещения Полярной звезды, ибо вряд ли он вел бы свои каравеллы в течение многих дней при попутном ветре курсом на запад полтора румба к югу, если бы знал, куда идет. Но он именно так и сделал и продолжал вести свою флотилию по компасу, не доверяя Полярной звезде, хотя самым сильным его желанием было плыть прямо на запад. Теперь же ветер заставил его взять на полрумба севернее и двигаться в направлении, близком к западному, однако сам Колумб и все его спутники думали, что отклонились от желаемого курса к северу почти на два румба.

Впрочем, что значили все эти изменения по сравнению с той властью, которую адмирал вновь обрел над своими людьми, когда ветер переменился и каравеллы вышли наконец из моря плавучих трав! Во-первых, матросы убедились, что и здесь ветер меняет направление, а во-вторых, — что, несмотря на водоросли, океан остается вполне проходимым для судов. Поэтому, хотя ветер был вполне благоприятным для возвращения к Канарским островам, об этом никто больше даже не заикался. Но все мы таковы: из кожи

лезем вон, чтобы добиться недостижимого, и с пренебрежением отворачиваемся от того, что само дается в руки. Словом, настроение команды было так же непостоянно и переменчиво, как ветер.

Так миновала суббота, и на закате каравеллы снова очутились среди густых водорослей. С рассветом следующего дня ветер заставил их отклониться по компасу на северо-запад, хотя в действительности они шли курсом на северо-запад от полутора до полрумба западнее. Снова прилетали многочисленные птицы, в том числе одна горлица, а на водорослях матросы то и дело замечали крабов. Но все эти приметы столько раз обманывали мореплавателей, что уже не вызывали никакой радости.

— Сеньор! — обратился к Колумбу Мартин Мартинес, когда адмирал спустился на палубу, чтобы ободрить матросов. — Мы уж не знаем, что и думать! Целыми днями ветер дул в одном направлении, словно гнал нас навстречу гибели, а потом оставил нас посреди такого моря, какого моряки «Санта-Марии» никогда не видывали! Страшно было смотреть, так оно походило на заливной луг, чуть прикрытый водой, — не хватало только стада коров с пастухом!

— Но ведь это не луга, а скопления морских водорослей, которые свидетельствуют об изобилии и богатстве здешних вод, — ответил адмирал. — А что до восточного ветра, то это дело обычное в южных широтах — с ним знаком каждый, кто плывал вдоль Африки до Гвинеи. Ни то, ни другое не должно беспокоить храбрых моряков. Да и мелей здесь нет — все видели, что лот даже не достиг дна. Надеюсь, ты, Пепе, не боишься таких пустяков? — обратился Колумб к знакомому матросу. — Наверно, душой ты уже в Катае, при дворе великого хана!

— Сеньор адмирал, я поклялся Монике и клянусь вам быть верным и честным матросом. И все же, сеньор, не нравится мне это слишком спокойное море. Ни одной волны! Такой неподвижной глади не бывает у берегов Испании! А что, если эти мертвые стоячие воды опоясывают край земли, чтобы дерзкие люди не смели заглядывать за ее пределы?

— Хотя намерения у тебя и добрые, однако рассуждаешь ты неверно, — проговорил Колумб. — Чело-

век для того и создан, чтобы стать хозяином всей земли, у которой нет никакого края или пределов, потому что она имеет форму сферы или шара и нет у нее ни начала, ни конца!

— Мало ли что Мартин Мартинес болтает о ветре, затишье и морской траве! — вмешался Санчо, никогда не испытывавший недостатка в примерах или доказательствах. — Просто удивительно, где он только проплавал столько лет, если до сих пор не видел таких обыкновенных вещей! Мне они так же привычны, как помои на улицах Могера, и, если бы не Мартин со своими подпевалами, я бы вовсе не обратил на них внимания. Когда я плавал на «Санта-Каталине» в далекую Ирландию, мы попали в такое же травяное море и шли по нему более половины лиги до самого берега. И ветер там дул четыре недели с запада, а потом четыре недели с востока, и местные жители говорили, что после этого поднимется на столько же недель южный ветер, затем северный, и так все время, но относительно северного и южного ветра я не могу поклясться, потому что в тех водах мы пробыли меньше восьми недель.

— А ты когда-нибудь слышал о бесконечных отмелях, где гибнут каравеллы? — спросил обозленный Мартин Мартинес, который сам врал без зазрения совести, но не любил, когда это делали другие. — Разве эти травы не говорят тебе, что мы приближаемся к такому страшному месту? Да и сами они порой так густы, что, того и гляди, опутают киль и остановят корабль!

— Довольно болтать! — оборвал его Колумб. — Мы уже встречали такие водоросли и прошли через них; пройдем и через эти. Морскую траву приносят течения, и я уверен, стоит нам пересечь этот меридиан, мы снова выйдем на чистую воду.

— Но это затишье, сеньор! Эта мертвая гладь! — загомонили остальные матросы. — На море страшно глядеть! Мы еще никогда не видали таких неподвижных, стоячих вод!

— И это вы называете неподвижной, стоячей водой?! — воскликнул адмирал. — Смотрите, сама природа возмутилась и решила вразумить вас, доказав, что все ваши страхи не имеют никакого основания!

В то же мгновение длинная пологая зыбь приподняла нос «Санта-Марии», мачты со скрипом накренились, весь корпус каравеллы тяжело поднялся и соскользнул с широкого вала, прокатившегося вдоль ее бортов. Однако в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения. Матросы изумленно переглянулись, затем их удивление сменилось страхом. За первым валом последовал второй, еще более высокий, затем третий; волны накатывались все чаще, и скоро весь океан покрылся гладкими водяными холмами, на гребнях которых лишь кое-где закипала пена. Через полчаса волнение достигло предела. Как говорят моряки, каравеллы заболтало: они беспомощно то проваливались в промежутки между валами, то с трудом взбирались на водяную гору.

Опасаясь, как бы это новое явление не встревожило матросов еще больше, и желая окончательно рассеять их прежние страхи, Колумб приказал собрать команду на корме под капитанским мостиком и обратился ко всем с короткой речью.

— Видите, друзья, — сказал он, — все ваши разговоры о неподвижной, стоячей воде оказались пустой болтовней: сама всемогущая природа доказала вам, что это были напрасные опасения. Я мог бы воспользоваться вашим невежеством и сказать, что такое внезапное волнение — чудо, ниспосланное свыше, дабы наказать вас за недовольство и неразумную трусость. Но перед нами слишком большая цель, и я не хочу прибегать к недостойным уловкам, выдавая природное явление за гнев божий. Затишье, спокойный океан и эти водоросли, которые вас так пугают, объясняются близостью обширной земли. Это еще не материк — он должен находиться дальше и западнее, — а какой-нибудь остров или группа островов, достаточно крупных, чтобы оказывать влияние на все окружающие их моря. А это волнение, вероятно, поднято бурей, разгулявшейся где-то далеко в океане. Ветер, который сюда даже не долетает, разогнал там огромные валы, и до нас через неизмеримые пространства докатываются лишь слабые отзвуки страшного шторма. Может быть, сама судьба, которой мы доверились, послала нам этот знак, чтобы успокоить вас и ободрить, и за это я ей признателен. Но само по

себе такое явление природы вполне объяснимо и не сулит нам ни зла, ни добра. Ступайте же и забудьте все свои страхи! Помните: Испания осталась далеко позади, и теперь до Китая гораздо ближе, чем до родных берегов. С каждым часом сокращается расстояние до нашей цели, и все меньше времени нам осталось ждать. Каждый, кто до конца сохранит мне верность и повиновение, не пожалеет об этом! Но, если кто-нибудь вздумает роптать и смущать других нелепыми выдумками, пусть поостережется: я прибегну ко всей полноте власти, предоставленной мне королем и королевой для защиты их интересов!

Мы с особым удовольствием приводим эту речь великого мореплавателя, которая неопровержимо доказывает, что он и не подумал принять внезапное возмущение океана за какое-то чудо, как полагали некоторые историки и биографы, а счел его счастливым совпадением, когда сама природа помогла ему преодолеть страхи команды. И действительно, трудно поверить, чтобы такой опытный мореход, как Колумб, не знал причин столь обычного в океане явления, которое можно часто наблюдать даже вблизи берегов.

Глава XX

*Как сладостна молитвы благодать
В пустыне вод, в последний час заката,
Когда вокруг одна морекая гладь!
Не потому ль шепчу слова, когда-то
Знакомые, что ныне далеко
Земля, где забывал их так легко?
Вот, кажется, нет к прошлому возврата!
Но стражду, вновь и вновь надежды полн,
Я в этот час среди пурпурных волн.*

«Лесное святилище»

Здесь нелишне будет сделать небольшое отступление, чтобы читатель мог ясно представить, как далеко углубились мореплаватели в неведомые просторы Атлантики и что они сами думали о своем местонахождении.

Как уже известно, со времени отплытия с Гомеры Колумб вел два счисления: одно для себя, как мож-

но более точное, насколько позволяли несовершенные мореходные инструменты тех дней, а другое — для команды, намеренно преуменьшая пройденное расстояние, чтобы не вызвать паники среди матросов. Поскольку Колумб считал, что выполняет высшее предназначение судьбы, этот обман казался ему вполне дозволительным и насколько не тревожил его совесть — в тот богобоязненный век подобная «ложь во спасение» считалась в порядке вещей и сами священники ради укрепления веры прибегали к уловкам, еще менее благовидным!

Продолжительный штиль и слабый встречный ветер последние дни мешали продвижению каравелл, так что к понедельнику 24 сентября, то есть на пятнадцатый день после того, как моряки потеряли из виду остров Ферро, они, несмотря на птиц, рыб, безветрие, спокойное море и прочие благоприятные приметы, все еще были далеко от цели: продвигаясь на запад с небольшим отклонением к югу, в то утро они находились примерно на половине пути от старого Света к Новому, где-то между тридцать первым и тридцать вторым градусом северной широты. То обстоятельство, что каравеллы оказались много севернее Канарских островов, хотя Колумб вел их прямо на запад или чуть южнее, объясняется, видимо, слишком слабыми ветрами, а может быть, и течением, сносившим суда к северу. Покончив с этим коротким отступлением, вернемся к нашим путешественникам.

Влияние пассатов за последние сутки снова сделалось ощутимым, хотя и не в такой сильной степени. После «чудесного волнения», как его называли впоследствии, каравеллы шли по компасу прямо на запад. В этот день опять прилетали разные птицы и среди них — один пеликан. За сутки суда прошли всего пятьдесят миль, но и это расстояние в записях для команды Колумб, как всегда, преуменьшил.

С утра 25 сентября снова был штиль, но после полудня задул устойчивый несильный ветер с юго-востока. Большую часть времени каравеллы лениво покачивались неподалеку друг от друга, оставляя чуть заметный след за кормой, и в среднем делали около мили в час.

«Пинта» держалась рядом с «Санта-Марией», офицеры и матросы обеих каравелл громко обменивались друг с другом своими соображениями. Колумб долго прислушивался к разговорам, стараясь уловить в осторожных высказываниях истинное настроение людей, и внимательно вглядывался в их лица. Наконец ему пришло в голову, что сейчас самое подходящее время приободрить матросов и кормчих.

— Что вы скажете о карте, которую я послал вам третьего дня, добрый Мартин Алонсо? — спросил адмирал у капитана «Пинты». — Вы убедились, что мы уже приближаемся к Индии и наши испытания скоро кончатся?

При первых же звуках его голоса все смолкли на полуслове.

— Карта замечательная, сеньор дон Христофор, и нарисована отменно, — отозвался старший Пинсон. — Она делает честь тому, кто ее срисовал и увеличил, не говоря уж о том, кто ее составил! Это наверняка был какой-нибудь весьма ученый человек, объединивший в своем труде опыт всех великих мореплавателей.

— Впервые она была составлена неким Паоло Тосканелли¹, ученым-тосканцем, жившим во Флоренции. Действительно, он был человеком обширных знаний и таким неутомимым исследователем, что не многие могли с ним сравниться. К карте он приложил записку с глубокими и мудрыми соображениями относительно Индии и тех островов, которые так тщательно здесь изображены. В этой записке говорится о многих городах как о чудесах творения человеческого, в том числе о порте Зайтон², откуда каждый год отправляется не менее ста судов, груженных лишь черным перцем.

— А что говорит ученый тосканец о богатствах тех стран? — спросил Мартин Алонсо.

¹ Паоло Тосканелли (1397—1482) — знаменитый флорентийский географ. Долгое время считалось, что у Колумба была карта мира, составленная Тосканелли, и что он состоял с ним в переписке. В наши дни эта версия представляется крайне сомнительной.

² Зайтон — порт в Китае (китайское название — Цюаньчжоу), описанный Марко Поло и другими итальянскими путешественниками в конце XIII века и в XIV веке.

Услышав этот вопрос, матросы обеих каравелл сразу наострили уши.

— Вот что пишет достойный Паоло — это его подлинные слова: «Страна сия изобильна и благодатна и заслуживает самого пристального внимания из-за своих великих богатств, необычайного количества золота, серебра и драгоценных камней, которые там можно добыть». Кроме того, он пишет, что город Кинсай¹ имеет тридцать пять лиг в окружности, и добавляет, что это название обозначает «Небесный город».

— В таком случае, — пробормотал вездесущий Санчо, но так тихо, что его мог слышать только стоявший рядом с ним Пеппе, — незачем тащить туда святой крест, потому что он предназначен для людей, а не для небожителей.

— Я вижу на карте два больших острова, сеньор адмирал, — продолжал Мартин Алонсо, не отрывая глаз от карты. — Один называется Антилья, а другой — Сипанго, о котором ваша милость часто изволит упоминать.

— Совершенно верно, добрый Мартин Алонсо, и вы можете видеть, как тщательно они изображены — чтобы опытный мореплаватель мог сразу их распознать. Эти острова находятся в двухстах двадцати пяти лигах друг от друга.

— По расчетам, сделанным у нас на «Пинте», мы уже должны быть недалеко от Сипанго, сеньор адмирал!

— По расчетам, может быть, так и выходит, но я сомневаюсь в их точности. Сипанго лежит в нескольких днях плавания от берегов Азии и не может находиться очень далеко отсюда, однако встречные течения могли нас отнести в сторону, и я не думаю, чтобы этот остров находился так близко, как полагаете вы, добрый Мартин Алонсо, и ваши товарищи. Верните мне карту, я отмечу на ней наше положение, чтобы все знали, сколько мы прошли и сколько еще осталось.

Мартин Алонсо тщательно свернул карту в трубку, привязал к ней небольшой груз и лаг-линь и ловко

¹ Кинсай — богатый торговый город в Южном Китае (китайское его название — Хуанчжоу).

перебросил на палубу «Санта-Марии», как матросы бросают лот: каравеллы шли так близко друг от друга, что сделать это для него не составило ни малейшего труда. Затем на «Пинте» подняли еще несколько парусов, и она начала медленно уходить вперед — при слабом ветре ее преимущество в ходе становилось особенно очевидным.

Колумб приказал развернуть карту на столе и пригласил всех, кто был неподалеку, чтобы они могли сами увидеть то место, где, по его предположениям, находились каравеллы. Великий мореплаватель вел счисление пути с наивозможной точностью и без труда отметил на карте широту и долготу, разумеется, преуменьшив пройденное расстояние. А так как даже эта точка оказалась недалеко от островов, которые, как тогда думали, лежат к востоку от Азиатского материка, карта убедила команду лучше всяких научных доказательств, ибо люди вообще более склонны доверять своим глазам, нежели разуму. До сих пор матросы все время спрашивали, откуда известно, где расположен этот остров Сипанго, но, увидев его собственными глазами на пергаменте, безоговорочно уверовали, что остров лежит именно в том месте, где он изображен. Вычисления Колумба верили слепо, потому что они намного превосходили точностью расчеты всех кормчих, и никто не усомнился, что и на сей раз он правильно показал местонахождение каравелл. И снова крайнее отчаяние и недовольство сменились бурной радостью и самыми светлыми надеждами, которым, увы, опять не суждено было сбыться.

Всегда искренний во всех своих заблуждениях, Колумб был убежден в своей правоте и сейчас, но он сознательно преуменьшал число пройденных лиг. Подобно всем космографам того века, он считал окружность земли гораздо меньшей, чем она есть на самом деле, как показали последние вычисления, и совершенно не принимал в расчет Тихий океан, о котором ничего не знал. Достаточно вспомнить, на основании каких фактов строили ученые-географы свои гипотезы, чтобы понять, насколько неизбежной была ошибка Колумба.

Было известно, что Азиатский материк омывается с востока океаном, и считалось, что тот же самый огромный океан омывает Европу с запада. Исходя

из того, что земля круглая, географы считали, будто между этими двумя материками лежит только океан с группами отдельных островов. В действительности же весь Старый Свет, от восточных до западных пределов, занимает менее половины истинной окружности земного шара, но для науки конца XV столетия с ее скудными и робкими знаниями такое предположение было слишком дерзким, точнее — непосильным.

Таким образом, все географы невольно сближали восточные и западные оконечности Евро-Азиатского континента, уменьшая почти вдвое истинную окружность земли. Но для того времени даже мысль о том, что земля шарообразна, была сама по себе достаточно смелой! Правда, высказал ее еще в древности Птолемей¹, а может быть, эта теория была известна и еще раньше, но именно сама древность его системы мироздания по прошествии веков обратилась против нее в глазах невежд, не получивших наглядного подтверждения ее справедливости.

По расчетам Колумба получалось, что остров Сипанго, то есть Япония, лежит чуть ли не на 140° долготы восточнее того места, где он находится на самом деле, а так как на широте Японии, то есть на 35° северной широты, каждый градус долготы составляет около пятидесяти шести географических миль, если, конечно, считать землю идеально круглой, то выходило, что Колумб передвинул Японию к востоку от ее истинного места, или, иными словами говоря, приблизил ее к себе более чем на две тысячи морских лиг.

Все это оставалось тайной не только для рядовых участников экспедиции, но и для самого великого мореплавателя. Действительность превосходила самые смелые его предположения. Впрочем, такого рода ошибки несколько не умаляют славы великих открытий, ибо они свидетельствуют лишь о том, что даже и с ограниченными познаниями люди в конечном счете все же одерживают победу!

Пока Колумб занимался картой, матросы с напряженным вниманием следили за каждым его движением и вглядывались в суровое лицо адмирала, словно хотели по его выражению или по глазам прочесть

¹ Птолемей — знаменитый греческий географ II века н. э.

свою судьбу. Офицеры и кормчие «Санта-Марии» обступили Колумба, несколько старых матросов тоже решились подойти поближе, чтобы услышать его объяснения. Среди последних был и Санчо, которого считали самым опытным моряком во всей эскадре да и, пожалуй, наиболее смышленным в делах, не требующих школьных познаний. Колумб ласково обратился к ним и заговорил проще, стараясь объяснить смысл своих повседневных наблюдений и вычислений, за которыми они обычно следили с недоумением, не понимая, зачем они нужны, затем показал по карте найденное расстояние и то, что еще оставалось пройти.

Другие, менее опытные, но не менее любопытные матросы тем временем взобрались на реи и воображали, будто слышат и понимают объяснения адмирала: один вид карты подстегивал их фантазию, точно так же как стремление поскорей увидеть долгожданную Индию не раз потом обманывало их зоркие глаза.

Чем образованнее люди, тем легче они усваивают отвлеченные понятия, подчиняя чувства разуму. Но, пока мысль не восторжествовала окончательно, все мы склонны больше доверять наглядным доказательствам. Слово, сказанное редко, звучит столь же убедительно, как слово написанное; упрек или похвала влетает в одно ухо и вылетает из другого, но та же самая фраза, когда она прочитана глазами, может изменить наше представление о добре и зле. Матросы, которые еще вчера не могли понять рассуждений Колумба, сегодня полагали, что постигли все, мельком увидев карту, и поверили, что обозначенные на ней земли и острова находятся именно там, где они так искусно вычерчены.

После этого наглядного урока на «Санта-Марии» воцарилось самое благодушное настроение. Зная, что Санчо всегда поддерживал адмирала, матросы обступили его, надеясь услышать дополнительные подробности об изображенных на карте странах.

— Как думаешь, Санчо, этот остров Сипанго и впрямь такой большой, как на адмиральской карте? — спросил один из тех, кто особенно легко переходил от отчаяния к противоположной крайности. — Расположен он превосходно, не хуже, чем Мадейра или Ферро.

— Так оно и есть! — уверенно ответил Санчо. — Достаточно взглянуть на его берега, чтобы это понять. Ты заметил, какие там бухты, мысы, заливы? И нарисовано все так подробно, словно это наши знакомые берега! Да уж, эти генуэзцы отменные мореплаватели! Наш благородный адмирал сеньор Колумб не поплыл бы в такую даль, если бы не знал заранее, на каком рейде станет на якорь!

Столь веский довод убедил и утешил даже наиболее безнадежных тугодумов. После того как матросы увидели на карте в этой части океана земли и острова, уже никто не сомневался в благополучном исходе плавания.

Пока шли эти разговоры, Мартин Алонсо Пинсон, расставшись с адмиралом, ушел на своей «Пинте» вперед и теперь находился ярдах¹ в ста с лишним от «Санта-Мари», хотя и двигался со скоростью не более одного узла². И как раз в ту минуту, когда матросы на адмиральской каравелле делились друг с другом своей радостью, громкий крик с «Пинты» привлек всеобщее внимание. Пинсон стоял на корме, весело размахивал шляпой и кричал во все горло:

— Земля! Земля! Обещанная награда за мной, сеньор адмирал! Земля! Земля!

— Где, где земля, добрый Мартин Алонсо? — спросил Колумб с таким волнением, что даже голос его задрожал. — В какой стороне вы заметили долгожданный берег?

— Там, на юго-западе! — ответил Мартин Алонсо, показывая рукой направление. — Видите очертания высоких гор? Они еще неясны, но даже папа Римский не стал бы требовать иных доказательств!

Все взоры обратились на юго-запад, и так велика была жажда увидеть землю, вестницу удачи, что они поверили и увидели ее. Там, на горизонте, громоздилась расплывчатая темная масса с зазубренными краями, более отчетливыми, чем обычно бывает

¹ Ярд — 0,91 м.

² Узел — единица скорости, означающая одну морскую милю в час, то есть 1852 м в час, поэтому часто встречающееся выражение «столько-то узлов в час» бессмысленно: оно звучит, как «столько-то миль в час». Достаточно говорить: «судно делает десять или пять узлов».

у туч, но в то же время настолько неясная, что лишь очень зоркий глаз мог бы различить ее в быстро наступавшей темноте. Именно такой земля часто предстает перед моряками в сумерках, но в этот час многие вообще не способны ее заметить.

Зная, что Колумб прекрасно знаком со всеми явлениями, происходящими на море, матросы «Санта-Мари» бросив взгляд в указанном направлении, повернулись к адмиралу и затаили дыхание — что-то он скажет? Но лицо его говорило яснее слов: оно сияло от восторга и умиления!

Матросы бросились на рей, чтобы убедиться в своей удаче; все согласилось, что еле различимая масса на горизонте может быть только землей, и бурное ликование первых мгновений сменилось спокойной уверенностью. Солнце закатилось чуть севернее неясных гор, и тьма сразу окутала океан.

До сих пор, насколько позволял ветер, Колумб шел, как ему казалось, прямо на запад, но к началу первой ночной вахты, уступая общему желанию, приказал взять курс по компасу на юго-запад, хотя в действительности каравеллы повернули на юго-юго-запад плюс полрумба к западу. Ветер усилился, и, так как адмирал думал, что земля находится от них лигах в двадцати пяти, все твердо надеялись утром увидеть ее совсем близко. Сам Колумб поддерживал в окружающих эту надежду, хоть и отклонился от курса против своей воли: он полагал, что материк может находиться только на западе, вернее, в том направлении, которое он принимал за западное, но относительно островов такой уверенности у него не было.

В ту ночь мало кто спал спокойно: сказочные сокровища Востока дразнили воображение даже самых рассудительных матросов, а некоторые просто бредили золотом и чудесами неведомой страны. То и дело кто-нибудь вскакивал со своей подвесной койки и вскарабкивался на мачту, пытаясь разглядеть желанный остров, который фантазия моряков уже наделяла определенными очертаниями, но тщетно: кругом была непроницаемая тьма.

За ночь каравеллы прошли тем же курсом семнадцать из двадцати пяти лиг, отделявших мореплавателей, согласно расчетам Колумба, от неведомой земли. Рассвет едва забрезжил, когда команда всех трех

судов была уже на палубе и с нетерпением ожидала начала дня, который должен был их вознаградить за все опасности и страхи долгого, утомительного плаванья.

— Смотрите, на востоке уже светает! — радостно закричал с юта Луис. — Сеньор адмирал, теперь мы можем назвать вас самым прославленным человеком!

— Не спешите, юный мой друг, — возразил Колумб. — Где бы ни была большая земля, далеко или близко, она лежит на западе, и мы дойдем до западных берегов этого океана. Да, вы правы, сеньор Гутьерес, заря занимается, скоро и солнце взойдет.

— Что б ему хоть разок взойти с запада! — воскликнул Луис. — Тогда бы мы увидели наши новые владения во всем великолепии и блеске его лучей, озаряющих сейчас только пройденный нами путь!

— На это не надейтесь, друг мой Педро, — с улыбкой ответил Колумб. — От начала времен солнце совершает свой повседневный путь вокруг земли с востока на запад, и так будет до скончания веков. В этом мы можем доверяться своим глазам, хотя во всем остальном чувства нас частенько обманывают.

Так рассуждал Колумб, повторяя ошибку, обычную для людей своего времени. Как правила, суждения его отличались трезвостью, а прозорливый ум позволял предвидеть многое из того, что было недоступно даже избранным, но в те дни знаменитая астрономическая система Птолемея, эта странная смесь истин и заблуждений, считалась неопровержимой. Коперник¹ был тогда еще юношей и смог воз-

¹ Николай Коперник (1473—1543) — великий польский астроном. Действительно, лишь в 1543 году, в сочинении «Об обращении небесных сфер», он изложил свою гелиоцентрическую систему мира (Гелиос — солнце — в центре мира), объяснив, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Ссылка автора на древнегреческого математика и философа-идеалиста Пифагора (примерно 580—500 годы до н. э.) вряд ли основательна, потому что пифагорейцы считали, что Земля вращается не вокруг Солнца, а вокруг некоего «центрального огня», думая, что Солнце тоже вращается вокруг этого воображаемого светоча по одной из орбит. Так как учение Коперника низводило Землю до уровня обычной планеты, католическая церковь, спохватившись, в 1616 году декретом инквизиции внесла его сочинение «впредь до исправления» в список запрещенных книг, где оно и числилось вплоть до 1882 года.

вести догадки Пифагора — в общих чертах справедливые, но ошибочные в определении причин и следствий — в стройную научную систему лишь много лет спустя после открытия Америки. И, как бы в доказательство того, как опасен и тернист путь науки, Коперника за все его старания открыть человечеству истину церковь предала проклятию, тяготевшему над ним вплоть до недавних дней. Одного этого примера достаточно, чтобы представить, какие трудности приходилось преодолевать великому мореплавателю на пути к его славной цели!

Между тем продолжало светать, и скоро солнце озарило небо и океан. Все взоры были устремлены на запад, однако радужные надежды постепенно померкли, и наконец перед мореплавателями предстала страшная истина: земли нигде не было видно! За ночь каравеллы прошли значительное расстояние, и теперь все понимали, что благодаря какому-то обману зрения они приняли за землю плотные массы туч, скопившиеся над горизонтом. Все повернулись к Колумбу; у него сердце сжималось от горечи разочарования, однако внешне он сохранял суровое спокойствие, которое нелегко было возмутить.

— Обманчивые зрелища на море далеко не редкость, сеньоры,— проговорил адмирал, обращаясь к тем, кто стоял поблизости, но достаточно громко, чтобы его могла слышать вся команда. — Однако ни одно еще не было таким правдоподобным! Все, кто бывал в океане, знакомы с подобными явлениями; они ничего не предвещают, потому что это просто игра природы.

— Но мы так надеялись, дон Христофор, что теперь нам нелегко справиться с чувством разочарования,— заметил один из приближенных Колумба.— Может быть, эти тучи все-таки означают, что Китай уже близок?

— Возможно, эти тучи не случайно приняли облик земли, чтобы поддержать в нас уверенность и показать, что в конце концов мы будем вознаграждены за все и увидим настоящую землю,— ответил адмирал.— Но тем не менее я объясняю такой обман зрения самыми естественными причинами, ибо мы, моряки, встречались с этим не раз.

— Я тоже склонен так думать, сеньор адмирал,— ответил один из кормчих, и разговор оборвался.

Однако на матросов этот случай произвел тягостное впечатление: они больше всех жаждали увидеть землю и тяжелее всех переживали разочарование. Недавняя бодрость и радость опять уступили место горестной безысходности. Колумб снова повел каравеллы по компасу на запад, а в действительности на запад-юго-запад и еще полтора румба к западу, затем, уступая пылким просьбам окружающих, снова пошел на юго-запад по компасу, пока все окончательно не убедились в том, что предыдущим вечером они приняли за остров скопление туч. Лишь когда не осталось ни малейшей надежды, каравеллы легли на свой обычный курс. За сутки прошли тридцать одну лигу, команде же сообщили, что пройдено только двадцать четыре.

Следующие дни не принесли никаких существенных изменений. Ветер держался благоприятный, хотя часто стихал настолько, что каравеллы за сутки с трудом продвигались на пятьдесят английских миль. Океан был спокоен, водорослей попадалось все меньше. 29 сентября, на четвертый день после того, как Пинсон увидел «землю», была замечена птица из породы фрегатов, которые, по общему мнению, никогда не улетают далеко от берегов, и матросы на время воспрянули духом. Прилетели также два пеликана. Воздух был таким теплым и благоуханным, что даже Колумб заметил:

— Не хватает только соловьев, и была бы настоящая андалузская ночь!

Разные птицы прилетали и улетали, оживляя в сердцах моряков надежды, за которыми следовало разочарование. Иногда птиц бывало очень много, и даже не верилось, что они просто кормятся в просторах океана. Отклонение компасной стрелки от Полярной звезды снова привлекло внимание адмирала и кормчих, но теперь все единодушно объясняли это смещением небесного светила.

Наконец наступило 1 октября, и кормчие адмиральской каравеллы приступили к самым тщательным расчетам, чтобы как можно точнее определить пройденное расстояние. До сих пор они, как и все

остальные, верили ложным записям Колумба, поэтому теперь пришли в ужас и явились на полуют к адмиралу в полной растерянности.

— Мы прошли от острова Ферро не менее пятисот семидесяти восьми лиг, сеньор адмирал! — воскликнул первый кормчий. — Какое страшное расстояние! А мы все дальше уходим в неведомый океан...

— Ты прав, честный Бартоломе, — спокойно проговорил Колумб. — Но, чем дальше мы пройдем, тем больше нам будет чести! К тому же твои расчеты неточны: по моему счислению пути, которого я ни от кого не скрываю, выходит пятьсот восемьдесят четыре лиги — на целых шесть лиг больше, чем у тебя! Но ведь, в сущности, это не больше, чем расстояние от Лиссабона до Гвинеи. Неужели мы с вами хуже моряков дона Жуана Португальского?

— Ах, сеньор адмирал, у португальцев на всем пути лежат острова, да и африканский берег под боком, а мы идем нехоженой дорогой навстречу неизвестным опасностям и, может быть, с каждым часом приближаемся к краю земли, — кто знает на самом деле, круглая она или нет!

— Полно, полно, Бартоломе! Ты говоришь сейчас, как лодочник с речного перевоза, которого ветром вынесло в устье и который воображает, будто такой страшной опасности ему не пережить лишь потому, что вода кругом не пресная, а соленая. Не бойся, покажи матросам свои расчеты да смотри, чтоб никто не заподозрил тебя в трусости, а то потом люди тебя засмеют, когда мы будем отдыхать в тени садов Катая!

Когда кормчие с тяжелым сердцем медленно спустились с полюта, Луис холодно заметил:

— Он трясся от страха! А ваши шесть лиг напугали его еще больше. Пятьсот семьдесят восемь лиг — есть от чего прийти в ужас, но пятьсот восемьдесят четыре — это уже выше его сил!

— А что бы он сказал, если бы узнал правду, о которой не подозреваете даже вы, мой друг!

— Надеюсь, вы ее скрываете от меня не потому, что сомневаетесь в моей храбрости, дон Христофор?

— Нет, не потому, граф де Льера, — ответил Колумб. — Просто есть такие страшные вещи, которые

трудно доверить даже самому себе. Вы имеете хоть какое-нибудь представление о пройденном нами пути?

— Ни малейшего, клянусь святым Яго! С меня довольно и того, что донья Мерседес, уввы, далеко, а лигой больше или меньше—это уже дела не меняет. Если вы не ошиблись и земля действительно круглая, то рано или поздно мы вернемся в Испанию, следуя за солнцем,—только это меня и утешает.

— Однако вы должны представлять себе, сколько мы прошли от острова Ферро: вы ведь знаете, что в записях для команды я каждый день уменьшал расстояние.

— По совести говоря, дон Христофор, мы с арифметикой всегда не ладили. Даже ради спасения собственной жизни я не смог бы назвать точную цифру своих доходов, хотя, в общем, как-нибудь, наверно, сообразил бы, что к чему. Однако, если говорить серьезно, я думаю, мы прошли не пятьсот восемьдесят четыре лиги, а все шестьсот десять или шестьсот двадцать.

— Прибавьте еще сто лиг, и вы будете недалеко от истины. Сейчас мы находимся на расстоянии семисот семи лиг от острова Ферро и быстро приближаемся к меридиану, на котором лежит Сипанго. Еще дней восемь—десять доблестных усилий, и я начну всерьез высматривать впереди азиатские берега!

— Значит, плавание продлится меньше, чем я думал,—беззаботно заметил Луис.—Но потом, когда оно кончится, один из ваших спутников будет не прочь отправиться в новое путешествие, хоть вокруг света!

Глава XXI

*Скажи, что там над морем встало?
Не это ль Саламина скалы?*

Байрон

Прошло уже двадцать три дня с тех пор, как дерзкие мореплаватели потеряли из виду землю. Все это время, за исключением одного-двух дней штиля и весьма незначительных задержек

из-за ветра, каравеллы упорно двигались на запад с отклонением к югу от четверти румба до румба с четвертью, хотя об этом никто даже не подозревал.

Надежда так часто обманывала моряков, что в конце концов они погрузились в уныние, из которого их изредка выводили крики: «Земля! Земля!» — когда на горизонте опять скоплялись обманчивые облака. Напряжение достигло такого предела, что в любую минуту можно было ожидать чего угодно, и только спокойный океан, благоуханный ветерок да ясное небо спасали людей от приступов отчаяния.

Санчо, как всегда, без устали разглагольствовал в кругу матросов, сражаясь с невежеством и глупостью наиболее недовольных; то же самое, хотя и бессознательно, делал Луис в своей среде, заражая всех собственной уверенностью и веселостью; Колумб был спокоен, суров и сдержан. Он верил в свою теорию и сохранял решимость во что бы то ни стало достичь желаемой цели.

Ветер оставался ровным. 2 октября каравеллы прошли по неведомому и таинственному океану еще сто с лишним миль. Водоросли теперь плыли тоже на запад, подчиняясь изменившемуся течению, которое до этого большую часть времени было встречным и затрудняло ход судов. 3 октября оказалось еще более удачным: за сутки было пройдено целых сорок семь лиг.

Адмирал уже начал подумывать, что прошел мимо островов, обозначенных у него на карте, однако сохранял неизменную стойкость человека, вдохновленного великим замыслом, и упорно вел флотилию на запад, прямо к берегам Индии.

4 октября стало самым благоприятным для мореплавателей днем с начала плавания: не отклоняясь от курса, каравеллы прошли сто восемьдесят девять миль — больше, чем за любой другой день! Для людей, которые с тоской считали каждый час и каждую пройденную лигу, это было ужасающим расстоянием, а потому Колумб всем, кроме Луиса, сказал, что пройдено только сто тридцать восемь миль.

Пятница 5 октября началась еще удачнее. Так как не было волн, каравеллы скользили по ровной поверхности океана, не испытывая ни килевой, ни бор-

товой качки, со скоростью до восьми миль в час — быстрее они еще никогда не ходили — и прошли бы за эти сутки гораздо больше, если бы к ночи не упал ветер. Несмотря даже на это, за кормой осталось еще пятьдесят семь миль, которые в счислении пути для команды были сокращены до сорока пяти.

Следующий день не принес изменений. Казалось, сама судьба торопила мореплавателей навстречу достижению великой цели, к которой Колумб так долго стремился и которую так горячо отстаивал долгие годы.

Когда уже стемнело, «Пинта» приблизилась к «Санта-Марии» настолько, чтобы можно было разговаривать, не прибегая к рупору.

— Сеньор дон Христофор, вы на своем обычном посту? — взволнованно спросил Пинсон, словно ему не терпелось сообщить нечто чрезвычайно важное. — Я вижу людей на полуюте, но не различаю, здесь ли его милость адмирал!

— Вам что-нибудь нужно, добрый Мартин Алонсо? — отозвался Колумб. — Я здесь, высматриваю берега Сипанго или Катая, смотря по тому, куда сначала нас приведет судьба!

— Я вижу столько оснований изменить наш курс и отклониться несколько к югу, благородный адмирал, что не могу больше молчать! Большая часть открытий за последние годы сделана в южных широтах, и нам тоже надо идти южнее.

— А что вы выиграли, когда однажды уже отклонились к югу? Просто южный климат вам больше по душе, мой достойный друг, а по мне и этот хорош — суший рай, только земли не хватает! Острова, конечно, могут быть и на юге и на севере, но материк должен находиться на западе, и только на западе! Для чего же отказываться от верного выигрыша ради маловероятного, от Сипанго или Катая ради какого-нибудь милого островка, разумеется, изобилующего пряностями, но ничем не прославленного? Разве может такая находка сравниться со всем великолепием Азии? Какое же это открытие или завоевание?

— И все-таки, сеньор, я хотел бы убедить вас отклониться к югу!

— Полно, Мартин Алонсо, забудьте ваши сомнения! Сердце и разум повелевают мне идти на запад.

Выслушайте мой приказ и сообщите на «Нинью» брату, чтобы он тоже его знал. Если ночь разлучит нас, каждое судно должно неукоснительно следовать на запад, стараясь соединиться с остальными. В одиночку блуждать по этому неведомому океану не только бесполезно, но и опасно.

Пинсон был явно недоволен, однако ему пришлось подчиниться. После короткого, но горячего спора с адмиралом капитан «Пинты» отвернул в сторону и направился к «Нинье», чтобы передать приказ Колумба брату.

— Мартин Алонсо становится ненадежен,— заметил Колумб, обращаясь к Луису.— Он отважный и очень искусный моряк, но ему недостает упорства. Придется взять его в руки, а то подобные порывы заведут его бог весть куда. А я вот не могу думать ни о чем другом. Катай, Катай—единственная моя цель.

После полуночи ветер подул сильнее прежнего, и часа два каравеллы мчались по океанской глади с предельной для них скоростью—около девяти английских миль в час. Последнее время почти все спали не раздеваясь, а в эту ночь Колумб лег прямо на полуюте, на свернутом старом парусе. Луис тоже устроился рядом с ним, и с первыми проблесками рассвета оба уже были на ногах. Все словно чувствовали, что земля близка и что каждый час может завершиться небывалым открытием. Король и королева обещали пожизненную пенсию в десять тысяч мараведи тому, кто первым увидит землю, и все жадно вглядывались в даль, надеясь заслужить эту награду.

Когда небо над океаном начало бледнеть и темнота отступила к западному горизонту, где, казалось, вот-вот должна была появиться земля, на каравеллах поставили все паруса, чтобы каждая команда могла бороться за честь первой увидеть азиатский берег. В этом соревновании шансы каравелл были примерно одинаковы: у каждой имелись свои преимущества и свои недостатки. При легком ветре и спокойном океане самой быстроходной считалась «Нинья», но в то же время она была самым маленьким судном. «Пинта» по величине занимала среднее положение и при свежем ветре легко обгоняла своих подруг. Зато у «Санта-

Марии» были самые высокие мачты и, следовательно, самый широкий обзор горизонта.

— У всех прекрасное настроение, сеньор дон Христофор! — проговорил Луис; стоя на полуюте рядом с адмиралом, он смотрел, как разгорается заря. — И, если дело только в зорких глазах, сегодня мы сможем увидеть землю! Путь, пройденный за последние сутки, дает все основания на это надеяться. Земля должна появиться во что бы то ни стало, даже если придется ее достать со дна океана!

— А вон Пепе, примерный муж Моники, уже взобрался на самую верхнюю рею и не спускает глаз с запада, мечтая заслужить награду! — с улыбкой заметил Колумб. — Что ж, десять тысяч мараведи ежегодно — неплохой подарок опечаленной жене и сыну!

— Мартин Алонсо тоже не зевает! Видите, сеньор, как «Пинта» рвется вперед? Только Висенте Яньес его обогнал и, кажется, решил самолично спасти душу великого хана, не считаясь с правами старшего брата!

— Сеньор! Сеньоры! — завопил вдруг сверху Санчо, устроившийся на рее с таким же комфортом, как изнеженная дама на оттоманке. — Фелюга подает сигналы!

— В самом деле! — воскликнул Колумб. — Висенте Яньес поднял флаг королевы... А вот и пушечный выстрел! Это, должно быть, нечто очень важное...

Такие сигналы были предусмотрены на случай, если какое-либо судно раньше других заметит землю, и все окончательно уверились, что экспедиция наконец достигла цели. Однако в памяти были еще свежи горькие разочарования последних дней, поэтому моряки молчали, ожидая новых подтверждений, и лишь в душе молились всем святым, чтобы хоть на этот раз надежда их не обманула. Распустив все паруса, каравеллы помчались еще быстрее, словно птицы, утомленные долгим перелетом и собравшие последние силы при виде долгожданного места отдыха, когда инстинкт заставляет их до предела напрягать усталые крылья.

Однако час проходил за часом, а земли не было и в помине. Горизонт на западе с утра заволокло тяжелыми темными тучами, которые действительно могли обмануть самый изощренный глаз. Но, когда время

перевалило за полдень и суда прошли к западу еще пятьдесят миль, всем стало ясно, что утренний радостный сигнал объяснялся очередным миражем. Новое разочарование было горше прежних, и на судах поднялся недвусмысленный, уже открытый ропот. Разнесся слух, что какая-то злая сила заманивает моряков в бесконечные просторы, чтобы покинуть их там на погибель и смерть.

Говорят, именно в такой момент Колумбу пришлось заключить со своими спутниками соглашение, по которому он обязался отказаться от своей цели, если она не будет достигнута в течение определенного числа дней. Однако подобная слабость приписывается великому мореплавателю совершенно неосновательно! Колумб никогда не терял влияния и власти над командой, даже в самые критические минуты, и с неизменным упорством и твердостью стремился вперед: к неведомому краю света он вел суда так же уверенно, как к устью знакомой испанской реки. Лишь осторожность и понимание обстоятельств заставили его позднее изменить курс: упрямством он не отличался, гордость его не пострадала, и потому свое решение он принял вполне добровольно.

— Мы теперь находимся почти в тысяче лиг от острова Ферро, Луис,—сказал Колумб, когда они к вечеру остались на полуюте одни.—Теперь действительно можно каждый день ожидать появления азиатского материка. До сих пор я не надеялся встретить ничего, кроме каких-нибудь островов, да и на это особенно не рассчитывал, вопреки пылким надеждам Мартина Алонсо и его кормчих. Но сегодня целые стаи птиц словно звали нас за собой, и летели они, несомненно, к земле! Поэтому я тоже возьму южнее, хотя и не так круто, как желал бы Пинсон,—ведь главной моей целью останется Китай.

Колумб отдал приказ, две другие каравеллы приблизились к «Санта-Марии», и адмирал дал их капитанам указание двигаться на запад-юго-запад. К этому его побудило появление множества птиц, летевших в том же направлении. Колумб решил идти таким курсом два дня.

Утром земли тоже не было замечено, однако ветер держался слабый, суда прошли новым курсом всего

пять лиг, а потому матросы особенно не тревожились. Несмотря на страхи и сомнения, все наслаждались мягким, свежим воздухом, таким благоуханным, что дышать им было одно удовольствие! Снова начали в изобилии попадаться водоросли; некоторые были так свежи, словно их оторвало от скал всего день или два назад. То и дело пролетали явно береговые птицы — одну из них удалось даже поймать, — а на воде были замечены целая стая уток и один пеликан. Так прошло 8 октября. Моряки совсем приободрились, хотя за сутки удалось пройти всего сорок миль.

Следующий день мало чем отличался от предыдущего, если не считать изменения ветра, который заставил адмирала несколько часов идти на запад румб к северу. Это его огорчило, потому что он намеревался двигаться прямо на запад или в крайнем случае на запад румб к югу, зато отчасти успокоило матросов, уже начинавших опасаться, что ветры здесь дуют только в одном направлении. Изменись ветер прежде, он только заставил бы Колумба лечь на тот курс, которым адмирал и хотел идти, но к тому времени каравеллы достигли широты и долготы, где склонение магнитной стрелки равно нулю и компас показывает правильное направление. За ночь пассат снова набрал силу, и с рассвета 10 октября каравеллы опять двинулись на запад-юго-запад по компасу, что на сей раз было истинным курсом.

Так обстояли дела к восходу солнца 10 октября 1492 года. Ветер усилился, и весь день каравеллы шли со скоростью от пяти до девяти узлов. Признаков близости земли было так много, что с каждой вновь пройденной лигой надежды моряков все возрастали. Люди не сводили глаз с западной части горизонта, и каждый мечтал первым провозгласить радостную весть. Крики «земля, земля!» раздавались настолько часто, что Колумб вынужден был объявить: тот, кто еще раз закричит без основания, лишится обещанной государями награды, даже если потом действительно ее заслужит. После этого все стали осторожнее и уже не открывали рта, несмотря на снедавший их азарт и нетерпение.

За последний день каравеллы прошли больше, чем за два предыдущих, и на закате матросы с особым

вниманием осматривали западный горизонт. Время для наблюдений было самое благоприятное: лучи заходящего солнца косо скользили по водной поверхности, и на ней сейчас все было особенно хорошо видно.

— Смотри-ка, Санчо, видишь холмик на горизонте? — спросил Пепе своего приятеля, сидевшего подле него на рее, откуда оба следили за верхним краем солнечного диска, уже погружавшегося в воду и сверкавшего, как раскаленная звезда. — Что это, земля или облака, которые нас так часто обманывали последние дни?

— Ни то, ни другое, Пепе, — отозвался более опытный и спокойный матрос. — Это просто волна рябит на краю океана. Разве ты когда-нибудь видел, чтобы море на горизонте казалось совершенно ровным, даже в самую тихую погоду? Нет, не видел, и это так же верно, как то, что сегодня нам не видать земли! Океан на западе пуст, словно мы стоим на острове Ферро и только еще собираемся пробороздить широкое поле Атлантики. Наш мудрый адмирал, может быть, и прав, но до сих пор он свою правоту доказывал только умными речами!

— Как, Санчо, неужели и ты против дона Христофора? Неужели ты тоже станешь говорить, что он сумасшедший и ведет нас всех на погибель, чтобы хоть умереть адмиралом, раз вице-короля из него не вышло!

— Я не могу быть против человека, чье золото за меня! — возразил Санчо. — Это значило бы, Пепе, поспорить с самым лучшим другом, какой только может быть у богача и бедняка, то, бишь, со своими собственными деньгами! Дон Христофор, конечно, весьма учен и одно сумел объяснить мне, к полному моему удовольствию: хотя никто из нас еще не видел ни единой драгоценности из Катая и ни единого волоска из бороды великого хана, я твердо верю, что земля наша круглая! Если бы она была плоской, как удержалось бы на ее краях столько воды? Все моря наверняка стекли бы куда-нибудь вниз. Ты сам-то это понимаешь, Пепе?

— Понимаю. Все это весьма разумно и убедительно. Моя Моника говорит, что генуэзец — святой человек!

— Слушай, Пепе, твоя Моника, конечно, весьма умная женщина, иначе она не вышла бы за тебя, хотя за ней увивалась еще дюжина парней. Я тоже как-то начал присматриваться к одной бабенке и даже сказал, что женюсь на ней, если она будет величать меня святым, но она почему-то не захотела и начала обзывать меня совсем иными словами. Но, если сеньор Колумб в самом деле святой, это ему нисколько не вредит, наоборот — он заслуживает еще большего уважения, потому что я до сих пор не слыхал, чтобы кто-нибудь из святых или даже сама богородица могли провести корабль хотя бы от Кадиса до Барселоны!

— Как ты можешь так непочтительно говорить о святых и богородице, Санчо? Ведь они знают все и...

— Все, кроме морского дела! — прервал его Санчо. — Наша святая Мария Рабидская не отличит востока от запада, а не то что юго-востока полтора румба к югу от северо-запада полтора румба к северу! Я сам ее об этом спрашивал и могу тебе сказать, что в таких вещах она смыслит не больше, чем твоя Моника в том, как герцогине Медине Сидонии следует встречать своего супруга герцога, когда он возвращается после соколиной охоты!

— Осмелюсь заметить, герцогиня на месте Моника тоже не знала бы, что делать, если бы ей пришлось встречать меня после этого великого плавания! Пусть я никогда не охотился с соколом, но ведь и герцог никогда не плыл тридцать два дня подряд все время на запад от острова Ферро, не встречая нигде земли!

— Ты прав, Пепе, однако ты еще не вернулся в Палос! — заметил Санчо. — Но что там стряслось внизу? Орут, галдят, словно уже открыли Китай или увидели самого великого хана в блеске карбункулов на алмазном троне, хотя я поклясться готов, что причина тут иная!

— Скорее наоборот: они потому и волнуются, что ничего этого еще не видели, — возразил Пепе. — Ты разве не слышишь брань и угрозы этих смутьянов?

— Клянусь святым Яго, будь я дон Христофор, я бы вычел из жалованья всех этих подлецов по добле и отдал эти денежки верным и смирным матросам

вроде нас с тобой, Пеппе, которые готовы скорее подохнуть с голоду, чем вернуться ни с чем, так и не повидав Азии!

— Правильно, Санчо, я бы тоже так сделал... Но давай-ка спустимся! Пусть его милость адмирал видит, что у него среди команды тоже есть друзья!

Санчо согласился, и через минуту оба матроса были уже на палубе. Здесь действительно пахло бунтом: матросы были еще более озлоблены, чем в день отплытия из Испании. Долгие дни ясной погоды и благоприятных ветров возродили надежды на скорое окончание путешествия, и вдруг они оказались тщетными! Почти вся команда требовала немедленного возвращения, боясь, что это плавание приведет их к гибели.

Жаркие споры и яростные крики слышались со всех сторон. Даже некоторые рулевые и кормчие склонялись к тому, что упорствовать бесполезно, а может быть, и опасно, как думали их подчиненные. Когда Санчо и Пеппе смешались с толпой, матросы уже сговорились идти всем вместе к адмиралу и заявить ему напрямик, что дальше они не поплывут, — пусть поворачивает каравеллы назад! Для объяснений с Колумбом были выбраны двое: кормчий Педро Алонсо Ниньо и старый матрос, по имени Хуан Мартин. В эту решительную минуту адмирал и Луис как раз спустились с полюта, чтобы уйти к себе, и толпа окружила их со всех сторон. Десятки голосов кричали одновременно:

— Сеньор!.. Дон Христофор!.. Ваша милость!.. Сеньор адмирал!

Колумб остановился и взглянул на матросов такими суровыми и спокойными глазами, что у Ниньо душа ушла в пятки, а многие сразу умолкли.

— Что вам нужно? — резко спросил адмирал. — Говорите, я слушаю!

— Мы боимся за свою жизнь, сеньор, — начал Хуан Мартин, полагая, что с такого маленького человека, как он, много не спросится. — Мы даже не о себе заботимся, а о том, кто прокормит наших жен и детишек! Все устали от бесцельного плаванья, и многие думают, что если мы тотчас не повернем назад, то погибнем от голода и жажды!

— Что за нелепая, вздорная мысль! А знаете ли вы, сколько отсюда до острова Ферро? Ну, говори ты, Ниньо! Я вижу, ты тоже с ними заодно, хотя и колеблешься!

— Сеньор, мы все так думаем,—возразил кормчий.—Плыть дальше по этому пустынному, неведомому океану — значит искушать судьбу и стремиться к собственной гибели! Столь обширное водное пространство для того, видно, и окружает населенные земли, чтоб никто не пытался проникнуть в недозволенные пониманию людей тайны. Разве не говорили нам священники и даже ваш личный друг, настоятель монастыря святой Марии Рабидской, что первый наш долг — преклоняться перед непостижимой мудростью и верить, не пытаясь уразуметь то, что нам недоступно?

— Что ж, я могу ответить тебе, честный Ниньо, твоими собственными словами,—грозно проговорил Колумб.—Я тоже приказываю тебе повиноваться тому, чья мудрость для тебя непостижима, и покорно следовать за тем, чьи действия ты не способен уразуметь! Ступай прочь со своими матросами, чтоб больше я этого не слышал!

— Нет, сеньор, мы не уйдем! — закричало сразу несколько голосов.—Мы не хотим погибать! Мы и так слишком долго плыли сюда и молчали, а теперь, наверно, уже не сможем вернуться! Поворачивайте каравеллы к Испании! Поворачивайте сейчас, а не то мы никогда не увидим родных краев!

— Да что это, бунт? — вскричал Колумб.—Кто смеет так дерзко говорить со своим адмиралом?

— Все, все, сеньор! — ответило хором множество голосов.—Приходится быть дерзким, когда грозит смерть! Будешь молчать — погибнешь!

— Санчо, и ты тоже с этими смутьянами? Неужели и в тебе тоска по дому и бабьи страхи сильнее жажды бессмертной славы и всех земных богатств и чудес Катая?

— Коли это так, поставьте меня драить палубу и никогда не допускайте до руля, как труса, недостойного смотреть на Полярную звезду! Ведите каравеллы хоть прямо во дворец великого хана курсом на его трон, и Санчо не бросит вахты, пока будет руль под

рукой! Он родился на корабельной верфи, и ему, естественно, хочется знать, куда может доплыть корабль.

— А ты, Пепе? Неужели ты настолько забыл свой долг, что тоже осмелишься обратиться со столь мятежными речами к своему адмиралу и вице-королю твоей государыни доньи Изабеллы?

— Вице-королю чего? — раздался из толпы голос, помешавший Пепе ответить. — Вице-королю полей морской травы с тунцами, китами и пеликанами вместо подданных? Хватит, сеньор Колумб! Мы не позволим какому-то генуэзцу так обращаться с кастильцами! Надоели нам ваши крабы пастбища и острова, которые оказываются облаками!

— Домой!.. В Испанию!.. Домой!.. В Палос! В Палос! — подхватили остальные.

Санчо и Пепе отделились от толпы и стали рядом с Колумбом, между тем как матросы продолжали кричать:

— Плыть дальше на запад — значит искушать бога! Мы хотим вернуться, пока не поздно! Домой! Домой!

— С кем вы говорите, наглецы? — вскричал Луис, невольно хватаясь за пояс, где обычно висел его меч. — Что за бесстыдство! Прочь, трусливые твари, а не то я...

— Спокойней, друг мой Педро! — остановил его адмирал, который даже не дрогнул перед этой бурей ярости и отчаяния. — Предоставьте это дело мне. Слушайте, что я скажу, несчастные бунтовщики! — обратился он к матросам. — Вот мой решительный и окончательный ответ на все подобные требования: назад мы не пойдём! Эта экспедиция снаряжена вашим королем и вашей королевой, чтобы открыть новый путь в Индию через Атлантический океан, и мы должны его открыть во что бы то ни стало! Поэтому мы будем плыть на запад, пока земля не преградит нам путь. Так я решил, и так будет, пока я жив! А вы запомните: всякое неповиновение воле государей, всякое слушание или неуважение к их представителям не останется безнаказанным. И, если я услышу еще хоть слово недовольства, виновного постигнет суровая кара! Навлекая на себя гнев наших государей, вы

рискуете жизнью гораздо больше, чем в любую бурю на океане, а я уж позабочусь, чтобы каждый получил по заслугам,—в этом даю вам слово!.. Подумайте сами,—продолжал Колумб,—что даст вам трусливое бегство и что ожидает вас, если мы смело пойдем вперед! В первом случае вам грозит гнев наших государей, расплата за бунт и неповиновение или, вернее всего, мучительная смерть от голода и жажды, потому что, если вы вздумаете восстать против своих капитанов и повернете вспять, вам не хватит припасов и вы все равно не увидите Испании. Возвращаться уже слишком поздно! Путь на восток займет вдвое больше времени, чем все наше плавание, а бочонки с водой на каравеллах уже пустеют. Нам нужна земля, и только земля, которая находится здесь, поблизости, и может нас спасти!.. А теперь подумайте о другой возможности,—снова заговорил Колумб после некоторой паузы.—Впереди вас ждет Китай со всем его великолепием, диковинами и сокровищами. Это чудесная страна, населенная кроткими, справедливыми и гостеприимными людьми. А по возвращении из Китая даже последнего матроса, оставшегося верным своему капитану и достигшего великой цели, ждут милости наших государей, почет и уважение.

— Сеньор! — выкрикнул кто-то из толпы.— Мы будем повиноваться вам еще три дня. Но, если за эти дни земля не покажется, вы повернете в Испанию?

— Никогда! — твердо ответил Колумб.— Я обязался доплыть до Индии, и я доплыву до Индии, хотя бы для этого понадобился еще целый месяц! Ступайте же на свои места или ложитесь спать, и чтоб я больше не слышал подобных речей!

В облике адмирала было столько достоинства, его гневный голос был так уверен и тверд, что никто не отважился ему ответить. Матросы молча разошлись, затаив недовольство. Если бы «Санта-Мария» была единственным судном экспедиции, возможно, дело дошло бы до бунта, но никто не знал, как к этому отнесутся команды «Пинты» и «Ниньи». Мартин Алонсо Пинсон пользовался у своего экипажа не меньшим уважением, чем Колумб на «Санта-Марии», поэтому даже самые дерзкие смутьяны не решались

пока на открытое возмущение и выражали свою озлобленность только глухим ропотом. Но втайне они готовились к решительным действиям и ожидали только возможности сговориться с командами других каравелл.

— Кажется, дело серьезное! — заметил Луис, едва они с адмиралом очутились в своей маленькой каюте.— Клянусь святым Луисом, я бы поохладил пыл этих бродяг, если бы сеньор адмирал разрешил мне выкинуть за борт двух-трех самых отпетых мерзавцев...

— ...которые давно уже говорят, что неплохо бы оказать такую же честь вам и мне! — добавил Колумб.— Санчо все время сообщает мне о настроениях команды, и об этом заговоре я знаю вот уже несколько дней. Постараемся действовать мирными средствами, насколько будет возможно, сеньор Гутьерес или де Муньос, так и не знаю, какое имя вам больше нравится! Но, если уж придется прибегнуть к силе, вы убедитесь, что Христофор Колумб управляется с мечом не хуже, чем с мореходными инструментами!

— Скажите, сеньор адмирал, до земли действительно еще далеко? Я это спрашиваю из чистого любопытства, а не потому, что боюсь. Даже если каравелла окажется на краю земли и начнет падать в бездну, я и то не закричу от страха, поверьте!

— Верю, мой юный друг! — ответил Колумб, крепко пожимая руку Луису.— Иначе вы не были бы здесь! По моим расчетам, мы ушли от Ферро на тысячу с лишним морских лиг. Примерно на таком расстоянии и должен находиться Китай от Европы; во всяком случае, многочисленные острова близ азиатского побережья уже должны были нам встретиться. В счислении для команды обозначено чуть больше восьмисот лиг, но последнее время нам помогали попутные течения, и я полагаю, что сейчас мы находимся уже в тысяче ста лигах от Канарских островов, если не дальше. Да и до Азорских островов вряд ли будет ближе: расположены они западнее, зато на более высокой широте.

— Значит, вы в самом деле полагаете, сеньор, что мы можем увидеть землю в ближайшие дни?

— Я в этом уверен, Луис, так уверен, что спокойно согласился бы на условия этих дерзких смутьянов, если бы не унижительность такой уступки. Птолемей разделил землю на двадцать четыре части, по пятнадцать градусов каждая, и я полагаю, что на долю Атлантического океана приходится не более пяти-шести таких частей. Значит, от Европы до берегов Азии самое большее тысяча триста лиг, а из них по крайней мере тысячу сто мы уже прошли.

— Значит, даже завтрашний день может оказаться великим днем, сеньор адмирал? В таком случае — спать! Надеюсь увидеть во сне самую прекрасную в мире страну Китай, а на берегу — самую прекрасную девушку Испании... да что там Испании — всей Европы!

Колумб и Луис уснули. Утром по косым взглядам матросов они поняли, что мятеж только затаился и недовольство бурлит, как лава в непотухшем вулкане, когда малейшая причина может вызвать роковое извержение. К счастью, появилось столько новых неопровержимых признаков близости земли, что они отвлекли внимание даже самых озлобленных и недовольных.

Ветер был свежий и по-прежнему благоприятный, зато океан впервые после отплытия от острова Ферро наконец разгулялся, и каравеллы запрыгали на волнах, веселя матросов, которых давно уже угнетало неестественное, слишком продолжительное спокойствие этих вод. Едва Колумб вышел на палубу, радостный крик заставил всех поднять глаза к верхушке мачты, где Пеппе занимался каким-то делом. Он взволнованно жестикулировал, показывая рукой на воду. Бросившись к борту каравеллы, матросы увидели то, что привлекло его внимание, и тоже весело закричали: когда судно поднималось на волну, поблизости можно было разглядеть ярко-зеленую охапку камыша, видимо, только недавно унесенного от берегов.

— Вот это поистине добрая примета! — сказал Колумб. — Камыш — не водоросли, он не может расти под водой, ему нужны земля и солнечный свет.

Этого маленького события было достаточно, чтобы потушить или хотя бы заглушить недовольство

команды. Надежда снова завладела моряками, и все, кто мог, полезли на реи, чтобы оттуда наблюдать за горизонтом.

Быстрый ход каравелл тоже доставлял матросам немалую радость: «Пинта» и «Нинья», словно играя, то отставали, то обгоняли адмиральское судно, рыская по сторонам. Через несколько часов начали встречаться совсем свежие водоросли, а затем Санчо доверительно сообщил адмиралу, что заметил рыбу, которая водится только вблизи прибрежных скал. Еще час спустя к «Санта-Марии» под всеми парусами устремилась «Нинья». Капитан ее стоял на носу, явно желая поскорее поделиться какой-то новостью.

— Что скажете, достойный Висенте Яньес? — окликнул его Колумб. — Похоже, у вас хорошие вести!

— Я тоже думаю, что они хорошие, сеньор адмирал! — ответил младший Пинсон. — Мы сейчас видели совсем недавно сломанную ветку шиповника, и даже с ягодами! Такая примета не может обмануть!

— Конечно, шиповник на дне океана не растет! На запад, друзья, на запад! Счастлив будет тот, кто первым увидит сказочную Индию!

Трудно описать восторг и торжество матросов! Добродушные шутки и смех звучали повсюду, где еще вчера слышались горестные вопли и угрозы. Время летело незаметно, и уже никто не думал об Испании: все мысли, все чаяния команды были обращены на запад, к еще невидимой, но близкой и манящей земле.

Вскоре радостные крики слышались и с «Пинты», которая шла по ветру далеко впереди «Санта-Марии». Там подобрали паруса, мгновенно спустили шлюпку, но через некоторое время подняли обратно. Когда адмиральская каравелла поравнялась с «Пинтой», Колумб, сдерживая волнение, спросил своим обычным спокойным тоном:

— Что случилось, Мартин Алонсо? Я вижу, у вас на борту ликование! Да и сами вы...

— Есть от чего, сеньор адмирал! Мои люди заметили на воде тростник, из которого, по словам путешественников, на востоке делают сахар: такой тростник часто привозят в Испанию. Но это пустяк по сравнению с другими признаками близости суши: мы видели ствол дерева, ветви и еще кое-что... Судьбе было

угодно, чтобы все это плавало рядом, вот мы и решили спустить шлюпку и что-нибудь подобрать.

— Приведитесь к ветру, добрый Мартин Алонсо, и пришлите мне вашу добычу—я хочу ее сам оценить!—приказал Колумб.

Пинсон повиновался. «Санта-Мария» тоже легла в дрейф, и вскоре шлюпка с «Пинты» пристала к ней. Подпрыгнув, Мартин Алонсо уцепился за верхний край борта и мигом очутился на палубе. Гребцы перебросили ему выловленные из воды сокровища, и он с волнением начал раскладывать их перед адмиралом.

— Видите, благородный сеньор,—заговорил он, еле переводя дух,—вот доска из дерева какой-то неведомой породы—смотрите, как тщательно она выстругана! А вот кусок сахарного тростника, а это ветка, которая могла вырасти только на суше! Но самое главное—трость, украшенная искусной резьбой! Ведь эта трость и обломки доски—изделия человека!

— Да, да, вы правы,—согласился адмирал, рассмотрев все по очереди.

— Все эти приметы земли, наверно, были в одной лодке, а потому и очутились в воде поблизости друг от друга,—продолжал Мартин Алонсо, желая подкрепить вещественные доказательства подходящим объяснением.—Наверно, лодка перевернулась. Утопленники тоже должны быть где-то поблизости.

— Будем надеяться, что это не так, Мартин Алонсо!—отозвался адмирал.—Не стоит думать о таких печальных вещах. Тысячи случайностей могли собрать все это в одном месте, пока какая-нибудь буря снова не разбросает все в разные стороны. Но, как бы то ни было, приметы неопровержимо доказывают, что земля не только близка, но и обитаема.

Неописуемая радость царила на всех каравеллах. До сих пор моряки видели только птиц, рыб да водоросли—признаки обманчивые и неверные,—зато теперь в их руках было такое доказательство близости земли, да еще населенной, что против него трудно было возразить. К тому же ягоды шиповника еще сохранили свою свежесть. Все обратили внимание на то, что доска была из дерева неизвестной породы, а резьба на трости, если только это была трость,

украшена совершенно незнакомым в Европе рисунком.

Выловленные предметы переходили из рук в руки, пока их не осмотрела вся команда «Санта-Мари». Последние сомнения в справедливости предсказаний Колумба рассеялись. Пинсон вернулся на «Пинту», каравеллы снова поставили все паруса и так шли курсом на запад-юго-запад до самого вечера.

Но, когда солнце в тридцать четвертый раз со дня отплытия от Гомеры начало погружаться в пустынные воды, тревожный холодок снова закрался в сердца малодушных. Более сотни глаз пристально вглядывались в ослепительный западный край океана, однако там, несмотря на безоблачную, ясную погоду, не было видно ничего, кроме золотисто-багряного закатного неба да обычной волнистой линии беспокойных вод.

К ночи ветер посвежел. Колумб, как всегда в этот час, подозвал остальные два судна к «Санта-Мари» и отдал новые распоряжения. Последние два-три дня они фактически шли со значительным отклонением на юг; Колумб не считал это самым правильным, полагая, что кратчайшее расстояние от материка до материка дает курс, проложенный через океан вдоль одной параллели. Поэтому сейчас, верный своему убеждению, он приказал идти по компасу точно на запад. С наступлением темноты каравеллы легли на заданный курс и со скоростью до девяти узлов поплыли вслед за исчезнувшим солнцем, словно стремясь проникнуть в тайны его ночного убежища и совершить то великое открытие, которое могло бы вознаградить моряков за все их усилия.

Сразу после перемены курса на судах пропели обычную вечернюю молитву, которую в этих южных широтах частенько откладывали до того времени, когда уже нужно ложиться спать. Но в эту ночь никто не хотел расходиться, и Колумб ободрял матросов, напоминая об обещанной награде и о том, что они могут увидеть землю с часу на час.

Слова адмирала не пропали даром: вся команда рассыпалась по каравелле, каждый избрал себе удобное место для наблюдений и приготовился бодрствовать, надеясь, что именно ему улыбнется счастье.

Ожидание всегда требует сосредоточенности, напряженные чувства жаждут тишины, поэтому на судне воцарилось полное молчание. Колумб не уходил с полуюта, а Луис, которого все это мало интересовало, растянулся на старом парусе, мечтая о Мерседес и представляя себе тот радостный миг, когда он ее снова увидит после успешного, славного плавания.

Мертвая тишина на корабле придавала особую торжественность этой решающей ночи. Впереди на расстоянии одной мили скользила «Нинья», распустив все паруса, а еще на пол-лиги дальше можно было смутно различить силуэт «Пинты», которая, как всегда при свежем ветре, обогнала своих подруг. Санчо сам проверил каждый брас¹ и шкот, и никогда еще «Санта-Мария» не шла так хорошо, как этой ночью. Казалось, все три каравеллы заразились нетерпением моряков и старались изо всех сил!

Временами снасти вдруг начинали гудеть от ветра, и матросы вздрагивали, словно до них доносились странные голоса таинственного нового мира. Всякий раз, когда крупные волны ударяли о борт корабля, люди напряженно вглядывались в темноту, с трепетом ожидая, что оттуда вот-вот полезут на палубу неведомые обитатели западных морей.

Сам Колумб то и дело тяжело вздыхал и смотрел на запад, словно пытался сверхчеловеческим усилием проникнуть взором сквозь ночную тьму. Вдруг он разом подался вперед, вглядываясь в какую-то точку над фальшбортом судна. Луис все это видел, лежа на своем парусе, а в следующее мгновение услышал прерывающийся от волнения мужественный голос адмирала:

— Педро Гутьерес... сеньор де Муњос... Луис — уж не знаю, как вас еще называть, — проснитесь!

Луис был уже на ногах.

— Идите сюда, сын мой! — продолжал Колумб. — Скажите, не обманывает ли меня зрение? Взгляните вон туда, чуть в сторону, — вы не видите там ничего необычного?

¹ Брасы — снасти для поворота реев в горизонтальном направлении.

— Я сейчас видел свет, огонек, неясный и мерцающий, как от свечи. Кажется, он даже двигался, словно кто-то нес свечу в руках или плыл с ней по волнам.

— Глаза не обманули вас! Но вы понимаете, что этот свет горел не на наших судах, потому что обе каравеллы находятся от нас впереди по носу?

— Так что же означает этот свет, дон Христофор?

— Землю! Огонь горел либо на далеком берегу и потому казался таким тусклым, либо на чужом судне, идущем вдоль берегов Индии! Внизу спит Родриго Санчес из Сеговии, ревизор¹ нашей эскадры, разбудите его, пусть поспешит сюда!

Луис повиновался, и вскоре флотский ревизор уже стоял на полуюте подле адмирала. Прошло полчаса, но свет не загорался, затем он вспыхнул, словно далекий факел, мигнул раза два и окончательно погас. Об этом событии вскоре узнали все, но ни на кого оно не произвело такого большого впечатления, как на Колумба.

— Это земля,—уверенно сказал он, обращаясь к окружающим.—Через несколько часов мы ее увидим. Можете радоваться и ликовать, ибо такие признаки не обманывают. В океане не бывает подобных огней, значит, и этот горел на берегу. По моим расчетам, он загорелся именно там, где и должна была оказаться суша, если земля шарообразна.

При всем своем уважении к адмиралу матросы не чувствовали полной уверенности в успехе, однако надежда увидеть с наступлением дня землю охватила всех. Больше Колумб не произнес ни слова, и на каравелле опять воцарилось молчание. Через несколько минут все взоры в нетерпеливом ожидании были вновь прикованы к западному горизонту. Каравеллы неслись вперед на всех парусах, пока внезапная вспышка не прорезала ночную тьму; затем со стороны «Пинты» докатился гул пушечного выстрела, приглушенный ветром и расстоянием.

¹ Ревизор — офицер, ведающий хозяйственными делами и документацией.

— Мартин Алонсо заговорил! — воскликнул адмирал. — И я уверен, что на сей раз не напрасно! Эй, кто там наверху на марсе? Кто хочет первым увидеть чудеса Индии?

— Я, сеньор дон адмирал! — откликнулся Санчо. — Я здесь с самой вечерней молитвы!

— Видишь ты что-нибудь на западе? Смотри зорко, ибо речь идет о великом открытии!

— Ничего не вижу, сеньор! Вижу только, что на «Пинте» убавляют паруса. А вот и «Нинья» нагнала ее и делает то же самое!

— Слава богу, это добрый знак! — воскликнул Колумб. — Я не ошибся: Мартин Алонсо подал сигнал не напрасно! Когда догоним их, уберите все паруса, добрый Бартоломе!

На борту «Санта-Марии» все пришло в движение. Еще с полчаса она шла полным ходом, пока не поравнялась с двумя другими каравеллами, которые лежали в дрейфе на разных галсах¹, как два скакуна, остывающие после горячей и долгой скачки.

— Идите сюда, Луис! — позвал Колумб. — Наслаждайтесь зрелищем, какого еще не видывал ни один испанский дворянин!

Ночь была не очень темная, южное небо сверкало мириадами ярких звезд, и казалось, даже сам океан излучал какое-то смутное, неверное сияние. При таком освещении можно было различить выступающие над водой очертания предметов на много миль вокруг. Когда Луис взглянул налево по носу, куда указывал адмирал, он отчетливо увидел в нескольких лигах южнее флотилии контур высокой горы. Склоны ее, постепенно понижаясь, сливались с темнотой на грани неба и океана, зато центральная часть вырисовывалась так отчетливо, как может выглядеть ночью в океане только земля.

— Смотрите, Индия перед вами! — воскликнул Колумб. — Великая задача решена! Конечно, это всего лишь остров, но за ним близок и материк.

¹ Галс — курс, направление судна по отношению к ветру: левый галс — ветер слева; правый галс — справа.

*Пройдешь, судьбой храним отныне,
По воздуху, иль по воде,
Иль чрез пески любой пустыни,—
И не заблудишься нигде.*

Брайнт

Следующие два-три часа были заполнены самым трепетным и напряженным ожиданием. Каравеллы, убрав почти все паруса, держались на близком, но безопасном расстоянии от еще погруженных во мрак берегов, напоминая эскадру, которая лениво лавирует на знакомом рейде, ни о чем не заботясь и никуда не спеша. Когда каравеллы случайно оказывались рядом, матросы обменивались чисто-сердечными поздравлениями, однако никакие шумные восторги не нарушали величия этой ночи. Торжество мореплавателей было слишком глубоким, чтобы выражать его громкими криками радости.

Колумб хранил молчание. То, что он испытывал, было трудно высказать словами; сердце его сжималось от восторга и благодарности. Он верил, что находится у восточных берегов Азии, к которым проложил западный путь через океан, и ожидал с восходом солнца увидеть перед собой все великолепие и роскошь неизвестной далекой страны, столь красочно описанной Марко Поло и другими путешественниками. Наверняка он знал только одно: какой-нибудь из близлежащих островов должен быть обитаем, а все остальное тонуло в хаосе самых нелепых и причудливых предположений. Правда, ветер доносил до каравелл ароматы земли, и теперь уже два чувства — зрение и обоняние — свидетельствовали о том, что мореплаватели достигли цели.

Но вот долгожданный рассвет приблизился, и небо на востоке начало бледнеть, предвещая восход. По мере того как светлела синева небес и океана, очертания острова становились все отчетливее, яснее; скоро уже можно было разглядеть прибрежные скалы, отдельные группы деревьев, прогалины между ними, пока наконец весь остров не предстал перед моряками в голубовато-серой утренней дымке. Затем первый

солнечный луч позолотил его вершины, углубил между ними тени, и тогда стало очевидно, что открытая ими земля представляет собой небольшой, но привлекательный остров, почти сплошь покрытый густыми зарослями.

Берег был низменный, однако довольно удобный, а людям, которые вообще не надеялись больше увидеть землю, он показался сущим раем! Вид матери-земли всегда веселит моряков после долгого плавания, когда вокруг только волны да небо и не на чем остановить глаз, а тем, кто в отчаянии уже отрешился от встречи с нею, земля кажется трижды прекрасной и благословенной, ибо она возвращает им жизнь.

Исходя из местоположения острова, Колумб заключил, что ночью они миновали еще один остров, тот самый, где был замечен огонь. Зная курс, которым шли каравеллы Колумба, сейчас можно почти с полной уверенностью сказать, что он не ошибся.

Едва взошло солнце, из леса начали появляться островитяне. С удивлением смотрели они на невиданные чудища, принимая каравеллы за какие-то божеества. Вскоре маленькая эскадра стала на якорь, и Колумб сошел на берег, чтобы вступить во владение островом от имени короля Арагонского и королевы Кастильской.

Совершилось это со всей торжественностью, доступной морякам. Первым ступил на землю адмирал в ярко-красном мундире, с королевским штандартом в руках; за ним Мартин Алонсо и Висенте Яньес несли знамена с изображением символа экспедиции — креста между буквами «Ф» и «И», инициалами Фердинанда и Изабеллы.

Когда церемония закончилась, Колумб возблагодарил небо за удачу, а затем хотел приступить к осмотру, чтобы определить значение своего открытия, но это ему не удалось. Его обступили со всех сторон, засыпали поздравлениями и восторженными похвалами, которые так не вязались с недавним злобным ропотом, упреками и недоверием. Сцена эта часто приводится как образец людского непостоянства: лишь недавно Колумба считали бесстыдным, алчным авантюристом, а теперь стали смотреть на него чуть ли не как на бога. Однако эти льстивые речи произвели на адмирала не

больше впечатления, чем вчерашние угрозы. Он отвечал на них с обычным достоинством и суровым спокойствием, и только очень внимательный наблюдатель мог бы подметить огонек торжества в его взгляде и легкий румянец волнения на щеках.

— Эти честные парни,— проговорил Колумб, когда они с Луисом выбрались наконец из толпы,— слишком легко переходят из одной крайности в другую, от безысходного отчаяния— к безудержным восторгам. Вчера они собирались выбросить меня за борт, а сегодня готовы оказывать мне высокие почести. Вы заметили, что именно те матросы, которые доставляли нам больше всего хлопот, сейчас восхваляют меня громче всех?

— Такова уж природа человека, сеньор,— ответил Луис.— Трусы всегда мечутся между паникой и восторгами. Этим канальям кажется, будто они прославляют вас, а на самом деле они просто помешались от радости, что им удалось избежать каких-то ими же выдуманных опасностей. Вот наши приятели Пеппе и Санчо ведут себя совсем по-другому: один собирает цветы, а другой наблюдает за ним с такой снисходительностью, словно в эту минуту высчитывает широту и долготу местонахождения сокровищ великого хана!

Колумб улыбнулся. Вместе с Луисом они пошли к двум морякам, которые предпочитали держаться поодаль от остальных. Санчо стоял, засунув руки в карманы своей куртки, и следил за всем происходящим с философским спокойствием.

— Ну, как дела, Санчо с корабельной верфи? У тебя такой вид, словно ты не в Азии, а где-нибудь в Андалузии или в Могере!

— Сеньор адмирал, земля повсюду одинакова! Это не первый остров, который я вижу, и эти голые дикари.— не первые люди, которые обходятся без красных мундиров!

— Но неужели ты не радуешься успеху и не испытываешь благодарности судьбе за столь великое открытие? Подумай, друг мой, ведь мы достигли азиатских пределов, хотя и пришли сюда западным путем!

— Что шли мы только на запад, в этом и я могу поклясться, потому что сам простоял на руле не-

малую часть пути. Но неужто мы забрели так далеко, что находимся уже по другую сторону земли и стоим сейчас вниз головой, если глядеть на нас из Испании, сеньор дон адмирал? Что-то не верится!

— Конечно, нет! Владения великого хана не могут находиться прямо под Испанией, как ты думаешь, но все-таки они на другой стороне земли.

— Так что же удерживает монеты этой страны на месте, сеньор? Вдруг они посыплются снизу вверх, в облака, и мы останемся ни с чем после всех наших трудов?

— Не беспокойся, Санчо! — рассмеялся Колумб. — Твои доблы удерживает та же сила, которая не позволяет каравеллам и самому океану оторваться от земли и рухнуть на небеса. Это закон природы, мой друг, а природа своих законов не отменяет.

— Ничего не понимаю, — признался Санчо, утирая пот со лба. — Если мы не под самой Испанией, значит, где-то сбоку и стоим сейчас на этом острове, как мухи на стене. Так почему же я не падаю носом вниз и держусь на ногах так же твердо, как в Могере, и даже тверже, клянусь святой Кларой, потому что здесь не сыщешь доброго крепкого хереса, от которого даже на суше штормит... Говорю вам, сеньор адмирал, все это для меня мавританская грамота, и, видно, мне ее не уразуметь!

— Ты, Санчо, не мавр, хотя и не знаешь своих родителей, так что за мавританскую грамоту и не берись, — усмехаясь, сказал Колумб и обратился ко второму моряку: — А ты, Пепе, что ты нашел в этих цветах? Неужели они тебе интересней всех прочих чудес?

— Сеньор, я собираю их для Моники, — отозвался молодой матрос, — у женщин душа нежная; моя Моника обрадуется, когда увидит, какими цветами украшена эта заморская земля.

— И ты думаешь, твоя любовь поможет этим цветам сохранить их свежесть, пока наши добрые каравеллы еще раз пересекут Атлантику? Чудак же ты, Пепе! — со смехом воскликнул Луис.

— Как знать, сеньор Гутьерес! Любящее сердце — хорошая теплица. И если у вас в Кастилии есть девушка, которая вам дороже всех, советую вам

вспомнить о ее красоте и собрать эти редкостные цветы, чтобы она могла хоть одним из них украсить свою прическу!

Тем временем туземцы немного осмелели и, казалось, не прочь были приблизиться к чужестранцам, поэтому Колумб пошел к ним навстречу, а Луис остался возле Пепе, который продолжал любовно собирать тропические растения; поглядев на него, и наш юный герой занялся тем же самым. Адмирал не успел еще вступить в первые свои переговоры с обитателями Нового Света, как у Луиса уже был готов великолепный букет: эти цветы так подошли бы к блестящим черным локонам Мерседес!

Дальнейшие события достаточно хорошо известны всем просвещенным читателям, и мы не будем их подробно пересказывать.

Первый открытый в то знаменательное путешествие остров Колумб назвал «Сан-Сальвадор». Как это ни странно, до сих пор идут споры относительно того, что это был за остров и как он теперь называется¹.

На Сан-Сальвадоре испанцы задержались недолго. Подгоняемые любопытством и руководствуясь отчасти правдивыми, а отчасти фантастическими или просто плохо понятными рассказами туземцев, они двинулись дальше и, посетив по дороге еще несколько островов, 28 октября достигли Кубы.

Сначала Колумб принял этот обширный остров за материк и в течение месяца крейсировал вдоль его берегов. Каравеллы пошли на северо-запад, затем повернули обратно и двинулись в юго-восточном направлении. Вскоре картины пышной незнакомой природы утратили для моряков свою новизну, и у многих проснулись неутоленная алчность и тщеславие. Те, кто лишь недавно клялись адмиралу в верности, когда открытие земли блестяще подтвердило истинность его теорий и их собственную неправоту, теперь снова начали выходить из повиновения.

Первой жертвой своих изменных побуждений пал Мартин Алонсо Пинсон. Видя, что юный граф де

¹ Сейчас установлено, что первый остров, который открыл Колумб,— это именно остров Уотлинг, или Сан-Сальвадор (местные жители называли его Гуанахани), в группе Багамских островов.

Льера его чуждается и смотрит на него свысока, он озлобился. В своем кругу Мартина Алонсо считали человеком, достойным всяческого уважения, и теперь он смертельно завидовал Колумбу, полагая, что мог бы совершить то же самое и тогда вся слава великого открытия досталась бы ему одному. Споры между ним и адмиралом возникали и раньше, а сейчас каждый день приносил какой-нибудь новый повод для разногласий, и отношения между ними становились все холоднее.

Мы не собираемся подробно описывать, как мореплаватели шли от острова к острову, заходя то в бухты, то в устья рек. Скажем только, что они скоро поняли все значение своего открытия и продолжали знакомиться с новыми землями, руководствуясь неясными указаниями туземцев, которых они к тому же плохо понимали. Морякам казалось, что те рассказывают о золотых рудниках, но пока они всюду находили только благодатную природу, ласкающие глаз пейзажи и умиротворяющий мягкий климат. Островитяне вели здесь самое простое, почти первобытное существование.

Испанцы были убеждены, что находятся в Индии, а потому каждое слово или жест наивных туземцев принимали за намек на сказочные богатства Азии. Все считали, что уже достигли если не самих владений великого хана, то, во всяком случае, смежных с ними земель. Теперь, когда каждый день приносил новые открытия и обещал еще больше назавтра, почти никто не думал об Испании, разве что вспоминая о том, какие почести ожидают их там за столь успешную и блестящую экспедицию. Даже Луис и тот реже думал о красоте Мерседес: новизна и великолепие неведомой страны постепенно вытеснили ее образ из его памяти. Правда, здесь не было никаких богатств, кроме плодородной почвы и пышной растительности, а это не могло удовлетворить корыстолюбие моряков, но никто не знал, какие чудеса принесет им завтрашний день, и все продолжали сохранять надежду. Наконец два человека были отправлены на разведку в глубь острова, и Колумб решил воспользоваться вынужденной стоянкой, чтобы заняться ремонтом судов. В условленный день, когда посланные должны были

вернуться, Луис вышел их встречать с отрядом вооруженных матросов, среди которых находился и Санчо.

Встреча произошла на расстоянии короткого дневного перехода от бухты, где стояли каравеллы. Разведчиков сопровождало несколько островитян, смотревших на испанцев с напряженным любопытством, словно ожидая, что эти «божества» вот-вот вознесутся на небо. На месте встречи решено было сделать привал, а тем временем Санчо, на суше такой же отважный, как и на море, отправился прогуляться в ближайшее селение.

Ему удалось расположить к себе туземцев, насколько это было возможно для человека с его внешностью. Санчо оказали примерно такой же прием, какой оказывают в деревне важному гостю из города: островитяне были еще слишком неопытны и добродушны, наряд заслонял от них человека, и они не смогли бы даже короля отличить от шута.

Некоторое время Санчо разыгрывал из себя знатную особу, как вдруг заметил, что гостеприимные островитяне, видимо, хотят ему преподнести какой-то особенно ценный подарок. Один из них подошел к моряку, держа в руках темно-коричневые сухие листья неведомого растения, и протянул их Санчо с таким любезным видом, с каким турок мог бы предложить гостю восточные сладости или американец — свои бисквиты. Санчо, конечно, предпочел бы такому подарку хоть пару добл, которых не видел с того дня, когда его в последний раз одарил адмирал, но тем не менее готов был принять и это. Островитяне обступили его, почтительно и восторженно повторяя одно слово: «Тобакко! Тобакко!» Затем тот, кто держал листья в руках, торжественно повторил это слово и принялся быстро скручивать листья в своего рода грубые сигары, которые и назывались на местном языке «тобакко». Скрутив несколько штук, островитянин почтительно подал их Санчо. Матрос принял подарок, снисходительно покачал головой и, повторив, как мог точнее незнакомое слово, положил «тобакко» в карман.

Это вызвало всеобщее недоумение. Туземцы посоветовались, потом один из них сунул «тобакко» одним концом себе в рот, к другому поднес горящий уго-

лек и начал с наслаждением, которое явно разделяли и окружающие, пускать клубы легкого ароматного дыма. Санчо решил последовать его примеру, но с ним случилось то, что бывает со всеми курильщиками-новичками: он вернулся к своим, качаясь, как пьяный, бледный, словно накурился опиума, и с такой нестерпимой тошнотой, какой он не испытывал с детства, когда впервые в жизни очутился за отмелью Сальтес, в бушующем океане.

Этот маленький эпизод можно считать началом знакомства Старого Света с хорошо известным теперь американским растением, которое испанцы по ошибке называли табаком, хотя туземцы называли так лишь сигары, свернутые из его сушеных листьев. Таким образом, Санчо с корабельной верфи стал первым курильщиком табака среди европейцев. Впрочем, вскоре с ним начали соперничать великие мира сего, и с их легкой руки этот обычай получил в наше время повсеместное распространение.

Когда Луис и все остальные вернулись на каравеллы, ремонт был уже закончен, и Колумб двинулся дальше вдоль северного побережья Кубы. Но тут свирепые пассаты преградили ему путь на восток, и он вынужден был свернуть в один из заливов, названный им Пуэрто-дель-Принсипе, чтобы выждать более благоприятного ветра. «Пинта» в это время шла далеко впереди; ей подали сигнал, а так как уже смеркалось, зажгли на мачтах огни, чтобы Мартин Алонсо мог присоединиться к остальным. Наступила ночь. Утром, когда Колумб вышел на палубу, он заметил слева по борту «Нинью», но «Пинты» нигде не было.

— Кто-нибудь видел «Пинту»? — взволнованно спросил адмирал у Санчо, стоявшего у руля.

— Я видел, сеньор, каравеллу, которая стремилась скрыться из виду! Пока мы лежали здесь в дрейфе, ожидая ее, Мартин Алонсо ушел в восточном направлении.

Колумб понял, что человек, в свое время оказавший ему неоценимую помощь, теперь покинул его, еще раз показав своим поступком, как непрочно дружба, когда на пути ее встают корысть и себялюбие. Среди моряков давно уже ходили слухи о золотых руд-

никах, неясные рассказы туземцев еще больше разжигали их алчность, и адмирал не сомневался, что его непокорный спутник решил воспользоваться превосходством в скорости своей каравеллы, чтобы первым достичь Эльдорадо.

Ветер держался неблагоприятный, и «Санта-Мария» с «Ниньей» вынуждены были ожидать в заливе перемены ветра. Этот раскол в эскадре Колумба произошел 21 ноября, когда она все еще находилась у северного побережья Кубы.

Вплоть до 6 декабря адмирал продолжал исследовать прекрасный остров и лишь затем пересек Наветренный пролив, как его тогда называли, и подошел к берегам Гаити. До этого времени испанцы старались, по возможности, завязать самые дружеские отношения с островитянами, подчиняясь мудрым и предусмотрительным указаниям адмирала. Правда, они силой захватили несколько местных жителей, чтобы привезти их в Испанию в подарок Изабелле; но это было вполне в духе времени: моряки полагали, что королеве все дозволено, а пленникам будет в Испании только лучше!

Гористый, обрывистый, но вместе с тем необычайно живописный остров Гаити пришелся морякам гораздо больше по душе, чем соседняя Куба. Жители его тоже показались им более красивыми и цивилизованными, а главное — более кроткими и добродушными, что особенно понравилось адмиралу. У них испанцы впервые увидели значительное количество золотых украшений и вскоре завязали с гаитянами довольно оживленную торговлю, выменивая благородный металл за всякие побрякушки, среди которых островитян больше всего привлекали бубенчики для соколиной охоты.

Так, знакомясь с островом и торгуя, мореплаватели медленно подвигались вдоль северного берега Гаити до 20 декабря, пока не достигли мыса, вблизи которого, по словам туземцев, находилась резиденция великого касика¹ — повелителя большей части побережья.

¹ Касик — так на острове Гаити индейцы называли своих вождей. Позднее испанцы стали называть так же местных властителей во всех американских землях, хотя в языках Мексики, Перу и других стран Нового Света нет этого слова.

Испанцы называли этого великого касика Гуаканари. Судя по неясным рассказам гаитян, это был всеми почитаемый правитель, которому многие другие касики платили дань.

Два дня каравеллы простояли в Голубой бухте, и вот 22 декабря к ним приблизилась большая пирога. Адмиралу сообщили, что это явился посланник великого касика с дарами от своего повелителя. Он просит провести каравеллы на лигу-две дальше на восток, чтобы они могли стать на якорь перед городом, где живет его господин. Однако ветер не позволял тотчас исполнить эту просьбу; посланнику был передан соответствующий любезный ответ, и он уже собрался в обратный путь.

Пока шли переговоры, Луис успел подружиться с молодым гаитянином, по имени Маттинао, из свиты посланника. Нашему герою наскучило безделье; побуждаемый жаждой приключений, он давно уже хотел проникнуть в глубь острова и теперь начал просить Колумба отпустить его вместе с туземцами на пироге. Сначала адмирал отказал ему наотрез: высокое звание графа де Льера налагало на Колумба особую ответственность, и он опасался предательства или какого-нибудь несчастного случая. Но в конце концов Луис настоял на своем, и адмирал отпустил его, посоветовав быть как можно осторожнее и несколько раз напомнив, что, если с юным графом случится беда, вся вина падет на адмирала. На всякий случай Колумб приказал Санчо сопровождать и охранять Луиса: раз уж рыцарь отправился на поиски приключений, у него должен быть оруженосец!

До сих пор в руках туземцев моряки видели луки да стрелы с тупыми наконечниками, а потому Луис не стал облачаться в кольчугу. Он взял только легкий щит и верный меч, ярость которого испытал на себе не один мавританский щлем. От аркебузы Луис отказался, заявив, что это оружие недостойно рыцаря, а кроме того, совершенно не нужно, так как островитяне пока ведут себя крайне миролюбиво и не заслуживают обидных подозрений. Однако Санчо оказался менее щепетильным и прихватил с собой аркебузу. Не желая привлечь к графу де Льера внимание, а также чтобы избежать разговора, будто он делает ему особые

поблажки в нарушение своих собственных строгих приказов, адмирал потребовал, чтобы Луис и Санчо отправились на берег и сели в пирогу лишь за мысом, где их не будет видно, тогда их отсутствие пройдет незамеченным. Подобные предосторожности и тайнственность, окружавшая юного графа в продолжение всего плавания, и явились причиной того, что события, о которых пойдет дальше речь, не были занесены в судовой журнал Колумба, а потому ускользнули от внимания историков, почерпнувших из этого документа немало ценных сведений.

Глава XXIII

*Ожившим вдруг цветком,
Что соткан из лучей и из эфира,
Ты предстаешь в цветенье золотом,
В пьянящем аромате мирры.*

Сутермейстер

Несмотря на свою природную решительность и равнодушие к опасностям, доходившее почти до безрассудства, Луис почувствовал себя, скажем, не совсем уверенно, когда очутился с одним только Санчо в окружении гаитян. Однако ничего подозрительного не происходило, и скоро он с помощью жестов и нескольких известных ему туземных слов вступил в разговор со своим новым другом Маттинао, обращаясь иногда по-испански и к Санчо, всегда готовому поболтать.

Вместо того чтобы следовать за шлюпкой «Санта-Мари», на которой возвращался посланник великого касика, пирога пошла дальше на восток. По договоренности с адмиралом Луис должен был появиться при дворе Гуаканагари лишь после прихода каравелл, чтобы присоединиться к своим товарищам незаметно, не привлекая к себе внимания.

Наш герой не был бы истинным влюбленным, если бы его не восхитило удивительное зрелище, открывшееся его глазам, когда пирога приблизилась к берегу. Резкий и живописный пейзаж, похожий на средиземноморский, был смягчен влиянием южных широт,

которое придавало мысам и скалам волшебное очарование, как солнечная улыбка — женской красоте. То и дело Луис вскрикивал от восторга, и Санчо вторил ему, хотя чувства свои выражал несколько иначе, словно просто считал своим долгом аккомпанировать поэтическим излияниям юного графа.

— Я полагаю, сеньор граф, — наконец заметил матрос, когда бухта, куда должны были войти каравеллы, осталась далеко позади, — я твердо надеюсь, сеньор граф, что ваше сиятельство знает, куда нас везут эти голые кабальеро! Похоже, у них есть какой-то порт на уме, а может, уже на виду: смотрите, как они работают веслами!

— Что-то ты слишком серьезен, друг мой Санчо! Ты чего-нибудь опасаясь? — спросил Луис.

— Если я опасаясь, дон Луис, то лишь за наследника рода Бобадилья: случись с ним что-нибудь, не сносить мне головы! А мне самому чего бояться? Не все ли мне равно, жениться на принцессе с острова Сипанго, стать приемным сыном великого хана или остаться Санчо с корабельной верфи, простым матросом из Могера? Да ежели мне предложат на выбор — носить куртку и грызть чеснок или ходить голым, зато досыта есть сладкие плоды, — я выберу второе! А вот вы, сеньор граф, вряд ли захотите променять свой замок Льера на дворец здешнего великого касика.

— Ты прав, Санчо. Любой титул зависит от страны, где он дан: кастильский дворянин не станет завидовать гаитянскому касику!

— Особенно после того, как сеньор дон адмирал во всеуслышание объявил, что отныне и навсегда этот государь стал подданным нашей милостивой королевы! — насмешливо подхватил Санчо, подмигивая Луису. — Эти добрые люди даже не подозревают, какую честь мы готовимся им оказать, и меньше всех — его величество касик Гуаканагари!

— Молчи, Санчо, и держи свои соображения при себе! — оборвал его Луис. — Смотри-ка лучше: наши приятели повернули пирогу к устью реки и, похоже, собираются причаливать.

Действительно, туземцы свернули в устье небольшой речушки, но причаливать не стали, а двинулись

вверх по течению. Речка эта была неглубока и неширока, однако для легких посудин островитян большего и не требовалось. Она начиналась где-то далеко в горах, занимавших центральную часть острова, и сбегала к океану по веселой, живописной долине. Пока пирога скользила между берегами, покрытыми пышной растительностью, Луис обнаружил десятки райских уголков, где с удовольствием бы поселился, разумеется, вместе с Мерседес. И, разумеется, он представлял ее среди всей этой буйной природы одетую в бархат и кружева, как это было в моде у знатных дам.

Еще когда пирога только вошла в устье речки, Санчо показал Луису глазами на целую стайку легких лодок, которые, пользуясь попутным восточным ветром, спускались навстречу им под маленькими парусами. Таких лодок они уже немало встретили по дороге; и все они направлялись к Голубой бухте, чтобы посмотреть на удивительных чужестранцев. Гребцы пироги заметили встречных: судя по тому, как туземцы пересмеивались и перекликались с ними, они спешили туда же.

При самом входе в устье Маттинао достал из складок своего легкого одеяния тонкий обруч из чистого золота и надел его на голову, как корону. Луис понял, что молодой гаитянин был одним из тех касиков, которые платили дань Гуаканагари, и вместе со всеми гребцами привстал, чтобы приветствовать Маттинао. По-видимому, владения Маттинао начинались от устья речки и ему уже не нужно было скрывать свое звание. Он перестал грести, сразу обрел величественный вид и попытался завязать с Луисом разговор, насколько позволяли скудные возможности обоих собеседников. Много раз он повторял слово «озэма». Судя по тому, как он его произносил, Луис подумал, что это, наверно, имя самой любимой жены Маттинао. Испанцы уже знали, что у касиков могло быть по несколько жен, в то время как их подданным строжайше запрещалось иметь более одной.

Пирога довольно долго поднималась вверх по течению, пока не достигла одной из тех тропических долин, где природа, казалось, сосредоточила все свои красоты, чтобы показать, какой прекрасной и при-

ветливой может быть земля. В то же время вековое присутствие человека смягчило дикость первобытного пейзажа и придало ему особое очарование. Подобно тем, кто ее населял, долина обладала естественной красотой, еще не испорченной людскими ухищрениями. Даже хижины селения, затерявшегося в ее зелени, были по-своему изящны, хотя и предельно просты, как вкусы и потребности их обитателей. Кругом цвели яркие цветы, и ветви деревьев склонялись под тяжестью ароматных и сочных плодов.

Жители селения встретили Маттинао с большим почетом, хотя, по правде говоря, их сейчас больше занимали чужестранцы. Кроткие и простодушные туземцы обступили Санчо и Луиса со всех сторон и глазели на них с нескрываемым удивлением. Впрочем, гаитяне более высокого звания, видимо, не принимали испанцев за богов.

Неизвестно почему, то ли благодаря своему легкому характеру, то ли умению подладиться под наивные вкусы туземцев, Санчо вскоре сделался любимцем толпы, а граф де Льера был целиком предоставлен касику и другим знатным людям племени. Поэтому обоих испанцев сразу же разлучили: Санчо увлекли на «ои поллои», своего рода площадь в центре селения, а Луиса Маттинао пригласил к себе.

В жилище касика между Маттинао и двумя вождями, его приближенными, завязался оживленный разговор, в котором то и дело повторялось имя Озэмы. Затем Маттинао куда-то отослал слугу, и оба вождя вскоре тоже ушли, оставив Луиса наедине с молодым гаитянином. Касик снял с головы золотой обруч, накинул на полуобнаженное тело нечто вроде плаща из хлопчатобумажной ткани и, сделав Луису знак следовать за ним, вышел из дому. Луис повиновался, хотя и не понимал ничего. Он закинул щит за спину, поправил пояс, чтобы меч не нутался под ногами, и пошел за Маттинао так же доверчиво, как за старым знакомым по улицам Севильи.

Касик вел его по тропинке вдоль ручья, который бежал им навстречу, устремляясь к реке. Тропинка змеилась среди диких зарослей, где то и дело попадались деревья, отягощенные сочными плодами. Так они прошли около полумили. Внезапно перед ними воз-

никла группа хижин, возведенных на живописной террасе или уступе холма, откуда можно было различить внизу довольно большое селение, а вдали — синеву океана. Луис сразу догадался, что это уединенное убежище предназначено для представительниц прекрасного пола; видимо, здесь находился своего рода сераль для жен молодого касика. Гостя ввели в центральную хижину и предложили вкусные освежающие напитки из местных плодов.

За месяц, проведенный на островах, ни туземцы, ни испанцы не могли, конечно, усвоить язык друг друга. Моряки выучили только самые ходовые слова, и Луис, пожалуй, преуспел в этом больше других. Однако он чаще ошибался, чем угадывал истинный смысл того, что ему говорили, а сам врал безбожно, даже тогда, когда был совершенно уверен в правильности своей речи. Но язык дружбы понятен без слов, и за все это время в душе у Луиса не шевельнулось ни тени подозрения.

Маттинао отослал служанку в соседнюю хижину и, когда Луис отдохнул, пригласил его следовать за собой таким благородным жестом, какой сделал бы честь придворному церемониймейстеру самой доньи Изабеллы. Они пересекли террасу и приблизились к самому крупному строению, явно состоявшему из нескольких комнат, потому что, войдя в него, очутились сначала в своего рода приемной. Здесь они на мгновение задержались. Касик сказал несколько слов выбежавшей им навстречу служанке, затем отдернул занавес, искусно сплетенный из водорослей, и ввел гостя во внутреннее помещение. Какая-то молодая женщина ожидала их; Луис понял, что это и есть Озэма, потому что касик еще на пороге тихо и нежно произнес ее имя. Юный граф поклонился гаитянке так же низко и почтительно, как если бы перед ним стояла знатная испанская дама, затем выпрямился, поднял на нее глаза, и возглас изумления и восторга вырвался из его груди:

— Мерседес!!!

Маттинао, как мог, повторил за ним это имя, очевидно принимая его за слово, которым испанцы выражают восхищение или одобрение. Молодая гаитянка, так поразившая Луиса, сначала испуганно

отступила на шаг, потом вспыхнула, рассмеялась и тоже начала повторять низким и нежным музыкальным голосом: «Мерседес, мерседес, мерседес», — находя в этих звуках невинное удовольствие. Но через минуту она умолкла и замерла, прижав руки к груди и не спуская с Луиса удивленных глаз.

Здесь, пожалуй, время объяснить, почему в столь неожиданный момент с языка Луиса сорвалось имя его возлюбленной. Для этого мы попытаемся описать Озэму, ибо так действительно звали красавицу индианку.

Все отчеты о Вест-Индии сходятся в одном: авторы единогласно говорят о превосходном сложении туземцев и об их природной грации, которая так восхитила испанцев. Цвет кожи у островитян тоже приятный, особенно у гаитян: они едва ли темнее загорелых испанских крестьян или моряков, а у тех, кто не подвергается постоянному воздействию палящего южного солнца и большую часть времени проводит в тени рощ или своих жилищ, он не менее красив, чем у большинства европейцев, ведущих такой же образ жизни. Именно такой золотистый цвет кожи был у Озэмы, которая приходилась касику не женой, а родной сестрой.

Согласно законам Гаити, власть касика переходила по наследству по женской линии, то есть после дяди касиком становился сын его сестры, а так как у Маттинао не было других братьев или сестер, его наследником должен был стать сын Озэмы. Поэтому, а также благодаря своему происхождению из королевского рода, если только этот титул можно применить, говоря о столь примитивном обществе, Озэма росла беззаботно, окруженная вниманием всего племени и, по возможности, избавленная от всех тягот, тревог и невзгод, неизбежно связанных с полудиким образом жизни, который, впрочем, как отмечали испанцы, совершенно не влиял на характер добродушных островитян; последнее, видимо, объяснялось удивительным плодородием почвы, благодатным мягким климатом и целебным морским воздухом.

Одним словом, к восемнадцати годам Озэма обладала всеми преимуществами, какие ей могли дать ничем не стесненная свобода и вся эта атмосфера

земного рая, где ее природная красота расцвела, как прекрасный цветок.

Гаитяне иногда носили кое-какие одежды, но не стеснялись ходить и нагишом. Однако все более или менее уважаемые представители племени появлялись на людях только в одеяниях, правда весьма легких и служивших скорее украшением или знаком их достоинства, чем настоящей одеждой. Озэма не явилась исключением из этого общего правила.

Вокруг ее гибкой талии был обернут кусок яркой бумажной ткани, едва доходивший ей до колен, а на плечах лежала белоснежная накидка, завязанная на груди и спускавшаяся сзади почти до талии,—простая, ручного тканья, но столь тонкая и легкая, что могла бы устыдить любого современного фабриканта.

Обута она была в красивые затейливые сандалии, сквозь ремни которых виднелась такая ножка, что впору позавидовать и королеве. На шее у Озэмы висело ожерелье из мелких, но блестящих раковин с подвеской в виде широкого диска довольно грубой работы, зато из чистого золота. Золотые браслеты украшали ее тонкие запястья, и два широких золотых обруча охватывали щиколотки, столь же безупречные, как у самой Венеры—богини красоты.

На Гаити красивые волосы считались таким же признаком благородного происхождения, как в Европе—маленькая ножка. В роду Озэмы власть вот уже несколько столетий передавалась только по женской линии,—может быть, поэтому ее волнистые, густые волосы были мягки и блестящи, как шелк, и черны, как смоль. Сплошным потоком струились они по ее плечам, ниспадая поверх белой накидки почти до пояса, и легкий ветерок, залетая в комнату, чуть колыхал эти невесомые пряди.

Однако поразили Луиса не красота Озэмы и не грация, а необычайное сходство ее с юной испанкой, чей образ жил в его сердце. Только это сходство и заставило его в неудержимом порыве произнести имя своей возлюбленной.

Конечно, если бы поставить двух девушек рядом, между ними легко можно было бы найти различие, особенно в выражении лица—задумчивого и одухотворенного у Мерседес и удивленного, растерянного и

восхищенного у Озэмы,— но общее сходство все равно было таким разительным, что любому бросилось бы в глаза. И многие, может быть, предпочли бы благовоспитанной, знатной кастильянке индейскую девушку с ее искренностью, невинной простотой и тем особым очарованием, каким обладают пылкие и простодушные дети юга.

Так как завязать разговор было невозможно, хозяевам и гостю оставалось только выражать свои дружеские чувства улыбками и жестами. Покидая каравеллу, Луис на всякий случай запасся мелкими подарками и, думая, что ему предстоит встреча с женами касика, захватил с собой кое-какие безделушки, рассчитанные на неприхотливый вкус. Но, едва увидев Озэму, Луис почувствовал, что все эти мелочи недостойны ее красоты. По счастью, на нем была захваченная когда-то в бою мавританская чалма из легкой, как дымка, ткани; он из чистого каприза накрутил ее себе на голову, полагая, что такой убор произведет впечатление на простодушных туземцев. Удивляться подобным причудам не приходится: моряки всех стран до сих пор щеголяют в самых удивительных нарядах, особенно на чужом берегу, когда можно ни с кем не считаться. Вспомнив о чалме, которую он снял при входе и все еще держал в руках, восхищенный красотой Озэмы и пораженный ее небывалым сходством с Мерседес, Луис развернул дорогую ткань и набросил ее, как мантилью, на плечи гаитянки.

Неискушенная красавица приняла подарок с искренним восхищением и горячей признательностью. Она бросила прозрачную ткань на пол и залюбовалась ею, благодарно повторяя: «Мерседес, мерседес!» Конечно, в восторге ее было немало ребяческого, однако при всем этом радость ее носила печать достоинства, свойственного благородным людям во всех частях света. Луису поведение юной гаитянки показалось наивным и очаровательным. Он представил себе, как приняла бы донья Мерседес де Вальверде какую-нибудь драгоценность из милостивых рук доньи Изабеллы, и подумал, что детская радость Озэмы, пожалуй, проиграла бы в сравнении с благородным смирением и сдержанным удовольствием, какое выразила бы при виде подарка Мерседес.

Пока подобные мысли проносились в голове нашего героя, юная гаитянка без тени смущения сбросила свою просторную накидку и закуталась в прозрачную ткань чалмы. Затем она гибким движением сняла с себя ожерелье с золотым диском, сделала несколько шагов вперед и, чуть отвернув смеющееся лицо, протянула этот дар Луису, сопроводив его взглядом, более красноречивым, чем любые слова. Луис принял подарок с благодарностью, не преминув, по кастильскому обычаю, поцеловать хорошенькую ручку.

Касик, с довольным лицом наблюдавший за обоими, сделал гостю знак следовать за собой и повел его в другое строение, весьма сходное с первым. Здесь дон Луис был представлен несколькими молодым и красивым женщинам, вокруг которых резвились ребяташки; он понял, что это жены и дети Маттинао. С помощью жестов и немногих знакомых ему слов Луису удалось наконец выяснить, кем в действительности приходилась касику Озэма. Не без удовольствия узнал он, что она сестра Маттинао, к тому же еще незамужняя, чему Луис особенно обрадовался, ибо испытывал какую-то беспричинную ревность, вызванную, видимо, сходством Озэмы с Мерседес.

Весь вечер и три следующих дня Луис провел в обществе своего друга касика в его излюбленной резиденции, укрытой от посторонних глаз. Разумеется, наш герой был в центре всеобщего внимания: гостеприимный хозяин, а особенно хозяйки проявляли к нему гораздо больше интереса, чем он к ним. Они позволяли себе тысячи маленьких вольностей, трогали его волосы, одежду, оружие и, уж конечно, сравнивали его белую кожу с более смуглой кожей Маттинао. Озэма держалась скромнее и сдержаннее всех: она только наблюдала за происходящим, и лишь выражение лица выдавало ее чувства.

Луис часами лежал на благоухающей циновке неподалеку от прелестной гаитянки и пристально вглядывался в ее черты, находя в них все больше сходства с чертами своей возлюбленной, пока ему не начинало казаться, что это не Озэма, а сама Мерседес.

Попутно юный граф старался побольше разузнать об острове. В первый же день выяснилось, что Озэма, видимо благодаря своему происхождению и при-

родному уму, понимает Луиса лучше всех жен Маттинао и даже лучше самого касика. Впрочем, это нашему герою, очарованному красотой гайтянки, могло и показаться. Но, как бы там ни было, он чаще всего задавал вопросы именно ей, и уже к концу дня восприимчивая и внимательная девушка начала его на самом деле понимать. Так за один день Луис достиг гораздо большего в общении с островитянами, чем все остальные испанцы за целых два месяца. Озэма схватывала испанские слова на лету, тотчас запоминала и повторяла их со странным мягким акцентом, от которого они становились только благозвучнее.

Адмирал не раз указывал ему, как важно для испанцев узнать, где находятся золотые рудники, и Луис об этом не забывал. Ему удалось растолковать Озэме, что его интересует, но ответы ее были не столь ясны, как он бы того желал. И все же юный граф льстил себя надеждой, что не потратил времени даром и сможет рассказать Колумбу кое-что интересное.

На другой день пребывания Луиса в селении его пригласили посмотреть на игры и пляски индейцев. Их описывали достаточно часто, и незачем еще раз повторяться; скажем только, что в этих танцах и состязаниях, носивших самый мирный характер, юная гайтянская принцесса выделялась среди всех своей ловкостью, грацией и красотой каждого отточенного движения. Луису тоже предложили попытаться счастья, и он охотно согласился. Обладая недюжинной силой и подвижностью, он легко отобрал пальму первенства у своего друга Маттинао. Впрочем, молодой касик несколько не был огорчен, а его сестра хохотала и радостно хлопала в ладоши, когда гость оказывался проворнее или сильнее своего хозяина. Жены Маттинао даже пытались ее тихонько пристыдить, но Озэма на все упреки отвечала обезоруживающей улыбкой. В эти минуты Луис искренне любовался ею, и не без оснований: щеки ее пылали, глаза сверкали, как драгоценный гагат¹, а зубы казались выточенными из слоновой кости.

¹ Гагат, или черный янтарь, — особый сорт каменного угля, отличающийся глубоким черным цветом и приобретающий после полировки яркий блеск. Не следует путать с агатом, который всегда многослоен и может иметь различную окраску.

Мы сказали, что глаза Озэмы в отличие от синих задумчивых и вдохновенных очей Мерседес были черны как гагат, но они обладали такой же выразительностью, особенно когда гаитянка смотрела на Луиса. Не раз во время этих состязаний в силе и ловкости юноша улавливал во взгляде Озэмы откровенный восторг, весьма сходный с тем глубоким восхищением, которое он читал в глазах Мерседес, когда побеждал на турнирах. В такие мгновения сходство между двумя девушками поражало его еще больше, и он думал, что, если бы не различие в одежде, это были бы настоящие двойники!

Пусть только читатель не думает, что наш герой начал забывать свою прежнюю любовь. Совсем нет! Мерседес слишком прочно владела его сердцем, да и сам Луис, несмотря на все его недостатки, был слишком верным и преданным рыцарем, чтобы помышлять об измене своей даме. Но возлюбленная его была далеко и Луису трудно было оставаться равнодушным к наивному поклонению юной индианки.

Если бы Луис уловил хоть один кокетливый взгляд или заподозрил, что у Озэмы есть какой-то тайный расчет, он сразу бы насторожился и вмиг избавился от чар. Но все происходило как раз наоборот: девушка была так естественна, чиста и простодушна, восхищалась им с такой искренностью и простотой, что ее было невозможно заподозрить во лжи! Одним словом, невольно поддавшись очарованию гаитянки, которая в тех же условиях могла бы вскружить голову людям куда более сдержанным, чопорным и холодным, чем наш пылкий герой, Луис доказал, что он всего лишь человек, не более.

Когда вокруг так много нового, время летит незаметно. Луис сам удивился, заметив, что живет в этом селении уже несколько дней, большую часть которых он провел в серале Маттинао, хотя это и не совсем точное определение для уединенного убежища семьи касика. Зато Санчо с корабельной верфи считал каждый день и не терял времени даром.

Он тоже, как и Луис, ходил героем в своем более скромном кругу простых людей и тоже не забывал про золото. И, хотя матрос не знал ни слова по-гаитянски и не научил ни одному испанскому слову никого

из туземцев, дела его шли куда успешнее, чем у юного графа. Он и так превосходно ладил с хохочущими темнокожими нимфами, не отходившими от него ни на шаг! Санчо одаривал их звонкими соколиными бубенчиками, а взамен довольствовался любым украшением из драгоценного металла. Все, что напоминало золото, он принимал без разбору!

Само собой разумеется, этот обмен совершался честным путем и только на добровольных началах — в полном соответствии с излюбленными принципами сторонников свободного предпринимательства, утверждающих, будто торговля — это обмен эквивалентными ценностями, хотя каждому известно, что ценность вещи зависит от целого ряда зачастую противоречивых обстоятельств. Но Санчо смотрел на торговлю точно так же, как эти новомодные мыслители, и однажды, когда они с Луисом направлялись к Матти-нао, высказал по дороге свое мнение по столь существенному для него вопросу.

— Я вижу, твоя любовь к золоту верна и неизменна! — со смехом воскликнул Луис, когда старый моряк, остановившись на минутку, показал ему свой запас золотого песка, всяких дисков и блях. — Из того, что у тебя в мешке, можно смело начеканить штук двадцать полновесных добл с изображением короля и нашей королевы!

— Вдвое больше, сеньор, вдвое больше, и все это за каких-нибудь семнадцать соколиных бубенчиков, которым цена — горсть мараведи! Ей-богу, это самая честная и святая торговля, достойная только истинных христиан! Эти дикари заботятся о золоте не больше, чем ваша милость о погребении дохлого мавра, и за такое пренебрежение я готов содрать с них еще больше! Пусть себе думают, что эти украшения и желтый песок ничего не стоят, — я охотно расстанусь еще с двадцатью бубенчиками, хоть они у меня и последние! Пусть меняются, пока у меня и у них еще есть что менять, — в накладе я не останусь!

— Разве это честно, Санчо, отнимать у бедных индейцев золото в обмен на дешевые медные погремушки? — попробовал устыдить его Луис. — Вспомни, ведь ты кастилец, и отныне давай хотя бы два соколиных бубенчика за то, за что раньше давал один!

— Я никогда не забываю, откуда я родом, сеньор, и помню, что могоерская корабельная верфь, по счастью, находится в старой доброй Испании! Но разве ценность вещи не определяется ценой, которую за нее дают на рынке? Спросите любого нашего купца, и он вам ответит, что это так же ясно, как солнце в небе! Когда венецианцы приходят на остров Кандию¹, они скупают фиги, виноград и греческое вино за гроши, зато за товары с запада дерут сколько могут. Э, да что там говорить! Все имеет свою цену!

— И тебе не стыдно пользоваться невежеством своих ближних?— спросил Луис, относившийся к торгашам с презрением дворянина.— Ведь это все равно, что обмануть слабоумного или ребенка!

— Упаси господь и мой покровитель святой Андрей, чтоб я совершил что-либо постыдное!— возмутился Санчо.— На Гаити соколиные бубенчики стоят дороже золота, сеньор! Я это знаю и тем не менее готов расстаться со своим драгоценным товаром ради презренного металла. Вы видите, я не скуп, а напротив—великодушен: ведь мы на Гаити и каждый может вам подтвердить, что здесь я торгую себе в убыток—золота много, а где я возьму другие бубенчики? Конечно, если после стольких лишений и испытаний я еще раз благополучно пересеку океан и доведу это золото до Испании, оно, может быть, вознаградит меня за все опасности и труды и даст мне возможность зажить прилично. Но я ведь рискую жизнью! И от души надеюсь, что наша милостивая донья Изабелла не допустит, чтобы ее новые кроткие подданные когда-либо занялись столь опасным и хлопотливым делом, как торговля!

— С чего это ты вдруг так забеспокоился о бедных островитянах, что даже готов рисковать своей жизнью?— смеясь, спросил Луис.

— Просто боюсь, как бы они не расстроили эту торговлю, сеньор, которая должна оставаться как можно свободнее и проще,—с плутоватой ухмылкой ответил матрос.—Сейчас мы, испанцы, приходим на Гаити и меняем один соколиный бубенчик на доблуду золотом,—просто и ясно! А если эти дикари сумеют

¹ Кандия—одно из названий острова Крита.

доплыть до Испании, там они получают за эту же доблусто бубенчиков — поди-ка их сосчитай! О нет, нет, лучше оставить все, как есть. И пусть жарится в аду вдвое дольше тот, кто вздумает нарушить эту честную, свободную, простую и выгодную для всех цивилизованных людей торговлю!

Так Санчо разглагольствовал о свободной торговле, когда со стороны селения внезапно донесся крик ужаса, возвещавший о какой-то смертельной опасности. Как раз в это время испанцы проходили через рощу, расположенную на полпути между селением и уединенным домом Маттинао. Оба вполне доверяли своим новым друзьям, а потому сейчас оказались совершенно безоружными, если не считать рук да ног. Луис полчаса тому назад оставил свой щит и меч у Озэмы, которая забавлялась ими, изображая из себя амазонку, а Санчо, решив, что аркебуза для прогулок слишком тяжела, спрятал ее в отведенной ему хижине, где расположился со всеми удобствами.

— Неужто измена, сеньор? — воскликнул Санчо. — Неужели эти черномазые узнали настоящую цену соколиным бубенчикам и собираются взыскать с меня убытки?

— Маттинао и его племя не предадут нас, готов поручиться жизнью! — возразил Луис. — Нет, тут что-то другое... Слышишь, Санчо? Кажется, они кричат «Каонабó»!

— Так это еще хуже, сеньор! Это имя вождя карибов¹, который наводит ужас на все здешние племена!

— Беги, Санчо, постарайся добыть свою аркебузу, а потом спеши наверх, к хижинам женщин! Надо любой ценой защитить Озэму и семью нашего доброго друга!

Луис и Санчо расстались, не теряя ни минуты: матрос побежал в селение, где царила страшная суматоха, а наш герой медленно и неохотно пошел к жилищу семьи касика, то и дело оглядываясь, словно ему не терпелось ринуться в гущу боя. Он горько

¹ Карибы — группа индейских племен, объединенных одним языком; населяли главным образом бассейны рек Ориноко, Амазонки и Малые Антильские острова.

сетовал, что нет с ним ни его боевого коня, ни копья, ни доспехов, потому что рыцарь в полном вооружении мог бы обратить в бегство хоть тысячу таких врагов, какие ему сейчас угрожали. Если Луис не раз прорывался один сквозь ряды мавров-пехотинцев, то позднее испанцы легко рассеивали сотни индейских воинов, принимавших всадника на коне за одно двухголовое, двурукое, шестиногое чудовище!

Между тем страшная весть достигла жилища Маттинао раньше нашего героя. Когда Луис вошел в дом, он увидел Озэму, окруженную по крайней мере пятью-десятью женщинами, часть из которых прибежала снизу, из селения. Все они со страхом и волнением повторяли имя Каонабо и о чем-то горячо просили Озэму, державшуюся спокойнее остальных. Жены Маттинао тоже присоединились к этим просьбам, и скоро Луис из отдельных слов и жестов понял, что они уговаривают Озэму бежать, если она не хочет попасть в руки карибского вождя. Луису даже показалось — и на сей раз не без основания, — будто женщины утверждают, что карибы только для того и напали на селение, чтобы захватить прекрасную сестру их касика. Такое предположение могло лишь укрепить решимость Луиса спасти Озэму во что бы то ни стало.

Завидев Луиса, Озэма бросилась к нему и, всплеснув руками, произнесла имя Каонабо таким испуганным и жалобным голосом, что могла бы растрогать и камень. Она смотрела на молодого испанца с надеждой и доверием, словно отдавалась под его покровительство. Луис это понял. Через мгновение щит был у него на локте, а меч в руке. Затем, чтобы успокоить принцессу, он сделал вид, что прикрывает ее щитом и взмахнул мечом, словно отражая врага. Как только женщины поняли значение его жестов, все сразу разбежались и попрятались вместе с детьми. В таких необычайных обстоятельствах Луис и Озэма впервые со дня их встречи остались наедине.

Однако медлить было нельзя: враг мог подкрасться к дому незамеченным. Нарастающие вопли и крики снаружи предупреждали, что опасность близится с каждой минутой.

Луис быстро свернул чалму и сунул ее в руки Озэмы, чтобы она могла хоть как-нибудь защитить-

ся от вражеских стрел. Затем он сделал ей знак следовать за ним, но тут, вне себя от волнения и страха, девушка уронила голову ему на грудь и залилась слезами. Луис не знал, что делать. По счастью, Озэма быстро справилась с собой; улыбаясь сквозь слезы, она судорожно сжала руку Луиса и вновь стала неустрашимой индианкой. Через минуту они выбежали из дома.

Луис сразу заметил, что они покинули дом вовремя. Вся семья Маттинао попряталась, а внизу из зарослей уже показался довольно многочисленный отряд врагов: они приближались молча, стремительно, намереваясь захватить свою добычу врасплох. Луис почувствовал, как Озэма, дрожа, уцепилась за его руку.

— Каонабо, нет, нет, нет! — жалобно бормотала она.

Юная гаитянская принцесса запомнила это испанское слово, и Луис понял, что она хочет им выразить свое отвращение к карибскому вождю. Теперь он твердо решил или спасти Озэму, или умереть, так как почувствовал, что она не хочет стать женой кариба из-за него. При всем своем благородстве Луис не лишен был человеческих слабостей и считал себя неотразимым. Лишь перед Мерседес Луис де Бобадилья терял свою самонадеянность.

Опытный воин, привыкший к схваткам чуть ли не с детства, Луис быстро огляделся, отыскивая наиболее удобную позицию для обороны, где его меч мог бы поработать на славу. К счастью, такое место оказалось поблизости, всего в ста шагах от дома, и они с Озэмой перебежали туда.

Терраса, где стояли хижинки, примыкала к скалистому обрыву и в этом месте как бы вдавалась в него довольно острым углом, ограниченным с двух сторон отвесными склонами горы. Над ним нависал утес, так что можно было не опасаться сброшенных сверху камней; а перед входом в эту сужающуюся щель громоздились огромные глыбы, за которыми легко было укрыться от стрел. В то же время у основания каменного треугольника в единственном проходе между скалами оставалось достаточно широкое, поросшее травой пространство, где умелый боец сумел бы показать свою доблесть. Эту природную крепость враги могли атаковать только в лоб, и Луис сразу

почувствовал себя почти неуязвимым. А гаитянка вообще позабыла страх: беспокойство за Луиса, а также любопытство заставляли ее то и дело выглядывать из-за выступа скалы, так что ее голова все время была на виду.

Едва Луис успел отдышаться, как более дюжины индейцев выстроились против него в ряд на расстоянии примерно пятидесяти шагов. Они были вооружены луками, дротиками и боевыми палицами. Юный кастилец мог защищаться лишь мечом да щитом. Конечно, на близком расстоянии стрелы индейцев были смертельны, особенно для обнаженных островитян, но сейчас между противниками было добрых пятьдесят ярдов, и Луис особенно не тревожился, уповая на щит и в крайнем случае — на свою плотную бархатную куртку. К тому же он не хотел прятаться в камнях, зная, что для его меча необходимо свободное пространство, а меч был его единственным оружием.

К счастью для нашего героя, самого Каонабо не было в числе нападающих: он в это время преследовал группу женщин, полагая, что среди них находится Озэма. Грозный вождь карибов, несомненно, приказал бы обрушить на испанца все боевые силы, и против отчаянного натиска врагов Луиса не спасли бы ни его мужество, ни воинское искусство. Но вместо этого индейцы рассыпались перед убежищем нашего героя с луками в руках. Один из них, видимо, самый искусный стрелок, прицелился и выстрелил. Луис, словно играя, подставил щит, и стрела, скользнув в сторону, воткнулась в землю. Вторую стрелу юноша отбил мечом, не считая даже нужным поднимать щит ради подобной безделицы. При виде такого хладнокровия его противники дружно завопили, то ли от ярости, то ли от восторга, — Луис не мог разобрать.

Теперь нападающие решили стрелять залпами, как впоследствии учил своих артиллеристов Наполеон. Все, у кого были луки, — человек шесть — восемь, — разом натянули их, и стрелы забарабанили о щит Луиса; большую часть он отбил, но две слегка зацепили его, — впрочем, из царапин даже не показалось крови. Индейцы снова натянули луки, но в этот миг гаитянка, опасаясь за жизнь нашего героя, выскочила из-за камней и самоотверженно заслонила его своим телом, умоляюще сложив руки на груди.

При виде ее среди индейцев послышались крики: «Озэма! Озэма!» — и все опустили оружие. Как может легко догадаться каждый, кто знаком с историей этих островов, они были не карибы, а те же мягкосердечные гаитяне, но только попавшие в шайку карибского вождя.

Напрасно пытался Луис заставить преданную девушку укрыться среди камней. Она думала, что его жизнь в опасности, и никакие слова, даже если бы он вполне владел ее языком, не могли бы убедить Озэму оставить его одного. Сообразив, что индейцы явно не хотят убивать принцессу и собираются захватить их обоих живыми, Луис вынужден был вместе с девушкой укрыться среди скал.

Едва они отступили, к нападающим присоединился воин свирепого вида. Остальные принялись шумно объяснять ему, что произошло.

— Каонабо? — спросил у Озэмы Луис, указывая на вновь прибывшего.

Девушка отрицательно покачала головой, с тревогой вглядываясь в лицо незнакомого воина и в то же время с подкупающей доверчивостью опираясь на руку Луиса.

— Нет, нет, нет! — решительно проговорила она. — Нет Каонабо, нет, нет!

Из первой части ее ответа Луис понял, что этот свирепый воин не Каонабо, а из второй — что Озэма ни за что не хочет быть женой карибского вождя.

Нападающие совещались недолго. Шесть воинов с дротиками и боевыми палицами разом устремились к обломкам скалы, за которыми прятались Луис и Озэма. Когда враги были уже в двадцати шагах, юноша легко выбежал вперед, чтобы встретить их на открытом месте. Два дротика впились в его щит; он обрубил их древки одним ударом острого, отличной закалки меча. Вторым взмахом Луис отсек уже занесенную над ним руку с палицей; рука так и упала на землю, все еще сжимая оружие. Еще один стремительный взмах, и острие меча располосовало кожу на груди двух остолбеневших от ужаса копейщиков; будь они хоть на ладонь поближе, удар был бы смертельным.

Быстрота, точность удара и жаднокровие Луиса вызвали у нападающих благоговейный ужас. Они никогда не видели рыцарского меча и вообще не знали металлического оружия, да еще такого, которое одним взмахом отсекает руки! Это казалось им каким-то чудом. Даже свирепый кариб в страхе бросился бежать, и Луис уже начал надеяться на победу.

Это был первый случай, когда испанцу пришлось вступить в бой с кроткими обитателями открытых Колумбом островов, хотя историки обычно ссылаются на более позднее происшествие, которое считают началом вооруженной борьбы. Но дон Луис всегда старался держаться в тени, а потому поверхностные изыскания этих историков не смогли обнаружить следы его участия в экспедиции и тем более — в этой схватке. Именно в тот день гаитяне впервые познакомились с оружием европейцев и, конечно, были напуганы и потрясены.

В это мгновение громкие крики нападающих и появление нового отряда, возглавляемого высоким надменным вождем, возвестили, что на подмогу к индейцам прибыл сам Каонабо. Воинственному касику тотчас доложили обо всем. Доблесть испанца, видимо, восхитила его; он приказал воинам отойти подальше, положил на землю свою палицу и бесстрашно пошел к Луису, делая дружелюбные жесты.

Противники сошлись, с уважением поглядывая друг на друга. Кариб произнес короткую, горячую речь, из которой Луис разобрал только имя прекрасной индианки. Но тут сама Озэма вышла из-за камней, желая что-то сказать, и ее необузданный поклонник обратился к ней со страстными, но, видимо, не очень убедительными словами. Он то и дело прижимал руку к сердцу, голос его стал мягким и умоляющим. Озэма ответила быстро и резко, как человек, уже принявший решение. Лицо пылкой девушки покраснелось, и, словно для того, чтобы наш герой мог ее понять, она закончила свою речь по-испански:

— Каонабо — нет, нет, нет! Луис! Луис!

Лицо карибского вождя потемнело и стало грозным, как небо во время тропического урагана. Страшный вопль вырвался из его груди, когда он понял, что им пренебрегли ради какого-то чужестранца, — не

понять это было мудрено! Сделав угрожающий жест, он отступил к своим воинам и приказал готовиться к нападению.

На этот раз атаке предшествовал целый град стрел, и Луис вынужден был укрыться за скалу, потому что только так он мог спасти жизнь Озэмы: самоотверженная девушка упорно становилась перед ним, надеясь заслонить его своим телом.

Каонабо набросился с упреком на свирепого карибского воина, который отступил после первой схватки, и стрелы еще свистели в воздухе, когда тот ринулся с палицей на Луиса, желая восстановить свою честь. Луис встретил его непоколебимо, как утес. Столкновение было жестоким. Удар, подобный удару молота, переломил бы руку любому менее опытному бойцу, но Луис успел повернуть щит, и палица, скользнув по нему, с размаху врезалась в землю. Юноша понимал, что сейчас все зависит от впечатления, которое произведет его ответный удар. Меч словно молния сверкнул на солнце, и так остер был клинок и так сильна карающая рука, что голова кариба слетела с плеч и упала рядом с его палицей, хотя тело еще какое-то мгновение держалось на ногах и лишь затем рухнуло наземь.

Человек двадцать индейцев бежали следом за карибом, однако при виде такого страшного зрелища все словно оцепенели. Лишь Каонабо, удивленный, но не уstraшенный, продолжал реветь, как разъяренный бык. Вновь собрал он своих дрогнувших воинов и сам повел их в атаку, когда вдруг раздался громкий выстрел аркебузы и свист ее смертоносных пуль. Еще один гаитянин рухнул, словно подкошенный. Этому уже не могла противостоять никакая храбрость дикарей: им показалось, что сама смерть разит их с небес! Через две минуты поблизости не было ни Каонабо, ни его воинов. А когда все они в ужасе скатились с холма и скрылись в зарослях, из-за куста спокойно вышел Санчо со своей аркебузой, которую он на всякий случай снова зарядил.

Медлить было нельзя. Никого из племени Матти-нао не было видно; все разбежалось и куда-то попрятались. Верный своему намерению спасти Озэму любой ценой, Луис повел гаитянку и Санчо к реке, надеясь, что им удастся бежать на пироге.

Когда они проходили через селение, Луис с удивлением заметил, что все хижины целы и ничто не разграблено. Санчо тоже недоумевал. Тогда Луис обратился к девушке.

— Каонабо — нет, нет, нет! Озэма! Озэма! — ответила гаитянка, которая лучше всех знала причину внезапного нападения.

На берегу лежало несколько пирог. Через пять минут беглецы уже были в одной из них и плыли вниз по реке. Течение помогало им; часа два спустя они достигли океана. Ровный восточный ветер позволил Санчо поставить некое подобие паруса, и за час до заката пирога пристала к мысу, за которым должны были стоять в заливе каравеллы. Луис помнил о приказании Колумба скрыть от всех свою отлучку и высадился здесь, чтобы другие не обращались потом к адмиралу с просьбами о такой же милости.

Глава XXIV

*Все эти годы помню день за днем,
Минуты ужаса, которых нет страшней,
И вещи странные, но лишь сейчас узрел
Такое, что ни с чем сравнить не в силах!*

Шекспир. «Макбет»

На месте стоянки флотилии нашего героя ожидало зрелище, еще более страшное и неожиданное, чем гром аркебузы для невежественных островитян.

Адмиральская каравелла «Санта-Мария», которая всего четыре дня назад гордо покачивалась на волнах в славном убранстве всех своих парусов, сейчас лежала искалеченная на прибрежном песке, со сломанными мачтами, пробитыми бортами и всеми прочими ужасными следами кораблекрушения. Правда, «Нинья» стояла невредимой на якоре неподалеку, но, взглянув на маленькое одинокое судно, Луис почувствовал, как сердце его сжалось: ведь это была, в сущности, простая фелюга, возведенная в ранг каравеллы только на время путешествия!

Весь берег был завален досками, бревнами и разными грузами, и моряки вместе с подданными Гуаканагари сооружали нечто вроде крепости. Луис понял, что в планах экспедиции произошли большие перемены. Оставив Озэму в доме одного из туземцев, оба искателя приключений поспешили присоединиться к своим товарищам, чтобы узнать от них, что тут произошло.

Колумб встретил своего юного друга приветливо, хотя и был глубоко удручен. О том, как погибла «Санта-Мария», рассказывалось не раз, и мы не будем здесь повторяться. Луис узнал, что адмирал решил оставить часть команды в крепости, потому что «Нинья» была слишком мала, чтобы захватить всех, а с остальными спешно возвратиться в Испанию.

Гуаканагари проявлял к испанцам самое искреннее сочувствие и всячески старался им помочь. Люди его племени были заняты спасением обломков кораблекрушения, и никому не было дела до такой обычной вещи, как попытка карибского вождя похитить красавицу индианку. Впрочем, событие это произошло совсем недавно, и слух о нем мог еще не дойти до побережья.

Неделя после возвращения Луиса была заполнена горячей, напряженной работой. «Санта-Мария» погибла утром в день рождества, то есть 25 декабря 1492 года, а 4 января 1493 года «Нинья» была уже готова двинуться в обратный путь. За всю неделю Луис видел Озэму лишь однажды: он нашел ее опечаленной, молчаливой и похожей на сорванный цветок, который горестно поник, хотя и сохраняет еще свою красоту.

3 января, накануне отплытия, Луис прохаживался неподалеку от только что достроенной крепости, когда Санчо сказал ему, что Озэма хочет с ним говорить. К своему удивлению, наш герой застал юную гайтянку в обществе ее брата. И, хотя говорить им было по-прежнему нелегко из-за незнания языка, они прекрасно поняли друг друга. Озэма успокоилась и повеселела, улыбка снова расцвела на ее лице, а звонкий смех даже стал еще заразительнее, и Луис подумал, что она никогда еще не была так хороша.

Незатейливый наряд Озэмы был сегодня еще ярче, и ее гибкая фигурка казалась еще стройнее, щеки пылали, сверкающие глаза излучали радостный свет, а походка и все движения индианки были так легки, словно она едва касалась земли. Вскоре Луис узнал секрет этой внезапной перемены.

Встретившись и обменявшись рассказами о том, как им удалось спастись, брат и сестра начали раздумывать, что делать дальше. Воинственный и мстительный нрав Каонабо был им хорошо известен. Избавить от его домогательств Озэму могло только бегство.

Вряд ли стоит объяснять, почему молодой касик решил отослать сестру вместе с чужестранцами на их далекую родину: чувства Озэмы уже не составляют для читателя тайны. Гаитянка узнала, что Колумб намеревается привезти в Испанию несколько туземцев и что три женщины, из которых одна занимала примерно такое же положение, как Озэма, согласились их сопровождать. Эта женщина была женой вождя и приходилась Озэме родственницей. Казалось, все благоприятствовало замыслам юной гаитянки. Туземцы совершенно не представляли себе путь через океан и считали плавание в Испанию чем-то вроде прогулки с одного острова на другой, а потому ни брат, ни сестра не видели в этом путешествии ничего опасного.

Решение Маттинао отправить свою сестру вместе с испанцами застигло Луиса врасплох. Он был обрадован и польщен такой преданностью Озэмы, но в то же время обеспокоен. Возможно, были мгновения, когда он уже начинал сомневаться в самом себе, однако образ Мерседес возникал в его памяти, и он отгонял от себя соблазн, как недостойный истинного рыцаря. Поэтому, поразмыслив, он решил, что план Озэмы все-таки выполним, и после часового разговора с братом и сестрой пошел к адмиралу, чтобы посоветоваться с ним об этом деле.

Колумб находился в крепости. Он выслушал Луиса внимательно и с большим интересом. Несколько раз юноша опускал глаза под пристальным взглядом

мореплавателя, но, в общем, справился со своей задачей благополучно.

— Вы говорите, Луис, она сестра касика? — задумчиво проговорил адмирал. — Незамужняя сестра касика, не так ли?

— Именно так, дон Христофор! — отозвался юноша. — Настоящая принцесса по красоте и происхождению! Если донья Изабелла ее увидит, она получит самое лестное представление о жителях открытых вами земель...

— Что ж, чем редкостнее образец туземной красоты, тем лучше, Луис, — согласился Колумб. — Наши государи будут довольны и по достоинству оценят сделанные нами открытия, как вы сами сказали. Особых затруднений у нас не будет. Правда, «Нинья» невелика, но мы оставляем здесь большую часть людей. Я предоставляю главную каюту женщинам, так что нам с вами несколько недель придется потерпеть. Приведите девушку и позаботьтесь, чтобы она ни в чем не терпела недостатка.

Этот разговор решил дело. На следующий день рано утром Озэма взошла на каравеллу со своими скромными богатствами индейской принцессы, среди которых была заботливо уложена мавританская чалма. Родственница Озэмы взяла с собою служанку, рассчитывая, что та будет ухаживать в пути за ними обеими. Луис со своей стороны сделал все от него зависящее, чтобы женщины чувствовали себя как можно удобнее и свободнее.

Озэма простилась с братом трогательно и нежно; видимо, семейные узы были еще очень крепки среди простодушных и кротких островитян. Но разлука предполагалась недолгой, а кроме того, Озэма еще и еще раз повторяла брату, что презирает карибского вождя Каонабо и никогда не согласится стать его женой. Решение ее было непреклонно, а потому ей оставалось либо скрываться где-нибудь на острове, либо отправиться в Испанию. Последнее казалось гораздо почетнее и надежнее, и это утешало брата и сестру.

Первоначально Колумб намеревался пройти гораздо дальше и, прежде чем вернуться в Европу, продол-

жить поиски новых земель. Однако гибель «Санта-Марии» и бегство «Пинты» заставили его поспешить с возвращением. Он опасался, как бы еще какой-нибудь непредвиденный случай не погубил его последнее судно, а вместе с ним — результаты его экспедиции. Поэтому 4 января 1493 года он двинулся в обратный путь на восток, сперва — вдоль берегов Гаити.

К счастью, 6 января впереди показалась «Пинта», идущая по ветру им навстречу: Мартин Алонсо Пинсон возвращался. Он выполнил то, чего хотел, то есть добыл у туземцев значительное количество золота, однако никаких золотых рудников, ради которых, как полагают, он и отделился от эскадры, ему обнаружить не удалось.

Подробности его встречи с Колумбом не столь уж существенны для нашего повествования. Адмирал принял мятежного капитана холодно, спокойно выслушал его объяснения и приказал готовить «Пинту» к обратному плаванию. Выбрав подходящую бухту, где можно было запастись дровами, водой и другими припасами, каравеллы стали на якоря, а когда все необходимое было на борту, двинулись дальше на восток вместе, по-прежнему держась у северного побережья Гаити, или Эспаньолы, то есть «Маленькой Испании»¹, как называл этот остров Колумб.

Только 16 января мореплаватели окончательно распростились с приветливым островом и повернули на северо-восток, в открытый океан. Но едва земля скрылась из виду, как попутный ветер упал и на смену ему пришли встречные пассаты. Впрочем, океан был довольно спокоен, и к 10 февраля, лавируя, отклоняясь от прямого курса и делая все от него зависящее, адмирал наконец сумел вывести каравеллы из полосы пассатных ветров и подняться до широты порта их отправления — Палоса.

В отличие от первой части путешествия теперь уже «Пинта» все время задерживала «Нинью»: у нее

¹ Лишь после освободительного восстания негров-рабов 1790—1804 годов под руководством Туссена-Лувертюра, а затем Дессалина Эспаньола обрела свое прежнее название — Гаити.

треснула бизань-мачта, и она не могла нести все паруса, не говоря уж о том, что при легком ветре и спокойном океане «Нинья» всегда ходила быстрее своей более грузной спутницы.

На обратном пути морякам попадалось почти все то же, что они уже видели, только теперь стаи тунцов не возбуждали у них напрасных надежд, а скопления водорослей — страхов. Каравеллы медленно, но успешно преодолевали море плавучих трав. Ветер все время менялся, но, в общем, первые две недели был, к счастью, благоприятным. Затем положение начало осложняться. Кормчие, не привыкшие к столь долгому плаванию в открытом океане вдали от знакомых берегов, запутались в своих вычислениях, что давало все больше поводов для жарких споров относительно курса и местонахождения каравелл.

Однажды, когда адмирал и Луис остались одни, Колумб, усмехаясь, спросил:

— Вы слышали, как сегодня наш Висенте Яньес пререкался со своим братцем Мартином Алонсо и кормчими? Они никак не могут столковаться, сколько еще нам осталось плыть до Испании! Ветер все время меняется и совсем сбил с толку храбрых моряков: они воображают, что находятся где угодно, только не там, где мы сейчас на самом деле!

— Все зависит от вас, сеньор, — возразил Луис, — и не только наша жизнь, но и судьбы наших великих открытий!

— Вы правы, дон Луис. Все наши кормчие — Висенте Яньес, Санчо Руис, Педро Алонсо Ниньо и Бартоломе Ролдан, не говоря уж о славных мореходах с «Пинты» с их мудрыми вычислениями, полагают, что каравеллы уже недалеко от Мадейры, а на самом деле до Испании на полтораста лиг дальше. Эти добрые люди больше руководствуются своими желаниями, нежели знанием океана и небесных светил!

— Так где же, по-вашему, мы находимся, дон Христофор? — спросил Луис. — От меня-то вы не станете скрывать истину!

— Мы сейчас южнее острова Флорес, юный мой граф, на добрых двенадцать градусов западнее Канар-

ских островов, примерно на той же широте, что Нафа Африканская¹. Но пусть их заблуждаются, пока наши права на сделанные открытия не будут утверждены! Каждый из них воображает, будто сумел бы совершить то же самое, что и я, а на самом деле ни один из них даже теперь, когда мы уже прошли однажды этот путь через океан, не сможет найти дорогу домой!

Луис согласился с адмиралом и умолк: «Нинья» была так мала, что говорить на ней о подобных вещах было рискованно.

До этого дня, несмотря на изменчивость ветров, погода стояла хорошая. Правда, налетало несколько шквалов, без которых на море не обходится, но они были непродолжительны и не очень жестоки. Все это весьма утешало Колумба. Теперь, когда он осуществил великую цель своей жизни, адмирал больше всего боялся, как бы тайна его открытия не была утрачена для людей. Но погода уже начинала меняться, и как раз тогда, когда великий мореплаватель воспрянул духом, на него обрушилось самое страшное и жестокое испытание.

По мере продвижения на север становилось все холоднее. Ночь на 11 февраля выдалась удачная: с заката до восхода каравеллы прошли более ста миль. Утром было замечено множество птиц, из чего Колумб заключил, что каравеллы находятся недалеко от Азорских островов, в то время как кормчие вообразили, будто приближаются к Мадейре.

На следующий день ветер стал более благоприятным, но усилился и развел крутую волну. Почти никому из команды «Ниньи» еще не приходилось плавать по такому бурному морю, однако маленькое суденышко держалось превосходно. К счастью, при его снаряжении было предусмотрено все, чтобы сделать «Нинью» как можно надежнее на случай возможной бури. Единственным ее недостатком была излиш-

¹ Нафа Африканская — селение, находившееся на марокканском берегу Африки, примерно там, где сейчас расположен город Касабланка.

няя легкость: в трюме не осталось никаких припасов, да и бочки с пресной водой почти опустели, а потому ее осадка¹ была меньше, чем полагалось.

Каравелла была настолько мала, что это обстоятельство, второстепенное для больших судов, для нее приобретало решающее значение, так как от него зависела остойчивость², а следовательно, способность противостоять внезапным шквалам. Читатель поймет нас лучше, если мы скажем, что сильный порыв ветра на большом судне может только сдвинуть мачты, но не положит его, как говорится, на борт, в то время как маленькое судно, если его остойчивость не соответствует площади парусов, от такого порыва просто перевернется. Кормчие «Ниньи» знали об этом ее недостатке, который все усугублялся по мере уменьшения запаса пресной воды, однако надеялись в скором времени доплыть до какого-нибудь порта и ничего не предпринимали.

Таково было положение дел к вечеру 12 февраля 1493 года. Колумб следил за заходом солнца, как обычно стоя на юте. Луис был рядом с адмиралом, и оба в сосредоточенном молчании наблюдали за небом и океаном.

Никогда еще наш герой не видел столь грозного зрелища: даже Колумб признался, что такие зловещие закаты бывают на море не часто.

Заход солнца в океане, когда угрюмые тучи клубятся на горизонте, предвещая шторм, невозможно сравнить с самой сильной грозой на земле. В нем есть какая-то величавая торжественность. Одиночество корабля, затерянного среди угрюмых валов, еще более усиливает это чувство: кажется, вся ярость стихий должна обрушиться именно на него, потому что вокруг, насколько хватает глаз, не видно иной жертвы. Все словно объединяется, чтобы подавить и запугать человека,—ветер, небо, океан становятся голосами одного чудовищного хора. А когда это

¹ О с а д к а — углубление судна в воде.

² Остойчивость — способность судна возвращаться в прямое положение из накренившегося, устойчивость судна на воде.

зрелище овеяно дыханием февраля, оно еще безысходнее и мрачнее.

— Закат не предвещает ничего хорошего, дон Луис,— заметил Колумб, когда померкли рваные края штормовых туч, озаренных последними лучами солнца.— Такого угрожающего неба я еще не видывал.

— Когда плывешь с вами, сеньор, можно и на бога надеяться,— отозвался Луис.— Он не подведет, если у него такой искусный слуга! Но вы полагаете, дон Христофор, что ночь и в самом деле будет страшная?

— Я знаю, а не полагаю. Такие приметы я уже видел, хоть и не столь зловещие. Если бы груз каравелл был легче, у меня было бы спокойнее на душе.

— Вы удивляете меня, сеньор адмирал! Кормчие, наоборот, жалуются, что наше судно слишком облегчено!

— Да, если говорить о содержимом трюма. Но я имею в виду груз наших открытий, Луис. Печально было бы потерять его среди этих пустынных вод! Вы заметили, как быстро стемнело и какая непроглядная ночь окружила нас? Скоро «Нинья» станет единственным нашим миром: даже «Пинта» уже едва различима, как неясная черная тень среди пены валов. Мне кажется, она скорее предупреждает нас о грядущем одиночестве, чем ободряет свою спутницу и подругу!

— Я никогда еще не видел, чтобы вас пугала буря, сеньор адмирал! — воскликнул Луис.

— Да, со мной это бывает не часто, юный сеньор, но сейчас у меня на душе тайна нашего открытия... Смотрите! Вы заметили это новое предупреждение стихий?

В это время адмирал стоял лицом к Испании, тогда как его юный собеседник не сводил глаз с уже померкших и от этого еще более жутких туч на западе. Он не видел, что привлекло внимание Колумба, а потому живо обернулся и спросил, что случилось. Адмирал объяснил: несмотря на зимнее время, горизонт на северо-востоке внезапно озарила вспышка молнии. Не успел он договорить и показать, где это

произошло, как еще две молнии одна за другой разорвали темноту.

— Сеньор Висенте! — крикнул Колумб, наклоняясь вперед, чтобы лучше различить смутные фигуры моряков, собравшихся внизу на полупалубе. — Скажите, здесь ли Висенте Яньес?

— Я здесь, дон Христофор, и я видел молнии, — отозвался капитан «Ниньи». — Они предвещают сильный ветер.

— Не ветер, а бурю, достойный Висенте, и она придет либо оттуда, где сверкали молнии, либо с противоположной стороны. Все ли надежно на каравелле?

— Я не знаю, что еще можно сделать, сеньор адмирал. Мы несем самые малые паруса, все на борту закреплено и что возможно убрано вниз. Санчо Руис следит за брезентом, чтобы не набралось слишком много воды.

— Следите также за нашим огнем на мачте, чтобы «Пинта» не потеряла нас в темноте! — посоветовал Колумб. — Пусть никто не спит, Висенте! Поставьте на руле самых надежных людей.

— Сеньор, мы выбрали самых лучших. Сейчас у руля Санчо Мундо и молодой Пепе из Могера. Другие не менее опытные сменят их, как только кончится вахта.

— Хорошо, добрый Висенте. Сегодня нам с вами не придется сомкнуть глаз.

Опасения Колумба оправдались. Примерно час спустя после вспышек молний, столь необычных в это время года, с юго-запада налетел ветер, попутный, но такой яростный, что, несмотря на страстное желание всех как можно скорее дойти до места назначения, адмирал приказал убрать последний парус. Почти всю ночь ураган гнал обе каравеллы с оголенными мачтами на северо-восток. Именно обе, потому что Мартин Алонсо при всей своей уверенности и бесстрашии сейчас, когда великая задача была решена, больше не думал только о себе и вел «Пинту» как можно ближе к «Нинье». Поэтому время от времени ее видели с «Ниньи», когда она, кренясь, то исчезала между

гигантскими валами, то вновь появлялась, гордо взлетая на пенные гребни. Каравеллы шли почти рядом и тянулись друг к другу, как два человека в минуту смертельной опасности.

Так миновала ночь на 13 февраля. При свете дня океан предстал перед моряками во всем своем грозном величии, хотя им и казалось, что ветер как будто немного ослаб. Впрочем, скорее всего это им показалось, потому что опасность не так страшит человека, когда он ее видит в глаза. Тем не менее на обеих каравеллах поставили небольшие паруса, и они понеслись к берегам Испании в ключьях пены и тучах брызг, словно гонцы с небывалой вестью.

Днем ярость ветра заметно утихла, но к ночи буря забушевала с новой силой и жестокие встречные шквалы заставили мореплавателей убрать паруса, которые они решились было поставить. И это было еще не самое страшное. Вскоре каравеллы попали в такой район океана, где свирепствовал настоящий хаос волн, вызванных столкновением двух штормов. Оба судна отважно пробивались вперед в этой адской свистопляске, но уже начали изнемогать в неравной борьбе, и те, кто это понимал, с тревогой улавливали все новые признаки опасности.

Еще вечером Колумб заметил, что «Пинта» начинает крениться слишком сильно; ее бизань-мачта трещала под напором бури, хотя на ней не осталось ни клочка парусов. Без колебаний он приказал «Нинье» приблизиться к выбивавшейся из сил подруге: остаться в такую бурю одной для каждой из каравелл было почти равносильно гибели.

Так встретили измученные моряки ночь на 14 февраля. То, что прошлой ночью было только угрозой, теперь стало ужасной действительностью. Даже Колумб сказал, что не видел судна, которое уцелело бы после столь яростной бури, и поделился с Луисом своей тревогой. На людях он держался уверенно и даже весело, но наедине с нашим героем не таясь признавался, что готов к самому худшему. И в то же время великий мореплаватель был, как всегда, спокоен и тверд. Ни одной малодушной жалобы не

сорвалось с его уст, хотя сердце его обливалось кровью при мысли о том, что буря может погубить все плоды их трудов и никто не узнает о великом открытии.

Горькие чувства владели адмиралом в первые часы той ужасной ночи, когда он сидел без сна в своей тесной каюте и напряженно ждал, что принесет ему следующая минута — избавление или гибель. Рев волн почти заглушал завывание бури, раздиравшей в клочья взбаламученные воды Атлантического океана. Временами каравелла глубоко проваливалась между двумя гигантскими валами, где ветра совсем не чувствовалось, даже обрывок паруса на мачте переставал полоскать, но затем, подобно измученному человеку, последним усилием одолевающему крутой подъем, она снова карабкалась на вершину водяной горы, и там на нее обрушивался такой бешеный вихрь, что казалось, вот-вот он подхватит легкое суденышко и унесет, как сорванный с дерева лист.

Даже Луис при всем его бесстрашии понял, что приближается решительный миг, и, утратив свою обычную жизнерадостность, погрузился в мрачное раздумье. Если бы перед ним появился отряд в тысячу мавров, он не стал бы помышлять об отступлении, а приготовился бы к отпору, но против ярости стихий он чувствовал себя безоружным. В такие минуты даже храбрейшие из храбрых понимают, что в схватке с всемогущими силами природы им не помогут ни решимость, ни отвага. Оставалось только положиться на судьбу и ждать.

— Ужасная ночь, сеньор, — спокойно заметил Луис, ничем не выдавая своих истинных чувств. — Такой свирепой бури я не видел еще ни разу в жизни.

Колумб тяжело вздохнул, отнял ладони от лица и оглянулся вокруг, словно стараясь отыскать какую-то нужную вещь.

— Граф де Льера, нам необходимо исполнить еще один долг, — торжественно проговорил он. — В ящике стола у вас под рукой лежит пергамент, а вот — письменный прибор. Мы должны сообщить людям о том, что открыли, пока есть время. Кто знает, сколько нам еще остается жить!

Луис не дрогнул и не побледнел от этих страшных слов, лицо его стало суровым и спокойным. Выдвинув ящик, он достал два куска пергамента и разложил их на столе. Адмирал взял перо, второе протянул своему юному спутнику, и оба начали писать, пользуясь каждой возможностью, какую предоставляло прыгающее по огромным волнам суденышко. Написав фразу, Колумб диктовал ее Луису, и тот слово в слово переписывал ее на свой пергамент.

Адмирал писал об открытии Эспаньолы, о местоположении других островов и коротко сообщал обо всем, что они там видели. Документ был адресован Фердинанду и Изабелле.

Когда все было готово, адмирал тщательно завернул оригинал в проволочную парусину, и Луис сделал то же самое со своей копией. Затем они взяли два больших восковых круга, вырезали в них отверстия и, сунув туда свитки, залепили отверстия тем же воском. После этого Колумб послал за корабельным плотником и приказал ему забить каждый восковой круг в отдельный пустой бочонок. Вслед за этим адмирал и Луис с бочонками в руках вышли на палубу.

Ночь была так страшна, что никто на «Нинье» не спал: почти весь экипаж собрался вокруг грот-мачты, где не так свирепствовали волны, грозившие смыть за борт каждого, кто хоть на миг выпустит из рук штормовые леера¹. Но и здесь людей то и дело с головой окатывали потоки соленой воды, временами захлестывавшие даже корму.

Завидев адмирала, все столпились вокруг него, чтобы услышать, что он скажет и что намеревается предпринять. Но сказать своим спутникам правду Колумб не мог: это значило бы лишить их последней надежды. Поэтому, намекнув, что ему необходимо исполнить какой-то религиозный обет, адмирал собственными руками выбросил свой бочонок за борт в бушующий океан. Бочонок Луиса остался на юте,

¹ Штормовые леера — туго натянутые тросы, за которые держатся моряки при передвижении по палубе во время бури.

откуда он должен был всплыть, если каравелла пойдет ко дну.

С тех пор как Колумб доверил океану отчет о своем открытии, прошло три с половиной столетия, но до сих пор этот бочонок не найден. Плавучесть его была такова, что он мог держаться на воде годами. Покрытый ракушками и водорослями, он, может быть, до сих пор странствует по морям, храня свою великую тайну. Может быть, его не раз выбрасывало на песок побережий, а затем снова уносило набежавшей волной, и, наверно, моряки различных судов не раз провожали его равнодушным взглядом — мало ли бочек попадается в океане! Если бы его нашел и вскрыл достаточно просвещенный человек, мы, очевидно, смогли бы получить об этом великом путешествии немало ценных сведений, которые ныне утрачены.

Исполнив свой долг, адмирал огляделся по сторонам. Тьма была настолько непроглядной, что только благодаря тусклому отсвету волн можно было понять, где начинается океан и где кончается каравелла.

Тем, кто плавал в море лишь на больших кораблях, трудно себе представить положение «Ниньи». Это суденышко, размерами едва превосходившее крупную фелюгу, отошло от берегов Испании под латинскими парусами, столь обычными для небольших парусников Средиземного моря, и только на Канарских островах сменило парусное вооружение¹. В тихом заливе или на реке «Нинья» возвышалась над водой не более чем на пять футов, а в ту ночь ей приходилось бороться с бурей в открытом море, и не просто в море, а в той части Атлантического океана, где бушуют самые страшные волны и свирепствуют самые яро-стные ветры. Бедная «Нинья» походила сейчас не на судно, а скорей на дельфина, который то скрывается под водой, то вновь выныривает, чтобы подышать. Временами казалось, что она уже не вырвется из

¹ На Канарских островах Колумб приказал заменить на «Нинье» треугольные (латинские) паруса прямоугольными (прямыми) парусами. Прямые паруса, правда, не позволяли держать так круто к ветру, как латинские, но зато ими гораздо проще было управлять.

океанской пучины. Столкновение волн, идущих с разных направлений, нарушало их обычную равномерность, и вокруг каравеллы со всех сторон поднимались огромные водяные горы.

Ради вящей образности и обычные волны часто сравнивают с водяными горами, поэтому нелишне будет добавить, что, когда «Нинья» оказывалась между двумя гигантскими валами, они вздымались выше верхушек ее мачт и устремлялись на нее с такой скоростью, что каждый раз грозили низвергнуться прямо на палубу чудовищным водопадом. А так как палубы у «Ниньи», строго говоря, не имелось, каждый такой вал таил в себе смертельную угрозу. Опасность действительно была очень велика, ибо одной большой волны было бы достаточно, чтобы наполнить маленькую каравеллу до краев и отправить вместе со всем ее содержимым на дно. Гребни волн и так все время перехлестывали через борта или с грохотом разбивались о корпус «Ниньи», обдавая ее брызгами и пеной. К счастью, хорошая плавучесть каравеллы позволяла ей каждый раз оправляться от таких ударов, но в эти опасные мгновения жизнь матросов целиком зависела от прочности тонкого брезента, закрывающего трюм. Если бы он прорвался, две-три следующие волны залили бы трюм, а это означало гибель судна.

Адмирал приказал Висенте Яньесу поставить глухо зарифленый фок, надеясь выбраться из толчеи волн на более тихое место. Сообразуясь с общим направлением волн — если вообще можно найти какое-то направление в клокочущем котле, — «Нинья» до сумерек прошла, вернее — проковыляла, пять или шесть лиг, но ничего от этого не выиграла. К полуночи поверхность океана представляла собой все тот же невообразимый хаос.

Висенте Яньес доложил адмиралу, что «Нинья» не может больше нести паруса.

— Когда мы взлетаем на гребень, — сказал он, — шквал так рвет мачту, что, того и гляди, разломит судно, а когда ныряем вниз, это еще опаснее. «Нинье» трудно идти под парусами, сеньор адмирал, да и рискованно!

— Видел ли кто-нибудь огонь Мартина Алонсо за последний час? — спросил Колумб, с тревогой глядя в ту сторону, где должна была находиться «Пинта». — Почему вы спустили с мачты фонарь, Висенте Яньес?

— Он сразу гаснет от такого урагана. Время от времени мы зажигаем его, и каждый раз мой брат отвечает на сигнал.

— Зажгите сейчас. В такие минуты близость друзей всегда поднимает дух, даже если друзья так же беспомощны, как мы сами.

На мачту подняли фонарь, и после нескольких минут мучительного ожидания вдали был замечен ответный огонек, едва различимый сквозь завесу бури. Фонарь теперь поднимали через короткие промежутки, но с каждым разом ответный сигнал вспыхивал все дальше и дальше, пока окончательно не затерялся в ревущей мгле.

— Должно быть, мачта «Пинты» совсем не может нести паруса в такой шторм, — забеспокоился Висенте Яньес. — Наверно, брат решил, что им нельзя идти так близко к ветру, как нам, и увалился больше под ветер.

— Хорошо, пусть уберут фок, — приказал Колумб. — Нашему легкому судну тоже не вынести ярости таких шквалов.

Висенте Яньес вызвал своих лучших матросов и сам пошел присмотреть за исполнением приказа; одновременно руль был повернут так, чтобы каравелла привелась к ветру. Убрать парус было сравнительно несложно — его рея находилась всего в нескольких футах над палубой, — однако сейчас для этого дела требовались люди с крепкими нервами и уверенной рукой. На мачту полезли Санчо и Пепе и справились с этой задачей как истинные моряки.

Теперь каравелла оказалась полностью во власти волн — ветер почти не оказывал на нее влияния, потому что маленькое суденышко с низкими бортами целиком скрывалось от него меж гигантских валов. Если бы движение волн было равномерным, они бы захлестнули судно с кормы, но сама хао-

тичность волнения избавляла «Нинью» от этой опасности.

Ярость бури достигла предела. Были минуты, когда каравелла мчалась сквозь бушующую мглу, увлекаемая непреодолимой силой, и поворачивалась навстречу волнам то одним, то другим бортом, словно стремясь подставить себя под удар нависших над нею гребней. Лишь бдительность рулевых в такие мгновения спасала «Нинью» от неминуемой гибели. Санчо пускал в ход все свое искусство и силу, стараясь держать судно носом к волнам, и пот катился по его лицу, как будто он вновь очутился под лучами жаркого тропического солнца.

Между тем тревога среди команды нарастала, и наконец матросы сообщили адмиралу, что хотят принести обеты разным святым, чтобы те вызволили их из беды.

Для этого обряда на корме собрались все, кроме рулевых, и приготовились тянуть жребий, кому из них давать обет.

— Все в руках божьих, друзья! — сказал Колумб. — Тут в шляпе, которую держит сеньор де Муньос, столько же горошин, сколько нас всех. Одна из горошин помечена крестом. Кто ее вытянет, пусть обещает совершить паломничество к святой Марии Гвадалупской с пятифунтовой свечой в руках. Я среди вас самый большой грешник, а кроме того, ваш адмирал, поэтому я и буду тянуть жребий первым.

С этими словами Колумб опустил руку в шляпу, достал горошину, и при свете фонаря все увидели на ней маленький крестик.

— Хорошо, сеньор, — сказал один из кормчих, — обет принят. Но теперь бросьте горошину обратно, и пусть кто-нибудь другой совершит паломничество потруднее — к нашей богородице Лореттской: такое паломничество стоит двух других!

В минуты опасности у простых моряков всегда пробуждаются религиозные чувства, а потому это предложение было встречено одобрительно. Адмирал не стал возражать, и на сей раз меченая горошина

оказалась у некоего Педро Вилья, матроса весьма посредственного и далеко не набожного.

— Придется тащиться в эдакую даль!¹— сразу начал роптать будущий пилигрим.— Такая прогулочка станет не дешево. Поистратишься!

— Об этом не думай, Педро,— успокоил его Колумб.— Расходы я беру на себя... А ночь-то становится все страшнее — слышите, Бартоломе Ролдан?

— Слышу, сеньор адмирал! Не по душе мне этот выбор, хотя жребий как будто предназначается свыше. Ну какой из Педро паломник! Лучше уж отслужить торжественную мессу в нашей церкви Санта-Клары Могерской да ночь простоять на молитве — поможет куда лучше всех этих прогулок!

Матросы из Могера дружно поддержали своего земляка и решили тянуть жребий в третий раз. Снова горошина с крестом досталась адмиралу; однако буря не утихала, и каравеллу швыряло все сильнее, грозя перевернуть.

— У нас слишком облегчен трюм! — крикнул Колумб.— Слушайте, Висенте Яньес! Попробуем наполнить пустые бочки забортной водой. Дело трудное, но рискнуть стоит. Пусть их осторожно спустят под брезент и установят вдоль киля. Да пошлите туда людей посмекалистее, чтобы вода вместо бочек не оказалась в трюме!

Понадобилось несколько часов напряженной работы, чтобы выполнить этот приказ. Особенно трудно пришлось тем, кто наполнял бочки: кругом бушевали разъяренные волны, каравеллу то и дело захлестывало, но попробуйте при таком волнении влить хоть каплю воды туда, куда вам нужно!

В конце концов упорство и терпение победили. Еще не начало светать, когда множество пустых бочек было уже наполнено морской водой и спущено в трюм, что сразу увеличило остойчивость каравеллы.

¹ Храм Марии Гвадалупской находился в Испании, а Марии Лореттской — в Италии; поэтому Педро Вилья и говорит, что ему выпал жребий тащиться в такую даль.

Под утро хлынул проливной дождь. Ветер сменился с южного на западный, однако почти не утратил своей силы. Несмотря на это, Колумб приказал снова поставить фок, и «Нинья» понеслась через бушующее море на восток.

Когда совсем рассвело, погода немного улучшилась. «Пинты» нигде не было видно; на «Нинье» почти все были уверены, что она пошла ко дну. Облака чуть-чуть разошлись, и странный призрачный свет залил все еще грозный, рычащий океан, покрытый хлопьями белой пены. Но волны постепенно становились все ровнее, и вскоре матросы были избавлены от необходимости держаться за леера из опасения, что их внезапно смоем за борт. К фоку прибавили еще несколько парусов. Как только скорость каравеллы увеличилась, она стала еще остойчивее, начала лучше слушаться руля и наконец смогла лечь на нужный курс.

Глава XXV

*Когда земля исчезла в отдаленье,
Их океан безмерный поглотил
И сбили с курса бури и течения;
Невесть куда, по милости ветрил,
Летел корабль, и шторм вздымал его
До туч! Но я не видел ничего.*

«Видение упорства»

Таково было положение утром 15 февраля. Вскоре после восхода солнца с марса раздался радостный крик: «Земля!» Следует упомянуть, что земля была замечена прямо по носу — так точно адмирал проложил курс и так уверенно определил свое положение на карте. Но что это была за земля? Кормчие и матросы терялись в догадках. Одни утверждали, что это Европа, другие думали, что Мадейра, и только Колумб уверенно заявил, что перед ними Азорские острова.

С каждым часом расстояние между долгожданным берегом и каравеллой все уменьшалось, когда вдруг ветер изменился и подул прямо от острова. Весь долгий и трудный день маленькое судно боролось со штормом, стараясь пробиться к желанной гавани, но крупные волны и встречный ветер делали продвижение мучительным и почти невозможным. К вечеру, когда солнце скрылось в тяжелых зимних облаках, остров все еще оставался на ветре, и добраться до него до наступления темноты нечего было и думать. Часы проходили за часами, а «Нинья» и во тьме продолжала стремиться туда, где была замечена земля. Все это время Колумб не покидал своего поста: ему казалось, что судьба его открытий висит на волоске. Дон Луис был спокойнее, однако, по мере того как решающий для всей экспедиции час приближался, его тоже начали одолевать сомнения.

Когда взошло солнце, все бросились осматривать горизонт, но, ко всеобщему разочарованию, земли нигде не было видно. Кое-кто решил, что это вообще был обман зрения, и лишь адмирал уверенно сказал, что они в темноте прошли мимо острова, и, приказав изменить курс, повернул на юг. Не прошло и двух часов, как земля снова показалась, на сей раз далеко за кормой, где никто не ожидал ее увидеть. Каравелла еще раз изменила курс и пошла к острову, борясь с волнами и сильным ветром. Снова наступила ночь, и земля опять потонула во мраке.

В положенный час весь экипаж «Ниньи» собрался на палубе, чтобы пропеть вечернюю молитву. В это время под ветром неожиданно был замечен огонь, видимо, на том самом острове, к которому шла каравелла. Такое предположение укрепило уверенность адмирала, что они находятся среди группы островов и что, держась по ветру, к утру смогут добраться до какой-нибудь гавани. Однако утро не оправдало его ожиданий, и Колумб уже готовился провести еще одну ночь, то есть ночь на 17 февраля, в мучительной неизвестности, когда возглас: «Земля прямо по носу!» — заставил всех восторгнуться и приободриться.

«Нинья» смело пошла вперед, к полуночи приблизилась к берегу и попыталась стать на якорь. Однако море было так бурно и ветер так силен, что якорный канат оборвался, и каравеллу отнесло обратно в море. Снова поставили паруса, и попытки продвинуться против ветра возобновились. Лишь на рассвете «Нинье» удалось еще раз приблизиться к берегу и стать на якорь у северной оконечности острова. Измученные и обессиленные моряки узнали, что Колумб, как всегда, оказался прав: они достигли Санта-Мари, одного из Азорских островов.

Здесь не место излагать все злоключения, выпавшие на долю мореплавателей, пока «Нинья» стояла в этом порту. Скажем только, что португальцы пытались захватить каравеллу: они причинили адмиралу последние неприятности перед отплытием из Старого Света и встретили его первыми кознями по возвращении из Нового. Когда все происки португальцев ни к чему не привели, они захватили лучших моряков из экипажа «Ниньи». Сначала адмирал вышел в море почти без команды, но в конце концов все уладилось, и 24 февраля он отплыл в Испанию со всеми своими людьми.

Первые несколько дней судьба, казалось, благоприятствовала смелым мореходам: ветер был попутный и море спокойное. С утра 24-го и до вечера 26-го каравелла уже прошла по направлению к Палосу почти сто лиг, когда погода опять испортилась: ветер усилился, и море стало бурным. Вскоре забушевал шторм. Хорошо еще, что порывы его гнали каравеллу на восток с небольшим сносом к северу, позволяя понемногу продвигаться вперед. Буря не утихала, однако, зная, что она несет их к берегам Европы, адмирал не жаловался, а, наоборот, ободрял своих спутников, поддерживая в них надежду на скорое завершение плавания.

Так проходили день за днем. В субботу 2 марта они, по расчетам Колумба, находились уже милях в ста от берегов Португалии, потому что постоянные южные ветры должны были оттеснить их на север.

Ночь обещала быть спокойной. Каравелла быстро бежала вперед по огромным волнам, катившимся с

юга. Ветер дул в борт и вскоре настолько окреп, что пришлось зарифить часть парусов. «Нинья» была великолепным судном, в этом все убедились. Благодаря более тяжелому грузу, взятому на острове Санта-Мария, сейчас она держалась куда увереннее, чем во время недавнего шторма, когда в трюме было всего несколько бочек с водой.

К концу первой вахты, проходя мимо рулевого, адмирал узнал Санчо Мундо.

— С тех пор как начался шторм, ты не отходишь от руля,— приветливо обратился к нему Колумб.— Это не малая честь—провести корабль сквозь столь жестокие бури!

— Я тоже так думаю, сеньор адмирал, и надеюсь, две доблы, которые пожалует мне ваше королевское высочество, будут вполне соответствовать по весу тяжести моей службы.

— Разве тебе мало одной чести, друг мой Санчо? — спросил дон Луис, всей душой привязавшийся к старому моряку, который его спас.

— Честь и почести, сеньор, слишком скудная пища для желудка бедняка. Одна добла для таких, как я, дороже двух герцогских титулов, потому что добла поможет мне завоевать уважение, а герцогский титул сделает из меня посмешище. Нет уж, ваше высочество, лучше набейте мне карманы золотом, а почести оставьте тем, кто до них охоч! Когда человеку приходится пробиваться в жизни, дайте ему с чего начать, или, другими словами, заложите прочную основу, а уж тогда он может стать хоть рыцарем ордена святого Яго, если государю будет угодно внести его имя в их список.

— При всех твоих достоинствах, Санчо, для рыцаря ты не в меру болтлив,— строго заметил адмирал.— Следи за курсом! И не думай о доблах до окончания плавания!

— Премного благодарен, сеньор адмирал! А в доказательство того, что мои глаза не дремлют, когда работает язык, я прошу ваше высочество, а заодно и кормчих взглянуть вон на те облака, что собираются на юго-западе, и подумать о том, что они нам сулят.

— Клянусь, он прав, дон Христофор! — воскликнул Бартоломе Ролдан, стоявший неподалеку. — Облака самые зловещие, они похожи на те, что приносят с собой белый африканский шквал.

— Следи за ними, следи, бога ради, добрый Бартоломе! — поспешно приказал Колумб. — Поистине мы слишком уверовали в свое счастье и перестали наблюдать за небом. Какая преступная небрежность! Вызовите Висенте Яньеса и всех людей наверх: они могут понадобиться.

Колумб быстро поднялся на ют, откуда было удобнее наблюдать за облаками и океаном. Буря надвигалась стремительно и от этого казалась особенно грозной. Все вокруг затянуло белым, похожим на дым туманом, и не успел адмирал оглядеться, как с грохотом налетел первый шквал — словно табун лошадей промчался по деревянному гулкому мосту. Океан взревел, и буря обрушилась на маленькое суденышко, как стая разъяренных демонов, решивших во что бы то ни стало не допустить возвращения «Ниньи» со столь славными известиями.

Когда налетел первый шквал, послышался гром, как от орудийного залпа: это был треск парусов «Ниньи», сорванных ветром. Каравелла легла на борт так, что едва не коснулась реями волн; на мгновение у всех захватило дух, а самые опытные моряки уже решили, что судно перевернется. Так бы оно и случилось, если бы на мачтах уцелел хоть один парус. Но Санчо успел вовремя повернуть судно по ветру, поэтому «Нинья» выпрямилась и чуть ли не по воздуху понеслась вперед, гонимая бурей.

Однако это было только начало. Разыгравшийся шторм намного превосходил по силе тот, от которого они недавно едва спаслись. В первые часы ужас и отчаяние парализовали команду: никто ничего не делал и даже не пытался бороться. Корабль мчался по ветру — крайнее средство, к которому прибегают в таких случаях моряки. Последние клочья парусов были сорваны с реи: буря избавила людей от необходимости крепить их. В этом безвыходном положении отчаявшиеся моряки снова обратились к молитвам,

и снова адмиралу пришлось дать обет, что он совершит паломничество к могиле еще одного святого. Кроме того, вся команда пообещала по возвращении в Испанию провести первую субботу в посте на хлебе и воде.

— Просто удивительно, дон Христофор, как часто выпадает вам эта доля! — заметил Луис, когда они с адмиралом остались одни на корме. — Уже трижды провидение избирало вас своим орудием для принесения покаяний и обетов! Видно, такая уж ваша великая судьба!

— Скажите лучше, что такое уж мне наказание за великие грехи! — отозвался Колумб.

— Вы полагаете, нам грозит опасность?

— Да, и самая страшная с тех пор, как мы отплыли из Палоса. Нас несет к земле, до нее осталось не более тридцати лиг, а шторм, как вы сами видите, все крепчает. Хорошо еще, что ночь уже на исходе: может быть, с рассветом мы что-нибудь сумеем предпринять.

Рассвет пришел, как всегда, в положенный час, ибо какие штормы ни бушуют на морях и океанах, земля неуклонно совершает свой суточный кругоборот. Однако утро не принесло изменений: небо и океан соперничали в неистовстве. Подгоняемая свирепыми шквалами, «Нинья» мчалась среди хаоса волн, с каждым мгновением приближаясь к земле.

Вскоре после полудня появились первые признаки близости материка; теперь уже никто не сомневался, что каравеллу гонит к берегам Европы. Но пока вокруг ничего не было видно, кроме бушующего океана и черных туч, сквозь которые пробивался странный призрачный свет, какой бывает во время грозы. Солнце заходило, так и не выглянув из-за туч, и место его захода можно было определить только по компасу. И снова ночь опустилась на бешеное зимнее море, где маленькая каравелла казалась покинутой всеми, без света дня и без надежды на спасение. В довершение всех бед волны становились все выше, и тонны воды ежеминутно обрушивались на палубу маленького судна, ломая решетки люков и сры-

вая с них ненадежное прикрытие из просмоленной парусины.

— Это самая страшная ночь из всех пережитых нами, сын мой Луис,—проговорил Колумб примерно через час после заката, когда вокруг уже царила непроглядная тьма.—Если мы и ее переживем, можно считать, что нас хранит сам господь!

— Однако вы спокойны, сеньор, так спокойны, словно в душе и не сомневаетесь в счастливом исходе.

— Моряк, который не умеет управлять своими нервами и голосом даже в минуты крайней опасности, напрасно стал моряком.

— Если мы погибнем, сеньор, наша тайна останется в руках португальцев!—воскликнул дон Луис.—Ведь, кроме нас, ее знают только они, потому что на возвращение Мартина Алонсо вряд ли можно надеяться.

— Да, и это меня печалит. Я сделал все, чтобы наши государи сохранили свои права на новые владения. А в остальном положимся на волю божью.

Едва успел Колумб договорить, как послышался тревожный крик: «Земля!» Сколько раз это слово вызывало взрывы восторга, но теперь оно таило в себе новую опасность. Хотя ночь была темная, временами мгла на одну-две мили вокруг корабля словно редела, и можно было достаточно ясно различить впереди очертания береговой линии.

Колумб и дон Луис, чтобы лучше разглядеть берег, поспешили на нос каравеллы, несмотря на то что при таком шторме даже этот простой переход грозил смертью. Земля была так близко, что все на борту более или менее отчетливо слышали рев и грохот прибоя. Без всякого сомнения, это была Португалия, но приставать к берегу, не зная своего точного местоположения и не видя гавани, означало верную гибель. Оставалась единственная возможность: повернуть каравеллу в открытое море и постараться продержаться там до рассвета. Колумб отдал приказ, и Висенте Яньес тотчас приступил к его исполнению, насколько это было в его силах.

Ветер заходил в корму с правого борта, и каравелла шла на восток со сносом румба на два к северу; теперь же нужно было повернуть ее так, чтобы она легла курсом на север, с таким же сносом на запад. Судя по изгибу береговой линии, такой маневр позволил бы судну продержаться несколько часов в безопасном расстоянии от скал. Но осуществить этот маневр без парусов было невозможно, и Колумб приказал поставить фок. Первый удар ветра в развернутую парусину потряс все судно, словно шквал хотел вырвать фок-мачту из гнезда. Затем наступила мертвая тишина, корпус «Ниньи» так накренился, что сам сделался как бы парусом. Воспользовавшись благоприятным моментом, Санчо и его помощник закрепили шкоты паруса. Когда маленькая каравелла выпрямилась и ветер наполнил парус, судно потряс новый удар, словно коня, остановленного на полном скаку. Но теперь «Нинья» медленно поворачивала в открытое море и вскоре уже неслась среди бушующих волн, грозивших поглотить ее в любое мгновение.

Дон Луис стоял, привалившись к косяку отведенной для женщин каюты, когда рядом вдруг послышался нежный голос:

— Луис! Ах, Луис, Гаити лучше... Маттинао лучше! Здесь плохо, Луис, плохо!

Это была Озэма, которая поднялась со своей койки, чтобы взглянуть на ревущий океан. В начале плавания, при спокойной погоде, Луис часто виделся с туземцами, и у него установились с ними прекрасные отношения. Хотя Озэма и не могла до конца освоиться со своим новым положением, Луиса она всегда встречала с искренней радостью. Ее успехи в испанском языке изумляли даже ее учителя. Впрочем, он тоже преуспел: чтобы лучше обучать Озэму, Луис выучил почти столько же слов ее родного языка, сколько она — испанских. Так они обычно и беседовали, прибегая по мере надобности то к одному, то к другому языку. Поэтому в дальнейшем мы будем давать просто перевод их разговоров.

— Бедняжка Озэма! — проговорила Луис, ласково поддерживая девушку, чтобы жестокая качка не

сбила ее с ног.— Конечно, тебе жалко Гаити, мирного покоя родных лесов.

— Там Каонабо, Луис!

— Да, правда, девочка, но даже Каонабо не так страшен, как ярость разбушевавшихся стихий.

— Нет, нет, нет! Каонабо очень плохой! Обидел Озэму. Нет Каонабо, нет Гаити!

— Ты почти обезумела от страха перед этим вождем карибов. Слушай, Озэма, у тебя тоже есть бог, как и у нас, христиан, и ты должна ему верить, как верим мы: только он сейчас может тебя защитить.

— Что это — защитить?

— Позаботиться о тебе. Чтобы никто тебя не обижал. Позаботиться о твоей жизни и счастье.

— Луис защитит Озэму. Так он обещал Маттинао, так обещал Озэме, так обещал сердцу.

— Милая девушка, так я и сделаю, насколько это будет в моих силах. Но как я могу защитить тебя от бури?

— Что сделал Луис с Каонабо? Прогнал его, убил индейцев, заставил всех бежать!

— Это было нетрудно для испанского рыцаря с добрым мечом и щитом, но перед бурей я бессилен. Нам остается только одна надежда — на бога.

— Испанцы сильнее, у них сильный бог.

— Есть только один бог, Озэма. Помнишь, ты обещала поклоняться только ему и принять крещение, когда мы вернемся в Испанию!

— Бог? Хорошо. Озэма обещала, Озэма сделает. Она уже любит бога Луиса.

— Ты видела крест, Озэма, и ты обещала целовать его и молиться ему.

— Где крест? Не вижу креста. Где он? На небесах или здесь? Покажи Озэме крест, покажи сейчас крест Луиса, который Луис любит.

Юноша всегда носил на груди прощальный подарок Мерседес. Он достал маленький крестик, усыпанный драгоценными камнями, в страстном порыве прижал его к своим губам, а затем протянул индианке.

— Смотри, — сказал он, — это крест. Испанцы чтят его и молятся на него.

Девушка поняла почти все. Дон Луис помог ей надеть цепочку на шею, и вскоре крестик покоился на ее груди. Чтобы уберечь гаитянок от холода, а также из соображений приличия, адмирал приказал сшить им свободные платья из бумажной ткани. В складках такого платья, которое совершенно скрывало ее чудесную фигуру, Озэма и спрятала драгоценный крестик, нежно прижимая его к сердцу. Ведь это был подарок Луиса! Что же касается юного испанца, то он хотел дать ей символ веры лишь на время грозной опасности.

Озэма никак не могла освоиться с непривычной одеждой. Когда молодой человек помог ей надеть крестик, судно вдруг резко накренилось, и, чтобы удержать девушку от падения, он обхватил ее за талию. То ли подчиняясь движениям каравеллы, которая ныряла так, что даже матросы не могли держаться на ногах, то ли по доброте душевной, но Озэма не оттолкнула его и не рассердилась за такую вольность — единственную, которую Луис допустил за все время! С детской доверчивостью склонилась она в объятия того, с кем хотела провести всю жизнь. Положив голову ему на грудь, Озэма не отрывала глаз от лица юного графа.

— Озэма, неужели эта страшная буря тебя не пугает? Я так боялся за тебя, а ты как будто совсем не тревожишься!

— Озэма счастлива. Не хочет Гаити, не хочет Маттинао, ничего не хочет. Теперь Озэма счастлива.

— Милая, чистая душа! Пусть никогда ты не узнаешь горя!

— Крест — «мерседес», Луис — «мерседес»! Луис, Озэма, крест — навсегда!

В это мгновение «Нинья» опять нырнула, и резкий толчок заставил Луиса разжать объятия, иначе он вместе с Озэмой покатылся бы к подветренному борту, где стоял Колумб, стараясь хоть немного укрыться от ярости шторма. Когда юноша поднял голову, он увидел, что Озэмы уже нет и что дверь каюты закрыта.

— Как там наши подопечные, Луис, очень напуганы? — спокойно спросил Колумб; несмотря на то, что все его мысли были поглощены бедственным положением каравеллы, ничто не укрылось от его глаз. — Правда, они не из трусливых, но в такой шторм даже амазонка может испугаться!

— Они не боятся, сеньор, но я думаю, это потому, что они ничего не понимают. Цивилизованный человек стоит настолько выше этих туземцев, что все они — мужчины и женщины, свято верят в нас и ничего не опасаются. Я только что дал Озэме крест и сказал, чтобы она возложила на него свои надежды.

— Вы правы. Кажется, нам только это и остается!.. Эй, Санчо, когда затихает, держи нос каравеллы как можно ближе к ветру! Каждый дюйм от берега — лишний шаг к спасению!

Последовал обычный ответ рулевого, и разговор оборвался. Ярость волн, захлестывавших «Нинью», которая буквально чудом держалась на поверхности океана, требовала полной сосредоточенности всего экипажа.

Так прошла ночь. Когда рассвело, зрелище зимнего шторма оказалось еще страшнее. В тот день солнце так и не выглянуло, туман висел низко и был так густ, что казалось, само небо опустилось над океаном, покрытым сплошной пеленой белой пены. Вскоре справа по борту был замечен высокий и близкий берег; более опытные моряки сразу узнали скалы Лиссабона. Убедившись, что это действительно так, адмирал приказал повернуть к берегу и идти к устью реки Тахо. До него было недалеко, каких-нибудь миль двадцать, однако необходимость двигаться в бурю по ветру ставила судно в такое положение, что перед ним бледнели все пережитые опасности. Даже враждебное отношение португальцев было забыто или, во всяком случае, отошло на второй план; оставался единственный выбор — гавань или кораблекрушение. Теперь куда больше значил каждый выигранный дюйм!

Сам Висенте Яньес стал к рулю, чтобы следить за ходом судна внимательным и опытным глазом. В

такую бурю можно было поставить только самый нижний парус, да и тот пришлось глухо зарифить.

Маленькая каравелла мчалась вперед, подгоняемая штормом. Она то погружалась в бездну, где не было видно ни земли, ни горизонта — лишь грозные стены гигантских валов да тучи над головами, — то словно из безмолвной темной пещеры вылетала навстречу реву и свисту обезумевших стихий. Это были самые опасные мгновения. Когда легкая скорлупка «Ниньи» поднималась на гребень волны, бешеный ветер пытался сбросить ее вниз, и казалось, что следующий вал обязательно накроет каравеллу. Лишь бдительный глаз Висенте Яньеса и твердая рука Санчо каждый раз помогали судну ускользнуть от рокового удара. Однако волны все же перекатывались иногда через палубу с грохотом водопада, так что всей команде пришлось укрыться на корме.

— Теперь все зависит от парусов, — вздохнув, проговорил Колумб. — Если они выдержат, пока мы идем прямо по ветру, мы спасены; когда повернем, будет легче. Но мне кажется, что ветер сейчас слабее, чем ночью.

— Похоже на то, сеньор! Кажется, мы уже подходим к тому месту, которое вы указали.

— Держи вон на тот скалистый мыс. Если нам его удастся обогнуть, мы в безопасности. Если нет, то все найдем здесь могилу.

— Каравелла идет послушно, и я не теряю надежды.

Час спустя земля была уже так близко, что можно было различить людей, суетившихся на берегу.

Бывают мгновения, когда моряки как бы находятся между жизнью и смертью и одинаково ясно видят и то, и другое: с одной стороны — крушение и гибель, с другой — желанную безопасность. По мере того как судно постепенно продвигалось все ближе и ближе к берегу, грохот прибоя становился все слышнее. Зрелище валов, разбивавшихся о скалы, внушало ужас. Временами можно было видеть, как целые фонтаны брызг и пены взлетали над камнями и уносились ветром далеко в глубь суши.

Лиссабон расположен лицом к лицу с Атлантическим океаном: его не защищают ни острова, ни отмели, да и вообще португальское побережье, пожалуй, самое открытое во всей Европе. Особенно страшны здесь юго-западные штормы, когда волны, разгулявшись на океанских просторах, обрушиваются на берег с ужасающей силой. Но этот шторм был необычен даже для Атлантики. В такое время года океан вообще редко бывает спокоен, а сейчас, не успев утихнуть после одной бури, он вновь начинал бурлить под порывами нового шторма, и беспорядочное волнение создавало большую опасность для судов, особенно таких маленьких, как «Нинья».

— Кажется, дело идет на лад, дон Христофор! — воскликнул Луис, когда каравелла приблизилась к мысу на пушечный выстрел. — Еще десять минут такого хода, и мы его обогнем!

— Вы правы, сын мой, — спокойно ответил адмирал. — Но, если нас, не дай боже, выкинет вон на те скалы, от «Ниньи» через пять минут не останется и двух досок... Одерживай, одерживай, добрый Висенте, еще немного, а потом спускайся! Только бы выдержал парус, и мы его обогнем, Луис! Взгляните на берег, и вы увидите, как мы продвигаемся.

— Вижу, сеньор. Но мы идем так близко от мыса, что просто страшно!

— Не бойтесь: самый рискованный курс зачастую самый безопасный. Здесь у берега глубоко, а осадка у нас небольшая.

Все смолкли, затаив дыхание. Каравелла мчалась к мысу с устрашающей скоростью. Полоса клокочущей у скал воды и белой пены приближалась с каждым мгновением. Почти коснувшись ее бортом, «Нинья» птицей пронеслась мимо и через пять минут уже шла к устью Тахо, открывшемуся прямо по курсу. Теперь можно было убрать грот. Все страхи остались позади, моряки знали, что впереди их ждет надежная гавань.

Так завершилось это величайшее в истории плавание. Правда, потом пришлось еще совершить переход из устья Тахо до Палоса, но расстояние это было ничтожно по сравнению с пройденным, и каравелла

пробежала его без всяких происшествий. Колумб осуществил свой необъятный замысел, и его успех перестал быть тайной. Как его встретили в Португалии и о том, что произошло в Лиссабоне, говорить не стоит — все это достаточно известно¹. 4 марта он стал на якорь в устье Тахо, а 13-го отплыл, держа курс на Палос. Утром 14-го числа «Нинья» обогнула мыс Сан-Висенте и повернула на восток при легком северном ветре. А 15 марта, вскоре после восхода солнца каравелла миновала отмель Сальтес и вошла в родной порт, завершив тем самым беспримерное плавание, продолжавшееся двести двадцать четыре дня.

Глава XXVI

*Однажды вечером в кругу подруг
Она выслушивала свеженькую сплетню,
Как вдруг в дверях раздался громкий стук,
И в дом ввалился бравый парень с плетью,
С индийским удивительным платком
На бычьей шее, в шапке пирожком,
В матросской куртке с золотым шитьем,
На каждом башмаке большая пряжка
Начищенным сверкала серебром,—
Ну что за парень! Обмерла бедняжка...*

Микль. «Жена моряка»²

Несмотря на величие замысла, лежавшего в основе описанного нами путешествия, несмотря на то, что осуществление его требовало огромного упорства и самоотверженности, а успех сулил ни с чем не сравнимые выгоды, в свое время подвиг Колумба не привлек особого внимания, пока не стали известны его результаты. Всех гораздо больше волновали повседневные мелочи и заботы о собственном благополучии. Дело в том, что всего за месяц до соглашения

¹ Португальский король Жуан II хорошо принял Колумба и его спутников, но заявил, что новооткрытые земли должны принадлежать не Кастилии, а Португалии, сославшись на договор 1479 года. Однако спустя год Жуан II признал права Кастилии на эти земли.

² Микль Уильям (1735—1788) — шотландский поэт.

с Колумбом Фердинанд и Изабелла подписали достопамятный эдикт об изгнании евреев¹, и это выселение огромной части испанских граждан было само по себе столь значительным событием, что оно заставило всех забыть о сомнительной экспедиции, опиравшейся на какие-то гадательные расчеты пусть даже и выдающегося мореплавателя.

Последний день июля был крайним сроком, когда преследуемые за свою веру евреи должны были отправиться в изгнание. Этот крайний срок почти день в день совпал с выходом эскадры Колумба из Палоса, и неудивительно, что всеобщее внимание сосредоточилось на более значительном событии, которое можно было назвать народным бедствием. Выселение евреев походило на их исход из Египта. Все дороги были переполнены толпами несчастных, многие брели, сами не зная куда.

Король и королева покинули Гранаду еще в мае, два месяца пробыли в Кастилии и к началу августа переехали в Арагон; они уже были там, когда эскадра Колумба вышла в море. В Арагонском королевстве супруги задержались до конца лета для завершения важных государственных дел.

В октябре королевская чета посетила мятежную Каталонию, и двор всю зиму провел в Барселоне. Здесь их задержали непредвиденные обстоятельства. 7 декабря на жизнь Фердинанда было совершено покушение: убийца нанес ему опасную, хотя и не смертельную рану в шею. В течение нескольких недель, когда жизнь короля находилась под угрозой, Изабелла не отходила от его постели, ухаживая за Фердинандом как любящая и преданная жена. В те дни она думала только о своем супруге, не помышляя ни об экспедиции, ни о возможном расширении своих владений. Затем началось длительное расследование дела о покушении. Как водится, был заподозрен заговор, хотя история доказывает, что по большей

¹ Этот изуверский указ привел к пагубным последствиям. В августе 1492 года все евреи были изгнаны из Испании, причем у них было отнято все имущество. Не менее 165 тысяч евреев бежало из Испании, более 20 тысяч погибли.

части в таких случаях не бывает ни заговоров, ни сообщников и что все эти посягательства на жизнь государей чаще всего объясняются фанатизмом отдельных лиц.

Изабелла терзалась угрызениями совести при мысли о страданиях, на которые она обрекла евреев в своем религиозном рвении, но затем ее отвлекли заботы о муже. Фердинанд поправлялся медленно. Его болезнь и постоянные государственные дела заставили даже королеву на время забыть об экспедиции Колумба. Что же касается недоверчивого Фердинанда, то он давно уже распростился с золотом, потраченным на эту затею, как с деньгами, выброшенными на ветер.

В положенный срок пришла благоуханная южная весна, и к концу марта плодородная Каталония зазеленела.

Вот уже несколько недель, как Фердинанд снова принялся за государственные дела. Избавившись от опасений за здоровье супруга, Изабелла тоже вернулась к своим привычным заботам и обязанностям милосердной государыни. Последние события отвратили ее от придворной пышности и суеты. Изабелла всегда стремилась к тихой семейной жизни, к которой имела природное расположение, однако теперь королеве приходилось проводить со своими детьми и приближенными даже больше времени, чем ей бы хотелось. Ближайшей ее подругой по-прежнему оставалась маркиза де Мойя, поэтому и Мерседес тоже часто видела королеву или играла с ее детьми.

В тот вечер в конце марта во дворце был устроен малый прием. Радуюсь возможности избежать всей этой суеты, Изабелла удалилась в свои покои, где для дружеской беседы собралось ее маленькое общество. Было уже близко к полуночи; король, по обыкновению, работал рядом в своем кабинете. Кроме членов королевской семьи, доньи Беатрисы и ее прелестной воспитанницы, у королевы находились архиепископ Гранады, а также Луис де Сантанхель и дон Алонсо де Кинтанилья — последних двух пригласил архиепископ, чтобы в присутствии Изабеллы обсудить один вопрос, касающийся церковных финансов. Но с де-

лами было уже покончено, и королева милостиво беседовала с членами своего маленького кружка.

— Есть ли какие-нибудь новые известия об этих несчастных заблудших евреях, сеньор архиепископ? — спросила Изабелла, чье доброе сердце все еще заставляло ее сожалеть о жестокости, на которую она решилась во славу церкви, уступив настояниям своего исповедника. — Пусть помогут им наши молитвы, если соображения политики и долга потребовали их изгнания¹!

— Сеньора, — ответил Эрнандо де Талавера, — они наверняка служат сейчас маммоне где-нибудь среди турок или мавров, как делали это раньше в Испании. Ваше высочество не должно заботиться об этих потомках врагов господина нашего. Если они и страдают сейчас, то несомненно страдают справедливо — за смертные грехи своих отцов! Спросите лучше у сеньоров Сантанхель и Кинтанилья о судьбе их любимца, генуэзца Колумба. Когда наконец он вернется и приведет к нам за бороду великого хана?

— Мы ничего не знаем о нем с тех пор, как он покинул Канарские острова, — коротко ответил Сантанхель.

— Канарские острова? — воскликнула королева, несколько удивленная. — Разве оттуда были получены какие-нибудь вести?

— Только устные, сеньора. Насколько я знаю, писем в Испанию еще не приходило. Однако в Португалии ходят слухи, что адмирал заходил на Гомеру и на Гран-Канарию, где у него, видимо, возникли какие-то затруднения, а оттуда вскоре направился прямо на запад. С тех пор ни об одной из его каравелл нет никаких известий.

— Но уже из этого видно, сеньор архиепископ, — прибавил Кинтанилья, — что мелкие затруднения не остановят мореплавателей и не заставят их вернуться.

¹ Изабелла порой проливала крокодиловы слезы, вспоминая о жертвах ее преследований — евреях и маврах. Однако, изгоняя евреев из Испании и притесняя гранадских мавров, она никому не оказывала ни малейшего снисхождения; по ее приказам инквизиторы посылали «еретиков» на костер.

— Еще бы! После того как генуэзский авантюрист получил от вашего высочества звание адмирала, он не будет спешить с ним расстаться! — рассмеялся прелат, которого не слишком смущало благосклонное отношение королевы к Колумбу. — Кто же станет отказываться от высокого звания, власти и почестей, когда есть возможность их сохранить? Ведь для этого достаточно держаться подальше от того, кто тебе их дал!

— Вы несправедливы к генуэзцу, святой отец, и судите о нем слишком строго, — заметила королева. — По правде говоря, я еще не слыхала о том, что Колумб заходил на Канарские острова, но я рада, что он благополучно до них добрался. Моряки говорят, что нынешняя зима была на редкость суровой, не правда ли, сеньор Сантанхель?

— Да, ваше высочество, очень! Я слышал, как здесь, в Барселоне, моряки клялись, что такой еще не бывало на их памяти. И, если Колумба постигнет неудача, я думаю, это послужит ему оправданием. Впрочем, он, наверно, уже далеко от всех здешних бурь и штормов.

— Только не он! — воскликнул архиепископ. — Вот увидите, он просто отсиживается в какой-нибудь безопасной африканской гавани. И нам еще придется из-за него объясняться с доном Жуаном Португальским!

— А вот и король, — прервала его Изабелла. — Спросим его мнения! Он уже давно не упоминал имени Колумба. Вы еще помните нашего генуэзского адмирала, дон Фердинанд?

— Прежде чем отвечать на вопрос о событиях столь отдаленных, позвольте спросить, что происходит здесь сейчас? — с улыбкой проговорил король. — Давно ли ваше высочество собирает придворных и дает приемы после полуночи?

— Какой же это прием, сеньор? Здесь только наши дети, Беатриса со своей воспитанницей, наш добрый архиепископ и эти двое ваших преданнейших слуг!

— Согласен, но вы забыли о своей приемной и о тех, кто там ждет вашего соизволения войти. — — —

— Сейчас там никого не может быть! Вы, наверно, шутите, ваше высочество?

— В таком случае ваш собственный паж дон Диего де Бальестерос сказал мне неправду. Не желая вас беспокоить в столь поздний час, он явился ко мне и доложил, что какой-то человек странного вида и поведения проник во дворец и требует свидания с королевой, невзирая на неподходящее время. Человек этот ведет себя так необычно, что я приказал его впустить и сам пришел, чтобы присутствовать при вашем разговоре. Паж говорит, будто этот человек клянется, что все часы в сутках одинаковы и что ночь так же, как и день, создана на потребу людям!

— Дорогой дон Фердинанд, может быть, здесь кроется измена?

— Не бойтесь, Изабелла, убийцы не так уж смелы, а, кроме того, шпаги этих сеньоров послужат нам надежной защитой. Но, чу! Я слышу шаги. Сохраняйте спокойствие, неизвестно, чем еще это кончится!

Дверь открылась, и перед королевской четой предстал Санчо Мундо. Его причудливое одеяние рассмешило и удивило присутствующих. Придворные смотрели на него с изумлением, которое все возрастало, ибо бравый моряк нацепил на себя все украшения, привезенные им из так называемой Индии, в том числе и два золотых обруча. Одна Мерседес сразу догадалась, что это за человек. Она невольно вскочила, всплеснула руками и не удержалась от негромкого возгласа. Это не укрылось от внимания королевы, которая теперь тоже все поняла. Она встала и, уже ничего не опасаясь, проговорила:

— Я Изабелла, твоя королева! А ты посланец генуэзца Колумба, не так ли?

Санчо стоило больших трудов проникнуть во дворец и добиться приема, но теперь, когда все было в порядке, он взялся за дело с обычным своим хладнокровием. Прежде всего он упал на колени, как его научил Колумб. Мы уже говорили, что на Кубе и на Гаити Санчо настолько пристрастился к табаку, что мог считаться первым европейцем, который научился у туземцев жевать это ароматное растение. При-

вычка эта за ним так и осталась, поэтому даже сейчас, прежде чем ответить на вопрос королевы, он, не меняя положения, сунул кусочек табачного листа в рот. Затем, как следует отряхнувшись, потому что на нем был самый лучший его наряд, моряк приготовился отвечать.

— Сеньора, донья, ваше высочество,— с чувством заговорил он. — Любой узнал бы вас с первого взгляда. Я Санчо Мундо с корабельной верфи, один из самых верных слуг и моряков вашего светлейшего высочества, уроженец и житель Могера!

— Я спрашиваю, тебя послал Колумб?

— Да, сеньора. Премного благодарен вашей королевской милости, что вы сами это сказали. Дон Христофор послал меня из Лиссабона через всю страну, полагая, что подлые португальцы скорее пропустят простого моряка вроде меня, чем какого-нибудь вашего курьера в высоких сапогах. Дорога прескверная, и на всем пути от конюшен Лиссабона до Барселонского дворца не нашлось ни одного приличного мула, на котором мог бы спокойно ехать уважающий себя христианин.

— Значит, у тебя есть письма? — спросила королева. — Впрочем, что же еще может быть у такого человека, как ты!

— А вот тут ваше светлейшее высочество донья королева ошибается! Было еще кое-что, да только от моих добл, которые я взял в дорогу, не осталось и половины. Ей-ей, должно быть, харчевники принимали меня за герцога, судя по тому, как они меня обдирали!

— Дайте ему золота, добрый Алонсо,— проговорила королева. — Видно, он из тех, кто любит получать вознаграждение заранее!

Санчо спокойно пересчитал монеты, высыпанные ему в руку, и, когда их оказалось много больше, чем он надеялся, пришел к заключению, что дальше тянуть нет смысла.

— Отвечай, парень! — прикрикнул на него король. — Да не вздумай хитрить!

Резкий тон Фердинанда сразу подействовал на Санчо, хотя, по правде говоря, ласковые слова и

красота Изабеллы произвели даже на его грубую душу гораздо большее впечатление.

— Если ваше высочество изволит сказать, что ему угодно услышать, я отвечу с полной охотой.

— Где сейчас Колумб? — спросила королева.

— Последний раз я видел его в Лиссабоне. Но сейчас он наверняка уже в Палосе или где-нибудь неподалеку.

— В каких странах он побывал?

— В Сипанго, царстве великого хана, в сорока днях плавания от Гомеры. Страна эта прекрасная, полная всяких чудес...

— Ты не смеешь, не можешь меня обманывать! Неужели мы должны верить тебе на слово?

— Если бы вы, ваше высочество, лучше знали Санчо Мундо, вы бы не стали сомневаться. Я говорю вам, сеньора, и всем этим благородным рыцарям и дамам только чистую правду. Дон Христофор Колумб открыл эту страну по ту сторону земли, которая, как мы теперь знаем, кругла, словно шар, и которую мы обогнули. Он также открыл, что Полярная звезда бродит по небу, как кумушка, разносящая сплетни, а кроме того, он овладел островами величиной с Испаниею, где полным-полно золота и где наша святая церковь может обращать туземцев в истинную веру до окончания времен.

— Довольно, Санчо, дай мне письмо! Колумб не мог тебя прислать только с устным донесением!

Моряк не спеша развернул несколько тряпиц и бумажек, затем, по-прежнему стоя на коленях, протянул королеве послание Колумба, так что ей пришлось сделать несколько шагов вперед и самой взять письмо из его рук. Все это было настолько необычно и странно, новости, принесенные Санчо, казались такими невероятными, что никто не произнес ни слова: королева была единственным действующим лицом в этой сцене. Что касается Санчо, которому это важное поручение было доверено в надежде, что он с его ловкостью не попадет в тюрьму и не привлечет внимания разбойников, то бравый моряк, успешно справившись со своей задачей, спокойно откинулся

на пятки — Колумб настрого приказал ему не вставать с коленей, пока не будет дозволено, — и, вытащив полученные им золотые, снова принялся их не торопясь пересчитывать. Внимание всех присутствующих было обращено на королеву, поэтому на Санчо никто не смотрел.

Изабелла развернула письмо и начала жадно пробегать глазами строку за строкой. Послание Колумба, как обычно, было подробным и длинным, и, чтобы его прочесть, понадобилось немало времени. Пока она читала, никто не шевельнулся; все глаза были устремлены на лицо королевы. Сначала оно вспыхнуло от удовольствия, затем на нем отразились недоверие, изумление, радость и, наконец, молитвенный экстаз. Когда письмо было дочитано, Изабелла возвела глаза к небу, воздела руки и воскликнула:

— Не нам, а тебе, о господи, принадлежит вся слава этого чудесного открытия, все плоды этого великого свидетельства твоего милосердия и всемогущества!

Изабелла упала в кресло и залилась слезами. При этих словах своей царственной супруги с уст Фердинанда сорвалось негромкое восклицание. Он осторожно взял письмо из ее ослабевшей руки и принялся читать его медленно и с большим вниманием. Мало кто наблюдал хладнокровного короля Арагонского в таком волнении, как в эти минуты! Удивление на его суровом лице скоро сменилось нетерпением, пожалуй, даже выражением алчности, а когда он кончил читать, оно озарилось огнем ликования и торжества.

— Добрый Луис де Сантанхель и вы, мой честный Алонсо де Кинтанилья! — воскликнул он. — Для вас это приятные вести. И даже вы, святой отец, им обрадуетесь, ибо они сулят церкви славные приобретения. Хотя вы и не благоволили к генуэзцу, Колумб превзошел все наши ожидания! Он действительно открыл Индию, увеличил наши владения и расширил нашу власть до необозримых пределов!

Такая вспышка радости никак не вязалась с обычным обликом дона Фердинанда, и он сам это признавал. Поэтому, чтобы не привлекать к себе внимания, он подошел к Изабелле, взял ее под руку и по-

вел в свой кабинет. Выходя из комнаты, король жестом пригласил трех сановников последовать за ними для совета.

После их ухода в комнате остались, не считая Санчо, только инфанты, маркиза де Мойя и Мерседес; впрочем, королевские дочери почти сразу же удалились в свои покои. Бравый моряк по-прежнему стоял на коленях, вернее сидел на пятках, и был настолько поглощен размышлениями о своей судьбе и своих богатствах, что почти не замечал происходящего.

— Ты можешь встать, друг мой,— обратилась к нему донья Беатриса.— Их высочества уже удалились.

Услышав это, Санчо с охотой изменил свою смиренную позу, тщательно отряхнул пыль с коленей и огляделся вокруг с таким видом, словно осматривал горизонт на море.

— Судя по твоим речам и по тому, что Колумб доверил тебе свое послание, ты из его экипажа, не так ли, друг мой? — спросила маркиза.

— Можете быть в этом уверены, светлейшая сеньора! Чуть ли не все время я стоял у руля, всего в десяти шагах от места, которое так полюбилось адмиралу и сеньору Педро де Муньосу, что они покидали его, только чтобы поспать, да и то не всегда.

— Значит, сеньор Муньос тоже был с вами? — продолжала маркиза, сделав своей воспитаннице знак, чтобы та потерпела.

— Да, сеньора, а кроме него, был еще сеньор Педро Гутьерес, и еще некий дон... как, бишь, его там звали... и все они втроем занимали не больше места, чем один обыкновенный человек. Простите, милостивая и прекрасная сеньора, говорят, где-то здесь, при дворе нашей доброй королевы, должна быть донья Беатриса де Кабрера маркиза де Мойя. Вы о ней не слыхали?

— Это я и есть,— отозвалась маркиза.— И у тебя ко мне должно быть письмо от этого сеньора де Муньоса, о котором ты говорил.

— Господи, теперь я не удивлюсь, что у знатных господ красивые дамы, а у бедных моряков такие

жены, что им никто не позавидует! Стоит мне открыть рот, как вы уже наперед знаете все, что я хочу сказать. Слишком я глуп по сравнению с вами! Ей-ей, самому дону Христофору, если он все-таки доберется до Барселоны, понадобится здесь вся его премудрость, чтобы не попасть впросак!

— Расскажи нам о Педро де Муньосе, раз уж он направил тебя ко мне.

— В таком случае, сеньора, я лучше расскажу вам о вашем храбром племяннике графе де Льера, которого на каравелле называли также Педро де Муньос, а еще — Педро Гутьерес, полагая, что первое имя ложное, хотя и второе было ничем не лучше.

— Значит, ты знал, кто такой мой племянник! — удивилась маркиза. — И многие были посвящены в его тайну?

— Конечно, сеньора! Во-первых — он сам, во-вторых — дон Христофор, в-третьих — я, в-четвертых — Алонсо Пинсон, если только он еще жив, в чем я весьма сомневаюсь. Кроме того, об этом знаете вы, и эта прекрасная сеньорита тоже, видимо, кое о чем догадывается.

— Достаточно! Я вижу, об этом знают немногие, хотя и не понимаю, почему он доверился простому матросу вроде тебя. Расскажи мне о моем племяннике. Он тоже прислал письмо? Если так, давай его скорее сюда!

— Сеньора, мой отъезд застиг дону Луиса врасплох, и он не успел ничего написать. Адмирал поручил его заботам принцев и принцесс, которых мы привезли с Эспаньолы, так что граф был занят по горло и не смог нацарапать даже записки, хотя желал бы отправить столь уважаемой тетушке, как вы, послание на десяти листах!

— Принцы и принцессы? Кого же ты награждаешь столь громкими титулами, друг мой?

— Я говорю о тех высоких особах, которых мы доставили в Испанию, чтобы они засвидетельствовали свое уважение нашим государям. С мелкой рыбешкой мы не стали связываться, сеньора, и захватили только самых благородных принцев и самых прекрасных принцесс, какие нашлись там, на востоке.

— Ты действительно хочешь сказать, что с адмиралом прибыли особы столь высокого звания?

— Ну конечно, сеньора! Одна из них такой редкостной красоты, что, пожалуй, затмит прекраснейших дам Кастилии. Это любимица и лучший друг дона Луиса.

— О ком ты говоришь? — строго спросила донья Беатриса, пытаюсь добиться прямого ответа. — Откуда она и как зовут эту принцессу?

— Зовут ее донья Озэма, а родом она с Гаити. Брат ее Маттинао — касик, или король, части той страны, сеньора Озэма — наследница трона, как его ближайшая родственница. Дон Луис и ваш скромный слуга были в гостях при дворе...

— Послушай, парень, что это за небылицы! Неужели граф де Льера не нашел себе другого товарища, чтобы отправиться ко двору?

— Думайте что хотите, сеньора, но только это так же истинно, как то, что я сейчас нахожусь при дворе дона Фердинанда и доньи Изабеллы. Должно быть, вы знаете, светлейшая маркиза, что юный граф в свое время любил рыскать по свету с нами, моряками, и в одно из таких плаваний он повстречал некоего Санчо Мундо из Могера. Я узнал его, но свято хранил тайну, и мы стали друзьями. Когда дон Луис отправился ко двору дона Маттинао, местного касика, что означает на восточном языке «его высочество», адмирал позвал Санчо и Санчо отправился вместе с доном Луисом. И когда король Каонабо из горной страны напал на наших хозяев, чтобы похитить принцессу, донью Озэму, потому что принцесса отказывалась стать его женой, то графу де Льера и его другу Санчо Мундо с корабельной верфи ничего не осталось делать, как сразиться с целой армией и обратить ее в бегство, одержав тем самым такую победу, какой даже наш король и государь дон Фердинанд не одерживал над маврами!

— А затем вы сами похитили принцессу! — насмешливо подхватила маркиза. — Друг мой Санчо с корабельной верфи, как ты сам себя называешь, басня твоя занимательна, но мало правдоподобна.

И, будь на то моя воля, честнейший Санчо, я бы приказала тебя хорошенько выпороть за такие шутки! Ты этого вполне заслужил!

— Он говорит то, что ему приказано,— робко заметила Мерседес тихим голосом. — Боюсь, сеньора, что в его словах больше правды, чем это кажется!

— Вам нечего бояться, прекрасная сеньорита! — воскликнул Санчо, на которого угроза маркизы не произвела никакого впечатления. — Потому что сражение это было на самом деле, и победа тоже была одержана, и оба героя вышли из боя невредимыми. Светлейшая сеньора, от вас, как от тетки моего самого лучшего друга, я готов снести все, что угодно, — я хочу сказать: любые слова! Но подумайте о том, что гаитяне ничего не знали об аркебузе, с помощью которого мы разгромили Каонабо, и о том, что дон Луис одним своим добрым копьём рассеивал толпы мавров!

— Ну да, конечно, когда он сидел на коне в стальных доспехах, — по-прежнему насмешливо отзывалась маркиза. — Тогда он мог сразить даже Алонсо де Охеду! А там?

— Вы действительно привезли с собой эту принцессу? — спросила Мерседес.

— Клянусь святой мессой и всеми святыми, какие значатся в календаре, светлейшие сеньора и сеньорита! И принцесса эта куда пригожее дочерей нашей доброй королевы, если это те самые девицы, что сейчас вышли отсюда.

— Прочь с глаз моих, плут! — воскликнула возмущенная донья Беатриса. — Ничего не хочу больше слышать! Удивляюсь, как мог мой племянник доверить такому пустомеле хоть какое-то поручение. Ступай и постарайся до утра научиться скромности, иначе даже сам адмирал не спасет твою спину от палок! Пойдем, Мерседес, время позднее, нам пора на покой.

Санчо остался один. Через минуту за ним пришел паж и отвел в комнату, предназначенную ему для ночлега. Старый моряк поворчал про себя, вспоминая обещания тетки дона Луиса, еще раз пересчитал

свои доблы и уже совсем собрался лечь спать, когда тот же паж пригласил его для новой беседы.

В сущности, для Санчо было все равно, что день, что ночь, и он не стал возражать, особенно когда узнал, что его хочет видеть прелестная сеньорита, чье благородное лицо поразило даже его.

Мерседес ждала своего неотесанного гостя в маленькой приемной, куда удалилась, попрощавшись перед сном с маркизой. Когда моряк вошел, лицо ее пылало, глаза сверкали, и, будь Санчо хоть немного проницательнее, он бы понял, что прекрасная сеньорита до крайности встревожена и взволнована.

— Санчо! — обратилась к нему Мерседес, когда они остались одни. — Ты проделал долгий и трудный путь, и я прошу тебя принять это золото как слабое доказательство того, с каким вниманием я выслушала принесенные тобой вести.

— Сеньорита! — воскликнул Санчо, стараясь не смотреть на доблы, опущенные в его руку: — Надеюсь, вы не считаете меня корыстолюбцем! Доверие адмирала и возможность говорить с такими благородными дамами уже вознаградили меня сверх всякой меры!

— И все же деньги могут тебе понадобиться. От подарка дамы отказываться нельзя.

— В таком случае, я его приму, донья сеньорита, даже если бы этих добл было вдвое больше!

С этими словами Санчо решительно сунул монеты в тот же карман, где уже лежали золотые, выданные ему по приказу королевы. Мерседес очутилась в положении человека, который может узнать слишком много и боится воспользоваться своей властью; иными словами — сейчас она могла разрешить все свои сомнения, но именно это ее и пугало.

— Санчо, — заговорила наконец Мерседес, — ты совершил с сеньором Колумбом славное и необычайное путешествие и видел много такого, о чем мы, никогда не покидавшие Испании, и не догадываемся. Неужели все, что ты рассказывал об этих принцах и принцессах, правда?

— Чистейшая правда, сеньорита, какой не напишут историки. Когда сам побываешь в сражении

или в каком-нибудь славном плавании, а потом услышишь, что об этом написано, только тогда и поймешь разницу между истиной и историей. Вот, скажем, отправился я...

— Оставь все прочие путешествия, добрый Санчо, расскажи мне только об этом! Действительно есть такие принц Маттинао и его сестра принцесса Озэма? Они в самом деле прибыли вместе с доном Христофором и доном Луисом в Испанию?

— Я этого не говорил, прекрасная сеньорита. Дон Маттинао остался управлять своим народом. Только его красавица сестра последовала за доном Христофором и доном Луисом в Палос.

— Последовала? Откуда же у адмирала и у графа де Льера такое влияние на царственных дам, что те вдруг сами бросили свою родину и «последовали» за ними в чужую страну?

— Конечно, сеньорита, для Кастилии, Португалии или даже для Франции все это может показаться удивительным. Но Гаити еще не христианское королевство, и принцесса там не выше знатной кастильской дамы, а если судить по нарядам, то, пожалуй, и ниже. Однако принцесса везде остается принцессой, а красавица — красавицей. Донья Озэма чудо как хороша! Она уже начала болтать на чистейшем кастильском наречии, словно воспитывалась где-нибудь в Бургосе или в Толедо. Да и не диво с таким учителем, как дон Луис! Она от него переняла немало: ведь он жил у нее во дворце, и никто им, можно сказать, не мешал, пока этот чертов дон Каонабо не явился за принцессой со своими приспешниками!

— Скажи, Санчо, эта принцесса христианка?

— Господи прости вашу невинную душу, донья сеньорита, откуда ей быть христианкой? Она лишь вступила на путь спасения, да и то я думаю так потому, что видел у нее крест, правда, совсем маленький, зато золотой, как и полагается: ведь его подарил ей такой богатый и благородный человек, как граф де Льера!

— Крест? — переспросила Мерседес, сдерживая дыхание и делая нечеловеческие усилия, чтобы

Санчо не заметил ее волнения.— Значит, дону Луису удалось уговорить ее принять крест?

— Еще бы не удалось, сеньорита: крестик-то с драгоценными камнями! До этого дон Луис сам носил его на шее.

— А ты знаешь, что это за камни? Может быть, бирюза в золотой оправе?

— За золото я ручаюсь, а в драгоценных камнях я никогда толком не разбирался. Знаю только, что они голубее, чем небо Гаити. Донья Озэма называет этот крест «мерседес». Должно быть, она полагает, что он спасет ее некрещеную душу.

— Неужели об этом крестике знают все до последнего матроса, раз даже такие люди, как ты, могут о нем судить и рядить?

— Простите, сеньорита, но на борту каравеллы, да еще в бурю, мне совсем иная цена, чем на суше, здесь, в Барселоне! Мы отправились в Сипанго, чтобы водрузить там святой крест и обратить туземцев в христианство, так что кому же судить о крестах, как не нам? А если говорить о донье Озэме, то она относилась ко мне с особым уважением, потому что я сражался за нее и спас ее от Каонабо. Вот она и показала мне этот крест, когда мы стали на якорь в устье Тахо, вернее когда адмирал приказал мне доставить его письму королеве. Донья Озэма целовала свой крестик, прижимала его к груди и говорила, что он «мерседес».

— Все это очень странно, Санчо! Что же, у этой принцессы есть свита, приличная ее званию и положению?

— Что вы, сеньорита! Вы забываете, что «Нинья» совсем маленькое суденышко, о чем говорит и ее название¹. Куда бы мы поместили всех придворных сеньоров и дам? Да в них и не было нужды. Дон Христофор и дон Луис достаточно благородны, чтобы на время пути заменить свиту любой принцессе. А когда Озэма прибудет сюда, наша милостивая королева, наверно, сама позаботится обо всем, что ей

¹ «Нинья» — по-испански «малютка».

необходимо. К тому же гаитянские дамы куда прощнее наших знатных испанок. Половина из них считает, что в жарком климате одежда вообще ни к чему!

Мерседес не верила своим ушам. Оскорбленная, она уже хотела отослать моряка прочь, однако любопытство и желание все выяснить до конца оказались сильнее.

— Итак, дон Луис де Бобадилья всегда находился рядом с адмиралом? — продолжала она расспрашивать. — Всегда был готов поддержать его и всегда был первым в минуты опасности?

— Сеньорита, вы расписываете графа так, словно сами были с ним с первого до последнего дня! Если бы вы только видели, как он справлялся с воинами Каонабо, как не давал никому подступиться, защищая донью Озэму своим мечом, вы бы заплакали от восхищения, не пожалев ваших прекрасных глаз!

— Защищая донью Озэму своим мечом... Никого не подпускал... Значит, она была за его спиной?

— Да, сеньорита, за его спиной в расщелине скалы. Вы повторяете все слово в слово, точно в книгу глядите! Так оно и было, только донья Озэма не стала прятаться за скалой. Когда стрелы посыпались дождем, она бросилась вперед и заслонила графа, и враги опустили свои луки, боясь поразить ту, из-за которой сражались. Она спасла жизнь своему защитнику!

— Спасла ему жизнь! Жизнь Луиса! Индейская принцесса спасла дону Луиса де Бобадилья!

— Вот именно. Благороднейшая девушка, да простится мне, что я так запросто говорю о знатной особе. С тех пор граф не раз вспоминал об этом дне. Стрелы взвились, словно туча, и он уже боялся, что ему придется либо расстаться с жизнью, либо махнуть рукой на рыцарскую честь и удрать, если бы не мужество и решительность доньи Озэмы. Она добрая душа, поверьте мне, сеньорита! Вы сами полюбите ее, как сестру, когда увидите ее и узнаете.

— Санчо, ты говорил, что граф де Льера поручил тебе рассказать о нем своей тетке, — прервала его Мерседес, заливаясь румянцем, как утренняя заря. — А больше ни к кому он не давал тебе поручения?

— Нет, сеньорита!

— Ты уверен, Санчо? Подумай хорошенько! Может быть, он упоминал какое-нибудь женское имя?

— Кажется, нет, но клясться я бы не стал. Помнится, то ли он, то ли старый Диего, наш рулевой, говорили о некой Кларе, которая держит остерию здесь, в Барселоне: у нее, мол, всегда отменное вино! Только, пожалуй, это был скорее старый Диего, а не граф, потому что Диего только о вине и думает, а граф вряд ли знаком с этой Кларой.

— Можешь идти, Санчо,—проговорила Мерседес слабым голосом.—Мы еще потолкуем завтра.

Санчо охотно откланялся и с удовольствием улегся спать, даже не подозревая, какое зло он причинил своей болтовней, в которой правда перемешалась с выдумками и преувеличениями.

Глава XXVII

*Наш Мак-Гомер весьма учено
Вам растолкует по Бюффону
И в прозе и в стихах,
Что и шотландцы, как ни странно,
По сути дела—обезьяны,
Живущие в горах.*

Лорд Джон Тауншед

Слух о возвращении Колумба и о его великих открытиях мгновенно распространился по всей Европе. Вскоре его путешествие стало считаться величайшим событием века. Еще много лет, пока Бальбоа не открыл Тихий океан¹, все были уверены, что Колумб, идя на запад, доплыл именно до Индии и таким образом на опыте доказал, что земля круглая. Подробности его плавания, чудеса тех стран, где он побывал, их благодатная почва, мягкий климат, золото и разные диговинки, привезенные адмиралом в доказательство достигнутого им успеха,—все это

¹ Васко Нуньес де Бальбоа в 1513 году совершил переход через Панамский перешеек и открыл Тихий океан.

служило темой для бесконечных разговоров, которые, казалось, никогда не иссякнут.

Много столетий испанцы стремились изгнать мавров с Пиренейского полуострова, но, когда наконец после долгой борьбы им это удалось, даже столь долгожданная победа не смогла затмить блеск небывалых открытий Колумба. Верующие радовались, мечтая о новых завоеваниях святой церкви, корыстолюбцы грезили о золотых россыпях, политики высчитывали, насколько возросла мощь Испании, ученые приветствовали торжество разума над невежеством и предрассудками, которое должно было еще больше ускорить развитие наук, а враги Испании удивлялись и выжидали, изнывая от зависти.

Послание Колумба возбудило жгучее любопытство и вызвало ликование, продолжавшееся несколько дней. К адмиралу был отправлен гонец с просьбой как можно скорее прибыть ко двору и с обещаниями всяческих наград. Имя Колумба было у всех на устах, каждый истинный испанец гордился им и прославлял его. Сразу же был отдан приказ о подготовке новой экспедиции. Все только и говорили что об открытиях и об их последствиях. Так пролетел месяц.

Наконец адмирал прибыл в Барселону в сопровождении большей части индейцев, вывезенных с открытых им островов. Ему была оказана высочайшая честь: Фердинанд и Изабелла приняли Колумба при всем народе, поднялись со своих тронов при его приближении и настояли, чтобы он сел в их присутствии, что разрешалось только особам королевской крови.

Затем адмирал дал отчет о своем плавании, показал привезенные с собою диковинки и поделился соображениями о будущих выгодах, какие принесут его открытия. Когда он закончил свою речь, все присутствующие упали на колени, дворцовый хор пропел благодарственную молитву и даже суровый Фердинанд прослезился от радости, благодаря небеса за столь неожиданный и великий подарок.

Долгое время Колумб пребывал на вершине славы. И, когда пришло время отправиться во второе путе-

шествие «на восток», как тогда говорили, он отплыл, окруженный всеобщим уважением и почетом.

За несколько дней до прибытия адмирала ко двору в Барселоне неожиданно объявился дон Луис де Бобадилья. В другое время приезд молодого графа вызвал бы среди придворных толки и пересуды, но теперь все были настолько увлечены великими открытиями Колумба, что почти никто не обратил на юношу внимания. Однако присутствие его было все же замечено, и многие, пожимая плечами, с улыбкой, шепотком передавали друг другу, что он сошел с каравеллы, прибывшей из Леванта. Какое-то время придворные остряки даже подшучивали, опять же вполголоса, что граф де Льера тоже совершил путешествие «на восток»! Но все это как будто совсем не трогало нашего героя. Вскоре он вернулся к своим обязанностям при дворе и зажил как ни в чем не бывало.

В день торжественного приема Колумба Луис де Бобадилья тоже был в зале, облаченный в роскошные одежды, и никто даже из самых знатных дворян Испании не мог с ним соперничать в красоте и благородстве осанки. Было замечено, что Изабелла благосклонно улыбнулась Луису во время церемониального шествия, однако более рассудительные наблюдатели только покачивали головой. Любимица королевы маркиза де Мойя даже в столь радостный день была сурова и холодна, и причиной тому было, видимо, недостойное поведение ее ветреного племянника. Лишь один человек смотрел на дону Луиса с нескрываемым восторгом: это был Санчо Мундо, который остался в Барселоне, чтобы принять участие в торжестве Колумба, и даже получил за свои заслуги разрешение присутствовать на приеме. Его пристрастие к табаку, неведомому растению, от которого он получал явное удовольствие, привлекало к нему всеобщее внимание. Чуть ли не двадцать придворных едва не отравились, пытаясь ему подражать! А после приема с ним приключился случай, который так характерен для духа эпохи, что о нем стоит рассказать подробно.

Церемония окончилась, и Санчо вместе с толпой уже выбирался из зала, когда его остановил человек

лет сорока, хорошо одетый, с приличными манерами и спросил, не согласится ли Санчо принять участие в одном из скромных обедов в честь адмирала и его друзей. Санчо, для которого все эти празднества и почести были в новинку, разумеется, благосклонно согласился и вскоре оказался в одной из дворцовых комнат, где ради него собралось человек двадцать молодых дворян: в тот день в Барселоне каждый почитал за счастье, если ему удавалось заполучить хоть самого незаметного из спутников Колумба!

Едва Санчо вошел, как юные отпрыски знатных кастильских семейств обступили его со всех сторон, осыпая моряка похвалами и поздравлениями и нетерпеливо расспрашивая его спутника, которого называли то доном Педро, то сеньором Пьетро Мартире. Вряд ли стоит уточнять, что это был прославившийся впоследствии историк Пьетро Мартире, или Педро Мартир, итальянец по происхождению, которому Изабелла доверила воспитание и обучение придворной молодежи. Стремясь удовлетворить вполне понятное любопытство своих родовитых воспитанников и зная, что сам Колумб недостижим, он выбрал Санчо, руководствуясь известным принципом: за неимением лучшего обходятся тем, что есть под рукой.

— Поздравьте меня, сеньоры! — воскликнул Мартир, когда наконец получил возможность говорить. — Мой успех превзошел все наши надежды! Сам генуэзец и ближайшие его сподвижники сегодня в гостях у таких великих особ, что не нам с ними равняться. Но вот перед вами достойнейший рулевой Колумба и, несомненно, второй по значению человек на борту каравеллы; он согласился оказать нам честь и разделить с нами скромную трапезу. Я извлек его из толпы любопытных и даже не успел еще узнать его имя. Надеюсь, он сам себя назовет!

Санчо никогда не мог пожаловаться на недостаток находчивости, и у него вполне хватало природного ума, чтобы не остаться в дураках и не прослыть невеждой, хотя читатель уже знает, что до ученого мужа или глубокомысленного философа ему было весьма далеко. Поэтому сейчас он принял соответ-

ственно достойный вид и, уже поднаторев после тысячи расспросов, на которые ему пришлось отвечать за последний месяц, приготовился к роличеловка, побывавшего в Индии.

— Меня зовут Санчо Мундо, сеньоры,— отрекомендовался бравый рулевой.— Иногда меня называют просто Санчо с корабельной верфи, но я бы хотел, чтобы меня звали Санчо Индейский, если только его милость дон Христофор не будет возражать, потому что он имеет на это больше прав, чем я.

Все хором запротестовали, утверждая, что он тоже имеет на этот титул полное право. И тут же все присутствующие начали наперебой представляться Санчо с корабельной верфи, называя самые громкие в Кастилии имена. Хотя у испанцев и не принят этот американский обычай, но в данном случае возможность покрасоваться и похвастаться титулами была слишком соблазнительна!

После этой церемонии, когда юные отпрыски родов Мендосы, Гусмана, де Серда, де Толедо и прочих удостоились чести познакомиться с простым моряком, вся компания перешла в залу, где стол ломился от яств, приготовленных искуснейшими поварами Барселоны. И, хотя любознательность молодежи часто брала верх над благовоспитанностью, ни один вопрос не мог отвлечь Санчо от занятия, к которому он питал почти религиозное благоговение, то есть от еды. А когда ему стали слишком докучать, он положил на стол вилку и нож и торжественно заявил:

— Сеньоры! Я считаю пищу даром божьим и полагаю, что грешно так много говорить, когда поставленные перед нами яства требуют, чтобы мы своими челюстями воздали хвалу тому, кто о нас позаботился. Я знаю, что дон Христофор держится того же мнения и все его спутники подражают своему любимому и славному адмиралу. Когда я закончу, тогда и поговорим, сеньоры идальго, и тогда—да поможет бог глупцам и невеждам!

После такой речи оставалось только ждать, пока Санчо насытится. Наконец он слегка отодвинулся от стола и заговорил, обращаясь к Педро Мартиру:

— Я, сеньор, конечно, человек не ученый, но то, что я видел, я видел, а то, что моряк знает, он знает не хуже доктора из Саламанки! Поэтому спрашивайте меня, бога ради, о чем хотите, однако знайте, что я буду отвечать как человек хоть и бедный, но честный.

Педро Мартир был человек ученый и хотел выведать у Санчо как можно больше, полагая, что сейчас важнее всего получить сведения, как говорится, из первых рук. Посему он и принялся задавать вопросы так же просто и прямо, как Санчо согласился на них отвечать.

— Хорошо, сеньор,— начал ученый муж.— Нам хотелось бы узнать очень многое. Прежде всего скажите, какое из чудес поразило вас больше всего в этом путешествии и оставило самый неизгладимый след?

— Полярная звезда!— не задумываясь, ответил Санчо.— Мы, моряки, всегда считали ее неподвижной, как собор в Севилье, но в это плавание все видели, как она переходила с места на место с непостоянством ветра!

— Поистине это чудо!— воскликнул Педро Мартир, не зная, что и думать.— Но, может быть, вы ошиблись, сеньор Санчо? Может быть, у вас просто нет навыка в наблюдении за светилами?

— Если не верите мне, спросите у дона Христофора! Когда был замечен этот «ферномен», как его называл адмирал, мы долго толковали о нем и оба решили, что в мире сем ничто не постоянно. Верьте мне, сеньор дон Педро, Полярная звезда не стоит на месте!

— Я спрошу об этом у преславного адмирала,— согласился из вежливости ученый.— А что удивило вас больше всего, сеньор Санчо, после Полярной звезды? Пусть научные вопросы разрешит будущее, я имею в виду обыденные явления.

Ответить на это было не так-то легко, и Санчо призадумался. В это время дверь отворилась, и в комнату, привлекая внимание своей мужественной красотой и пышностью наряда, вошел дон Луис де

Бобадилья. Хор голосов приветствовал его, и сам Педро Мартир поднялся ему навстречу, всем своим видом выказывая радость и одновременно дружеский укор.

— Граф! — сказал он. — Я просил вас пожаловать сюда, хотя вы уж больше не воспитанник мой и можете не прислушиваться к моим советам. Но мне казалось, что для человека, который так увлекается путешествиями, как вы, было бы полезно и в высшей степени назидательно послушать о чудесах славной экспедиции Колумба. Сей достойный моряк, к тому же рулевой и, несомненно, один из доверенных спутников адмирала, согласился воспользоваться нашим скромным гостеприимством в столь славный день и сейчас рассказывает нам о самых интересных и примечательных событиях этого поразительного плавания. Сеньор Санчо Мундо, познакомьтесь с благородным Луисом де Бобадилья, который тоже немало постраниствовал по морям!

— Зря беспокоитесь, сеньор, это и так видно с первого взгляда, — проговорил Санчо, отвечая неуклюжим, но почтительным поклоном на веселое приветствие графа де Льера. — Его сиятельство тоже был на востоке, как и я, с доном Христофором, только мы плыли туда разными путями, и ни он, ни мы так и не добрались до Кая. Знакомство с вами, ваше сиятельство, для меня большая честь. После подвигов благородного адмирала и ваших мореплаваний должно теперь войти в моду. Если вам случится быть в окрестностях Могера, надеюсь, вы не пройдете мимо моих дверей, не постучавшись и не узнав, дома ли Санчо Мундо!

— Это я охотно обещаю, достойный кормчий, даже если придется сходить за тобой на верфь! — со смехом ответил дон Луис, подсаживаясь к столу. — Но прошу вас, сеньор Педро, продолжайте вашу беседу. Судя по тому, что я мельком слышал, она обещает быть весьма интересной!

— Я обдумал ваш вопрос, сеньоры, — важно продолжал Санчо. — Вы спросили, что меня больше всего удивило после Полярной звезды, которая там не стоит на месте. Отвечаю: отсутствие денег в Сипанго. Зо-

лота там достаточно, и просто непонятно, почему из него не чеканят доблы или какие-нибудь другие монеты! Ума не приложу, как они там обходятся без денег!

Все посмеялись над этой шуткой, затем Педро Мартир проговорил:

— Этот вопрос скорее относится к области государственной политики, а нас интересуют природные феномены. Что вы скажете о тамошних жителях? Что вас больше всего в них поразило?

— В тамошних жителях? Ну, самый удивительный из всех «ферноменов» это, конечно, остров женщин¹. Я знаю, что есть монастыри женские и монастыри мужские, но ни разу до этого плавания не слышал, чтобы женщины или мужчины удалялись от мира на острова!

— Неужели это правда? Поразительно! И вы сами видели такой остров, сеньор? — слышались со всех сторон недоверчивые восклицания.

— Да, мы такой остров видели издалека, и слава богу, что не подошли ближе, потому что с меня вполне хватит одних мogerских сплетниц, а тут целый остров — нет уж, увольте! И еще там есть одна чудная штука: хлеб у них растет в земле², как коренья, — не правда ли, дон Луис?

— Откуда мне знать, сеньор Санчо, — расхохотался дон Луис. — Тебе это лучше известно! Я ведь в Сипанго не был и прибыл совсем с другой стороны. Так что отвечай на вопрос сам.

— И то правда, светлейший граф, прошу простить меня великодушно! Да и что мне на вас ссылаться? Долг всякого видевшего — рассказать о том, что он видел, а всякого не видевшего — верить на слово. Надеюсь, мы все честно справимся с нашими несхожими обязанностями!

¹ Конечно, такого острова не было; Колумб, неправильно истолковав какие-то сведения, полученные им от индейцев на Эспаньоле, писал, что где-то поблизости от Эспаньолы находится остров, где живут одни женщины, и что остров этот называется Матинино.

² Санчо упоминает здесь о бататах — сладком картофеле. До открытия Америки Европа не имела ни малейшего понятия о картофеле.

— А какое мясо едят индейцы? Такое же необычное, как их хлеб? — спросил молодой де Серда.

— Вот именно, благородный сеньор, потому что они там едят друг друга¹! Правда, ни меня, ни дона Христофора на такие пиршества не приглашали, зная заранее, что мы не явимся, но мы о них достаточно наслышаны! Я даже подсчитал, что на острове Бохио за год съедают примерно столько же человек, сколько в Испании съедают быков!

Дружные возгласы возмущения прервали рассказчика, а Педро Мартир даже затряс головой, показывая, что не верит ни одному слову. Однако от Санчо он и не ожидал особенно ценных наблюдений и философских обобщений, а потому продолжал расспрашивать:

— Вы знаете что-нибудь о редких птицах, которых адмирал сегодня показывал их высочествам?

— Я видел их всех, сеньор, но лучше всего знаю попугаев. Умнейшие птицы, доложу вам! Они наверняка могли бы ответить на многие вопросы, которые мне задают здесь, в Барселоне!

— Я вижу, вы большой шутник, сеньор Санчо, — с улыбкой заметил ученый муж. — Ну что ж, дайте волю воображению и позабавьте нас выдумкой, если уж нам не суждено узнать ничего достоверного.

— Ради вас, сеньоры, я готов на все, клянусь святым Педро! Но с детства я так пристрастился к истине, что сейчас мне трудно ее приукрашивать. Я верю только в то, что видел, а в Индии я не мог закрывать глаза на разные чудеса, которые там встречаются на каждом шагу! Скажем, встретилось нам травяное море, и мы плыли через него не один день. Видно, все черти потрудились там, сваливая в воду всякую дрянь, чтобы помешать нам принести веру Христову несчастным дикарям. Мы прошли через эти травы скорее с помощью наших молитв, нежели парусов.

¹ Неправильно истолковав сведения, которые получены были на Кубе, Колумб в дневнике своем отметил, что обитатели Бохио едят человеческое мясо. Бохио — одно из названий острова Гаити (Эспаньолы).

Молодые люди повернулись к Педро Мартиру, чтобы узнать, как он относится к такому утверждению. Но тот, несмотря на все свои суеверия, присущие людям того времени, видимо, не очень-то доверял рассказам моряка, даже самолично побывавшего в Индии.

— Сеньоры! — спокойно и с достоинством вступил в разговор дон Луис. — Раз уж вас так интересуется все, что касается Колумба, удостоенного высокого титула адмирала, я могу до некоторой степени удовлетворить ваше любопытство. Вы знаете, что я был хорошо знаком с доном Христофором еще до его плавания и что отчасти благодаря мне он был снова призван в Санта-Фе, когда уже хотел навсегда покинуть Испанию. По возвращении великого генуэзца в Барселону дружба наша возобновилась. Мы провели немало часов в задушевных беседах, обсуждая события этого достославного плавания. И, если хотите, я готов поделиться с вами всем, что узнал со слов самого адмирала.

Вся компания единодушно приняла это предложение, и Луис де Бобадилья приступил к рассказу, подробно останавливаясь на главных событиях путешествия и на том, что больше всего поразило мореплавателей или могло особенно заинтересовать его слушателей. Он говорил более часа, описывая острова, тамошнюю природу и богатства, действительные и воображаемые. Разумеется, далеко не все в его словах соответствовало истине — языка индейцев мореплаватели не знали, многое понимали неправильно да и суждения самого Колумба бывали ошибочны, — но дон Луис рассказывал складно, ясно и весьма убедительно: ведь под видом того, что он якобы узнал от адмирала, наш герой делился собственными впечатлениями! Неудивительно, что красота и живость его описаний вызывали всеобщее восхищение. Даже Санчо был увлечен! И, когда дон Луис кончил, моряк, вскочив со своего места, восторженно воскликнул:

— Сеньоры! Каждому его слову вы можете верить, как святому евангелию! Правдивее рассказать не-

возможно, даже если бы благородный сеньор видел все своими глазами! Отныне его рассказ будет моим рассказом, слово в слово. И, если мой святой покровитель не лишит меня памяти, я буду точно так же рассказывать об этом плавании любопытным кумушкам Могера, когда вернусь в сей благословенный город моего детства.

Престиж Санчо весьма заметно упал после рассказа дона Луиса. Педро Мартир заявил, что подобное описание достойно настоящего ученого, который сам участвовал в экспедиции. Старому моряку задали еще несколько вопросов, чтобы убедиться, совпадут ли его ответы с тем, что все только что слышали, однако из этой затеи ничего не вышло: громко протестуя, Санчо подтверждал каждое слово юного графа.

Трудно представить, как много принес дону Луису этот небольшой рассказ. В те дни достаточно было толково и точно пересказать слова, приписываемые Колумбу, чтобы снискать всеобщую известность. Педро Мартир, справедливо считавшийся человеком весьма знающим и достойным, везде и всюду превозносил нашего героя, и его знатные питомцы вторили ему со всем пылом увлекающейся молодости.

Слава генуэзца в те дни была так велика, что сияние ее распространялось на каждого, кто пользовался его расположением. Одного слуха о том, что Колумб счел графа де Льера достойным доверия и якобы поведал ему все то, о чем рассказал юноша, оказалось вполне достаточным, чтобы нашему герою простили тысячи причуд и недостатков, и мнимых и действительных. Видя его постоянно в обществе дона Христофора, ему даже стали приписывать всяческие достоинства, которых раньше в нем почему-то никто не замечал! Так дон Луис де Бобадилья благодаря своей решимости и предприимчивости кое-чего добился в глазах общества. А какова была бы его слава, если бы он объявил, что сам принимал участие в знаменитой экспедиции!

Однако как обернулось и к чему привело все это в его отношениях с Мерседес, будет видно из следующей главы.

Глава XXVIII

*Улыбка, взгляд, малейшее движение —
Как солнца разгорающийся свет!
Не удержать прекрасного мгновенья,
Когда спешит прекраснейшее вслед.*

Уильям Мазон¹

День торжественного прибытия Колумба в Барселону стал для королевы Кастильской одним из самых волнующих и счастливых дней ее жизни. Ведь это она поддержала великое предприятие своим авторитетом и своими средствами! Пожалуй, ни один монарх не получал еще такого высокого удовлетворения от завершенного им дела. Великолепные результаты полностью вознаградили все ее обдуманые и настойчивые усилия.

Когда затихли суэта и треволнения этого шумного дня, Изабелла удалилась в свой кабинет и там, как обычно в таких случаях, упала на колени и возблагодарила провидение в горячей молитве. Она просила небо помочь ей в ее новых начинаниях и наставить ее как государыню и как христианку.

Поднявшись с колен, королева несколько минут сидела, склонив голову на руку, в глубокой задумчивости, когда тихий стук в дверь привлек ее внимание.

Звук был очень осторожен и едва слышен.

Во всей Испании лишь один человек мог позволить себе такую вольность. Изабелла встала, повернула ключ и впустила короля.

Едва прикрыв за собой дверь, Фердинанд остановился и с минуту молча смотрел на жену.

— Какое чудесное вознаграждение за столь малые усилия, не правда ли! — воскликнула королева, полагая, что муж думает о том же, что и она. — Целое государство со всеми его великолепными сокровищами и миллионами душ, которые будут спасены от вечного проклятия благодаря милости, столь же неожиданной для них, каким оказалось само их существование для нас! И все это такой ничтожной ценой!

— Вы всегда заботитесь о спасении душ, Изабелла! Впрочем, вы правы. Что значат почести и богатства

¹ Мазон Уильям (1724—1797) — английский поэт и драматург.

мира сего по сравнению с вечным спасением и радостями небесными! Но, признаюсь, Колумб превзошел все мои ожидания. Он открыл перед Испанией такое будущее, что теперь трудно даже представить пределы ее могущества!

— Я думаю о миллионах несчастных индейцев, которые будут благословлять наше правление, о благотворном влиянии и утешении, которое принесет им святая церковь!

— Надеюсь, наш родственник и сосед дон Жуан Португальский не станет нам чинить препятствий в этом деле. Португальцы сами так жаждут открытий, что для них успех других государств — смертная обида. Говорят, они обращались к своему королю с какими-то коварными и опасными предложениями, когда наша каравелла уже стояла в устье Тахо.

— Колумб уверяет, — продолжала Изабелла о своем, — что у этих индейцев вообще нет веры! Значит, миссионерам не придется искоренять язычество. Они без труда донесут до этих простых душ откровение евангелия.

— Надо полагать, адмирал знает, что говорит. По его расчетам, остров, который он назвал Эспаньолой, не уступает по размерам Арагону, Леону, Кастилии и Гранаде, вместе взятым, то есть всем нашим владениям на Пиренейском полуострове!

— А вы слышали, что он говорил о кротости и миролюбии тамошних жителей? Неужели вас не поразила доверчивость и простота индейцев, которых он привез с собой? Такой народ нетрудно будет научить поклоняться богу истинному и единому, а также чтить своих государей, как доброго отца и милосердную мать.

— Чтить себя мы и так заставим, дорогая! В частной беседе дон Христофор заверил меня, что одной тысячи опытных воинов будет достаточно, чтобы покорить все эти восточные страны. Надо немедленно обратиться к святейшему папе, чтобы он установил границы между нашими владениями и владениями короля Португальского. Это избавит нас от неприятных столкновений в будущем. Я уже говорил об этом с кардиналом, и он обещал повлиять на папу Александра.

— Надеюсь, распространение святой веры не будет забыто в этих переговорах? Горько видеть, как слу-

жители церкви пекутся о делах мирских, забывая о господе боге!

С минуту дон Фердинанд внимательно смотрел на свою жену.

Чутьем искушенного политика он уловил, что их мысли и чувства не совсем совпадают, и постарался поскорее низвести королеву с небес на грешную землю.

— Ваши дети, донья Изабелла, получают славное наследство, если мы закрепим за собой это последнее величайшее достижение нашей политики,— проговорил Фердинанд.—И ваши, и мои владения перейдут к одному наследнику. Может быть, семейные узы, связывающие нас с Португалией, позволят нам объединить весь Пиренейский полуостров... Гранада уже закреплена за вами силой нашего объединенного оружия, а теперь судьба подарила нам целую восточную империю, которая обещает превзойти все, что до сих пор существовало в Европе.

— Разве у нас не общие дети, Фердинанд?— с упреком спросила королева.—И разве то, что благо для одного из нас, может быть злом для другого? Я полагаю, наши дети поймут, благодаря чему к их владениям присоединились новые обширные земли со множеством новых подданных, и сами увидят, что их важнейшая и первейшая обязанность—как можно скорее привести индейцев в лоно католической церкви!

— И все же земные блага надо защищать земными средствами!—ответил король.

— Вы правы, государь мой. Долг любящих родителей—заботиться об интересах своих детей.

Видя, что теперь Изабелла более расположена к разговору о политике, Фердинанд начал излагать ей свои соображения.

Около часа они обсуждали, какие меры следует прежде всего принять для ограждения их общих интересов. Затем король удалился в свой кабинет, где обычно работал допоздна, пока усталость не брала свое.

После ухода короля Изабелла в задумчивости посидела несколько минут, потом встрепелась, взяла маленький серебряный светильник и по тайным,

но хорошо ей известным коридорам прошла в опочивальню дочерей. Некоторое время она провела со своими детьми, как ласковая, заботливая мать, затем, благословив их на сон грядущий, удалилась так же тихо, как пришла. Но, вместо того чтобы вернуться к себе, королева направилась к другим покоям дворца. Перед низенькой дверью она остановилась и тихонько постучала.

— Войдите! — ответил женский голос.

Королева Кастилии толкнула дверь и очутилась в спальне своей верной подруги маркизы де Мойя.

Коротким жестом Изабелла отмахнулась от обычных знаков уважения к ее титулу; хорошо зная привычки королевы, донья Беатриса встретила ее по-дружески, просто, как равную.

— Дочь моя маркиза! — заговорила Изабелла, поставив на стол серебряную лампу. — У нас был такой многотрудный и радостный день, что я едва не позабыла об одном своем обещании. Твой племянник граф де Льера вернулся ко двору и держит себя так скромно, так осторожно, словно и не принимал участия в великом подвиге Колумба!

— Да, сеньора, Луис здесь, — ответила маркиза. — Но пусть другие судят, насколько он скромен и осторожен: я боюсь быть пристрастной.

— Меня его поведение радует. У другого юноши от таких успехов закружилась бы голова, да и неудивительно! Но я пришла поговорить о доне Луисе и твоей воспитаннице. После того как твой племянник выказал столько мужества и настойчивости, я не вижу больше причин препятствовать их браку. Ты, конечно, знаешь, что донья Мерседес дала мне слово не выходить замуж без моего согласия. Пусть же сегодня она будет так же счастлива, как и я! Я согласна на их брак, и даже больше: я хочу, чтобы она стала графиней де Льера, и как можно скорее!

— Ваше высочество всегда были добры ко мне и к моим родственникам, — сдержанно ответила маркиза. — Мерседес должна быть глубоко признательна вам за то, что даже среди всех этих важных дел ее царственная госпожа нашла время подумать о ней и позаботиться о ее счастье.

— Для этого я и пришла к тебе, друг мой, в столь поздний час! Сердце мое преисполнено благодарности, и я не засну, пока мое счастье не разделит все, кто мне дорог. Где твоя воспитанница?

— Она простилась со мной перед самым вашим приходом. Я сейчас ее позову, чтобы она услышала о вашем решении.

— Нет, мы сами пойдем к ней, Беатриса. Новость, которую я ей несу, не может ждать!

— Она будет счастлива... выказать вам свое уважение, сеньора. К тому же долг повелевает...

— Знаю, маркиза,— прервала ее королева, направляясь к двери.— Я сама буду счастлива сказать ей обо всем, не откладывая. Показывай, куда нам идти! Дорога должна быть тебе известна лучше всех. И прошу без всяких церемоний. Будем скромны, как Колумб, когда он отправлялся в необъятный океан! Тем более, что мы несем твоей воспитаннице такую же благодатную весть, какую генуэзец принес туземцам Сипанго. Коридоры—наши неведомые моря, и нам еще предстоит отыскать путь через все эти сложные переходы.

— Боже нас упаси от столь поразительных открытий, какие сделал генуэзец! Что касается меня, то я до сих пор не знаю, верить мне всему, что я узнала, или не верить ничему!

— И неудивительно! События последних дней настолько необычайны, что многие чувствуют то же самое,—отозвалась королева, явно не понимая значения слов своей подруги.—Но впереди нас ждет еще одна радость: мы увидим счастье чистой девичьей души, которая прошла через все испытания, как подобает душе истинной христианки!

Донья Беатриса тяжело вздохнула, но не ответила. В это мгновение они вошли в маленькую приемную Мерседес и направились к дверям ее спальни. Здесь их заметила одна из служанок и бросилась к Мерседес, чтобы предупредить ее, но Изабелла, привыкшая обращаться со своей любимицей по-матерински просто, без церемоний открыла дверь и очутилась перед Мерседес прежде, чем та успела сделать хоть шаг ей навстречу.

— Дитя мое, я пришла исполнить приятный и почетный долг,—начала королева, усаживаясь и добродушно улыбаясь пораженной девушке.—Сядь здесь, у моих ног, и выслушай свою государыню, как слушала бы родную мать.

Мерседес с радостью повиновалась: сейчас она была готова на все, лишь бы не говорить самой!

Королева ласково обняла девушку и привлекла к себе. Мерседес поспешно спрятала лицо в складках ее платья. Усадив девушку таким образом, чтобы та не смущалась, Изабелла заговорила:

— Я должна похвалить тебя за верность своему долгу, дитя мое. Ты сдержала слово. Но теперь я хочу освободить тебя от твоего обещания: отныне твоя судьба в твоих руках. Я снимаю с тебя данный тобой обет. Той, которая так долго и терпеливо ждала, можно доверять.

Мерседес не произнесла ни слова.

— Ты не отвечаешь, девочка?—удивилась королева.—Может быть, ты предпочитаешь, чтобы твоей судьбой распорядились другие? Хорошо! В таком случае я, твоя государыня и родственница, повелеваю тебе исполнить мою волю и как можно скорее стать женой дона Луиса де Бобадилья графа де Льера!

— Нет, нет, сеньора, нет! Никогда, никогда!—проговорила Мерседес, и голос ее звучал едва слышно от волнения и оттого, что она еще глубже зарылась лицом в платье королевы.

Изумленная Изабелла подняла глаза на маркизу де Мойя. Лицо королевы не выражало ни гнева, ни неудовольствия: она слишком хорошо знала Мерседес, чтобы заподозрить ее в капризе или притворстве, когда речь шла о столь глубоком чувстве. Изабелла была только удивлена и огорчена столь неожиданным оборотом дела.

— Ты что-нибудь понимаешь, Беатриса?—спросила она наконец.—Может быть, желая добра, я причинила ей горе? Видит бог, я меньше всего этого хотела! Неужели я ранила сердце этого ребенка? Мне казалось, мои слова принесут ей высшее счастье...

— Нет, нет, сеньора!—снова прошептала Мерседес, еще теснее прижимаясь к королеве.—Ваше высочество никого не ранили, никого не ранят и не могут

ранить — вы слишком для этого добры и снисходительны!

— Беатриса, надеюсь, ты мне объяснишь, что произошло? Только нечто весьма важное могло так изменить ее чувства!

— Боюсь, добрейшая сеньора, что чувства этой юной и неопытной души совсем не изменились, зато в чувствах ветреного юноши произошли значительные перемены.

Пламя оскорбленного женского достоинства и негодования сверкнуло в обычно столь ясных глазах королевы, и лицо ее сразу обрело выражение царственного величия.

— Возможно ли это? — воскликнула она. — Неужели кастилец посмел насмеяться над своей государыней и над этой чистой, нежной девушкой, посмел пренебречь своим долгом перед богом? Неужели бесчестный граф воображает, что подобное коварство останется безнаказанным? Пусть лучше поостережется! Могу ли я карать человека, укравшего у соседа какую-то жалкую монету, и прощать того, кто украл и растоптал любовь? Удивляюсь твоему спокойствию, дочь моя маркиза. Раньше ты бывала куда смелее и всегда находила самые резкие и жестокие слова для искреннего осуждения!

— Увы, сеньора, любимая моя госпожа! — отозвалась донья Беатриса. — Я уже излила свои чувства и не могу идти против природы. Этот мальчик — сын моего брата. Когда я пытаюсь осуждать его, как он того заслуживает, мне кажется, я осуждаю его дорогого отца, чей образ сразу возникает у меня перед глазами, и весь гнев мой сразу проходит!

— Но это совершенно невероятно! Такое прекрасное, такое юное и благородное создание, богатая наследница, истинное совершенство, — как можно ее позабыть? Может быть, все объясняется каким-то временным увлечением? Что ты скажешь, маркиза де Мойя?

Изабелла говорила задумчиво, словно сама с собой, и, подобно многим высоким особам, забывающим о мелочах в минуты сильного волнения, совсем упустила из виду, что Мерседес тоже ее слышит. Об этом ей напомнила конвульсивная дрожь, пробежавшая по

телу нашей героини, и королева поспешила прижать ее к сердцу, как родную дочь.

— Что же вы хотите, сеньора!— с горечью ответила маркиза.— Луис — юноша легкомысленный и без строгих правил. Якобы для того, чтобы увенчать триумф адмирала, он уговорил молодую индейскую принцессу покинуть родину и друзей. В действительности же он это сделал, подчиняясь внезапной прихоти и недостойному капризу. Мужчины все таковы! Вот почему они так часто обманывают нас, женщин, и приносят нам столько горя!

— Ты говоришь — индейскую принцессу? Адмирал представил нам одну принцессу, но она уже замужем, и вообще ей весьма далеко до Мерседес де Вальверде!

— Ах, сеньора, та, о ком вы говорите, не может быть Озэмой — так зовут эту индейскую девушку. Озэма совсем на нее не похожа, она настоящая красавица. И, если красота может служить оправданием поступков моего племянника, он, пожалуй, заслуживает снисхождения.

— А ты откуда все это знаешь, Беатриса?

— Знаю, ваше высочество, потому что Луис доставил ее во дворец и сейчас она находится в этих покоях. Мерседес приняла ее, как родную сестру, хотя та, сама того не подозревая, разбила ей сердце.

— Ты говоришь, она здесь, маркиза? В таком случае между этой чужестранкой и легкомысленным юношей не может быть никакой предосудительной связи. Он никогда не решился бы так оскорбить непорочность и чистоту Мерседес!

— О, в этом его никто и не обвиняет, сеньора. Мальчишеское непостоянство и необдуманная жестокость графа — вот что меня возмущает! Я никогда не поощряла его ухаживаний за моей воспитанницей, потому что не хотела, чтобы люди говорили, будто я стараюсь устроить этот столь почетный и выгодный для нашей семьи брак. А теперь я считаю, что он просто недостойн ее благородной души!

— О сеньора донья Беатриса,— прошептала Мерседес.— Луис не так уж виноват. Всею виной красота Озэмы и мое неумение его удержать.

— Красота Озэмы!— медленно повторила королева.— Скажи, Беатриса, неужели эта юная индианка

действительно так хороша, что может вызвать опасения и ревность даже у вашей воспитанницы? Я полагала, что такой женщины не существует.

— Ваше высочество знает, мужчинам нравятся перемены; новые лица для них всегда привлекательны. Святой Яго свидетель, Андрес де Кабрера доказал мне это, хотя я и подумать не могу, чтобы кто-либо осмелился дать столь жестокий урок Изабелле де Трастамара.

— Укроти свои бурные страсти, Беатриса,— проговорила королева, бросая взгляд на Мерседес, которая стояла перед ней на коленях.— Там, где чувства слишком сильны, трудно добиться истины. Дон Андрес был при жизни нашим верным слугой, воздадим ему должное. А что касается моего господина короля, то он не только наш государь, но и отец моих детей. Но вернемся к Озэме — я могу ее видеть?

— Вам стоит только приказать, сеньора! Она здесь, и ее можно позвать в любую минуту.

— Нет, Беатриса, она принцесса и гостя в нашем королевстве. Пусть донья Мерседес пойдет и подготовит ее: я хочу сама к ней прийти. Правда, час уже поздний, однако, надеюсь, она извинит нашу бесцеремонность и поймет, что я желаю ей только добра.

Не ожидая особого приказа, Мерседес поднялась с колен и поспешила исполнить желание королевы. Оставшись наедине, Изабелла и маркиза некоторое время сидели молча. Королева, как и подобало, заговорила первой:

— Меня удивляет, Беатриса, что Колумб ничего не сказал мне об этой девушке. Принцессу крови следовало бы встретить в Испании с большим уважением!

— Видимо, адмирал полагал, что, раз она доверена заботам Луиса, мой племянник сам ее представит вашему высочеству. Ах, сеньора, просто не верится, что такую девушку, как Мерседес, можно было столь быстро забыть ради какой-то полуголой некрещеной индианки, душа которой еще бродит во мраке и каждое мгновение может быть обречена на вечное проклятие!

— Так надо позаботиться о ее душе, Беатриса, и поскорее приобщить ее к свету веры. Но правда ли, что эта принцесса настолько хороша, что может сопер-

ничать даже с таким прелестным созданием, как донья Мерседес?

— Дело не в красоте, сеньора, совсем не в этом! Просто мужчины непостоянны и любят все новое, необычное. Благовоспитанность, скромность и хорошие манеры привлекают их куда меньше, чем свобода нравов, при которой даже одежда считается излишней! Я не сомневаюсь в добродетели Озэмы — в этом отношении она по-своему безупречна, — но вольность обращения этой полуобнаженной индианки, столь не похожая на поведение знатной испанской девушки, привыкшей к строгой сдержанности, подобающей ее имени и полу, могла на какое-то время соблазнить легкомысленного юношу!

— Обыкновенного юношу — да, тут, может быть, ты и права, Беатриса. Но только не графа де Льера, — это было бы его недостойно! Если твой племянник в самом деле виноват в том, в чем ты его обвиняешь, то индейская принцесса должна быть еще лучше, чем мы полагаем.

— В этом, сеньора, вы сейчас сможете сами убедиться. Я вижу, горничная Мерседес идет за нами; наверно, индианка уже ожидает ваше высочество!

Действительно, Мерседес успела подготовить Озэму к посещению королевы. Гаитянка выучила уже достаточно испанских слов, чтобы с ней можно было беседовать без особых затруднений, хотя сама все еще говорила несвязно, как всякий, кто не совсем освоился с чужим языком.

Озэма поняла, что ей предстоит встреча с королевой, о которой Луис и Мерседес часто рассказывали с большим уважением. У себя на родине она не раз принимала касиков, более могущественных, чем ее брат, и теперь легко догадалась, что ее посетительница — первая женщина Испании. Единственное недоразумение возникало из-за того, что Озэма считала Изабеллу повелительницей всего христианского мира, а не какого-то одного государства, потому что в представлении индианки даже Луис и Мерседес были особами царского рода.

Хотя Изабелла и ожидала встретить девушку необычайной красоты, однако, увидев Озэму, она замерла от изумления, пораженная природным изяще-

ством ее движений, сиянием счастья на смуглом лице индианки и благородством осанки. Озэма уже освоилась с одеждой, которая на Гаити показалась бы ей невыносимым бременем. К тому же Мерседес, желая, чтобы ее новая подруга выглядела как можно лучше, заставила ее надеть свои драгоценности, которые придавали гаитянке совершенно особую, дикую прелесть. Развернутая чалма, подарок Луиса, и сейчас окутывала ее плечи, а на груди сверкал крестик Мерседес — самое дорогое для Озэмы украшение.

— Просто какое-то чудо! — воскликнула королева, когда Озэма, стоя на другом конце комнаты, грациозно склонилась, приветствуя ее. — Беатриса, неужели это прелестное существо ничего не знает о боге? Но, даже если разум ее непросвещен, ее простая душа должна быть непорочна, а сердце — чисто!

— Все это так, сеньора, — отозвалась маркиза. — Несмотря на все, мы с моей воспитанницей уже полюбили Озэму и готовы считать ее: Мерседес — своей подругой, а я — своей родственницей.

Величественно и спокойно королева приблизилась к Озэме, которая ожидала ее, склонившись и не поднимая глаз.

— Принцесса, — обратилась к ней Изабелла, — приветствую вас в наших владениях! Адмирал был прав, когда выделил столь высокую и достойную особу из числа тех, кто предстал перед глазами толпы. Как всегда, он проявил осмотрительность и глубокое уважение к священной монаршей личности.

— Адмирал! — с живостью воскликнула Озэма: она уже давно знала, как произносить этот титул Колумба. — Адмирал — «мерседес»! Изабелла — «мерседес»! Луис — «мерседес», сеньора королева!

— Беатриса, что она этим хочет сказать? — удивилась Изабелла. — Почему принцесса присоединяет имя твоей воспитанницы к титулу Колумба, моему имени и даже к имени графа де Льера?

— Сеньора, благодаря какому-то странному заблуждению она вообразила, что «мерседес» по-испански означает «все прекрасное», «все совершенное», и, когда она хочет что-либо особенно похвалить, то прибавляет это слово. Вы заметили, ваше высочество, она даже объединила имя Мерседес с именем

Луиса! Когда-то мы искренне желали этого союза, но теперь он, по-видимому, невозможен, и сама она заинтересована в нем меньше всего.

— Действительно, странное заблуждение!— проговорила королева.— Но оно не случайно. Должно быть, оно вызвано какими-то особыми причинами. Но кто, кроме твоего племянника, Беатриса, мог произносить при ней имя твоей воспитанницы, да еще так, что принцесса приняла его за синоним совершенства?

— Сеньора, неужели это возможно?— воскликнула Мерседес, и яркий румянец окрасил ее бледные щеки, а в глазах на мгновение блеснула радость.

— Почему же нет, девочка? Может быть, мы были слишком поспешны в своих суждениях о графе и приняли за ветреность то, что на самом деле говорит о его преданности тебе?

— Увы, сеньора, если бы это было так, Озэма не полюбила бы его столь самозабвенно!

— А с чего ты взяла, дитя мое, что принцесса испытывает к графу нечто большее, чем просто признательность за его заботы о ней и благодарность за то, что он оказал ей неоценимую услугу? Беатриса, здесь какая-то жестокая ошибка!

— Боюсь, что нет, сеньора!— возразила маркиза.— В чувствах Озэмы трудно ошибиться: она слишком наивна и неопытна, чтобы их скрывать. В первый же час после встречи с нею мы узнали, что она отдала Луису свое сердце,— оно так чисто, что ему даже не пришлось его завоевывать! И это не просто восхищение моим племянником, а настоящая страсть, такая же горячая, как солнце ее родины, о котором мы слышали от адмирала.

— А разве можно увидеть дона Луиса во всем блеске воинской славы и не оценить его?— воскликнула Мерседес.— Разве можно быть с ним рядом долгие дни плавания и не плениться добротой его души?

— Воинская доблесть! Доброта души!— медленно повторила королева.— И при этом такая беспечность, причинившая столько горя! Если хочешь знать, дитя мое, он недостоин звания истинного рыцаря и дворянина.

— Не говорите так, сеньора!— взволнованно заговорила Мерседес, в коей робость боролась с жела-

нием оправдать неверного возлюбленного.— Принцесса рассказала нам, как он спас ее от преследований ее злейшего врага Каонабо, одного из самых жестоких властителей острова, и о том, как благородно вел себя граф по отношению к ней.

— Вот что, дитя мое, иди к себе, помолись святой Марии, чтобы она ниспослала мир и покой твоей душе, и ложись спать. Беатриса, ты тоже оставь нас: я хочу поговорить с принцессой с глазу на глаз.

Маркиза и Мерседес тотчас удалились, оставив Изабеллу и Озэму наедине. Более часу проговорили они. Королеве удалось кое-что понять из объяснений гаитянки, но далеко не все, так как та недостаточно владела испанским языком. Одно было несомненно: Озэма любила Луиса. Чистосердечная индианка и не пыталась скрыть свои чувства, да ей бы это и не удалось. К тому же по своей наивности Озэма полагала, что ничего не должна таить от повелительницы Луиса, и с детской простотой открыла перед ней свою душу.

— Принцесса, я, кажется, поняла ваш рассказ,— сказала королева.— Каонабо, вождь, или, если хотите, король соседней с вами страны, решил взять вас в жены. Но, поскольку у него было уже несколько жен, вы, естественно, отклонили его нечестивые посягательства. Тогда он попытался захватить вас силой. Граф де Льера был в это время в гостях у вашего брата...

— Луис! Луис!— нетерпеливо прервала ее Озэма своим нежным, чистым голоском.— Луис, не граф!..

— Луис де Бобадилья и граф де Льера — это одно и то же лицо! Итак, Луис, если хотите, был у вас во дворце. Он обратил в бегство дерзкого касика, который в нарушение всех божеских законов хотел вас сделать своей второй или третьей женой. После этой победы ваш брат предложил вам на время укрыться в Испании. Дон Луис, таким образом, стал вашим защитником и покровителем, а по прибытии сюда отдал вас на попечение своей тетки. Я не ошиблась?

Озэма утвердительно наклонила голову. Рассказ этот за последнее время ей пришлось повторять так часто, что теперь она понимала почти каждое слово Изабеллы.

— А сейчас, принцесса,—продолжала королева,—я хочу поговорить с вами, как мать, ибо в моем королевстве всех особ вашего ранга я считаю своими детьми, которые имеют право обращаться ко мне за помощью и советом. Скажите мне, любите ли вы дона Луиса настолько, чтобы забыть свою страну и признать своей родиной Испанию?

— Что значит «признать»?—спросила озадаченная девушка.

— Я хотела спросить, согласны ли вы стать женой дона Луиса де Бобадилья?

Слова «муж» и «жена» были давно известны индианке. Она радостно улыбнулась, вспыхнула и закивала головой.

— Насколько я понимаю,—продолжала королева,—вы собираетесь выйти за графа замуж, ибо столь скромная и юная девушка, как вы, не стала бы признаваться в своих чувствах, если бы у нее не было на то достаточных оснований. Значит, вы уверены, что он на вас женится?

— Да, сеньора! Озэма — жена Луиса!

— Вы, конечно, хотите сказать, что Озэма скоро выйдет замуж за графа, скоро станет его женой...

— Нет, нет! Озэма теперь жена Луиса. Луис теперь муж Озэмы!

— Не может быть!—воскликнула королева, пристально вглядываясь в прекрасное лицо индианки, чтобы убедиться, что все это не обман.

Однако по-детски открытое лицо Озэмы было так простодушно, что Изабелле пришлось поверить ее словам. Боясь ошибиться, она еще с полчаса расспрашивала Озэму, и все с тем же успехом.

На прощание королева поцеловала Озэму — она действительно приняла эту дочь неведомого народа из неведомого мира за принцессу — и удалилась, шепча горячие молитвы о спасении ее души.

Когда Изабелла вернулась в свои покои, там ее встретила маркиза де Мойя.

Верная подруга не могла уснуть, не узнав решения своей повелительницы.

— Дело обстоит хуже, чем мы полагали, Беатриса,—заявила королева, едва переступив порог.—

Твой бессердечный, легкомысленный племянник уже женился на индианке. Теперь она его законная супруга!

— Сеньора, здесь какая-то ошибка! Дерзкий мальчишка никогда не посмел бы обмануть меня так нагло, да еще в присутствии Мерседес!

— А почему он доверил Озэму твоим заботам, дочь моя маркиза? Если она его жена, это вполне естественно, в то время как с посторонней женщиной... Впрочем, никакой ошибки здесь быть не может. Я долго расспрашивала принцессу, и у меня не осталось ни малейшего сомнения, что венчание было совершено по религиозному обряду. Трудно понять все, что она говорит, но это она повторила не раз и достаточно ясно.

— Ваше высочество, разве может христианин обвенчаться с некрещеной язычницей?

— Разумеется, нет, с точки зрения церкви, а следовательно, и перед богом. Но мне кажется, Озэма уже приняла святое крещение. Когда она говорила о браке с твоим племянником, она все время показывала мне крестик, который носит на шее. Из ее слов я поняла, что до того, как сделаться женой графа, она стала христианкой.

— Этот драгоценный крестик подарила недостойному изменнику Мерседес. Это был ее прощальный подарок перед разлукой; он должен был напоминать ему о вере и постоянстве!

— Да, Беатриса, мужчины так привержены к суете мирской, что не способны оценить женскую преданность и верность. Что делать? Пади на колени, помолись, чтобы милосердный господь поддержал твою воспитанницу в тяжком, но неотвратимом испытании.

Изабелла повернулась к подруге, которая приблизилась, чтобы поцеловать руку своей царственной госпожи. Однако королева обняла донью Беатрису, привлекла ее к себе и поцеловала в лоб.

— А теперь спокойной ночи, Беатриса, мой истинный друг! — проговорила она. — Если постоянство исчезло из этого мира, то в твоём верном сердце оно по-прежнему живет.

С этими словами королева и маркиза расстались, надеясь найти в постели если не сон, то хотя бы покой.

*Ну, а теперь что скажешь, Кондаріно?
Какой еще попотчуеть нас басней,
Чтоб одурачить всех и отуманить
Доверчивый и слабый женский взор?
Какою ложью думаешь ты смыть
Пятно с девичьей оскорбленной чести
И собственную низость оправдать?*

Бомонт и Флетчер¹

На другой день после свидания королевы с Озэмой кардинал Мендоса давал торжественный обед в честь Колумба. По этому случаю собралась почти вся придворная знать. Будь адмирал коронованной особой, его вряд ли приняли бы с большим уважением и почетом. Сам генуэзец в течение всего обеда держался с благородной скромностью. Каждый старался воздать ему должное, прославляя его замечательный подвиг, результаты которого намного превзошли все надежды. С Колумба не сводили глаз, жадно ловили каждое его слово и состязались друг с другом в пышных и громких похвалах.

Все ожидали, что Колумб по такому случаю не преминет рассказать о своем плавании и приключениях. Но ему это сделать было нелегко, потому что его широкий ум, ученость, искусство и опыт мореплавателя намного превосходили все, что было доступно сознанию его современников. Тем не менее адмирал справился и с этой трудной задачей: он умело и убедительно изложил главным образом такие факты, которые могли способствовать возвеличению Испании и прославлению ее государей.

Среди гостей находился и Луис де Бобадилья. Он был обязан этому не столько своим высоким происхождением, сколько близостью с адмиралом, дарившим его своим доверием. Дружбы Колумба было достаточно, чтобы сгладить не совсем благоприятное впечатление от прежних сумасбродных выходок Луиса. Ему все простили ради великого генуэзца, хотя

¹ Бомонт и Флетчер — английские драматурги, современники Шекспира.

и не переставали удивляться, чем легкомысленный юноша привлек к себе адмирала.

Сознание, что он совершил то, о чем люди его круга и происхождения не смели даже мечтать, придало гордой осанке и привлекательному лицу Луиса особую серьезность и благородство, а это, в свою очередь, еще более укрепило добрую славу, завоеванную им с такой легкостью. Все помнили, как он рассказывал в обществе Педро Мартира об экспедиции, и, сами толком не зная почему, каким-то таинственным образом связывали имя Луиса с великим путешествием на запад. Благодаря такому стечению обстоятельств наш герой пожинал плоды своего смелого красноречия, хотя на такую славу он меньше всего рассчитывал. Но удивляться тут нечему. Людей часто восхваляют или порицают вовсе не за то, за что их, строго говоря, можно было бы одобрять или обвинять.

— Предлагаю выпить за здоровье адмирала их королевских высочеств!— провозгласил Луис де Сантанхель, высоко поднимая кубок, чтобы все его видели.— Вся Испания должна благодарить его за самое дерзкое и удачливое предприятие нашего века! Кто любит наших государей, выпьет во славу их доблестного слуги!

Бокалы были осушены; Колумб скромно поблагодарил всех среди почтительного молчания.

— Послушайте, кардинал!— продолжал, обращаясь к Мендосе, распорядитель церковной казны, всегда отличавшийся смелостью речей.— По моим расчетам, это открытие удвоит доходы церкви. К тому же теперь мы сумеем спасти от вечной гибели столько заблудших душ, что даже в Риме должны будут воздать Колумбу хвалу за столь славный подвиг!

— Без сомнения, добрый мой Сантанхель,— ответил кардинал.— Святейший папа не забудет избранника божьего и его помощников.

Хотя все присутствующие, казалось бы, искренне восхваляли Колумба, но зависть— одна из самых низких и в то же время самых общих человеческих страстей— разгоралась во многих сердцах все сильнее. Может быть, никто бы не выказал этого недостойного чувства, если бы не последнее замечание кардинала.

Среди гостей находился некий сеньор Хуан д'Орбительо. Не в силах более молча выслушивать похвалы, расточаемые какому-то безродному генуэзцу, он дал волю своей злобе.

— Можно ли сказать с уверенностью, святой отец,— обратился он к кардиналу,— что бог не прибегнул бы к иным средствам, если бы дон Христофора постигла неудача? То есть я хочу спросить, следует ли смотреть на его деяния как на единственный путь ко спасению язычников от вечной гибели?

— Пути господни неисповедимы, и могущество небес безгранично,— строго ответил кардинал.— Посему не подобает человеку сомневаться в тех путях, которые указала ему божественная мудрость, или вопрошать, может ли она указать иные. И тем более не подобает мирянам сомневаться в том, что одобрено церковью!

— Разве я сомневаюсь, святой отец?— поспешил оправдаться сеньор д'Орбительо, смущенный и еще более раздосадованный наставительным тоном кардинала.— Я совсем не то хотел сказать! Ну, а вы, дон Христофор,— обратился он прямо к Колумбу,— вы сами во время этой экспедиции считали себя избранником неба?

— Я всегда считал себя недостойным, однако избранным для этого великого дела орудием в деснице божьей,— ответил Колумб со спокойной торжественностью, которая всегда покоряла его слушателей.— С самого начала я чувствовал, что мысль о плавании на запад мне внушена свыше, и теперь смиренно надеюсь, что небеса остались довольны своим избранником.

— Значит, вы воображаете, сеньор адмирал, что, если бы какая-нибудь случайность помешала вашему плаванию, во всей Испании не нашлось бы другого человека, который мог бы его успешно осуществить?

Этот наглый и нелепый вопрос заставил всех за столом умолкнуть; каждый подался вперед, напряженно ожидая ответа Колумба.

С минуту адмирал сидел молча, затем протянул руку, взял со стола яйцо, показал его всем собравшимся и заговорил мягко, но с обычной своей глубокой серьезностью.

— Сеньоры, кто из вас достаточно ловок, чтобы поставить это яйцо на острый конец? Если есть здесь такой человек, пусть покажет нам свое искусство!

Такое предложение до крайности удивило всех, но сразу же нашлось с дюжину желающих попытать счастья под смех и шутки прочих гостей. То и дело какому-нибудь юному дворянину казалось, что он уже достиг успеха, но, едва он отводил руку, яйцо падало набок и катилось по столу, вызывая всеобщий хохот.

— Клянусь всеми святыми, адмирал, нам это не под силу!— воскликнул наконец тот же Хуан д'Орбительо.— Даже граф де Льера, сразивший столько мавров и выбивший из седла самого Алонсо де Охеду, и тот не может поставить яйцо, как вы говорите!

С этими словами Колумб легонько стукнул яйцо острым концом о стол и поставил его на примятую скорлупу: яйцо встало твердо и устойчиво.

Гул одобрения встретил эту насмешливую отповедь, а засим почтеннейший д'Орбительо снова канул в забвение, откуда ему лучше было бы вообще не возникать.

Как раз в это время в зале появился паж королевы; он что-то сказал Колумбу, затем приблизился к креслу дон Луиса де Бобадилья.

— Прошу извинить меня, сеньор кардинал,— проговорил Колумб.— Королева пожелала меня видеть. Судя по спешности, дело, должно быть, важное, и вы простите, что я покидаю вас так рано.

После обычных вежливых сожалений хозяин вместе с гостями проводил адмирала до дверей.

Почти тотчас же следом за ним залу покинул и граф де Льера.

— Куда вы так торопитесь, дон Луис?— спросил Колумб, когда юноша догнал его.— Что заставило вас бежать от праздничного стола? Ведь подобные пиршества в Испании устраивают разве только короли!

— Увы, сеньор, да и то не часто, клянусь святым Яго!— насмешливо ответил дон Луис.— А при дворе Фердинанда вообще никогда! Но мне пришлось покинуть веселую компанию, повинувшись воле доньи Изабеллы: она приказала явиться к ней без промедления!

— В таком случае, граф, пойдемте вместе; я тоже спешу в покои королевы!

— Рад это слышать, сеньор, потому что нас обоих могли вызвать лишь по одному делу. Речь идет с моим сватовстве, и вас несомненно спросят, как я держал себя во время путешествия.

— Простите, Луис, последнее время у меня было столько забот, что я совсем забыл вас об этом спросить! Как здоровье прелестной доньи де Вальверде? Когда, наконец, она думает вознаградить вас за любовь и постоянство?

— Сеньор! Хотелось бы мне ответить на последний вопрос более определенно, да не могу, а что касается первого, то я просто сам не знаю, что сказать. После возвращения я видел донью Мерседес всего три раза; она была со мной добра и приветлива, но, когда я спросил свою тетку, когда же наконец свадьба, донья Беатриса ответила весьма холодно и уклончиво. Видимо, все зависит от ее высочества, но, верно, суэта и хлопоты из-за нашего успешного плавания до сих пор не оставляли ей времени подумать о такой безделице, как счастье какого-то бродяги вроде меня!

— В таком случае, дон Луис, нас из-за этого и позвали,— заключил Колумб.— Что еще может быть причиной подобной спешки? И почему пригласили нас обоих?

Наш герой и сам на это надеялся, а потому в покои королевы он вошел бодрым шагом и с таким сияющим лицом, словно его уже ожидала невеста, готовая идти с ним под венец.

Адмиралу моря-океана, как теперь официально именовали Колумба, не пришлось долго ждать в прихожей: через несколько минут его и дона Луиса пригласили к королеве.

Изабелла приняла их частным образом; при ней не было никого, кроме маркизы де Мойя, Мерседес и Озэмы. С первого взгляда Колумб и Луис поняли, что случилось нечто весьма неприятное. Все держались натянуто, с трудом сохраняя спокойствие. Правда, сама королева была, как всегда, величественна и невозмутима, но чело ее хмурилось, взгляд был печален, а щеки розовели от волнения. Лицо доньи Беатрисы выражало горе и возмущение, и Луис с тревогой

заметил, что она отворачивается от него, как бывало в тех случаях, когда он особенно сильно ей чем-нибудь досаждал. Мерседес была бледна как смерть, лишь два лихорадочно ярких пятна проступали на ее щеках; она не поднимала глаз и казалась до крайности смущенной и несчастной. Лишь одна Озэма вела себя совершенно естественно, хотя тоже была возбуждена. При виде Луиса, с которым она после прибытия в Барселону встретилась всего один раз, более месяца назад, она радостно вскрикнула, глаза ее засияли, но тотчас же снова приняли тревожное выражение.

Изабелла сделала несколько шагов навстречу адмиралу, и, когда тот хотел преклонить перед нею колена, поспешно протянула ему руку для поцелуя.

— Нет, нет, сеньор адмирал!—воскликнула королева.— Такое приветствие не соответствует ни вашему высокому сану, ни выдающимся заслугам! Хотя я ваша государыня, в то же время я ваш друг. Боюсь, сеньор кардинал не простит меня за то, что я лишила его вашего общества раньше, чем он на то рассчитывал.

— Его преосвященству кардиналу и его гостям есть над чем поразмыслить, сеньора,—ответил Колумб со своей спокойной улыбкой,—так что я им сегодня не так уж необходим. Но даже в противном случае и я и юный граф без сожалений покинули бы самое роскошное пиршество, лишь бы исполнить волю вашего высочества.

— Не сомневаюсь, сеньор, но сейчас я пожелала вас видеть не по государственному, а по совершенно личному делу. Донья Беатриса сообщила мне о том, что здесь, во дворце, находится прелестная индианка. Ее история, которую она мне рассказала, едва ли не самое удивительное из всего, что сопровождало вашими необычными открытиями, и я просто не понимаю, почему присутствие этой девушки скрыли от меня! Вы знаете, кто она по происхождению, дон Христофор, и что заставило ее прибыть в Испанию?

— Конечно, сеньора! Отчасти по собственным наблюдениям, а отчасти со слов дон Луиса де Бобадилья я заключил, что сан доньи Озэмы хотя и ниже королевского, но выше любого дворянского. Такое положение по нашим понятиям трудно себе предста-

вить, однако не следует забывать, что Гаити — не Кастилия. Этот остров прозябает во мраке язычества, а ваше королевство озарено светом веры и цивилизации.

— Это не имеет значения, дон Христофор! Высокий род есть высокий род, и знатные люди сохраняют свои права в любой стране. И, если глава нашей церкви соизволит вручить нам, христианским государям, высшую власть над индейскими касиками, в этом тоже нет ничего нового или особенного. Отношения между вассалами и сюзереном установлены издавна и ясно определены. Мы знаем немало примеров, когда могущественные монархи владели своими странами по праву наследства, тогда как другие получали свои права от бога. Вот почему, считая эту сеньору более знатной, нежели простая дворянка, я повелела обращаться с ней подобающим образом. Итак, остается лишь узнать, что привело ее в Испанию.

— Об этом лучше спросить дона Луиса, — ответил Колумб. — Он знает больше меня.

— Нет, сеньор, я хочу услышать обо всем из ваших уст. То, что расскажет граф де Льера, мне уже в общих чертах известно.

Эти слова огорчили и удивили Колумба, однако он не стал возражать и поспешил исполнить желание королевы.

— На Гаити, — начал он, — есть более могущественные принцы, или касики, и менее могущественные. Последние воздают первым почести и находятся от них в некоторой зависимости...

— Вот видишь, милая моя маркиза! — прервала его Изабелла. — Это естественный порядок правления, одинаковый что на западе, что на востоке!

— Касик Гуаканагари, о котором я так много рассказывал вашему высочеству, — продолжал Колумб, — относится к числу первых. А касик Маттинао, брат этой сеньоры, — к числу вторых. Дон Луис посетил касика Маттинао, и в это время могущественный карибский вождь Каонабо напал на Маттинао, чтобы захватить себе в жены его сестру, которая находится перед вами. Граф поступил, как подобает благородному кастильскому рыцарю: он обратил врага в бегство, спас даму и с торжеством доставил ее на берег, где

стояли наши корабли. Там было решено взять ее с собой в Испанию, дабы приумножить славу наших государей, а также для того, чтобы на некоторое время избавить сеньору Озэму от новых посягательств. Этот кариб слишком силен и воинственен, и кроткое, миролюбивое племя Маттиао не смогло бы ему противостоять.

— Все это хорошо, сеньор, и все это я уже слышала. Но почему Озэмы не оказалось среди тех, кто следовал за вами в день торжественного шествия по городу?

— Таково было желание дона Луиса, и я с ним согласился. Вместе со своей подопечной он должен был от Палоса плыть отдельно, чтобы встретиться со мной в Барселоне. Мы оба сочли, что сеньора Озэма гораздо знатнее своих соплеменников, а потому не следует ее выставлять напоказ перед толпой.

— Похвальная деликатность, если только все это не подстроено заранее!— с усмешкой заметила королева.— Значит, сеньора Озэма несколько недель оставалась всецело на попечении графа де Льера?

— Полагаю, что так, ваше высочество, но ведь граф поручил ее заботам маркизы де Мойя!

— Дон Христофор, как вы могли согласиться на это при вашей осмотрительности? Мне кажется, это было весьма неосторожно.

— Сеньора!— воскликнул Луис, не в силах более сдерживаться.

— Молчите, молодой человек!— оборвала его королева.— Я еще с вами поговорю, и тогда вам понадобится вся ваша смелость, чтобы ответить на мои вопросы. А сейчас я спрашиваю сеньора адмирала: совесть не упрекает вас в некоторой неосторожности?

— Сеньора, я не понимаю вашего вопроса и того, что за ним кроется. Я полностью доверяю порядочности графа, а кроме того, мне известно, что сердце его давно уже принадлежит прекраснейшей и достойнейшей девушке Испании. Наконец, в те дни я думал только об интересах вашего высочества, так что на менее значительные дела у меня просто не оставалось времени.

— Я верю вам, сеньор, и прощаю вас. И все же такой опытный человек, как вы, не должен был

доверять принцессу непостоянному и легкомысленному юноше. А теперь, граф де Льера, я хочу кое о чем спросить вас и боюсь, вам будет нелегко мне ответить. Вы подтверждаете все, что было здесь сказано?

— Разумеется, сеньора! У дона Христофора нет причин говорить неправду, даже если бы он был на это способен. А в нашем роду никогда не было предателей и лжецов.

— С этим я полностью согласна. Если бы в вашем роду и появился один вероломный лжец, то все равно ваш род остался бы знаменит другими его представителями, которые в верности и постоянстве могут сравниться с героями древности!— При этих словах королева бросила взгляд на свою подругу.— К счастью, честь и слава рода Бобадилья не зависит от постоянства и правдивости его главы... Нет, сеньор, молчите и слушайте! Вы будете отвечать, когда вас спросят. Скажите, в последнее время вы помышляли о браке?

— Я этого не скрываю, сеньора. Разве преступно мечтать о достойном завершении долгого сватовства? Я даже смел надеяться, что теперь наконец получу высочайшее соизволение!

— Ах, Беатриса, именно этого я и боялась!— воскликнула королева.— Значит, эта простодушная хорошенькая девушка была введена в заблуждение каким-нибудь ложным брачным обрядом! Ибо ни один из моих кастильских подданных не осмелился бы говорить в моем присутствии о браке, будучи уже связанным законными узами с другой женщиной! Последний распутник Испании не решился бы так оскорбить церковь и королеву!

— Сеньора, вы говорите жестокие слова,— в отчаянии воскликнул Луис.— Осмелюсь спросить, неужели эта суровая отповедь относится ко мне?

— А к кому же еще? О ком еще здесь может быть речь? Неужели вас не мучит совесть за ваше недостойное поведение? И вы еще спокойно стоите перед вашей государыней! Да что я? Вы осмеливаетесь как ни в чем не бывало смотреть в глаза этому ангелу, этой несчастной девушке!

— Сеньора!— воскликнул Луис.— Меня, конечно, нельзя назвать ангелом, как донью Мерседес. Я не

безгрешный, не святой, короче — я Луис де Бобадилья. Но эти упрёки я заслужил так же мало, как и мученический венец. Позвольте спросить, в чем меня обвиняют?

— В том, что вы обманули ложным браком неопытную и доверчивую индейскую принцессу или, что еще хуже, нагло насмеялись над своей королевой, утверждая, будто помышляете о браке, когда сами уже связаны брачными узами с другой! В каком из двух преступлений вы действительно повинны, вам лучше знать.

— А вы, маркиза, и вы, Мерседес, вы тоже думаете, что я на это способен?

— Боюсь, что да,— холодно ответила маркиза де Мойя.— Все доказательства так несомненны, что не поверить им может только язычник!

— А вы, Мерседес?

— Нет, Луис, нет!— ответила великодушная девушка с пылкостью и волнением, сломившими все преграды ее сдержанности.— Я не верю, что вы настолько низки! Вы вообще не способны на низость, просто вам трудно переделать свой легкомысленный нрав. Я слишком хорошо знаю ваше благородное сердце и верю, что если вы и поддались увлечению, то лишь потому, что не смогли его преодолеть.

Все это дон Луис слушал не дыша, а когда она кончила, радостно воскликнул:

— Благослови вас господь и пресвятая дева! Я вынес бы все, но только не ваше презрение!

— Пора положить этому конец, вы не находите, Беатриса?— спросила королева.— Мне кажется, надо перейти прямо к фактам, так оно будет вернее. Подойдите сюда, Озэма, и пусть ваш рассказ решит это дело раз и навсегда.

Юная индианка, которая понимала по-испански если не все, то гораздо больше, чем могла сказать, тотчас повиновалась. Она была удручена и мучительно пыталась уловить, что же, наконец, происходит. Но лишь Мерседес заметила, как менялось ее лицо, когда Изабелла обвиняла Луиса, а тот негодуя протестовал: волнение Озэмы подтверждало, насколько наш герой был ей дорог.

— Скажите, Озэма, жена вы Луису де Бобадиля или нет?—спросила королева, стараясь произносить каждое слово медленно и отчетливо, чтобы индианка могла ее понять.

— Озэма Луису жена!—ответила та, улыбаясь и краснея.—Луис муж Озэмы!

— Как видите, дон Христофор, все ясно. То же самое она отвечала на все мои настойчивые и неоднократные расспросы. Скажите, Озэма, когда и как Луис женился на вас?

— Луис женился на Озэме по испанской вере. Озэма стала женой Луиса по гаитянскому обычаю, по любви, по душе.

— Не может этого быть, сеньора!—возразил адмирал.—Я бы хотел сам во всем разобраться. Вы позволите мне задать несколько вопросов?

— Спрашивайте сколько хотите, сеньор,—холодно ответила королева.—С меня довольно того, что я слышала, остается только принять решение, и безотлагательно!

— Граф де Льера, вы признаете себя мужем Озэмы, да или нет?—строго спросил Колумб.

— Разумеется, нет, сеньор адмирал! Я никогда не был ее мужем. Да и как мог я об этом хотя бы помышлять, если думал об одной только Мерседес!—ответил Луис со всей прямоотой и решительностью, которые составляли главное его достоинство.

— Может быть, вы ввели ее в заблуждение или чем-нибудь дали ей повод надеяться, что она станет вашей женой?

— Ни то и ни другое! К родной сестре я не мог бы относиться с большим уважением, чем к Озэме, и именно потому я и поспешил вверить ее заботам моей тетушки и доньи Мерседес. Разве это не достаточное доказательство?

— Это звучит убедительно, сеньора,—обратился Колумб к Изабелле.—Граф глубоко чтит женскую добродетель и не решился бы ее оскорбить при всем своем легкомыслии.

— Всем этим прекрасным рассуждениям и доводам противоречат ясные слова юной девушки, почти ребенка, не искушенного во лжи. Она слишком простодушна, и сан ее слишком высок, чтобы снизойти до

недостойного да и бесполезного обмана. Надеюсь, ты согласна со мной, Беатриса, и не станешь искать оправданий для этого вероломного сеньора, хотя он и считался до сих пор гордостью вашего рода?

— Право, не знаю, сеньора!—ответила маркиза.—При всех его слабостях и недостатках—а у него их, видит бог, немало—коварство и лживость никогда не были присущи Луису де Бобадиля. Даже то, что он доверил юную принцессу моим заботам, я приписываю благородному порыву его сердца. Видимо, он надеялся, что пребывание Озэмы в моем доме скорее откроет мне всю правду. Но я хотела бы еще порасспросить донью Озэму, чтобы окончательно во всем убедиться. А что, если все мы стали жертвой какого-то странного недоразумения?

— Хорошо,—согласилась Изабелла; чувство справедливости заставляло ее быть особенно внимательной, когда предстояло вынести какое-либо решение.—От нас зависит судьба одного из знатнейших людей Испании, и мы должны позволить ему защищаться против столь тяжкого обвинения. Граф, можете задавать принцессе вопросы, я вам разрешаю!

— Сеньора, недостойно рыцаря вступать в препирательства с дамой, к тому же принцессой и чужестранкой!—гордо ответил Луис, невольно краснея, потому что Озэма смотрела на него с нескрываемым обожанием.—Если вы считаете нужным продолжать допрос, пусть этим займется кто-нибудь другой!

— Так как мне предстоит наказать виновного, я возьму на себя эту неприятную обязанность,—холодно согласилась королева.—Мы не вправе избегать ничего, что может хоть сколько-нибудь приблизить нас к высочайшей из добродетелей—к справедливости,—не правда ли, сеньор адмирал?—обратилась она к Колумбу и продолжала:—Принцесса, вы сказали, что дон Луис женился на вас и теперь вы считаете себя его женой. Где и когда предстали вы перед священником?

Озэма поняла вопрос королевы и ответила на него бесхитростно и прямо.

— Луис женился на Озэме христианским крестом!—сказала она, прижимая к груди драгоценный подарок, который наш герой вручил ей в минуту

смертельной опасности.— Луис думал — сейчас умрет, Озэма думала — сейчас умрет. Оба хотели умереть мужем и женой. Луис женился крестом, как добрый испанский христианин, Озэма — в своем сердце, как добрая гаитянка, как делают у нас.

— Здесь явно какое-то недоразумение, какая-то печальная ошибка, вызванная различиями языков и обычаев,— заметил адмирал.— И дон Луис здесь ни в чем не виноват. Я сам видел, как он дал ей этот крест. Это было на море, во время шторма, и тогда я про себя похвалил графа за стремление спасти душу бедной язычницы. Никакой свадьбы не было да и не могло быть. Только девушка, совершенно незнакомая с нашими обычаями, могла принять за брачный обряд простой жест, когда граф вручил ей крест, надеясь, что этот символ веры спасет ее душу!

— Дон Луис, вы подтверждаете то, что сказал сейчас адмирал?— спросила королева.— У вас действительно не было иных помыслов?

— Конечно, не было, сеньора!

— И вы никогда не стояли с ней перед священником, ничем не пытались ввести в заблуждение эту бесхитростную индианку?

— Сеньора, я не умею лгать и готов признаться, что виноват перед Озэмой. Ее красота и милый нрав, а главное — ее сходство с доньей Мерседес говорят сами за себя. Последнее особенно расположило меня к ней, и, если бы мое сердце не было отдано другой, я бы открыто женился на принцессе. Но мы встретились для этого слишком поздно. Само сходство Озэмы и Мерседес заставляло меня их сравнивать, и, конечно, невежественная язычница не выигрывала от такого сравнения. Признаюсь, я питал к Озэме нежность, но никогда это чувство не вытесняло из моего сердца Мерседес! И если я виноват перед доньей Озэмой, то лишь в том, что не всегда умел скрывать свое восхищение, вызванное ее детской простотой, а главное — сходством с Мерседес. Но никогда ни словом, ни делом я не оскорбил ее и не обидел!

— Эта речь мне кажется честной и правдивой,— проговорила королева.— Что скажешь, донья Беатриса? Ты лучше знаешь графа, и тебе легче судить, насколько можно доверять его словам.

— Жизнью готова поручиться за каждое его слово, госпожа моя! — горячо воскликнула маркиза. — Луис не лицемер, и я счастлива — о, как я счастлива! — что он сумел оправдаться перед всеми нами. Теперь я понимаю: Озэма что-то слышала о наших брачных обрядах и знала, что мы почитаем крест. Она неверно поняла чувства Луиса, неверно истолковала его поступок и совершенно искренне вообразила себя его женой! Будь Озэма христианкой, она бы никогда не впала в столь жестокое заблуждение.

— Да, все это весьма похоже на правду, — согласилась королева и с чисто женской деликатностью к чувствам Озэмы продолжала: — Однако не следует забывать, что речь идет о сердце девушки, и не простой девушки, а принцессы. Мы не вправе далее обсуждать это дело при всех. Надеюсь, сеньоры, вы исполните свой рыцарский долг и никогда нигде не упомянете о том, что здесь говорилось. Отныне донья Озэма находится под моим покровительством. А вы, граф де Льера, узнаете завтра мое решение относительно вас и доньи Мерседес.

Все это было высказано с таким царственным видом, что Колумб и наш герой поспешили почтительно раскланяться и удалиться. Королева долго еще беседовала с Озэмой, а к чему это привело, станет ясно из дальнейших событий.

Глава XXX

*Когда в пучине я тонул
И был до смерти миг единый
И мне никто не протянул
Руки прекрасной, лебединой,
Вдруг сожаленьем затуманился ваш взор,
И спасся я, и вас люблю — с тех пор.*

Колридж¹

Когда дамы остались одни — королева решила, что Мерседес тоже должна присутствовать при ее беседе с Озэмой, — Изабелла осторожно и тактично завела речь о браке. Но высказывалась

¹ Колридж Сэмюэль Тайлор (1772—1834) — английский поэт.

она достаточно ясно, чтобы красавица гаитянка поняла, как жестоко она обманулась. С первой же встречи женское чутье подсказало ей, что она Луису нравится. Доверчивая, пылкая, привыкшая вызывать у себя на родине всеобщее поклонение, Озэма была уверена, что юный граф тоже в нее влюблен. Не зная языка, она объяснялась главным образом взглядами и жестами, что еще больше способствовало ее заблуждению. Не следует также забывать, что, хотя верность Луиса и выдержала испытание, это было для него серьезным искушением. Неправильно понятое Озэмой слово «мерседес», нежные заботы, которыми окружал ее граф,—все только усугубляло тягостное недоразумение.

Старания Луиса познакомить гаитянку с основами своей религии привели к новым ошибкам и заблуждениям, которые легко укоренились в наивной душе Озэмы. Так, она решила, что испанцы поклоняются кресту, что это и есть их бог. Долгое время Озэма с восхищением взирала на крестик, и, когда Луис в минуту смертельной опасности подарил ей эту драгоценную вещь, она решила, что тем самым он с ней обвенчался, ибо, по обычаям ее родины, обмен дарами считается брачным обрядом. В простоте любящей души она только так это и понимала.

Более часа билась королева, чтобы все это выяснить, хотя Озэма ничего и не пыталась скрыть. Да ей, в сущности, и нечего было скрывать! Теперь осталось самое трудное: объяснить доверчивой гаитянке ее ошибку и открыть ей горькую правду. Чтобы все сразу стало ясно, Изабелла рассказала Озэме, что еще до того, как Луис увидел ее, он уже любил Мерседес, которая должна была стать его женой. Королева постаралась это сделать как можно мягче и осторожнее, но удар достиг цели. Сама Изабелла была потрясена: никогда еще ей не приходилось видеть такого взрыва отчаяния, такого невыразимого горя, таких неудержимых слез! Образ несчастной девушки долго потом преследовал королеву, лишая ее сна.

Колумб и наш герой еще целую неделю пребывали в полном неведении. Правда, дон Луис на следующий же день получил от своей тетки ласковую, ободряющую записку, а паж Мерседес молча возвратил

ему тот самый крестик, который был у Озэмы, но о том, что произошло, ему оставалось только гадать. Наконец, видимо, пришло время для объяснений — дон Луиса пригласили к маркизе.

Луис думал, что тетушка встретит его в гостиной, и был удивлен, когда там никого не оказалось. На его недоуменные вопросы паж ответил, что графа просили подождать, и сам исчез. Наш герой никогда не отличался терпением, эта христианская добродетель была ему недоступна. Чтобы убить время, он принялся расхаживать из угла в угол. Так прошло полчаса, он уже думал, что о нем забыли, и хотел позвать слугу, чтобы о нем доложили еще раз, когда дверь вдруг медленно отворилась и перед юношей предстала Мерседес.

С первого взгляда Луис понял, что его возлюбленная глубоко взволнована и удручена. Ее рука, к которой он жадно припал губами, дрожала, лицо то вспыхивало, то бледнело, она явно держалась из последних сил. Однако она отказалась от предложенной ей воды, попросила Луиса сесть в кресло, а сама опустилась на низенький табурет, на котором обычно сидела в присутствии королевы.

— Дон Луис, это я пригласила вас сюда, — заговорила Мерседес, справившись с волнением. — Я хочу выяснить до конца наши чувства, чтобы не осталось никаких сомнений. Вас подозревали в том, что вы женились на донье Озэме, вы навлекли на себя немилость королевы и стояли на краю пропасти...

— Но, дорогая Мерседес, вы-то не думали, что я способен на подобную ложь и вероломство?

— Разумеется, нет, я уже сказала, — для этого я вас знаю достаточно хорошо. Я была убеждена, что, если бы дон Луис де Бобадилья решился на подобный шаг, у него хватило бы совести и мужества во всем признаться. Но уверяю вас, я ни одной минуты не думала, что вы женились на принцессе.

— Почему же вы были так холодны, почему избегали моих влюбленных взглядов и не поднимали глаз, а если и смотрели на меня, то чуть ли не с отвращением? Такой чужой я вас никогда не видел!

Мерседес изменилась в лице; с минуту она молчала, не зная, хватит ли у нее сил довести до конца задуманный разговор.

— Послушайте меня, Луис, я вас недолго задержу,—начала она.—Когда по моему настоянию вы отправились в это славное путешествие, вы любили меня, и ничто на свете не отнимет у меня этого сладостного воспоминания. Да, тогда вы любили меня, и только меня! Мы расстались, обменявшись обетами, и все это время не проходило дня, когда бы я не молилась за адмирала и его спутников.

— Мерседес, любимая! — прервал ее Луис.— Неудивительно, что усилия наши увенчались успехом: ваши молитвы были услышаны!

— Не перебивайте, прошу вас! — взмолилась Мерседес.— До того самого знаменательного дня, когда мы узнали о вашем возвращении, ни одна жена не тревожилась так о своем муже, как я о том, на кого возложила все свои надежды. Сомнения и страхи преследовали меня, однако наше будущее казалось мне безоблачным и лучезарным. Гонец, прибывший ко двору, первым открыл мне глаза на горькую действительность и преподал печальный урок разочарования в людях. Увы, все мы получаем его слишком поздно! Тогда я впервые услышала об Озэме — о вашем восхищении ее красотой, о вашей готовности пожертвовать ради нее своей жизнью...

— Святой Луис! Неужели этот бродяга Санчо наплел вам все это? Неужели он осмелился усомниться в моей верности и любви к вам, Мерседес?

— Он рассказал только правду, Луис, и не надо его винить. Его рассказ был предвестником несчастья, которое не замедлило на меня обрушиться, и я благодарю бога, что знала о нем заранее и была к нему подготовлена. А когда я увидела Озэму, я уже не удивлялась случившемуся и не стала ни в чем вас винить. Перед ее красотой, думала я, вы бы могли еще устоять, но ее безграничная привязанность к вам, ее наивность, ее чарующая простота, естественность и живость — все это могло бы пленить любого мужчину!

— Мерседес, вы ли это говорите?

— Да, Луис, и я вас не осуждаю. Хорошо, что это случилось сейчас, а не позже: если бы я уже была

вашей женой, я бы не вынесла такого страшного удара. Но сейчас я еще свободна, передо мной еще открыты ворота монастыря, где я еще могу стать невестой Христовой... Нет, не перебивайте меня, Луис! — проговорила Мерседес с нежной улыбкой, но видно было, каких усилий это ей стоило. — Мне и так нелегко говорить. Вы не смогли скрыть свое восхищение; странная новизна всего, что окружало Озэму, ее безыскусная наивность и очарование принесли ей победу, а мне — поражение. Я смиряюсь, ибо так угодно богу, и верю, что это пойдет мне на благо. Если бы я вышла за вас, нежные чувства, которые я все еще к вам питаю — не хочу этого скрывать, — могли бы возрасти настолько, что я забыла бы о моих обязанностях перед богом, так что все к лучшему! Раз уж мне не суждено земное счастье, я могу надеяться на счастье на том свете. Да и не только на том свете: я еще могу молиться за вас и за Озэму так же, как за себя, ибо из всех земных существ вы мне всего дороже!

— Нет, Мерседес, все это так невероятно, так жестоко, бессмысленно и несправедливо, что я не верю собственным ушам!

— Я уже сказала, что ни в чем вас не виню. Красота и искренность Озэмы вполне оправдывают вас. Мужчины чаще прислушиваются к голосу страсти, нежели души, а гаитянка, — здесь Мерседес густо покраснела, — могла по своей наивности воспользоваться тем, на что бы никогда не решилась девушка христианского воспитания. А теперь — самое главное. Озэма заболела и до сих пор больна. Ей грозит смерть — так утверждают врачи. Ее высочество и донья Беатриса весьма встревожены. Но вы, Луис, можете поднять ее буквально из гроба, это в вашей власти! Повидайтесь с ней! Скажите ей хоть одно слово, которое вернет ей счастье, скажите, что если вы и не обвенчались с ней по испанскому обычаю, то сделаете это теперь. И пусть священники, которые не отходят от Озэмы, подготавливая ее к крещению, сегодня же совершат брачный обряд! Тогда мы снова увидим принцессу радостной, счастливой и сияющей, какой она была прежде!

— И это говорите мне вы, Мерседес! — воскликнул Луис.— Говорите так спокойно и уверенно, словно сами того хотите!

— Спокойно? — грустно возразила девушка.— Вам это только кажется, Луис. Уверенно? Да, я знаю, что говорю. Вы же не можете жениться на мне, любя другую! Так почему вам не последовать влечению своего сердца? У принцессы будет богатое приданое, потому что мне в монастыре не понадобятся ни золото, ни поместья.

Луис с нежностью смотрел на благородную девушку: никогда еще она не казалась ему прекраснее! Затем он вскочил и забегал по комнате: в душе его бушевала такая буря, что он не в силах был усидеть на месте. Наконец, овладев собой, он снова сел, взял безвольную руку Мерседес в свои и заговорил:

— Вы так долго были у постели своей больной подруги, так много раздумывали о ней, что теперь не в силах смотреть на вещи здраво, любимая! Озэма не тронула моего сердца, во всяком случае, совсем не так, как вы думаете. Какое-то мимолетное увлечение...

— Ах, Луис! «Мимолетное увлечение»! Здесь,— проговорила Мерседес, прижимая обе руки к своей груди,— никогда не было подобных чувств!

— У нас не одинаковое воспитание, привычки да и сама природа, Мерседес. Вы много лучше меня! И, если бы было иначе, я не смотрел бы на вас с таким обожанием. Не будь вас, я бы все равно не был счастлив в браке с Озэмой, но вы есть, и я так вас люблю, что брак с другой вверг бы меня в бездну горя,— даже я не вынес бы этого при всей грубости моей души! Я уж не говорю о том, что на индианке я бы никогда не женился.

Луч счастья озарил лицо Мерседес, однако высокое чувство долга и бескорыстная решимость тут же взяли верх, и, словно наказывая себя за это минутное торжество, она с упреком спросила:

— И вы можете так говорить об Озэме? Ваше «мимолетное увлечение» обмануло ее наивное сердце. Честь требует, чтобы вы теперь на деле подтвердили то, во что заставили ее поверить!

— Мерседес, любимая, послушайте меня! Вы должны знать, что при всем моем легкомыслии и

недостатках я никогда не был лицемером! Я никогда не поступал наперекор своему сердцу, а мое сердце отдано только вам одной. Вы для меня — единственная! Красота Озэмы, ее очарование могли на мгновение привлечь взгляд моих глаз или вызвать мимолетное восхищение. Но вы, любимая, всегда были здесь, в моем сердце, всегда оставались со мной, потому что вы стали частицей меня самого. Если бы вы только знали, как часто ваш образ оказывался сильнее меня, как часто мысль о вашей любви помогала мне там, где уже ничего не могли поделать ни долг, ни вера, ни воспитание, вы бы поняли разницу между моей любовью к вам и тем, что вы насмешливо называете «мимолетным увлечением»!

— Луис, я не должна была бы слушать эти обольстительные слова! Вы говорите их по доброте сердечной, чтобы сейчас смягчить мою боль, но потом она станет еще острее. Если вы действительно так меня любите, как могли вы отдать другой мой прощальный подарок?

— Мерседес, вы ведь знаете, при каких страшных обстоятельствах я решился с ним расстаться! Смерть уже заглядывала нам в лицо, когда я дал Озэме ваш крестик, надеясь, что хоть он поможет несчастной язычнице в час грозной опасности. И этот дар, вернее, то, что я дал ей крестик на время, она приняла за брачный обет! Вы знаете наши обычаи — скажите, могли я предвидеть, что это приведет к такому страшному недоразумению? Ведь я тоже мог бы уже называть вас своей женой на том основании, что вы сами сделали мне этот подарок!

— Ах, Луис, вручая вам этот крест, я вручила вам и свою судьбу!

— А что вы хотели сказать, когда неделю назад вернули мне его снова?

— Я послала вам крест, когда надежда вновь ожила в моем сердце, а также повинуюсь воле королевы. Ее высочество теперь благоволит к вам и желает, чтобы мы поскорее обвенчались. И если бы не горестное состояние Озэмы, которой объяснили все... Но, увы, боюсь, она не знает главного — ваших истинных чувств к ней и ко мне!

— Мерседес, нельзя быть такой жестокой! Неужели вы никогда больше мне не поверите, неужели мне уже не суждено счастье? Клянусь, любимая, мое сердце принадлежит только вам! Вместе с вами я буду счастлив и в аду, а без вас — несчастен и на троне. Вы поверите в это, когда я превращусь в жалкого безвольного бродягу, странствующего по земле без цели и без надежды. Я всегда считал вас своим ангелом-хранителем, только вы одна могли сдерживать и направлять меня там, где все остальные были бессильны. Если забыть о моих сомнениях и нетерпении, разве не был я всегда с вами добр и кроток? Разве донья Беатриса имела надо мной хоть десятую долю той власти, которую имеете вы? Ведь только вы умели укрощать мои самые дикие порывы!

— Луис, Луис, кто знает ваше сердце, не может вам не верить!

Мерседес умолкла. Взволнованное лицо ее говорило, что пылкая искренность графа убедила ее и она больше не сомневается в его любви. Но мысли ее по-прежнему возвращались к тому, что произошло во время плавания, и образ страдающей Озэмы не выходил у нее из головы. Через минуту она снова заговорила тихим дрожащим голосом:

— Не скрою, мне отрадно слышать такие речи, но боюсь, я внимала им слишком доверчиво. Я все же не верю, что вы сможете когда-либо забыть ту, кто, рискуя собой, спасла вам жизнь, прикрыв своим телом от вражеских стрел.

— Не думайте об этом, любимая! На месте Озэмы вы бы сделали то же самое, я в этом уверен!

— Да, я хотела бы поступить так же, Луис, — продолжала Мерседес со слезами на глазах, — а вот смогла бы, не знаю!

— Конечно, смогли бы, я знаю вас и не сомневаюсь!

— Я бы завидовала Озэме, если бы это не было грехом! Ведь об этом подвиге вы всегда будете помнить, даже когда ее красота потеряет для вас очарование новизны!

— Мерседес, на ее месте вы бы вели себя точно так же или еще более беззаветно. Озэма рисковала собой

в схватке, которая из-за нее и завязалась, а вы бы пожертвовали собой только ради меня.

Мерседес снова умолкла и погрузилась в глубокую задумчивость. Под влиянием пылких уверений возлюбленного лицо ее прояснилось, и, несмотря на благородную решимость, с какой она намеревалась пожертвовать собой ради мнимого счастья Луиса, теперь в ее сердце возрождались надежда и радость вновь обретенной любви.

— Хорошо, Луис! — сказала она наконец. — Пойдемте со мной к Озэме. Когда вы увидите, в каком она состоянии, ваши собственные чувства станут вам понятнее. Я не должна была вам позволять говорить со мной о любви в отсутствие Озэмы: это все равно, что судить о ком-нибудь, выслушав только одну сторону. И если, увидев принцессу, вы решите взять свои слова обратно, ах, Луис, как мне ни тяжело, я прощу вас и буду за вас молиться всегда, всегда...

Рыдания прервали ее речь. Щеки Мерседес горели, но не от стыда, а от более сильных чувств, на глазах сверкали слезы; в это мгновение она была поразительно хороша! Луис пытался утешить ее, обнять, но она отстранила его ревнивым жестом, в котором было, впрочем, больше застенчивости, чем неприязни. Наконец Мерседес отерла слезы и, немного успокоившись, повела Луиса к Озэме, где их давно уже ожидали.

Войдя к больной, Луис невольно вздрогнул: так сильно болезнь и горе изменили ее черты. Румянец исчез с ее лица, сменившись смертельной бледностью. Глаза горели неестественным блеском. Она была так слаба, что могла только полусидеть, опираясь на подушки.

Возглас неподдельной радости вырвался у Озэмы при виде Луиса, но тут же она смутилась, как ребенок, и закрыла лицо обеими ладонями, словно устыдившись своего порыва.

Луис держался мужественно, хотя сердце его дрогнуло при воспоминании о долгих часах, проведенных вместе с Озэмой, и о своей минутной слабости, когда он поддался обаянию ее красоты. Но сейчас он был настороже, чтобы не совершить ни одного ложного

шага, а самое главное — чтобы ничем не задеть Мерседес и не дать ей повода обвинять его в неверности.

Он почтительно взял руку юной индианки и поцеловал ее тепло и нежно, с чисто братским сочувствием. Мерседес не осмеливалась на него смотреть, но она уловила одобрительный взгляд, которым королева обменялась с доньей Беатрисой. Этот взгляд сказал ей, что граф с честью выдержал испытание.

— Как видите, Озэма больна и слаба, — обратилась к нему королева, потому что никто не решался нарушить тягостное молчание. — Мы долго пытались просветить ее неискушенный ум, и наконец она согласилась принять крещение. Сейчас архиепископ готовится к священному обряду в моей молельне. Надеюсь, мы сможем совершить благое дело и спасти ее чистую душу.

— Ваше высочество, как всегда, печется о благе своих подданных, — ответил Луис с низким поклоном, пытаясь скрыть слезы, застилавшие ему глаза. — Боюсь, что наш климат вообще не подходит бедным гаитянам. Я слышал, многие из тех, кто занемог в Палосе и в Севилье, вряд ли уже поправятся.

— Это правда, дон Христофор? — спросила Изабелла.

— Увы, сеньора, по-видимому, да, — ответил Колумб. — Но мы заботимся о них и об их душах. Все они уже окрещены, осталась только Озэма.

— Сеньора! — сказала Изабелле маркиза де Мойя, отходя от постели больной с удивленным и озадаченным видом. — Боюсь, что нас постигнет разочарование. Донья Озэма только что шепнула мне, что не примет крещения, если Мерседес и Луис не будут прежде обвенчаны в ее присутствии.

— Какое бессмысленное желание! Но что спрашивать с разума, не озаренного светом небесным? Будем надеяться, что это только каприз, о котором она забудет, когда придет архиепископ.

— Не думаю, что это каприз, — возразила донья Беатриса. — Она еще никогда не говорила так ясно и решительно. Обычно она была кроткой и уступчивой, но сейчас она повторила мне это трижды, чтобы я поняла, насколько ее желание серьезно.

Королева приблизилась к больной и заговорила с ней негромко и ласково. Адмирал обратился с каким-то вопросом к маркизе, а дон Луис, воспользовавшись этим, подошел к Мерседес. Оба были взволнованы. Мерседес, затаив дыхание, ожидала приговора, но граф поспешил прошептать ей несколько слов, которые наполнили ее сердце счастьем, несмотря на все ее великодушие и искреннюю жалость к Озэме. Теперь она была уверена, что Луис всецело принадлежит ей, и с этой минуты он стал для нее прежним Луисом.

Как всегда в присутствии королевы, все говорили вполголоса. Прошло около четверти часа. Наконец паж отворил дверь, ведущую в маленькую часовню, и объявил, что все готово.

— Право, не знаю, что делать, Беатриса,— проговорила королева, отходя от больной. — Она по-прежнему упорствует. Жестоко было бы лишать ее благодати крещения, но требовать такой неприличной поспешности от твоего племянника и твоей воспитанницы тоже нельзя!

— Что касается племянника, сеньора, то его, я думаю, ничто не смутит, но за Мерседес не поручусь. Она слишком чтит святость обрядов и обычаев.

— Конечно,— согласилась королева,— об этом нечего и думать. Девушка ее положения должна иметь время, чтобы подготовиться к священному обряду бракосочетания.

— Но ведь многие обходятся и без этого, сеньора! — лукаво заметила маркиза. — Было время, когда это не остановило бы дона Фердинанда Арагонского и донью Изабеллу Кастильскую!

— Никогда этого не было, Беатриса! Ты все время напоминаешь мне о днях моей молодости, когда хочешь, чтобы я исполнила какую-нибудь твою прихоть. Неужели ты думаешь, что твоя воспитанница согласится пренебречь всеми приготовлениями к венчанию?

— Я не знаю, сеньора, на что она согласится, но если есть в Испании хоть одна женщина, которая в душе все время готова к самому священному обряду, то это вы, ваше высочество, а после вас — Мерседес.

— Полно, полно, Беатриса, лесть тебе не к лицу! Все мы нуждаемся во времени для размышлений.

Впрочем, пригласи донью Мерседес в мой кабинет, я с ней поговорю. По крайней мере она не будет смущена и удивлена.

С этими словами королева удалилась. Она еще не успела дойти до своего кабинета, как за ее спиной послышались торопливые и робкие шаги. Едва глаза Мерседес встретились с глазами королевы, девушка упала на колени, спрятала лицо в складках платья доньи Изабеллы и залилась слезами. Но вскоре Мерседес удалось справиться с этим взрывом чувств, и она поднялась, готовая услышать волю своей государыни.

— Дочка,—начала королева,—надеюсь, теперь между вами с графом де Льера не осталось недоразумений. Ты знаешь мнение твоей опекуны и мое собственное и можешь всецело положиться на нашу беспристрастность и наш опыт. Дон Луис любит только тебя, он никогда не любил принцессу, хотя и мог выказать к ней какое-то теплое чувство. Если вспомнить о ее красоте, о тех соблазнах, с которыми ему пришлось бороться, то пылкого юношу за это и упрекать нельзя.

— Луис во всем мне признался, сеньора! — воскликнула Мерседес. — Он поддался минутной слабости, но всегда был мне верен.

— В твоём возрасте даже это слишком жестокий удар,—строго заметила королева. — Но для любящей жены он был бы страшнее, чем для чувствительной девушки. Поговорим, однако, об Озэме. Ты знаешь приговор врачей — ей недолго осталось жить.

— Ах, сеньора, какая жестокая судьба! Умереть на чужбине, в расцвете красоты, с разбитым сердцем, с сознанием неразделенной любви!

— И все же, если она примет крещение, вряд ли найдется хоть одна душа, более достойная райского блаженства.

— Я слышала, монсеньор архиепископ уже готовится совершить над ней этот обряд...

— Да, но это до некоторой степени будет зависеть и от тебя, дитя мое. Послушай меня и не торопись с ответом, ибо речь идет о спасении человеческой души.

Затем королева рассказала Мерседес о романтическом желании Озэмы. Она старалась выбирать самые

мягкие и убедительные слова, чтобы не встревожить и не смутить девушку, и ей это удалось, сверх всяких ожиданий.

— Донья Беатриса предложила другой выход,— говорила королева.— Сначала он показался мне возможным, однако по здравом размышлении был отвергнут: она хотела обвенчать графа с Озэмой, чтобы последние часы юной чужестранки были скрашены мыслью, что она умирает женой любимого ею человека.

При этих словах Мерседес вздрогнула и побледнела.

— Но против этого у меня возникли серьезные возражения,— продолжала Изабелла.— А что ты скажешь, дочка?

— Сеньора, если бы я верила — но теперь я в это не верю! — что Луис предпочитает мне принцессу и что с нею он найдет счастье, без которого брак не радость, а проклятье, я бы не стала возражать. Я бы сама умоляла вас на коленях, чтобы они обрели блаженство! Но я уверена, что граф не питает к Озэме подобных чувств. А без них было бы святотатством связывать человека обрядом, который не только не отвечает, но прямо противоречит зову его сердца.

— Чудесная ты девушка! То же самое подумала и я и так же ответила маркизе. Но отвечать за других тяжелее, чем за себя! Поэтому теперь остается только решить, как выполнить последнюю волю Озэмы. Ты согласна немедленно обвенчаться с графом, чтобы она приняла крещение?

При всей своей любви к Луису Мерседес пришлось выдержать нелегкую борьбу с собой, прежде чем она сумела преодолеть чувство благоговения перед древними обычаями и условностями и решилась так вдруг, без всяких приготовлений на столь значительный шаг. Но королева все-таки настояла на своем. Она слишком пеклась о благополучии собственной души, чтобы дать чужеземке умереть без причастия.

Когда Мерседес наконец согласилась, Изабелла послала пажа предупредить маркизу, а затем вместе с девушкой опустилась на колени, и более часа они провели в молитвах.

В таком настроении королева и Мерседес подошли к дверям часовни, куда незадолго до этого перенесли вместе с постелью Озэму. Маркиза накинула на голову невесты белую вуаль и наскоро приукрасила ее наряд из уважения к священнику и алтарю.

В часовне уже собралось человек двенадцать самых близких к королеве лиц. Когда жених с невестой заняли свои места, быстро вошел дон Фердинанд с бумагами в руках, от просмотра которых ему пришлось оторваться, повинувшись желанию своей царственной супруги. Король был истинным государем и, когда хотел, держал себя с неподражаемым достоинством и тактом. Сделав архиепископу знак повременить, он приказал Луису стать на колени, надел ему на шею свою орденскую цепь и проговорил:

— А теперь встань, доблестный рыцарь, и всегда будь так же верен господу богу, как был верен нам!

За этот милостивый жест Изабелла вознаградила своего мужа улыбкой, и венчание началось. Когда наш герой и героиня были провозглашены мужем и женой, Луис прижал Мерседес к своему сердцу, и в его объятиях она на благословенный миг почувствовала себя такой счастливой, что забыла обо всем на свете, даже об Озэме. По желанию короля посаженным отцом Мерседес был Колумб, а сам Фердинанд оказал эту честь Луису и даже прикоснулся к венцу, когда его держали над головами новобрачных. Лишь Изабелла оставалась в стороне, у постели Озэмы, с которой не спускала глаз в продолжение всей церемонии. Да ей и незачем было выказывать при всех свою симпатию к невесте: их взаимные чувства давно уже были известны. С поздравлениями скоро покончили, и все, кто не был посвящен в тайну Озэмы, удалились вслед за доном Фердинандом.

Изабелла не хотела, чтобы лишние свидетели присутствовали при крещении принцессы: это могло бы смутить юную чужестранку. Она внимательно следила за Озэмой в течение всего венчания: гаитянка не сводила глаз с архиепископа и новобрачных, и слезы, говорившие о мучительной борьбе между любовью и признательностью, лились по ее бледному, но все еще прекрасному лицу.

— Где крест? — взволнованно спросила Озэма, когда Мерседес подошла и склонилась над ней, чтобы ее поцеловать. — Дайте крест! Луис не женился крестом, дайте крест Озэме!

Мерседес сама сняла с груди своего мужа тот самый крестик, с которым он больше не расставался, и вложила его в руку юной принцессы.

— Значит, крестом не женятся! — пробормотала гаитянка, и слезы хлынули из ее глаз так, что она почти не могла разглядеть столь дорогую ей вещицу. — Тогда скорей, сеньора, сделай Озэму христианкой!

Сцена была слишком торжественной и трагичной, чтобы тратить время на слова. Королева подала архиепископу знак, и он приступил к обряду. Обряд длился недолго...

— Теперь Озэма христианка? — спросила вдруг принцесса так наивно и просто, что все переглянулись с печалью и удивлением.

— Да, дочь моя, теперь господь в своей милости услышит твои молитвы, — ответил прелат. — Обратись к нему в сердце своем, и твоя близкая кончина будет тиха и радостна.

— Христиане не женятся на язычницах? Христиане женятся только на христианках?

— Мы тебе часто говорили об этом, бедная моя Озэма, — отозвалась королева. — Нельзя венчать язычницу и христианина.

— Христианин сначала женится на самой любимой сеньоре?

— Конечно. Иначе его брак будет нарушением обета и насмешкой над богом.

— Так Озэма поняла. Но он может жениться на второй жене, на младшей жене, не самой любимой. Луис женился на Мерседес, первой жене, самой любимой. Теперь пусть женится на Озэме, второй жене, младшей! Он любит Озэму больше всех после Мерседес! Озэма теперь христианка, теперь можно. Скорей, архиепископ, сделай Озэму второй женой Луиса!

Изабелла горестно застонала и отошла в дальний угол часовни, а Мерседес, обливаясь слезами, упала

на колени, спрятала лицо в изголовье больной и начала горячо молиться за спасение ее души. Один архиепископ отнесся к наивности только что окрещенной им принцессы без всякой жалости и снисхождения.

— Святое крещение, которое ты приняла, нечестивая женщина, может тебя спасти, но ты сама себя губишь! — резко сказал он. — Ты высказала греховное желание, а времени для покаяния у тебя мало. Ни один христианин не может иметь двух супругов, и перед богом и церковью нет ни первых, ни вторых жен, ни старших, ни младших. Ты не можешь быть его второй женой, пока жива первая!

— Женой Каонабо — нет, Луиса — да! Пятьдесят жен, сто жен может быть у милого Луиса! Разве нет?

— Нет, говорю я тебе, несчастная, заблудшая душа! — вскричал архиепископ. — Нет, нет и тысячу раз нет! Никогда, слышишь ты? Сам твой вопрос осквернил эту часовню, наполненную святыми реликвиями! Да целуй, целуй свой крест и умиляйся душой в скорбях, потому что...

— Довольно, сеньор архиепископ! — оборвала его маркиза де Мойя, и благородный гнев прозвучал в ее голосе. — Та, когда вы хотели ранить, вас больше не слышит, ее чистая душа отлетела к более милосердному судье, нежели вы. Озэма умерла!

Да, Озэма умерла. Пораженная жестокими словами прелата, не в силах разобраться в путанице новых для нее церковных догм и старых туземных представлений, она скончалась, когда рухнула ее последняя надежда на счастье с Луисом.

Для Изабеллы эта смерть была ударом, омрачившим радость торжества и поохладившим на время ее религиозное рвение. Но если бы только она могла предвидеть все жестокости и злоупотребления, какими в дальнейшем сопровождалось распространение христианства во вновь открытых странах! Смерть Озэмы была своего рода предвестием крушения всех ее добрых намерений и надежд.

Глава XXXI

Есть нечто в женском совершенстве,
Дарующее мир, блаженство,
Совет, опору, и участие,
И просветленной страсти счастье.

Вордсворт

Блестящий успех путешествия Колумба привлек к искусству мореплавания всеобщее внимание. Теперь оно было в почете! Уже никто не считал его занятием, недостойным дворянина, и тем паче низким ремеслом. Та самая склонность, за которую дон Луиса раньше порицали, теперь все чаще ставилась ему в заслугу. Хотя его истинные отношения с Колумбом оставались скрытыми от глаз невнимательных современников — точно так же, как они ускользнули от поверхностных историков, — уже тогда его любовь к морю оценили по заслугам, ибо большинство знатных людей с подобными же возможностями в те времена довольствовались только приключениями на суше.

Океан, если можно так выразиться, вошел в моду. Те, кто видел его необъятные просторы лишь с берегов матери-земли, теперь взирали на бывалых мореходов, как взирают на прославленных рыцарей юнцы, еще не носившие шпор. Многие дворяне, чьи владения располагались на берегах Средиземного моря или Атлантики, обзаводились небольшими каботажными судами — яхтами XV века — и совершали на них плавания вдоль славных берегов Старого Света, стараясь получить от этого похвального времяпрепровождения как можно больше удовольствия. Нельзя сказать, чтобы всем это удавалось, потому что баркас или фелюга были слишком тесны для широких замашек обитателей замков или королевских дворцов. Но дерзания были в духе времени, и уже никто не решался порицать даже самых отчаянных смельчаков, ибо их поддерживало государство.

Соперничество между Испанией и Португалией тоже в немалой степени поощряло мореплавание. Теперь какому-нибудь искателю приключений гораздо охотнее прощали причуды и сумасбродство, не-

жели знатному юноше, никогда не ступавшему на палубу корабля, страх перед морем. Между тем время шло и события свершались своим чередом.

Почти в самом конце сентября у выхода из пролива, отделяющего Африку от Европы — там, где волны Средиземного моря сталкиваются с могучими валами Атлантики, — восходящее солнце озаряло с десятков парусов на водной синеве. Все они медленно двигались в разных направлениях, подгоняемые легким сентябрьским ветром. Но нас интересует лишь одно из этих судов, которое, хотя бы вкратце, стоит описать.

Это была небольшая фелюга с латинскими парусами, пожалуй, самыми живописными из всех придуманных парусными мастерами. Сейчас паруса фелюги стояли так, что никакой художник не мог бы выбрать более удачное положение: она летела по ветру, раскинув над обоими бортами высокие остроконечные полотнища, словно огромная белокрылая птица, опускающаяся в свое гнездо. В строении ее чувствовалась поразительная симметрия, а корпус отличался красотой и гармоничностью линий. Суденышко сверкало чистотой и совершенством отделки, говорившими о том, что оно принадлежит какому-то знатному владельцу.

Называлось судно «Озэма», и на нем плыл граф де Льера со своей молодой женой. Луис многому научился за время странствий по морям и теперь сам командовал судном, хотя тут же, на палубе, с важным видом расхаживал Санчо Мундо, который по званию да и по сути дела был настоящим капитаном фелюги.

— Да, да, добрый Бартоломе, закрепил якорь лучше! — проговорил Санчо, когда во время очередного обхода он очутился на носу. — Хотя сейчас ветерок легкий и погода тихая, кто знает, чем встретит нас Атлантика, когда проснется! Во время нашего славного плавания в Китай отсюда мы шли — лучше не придумаешь, зато, когда возвращались, словно все дьяволы сорвались с цепи! Донья Мерседес, как видишь, чувствует себя на корабле как дома. А что касается графа, то никто никогда не знает, куда и на сколько он отправляется. Так что, может быть, впереди всех нас ждут слава и золото. С таким благородным капитаном не пропадешь! Надеюсь, никто не забыл

запастись соколиными бубенчиками, которые в далеких странах помогают собирать доблы не хуже, чем колокола Севильского собора собирают верующих?

— Эй, любезный Мундо! — слышался голос Луиса. — Пошли кого-нибудь на фока-рей! Пусть взглянет, что там впереди на северо-западе!

Этот приказ прервал словоизлияния Санчо. Когда посланный им матрос добрался до своего возвышенного и для неискушенного глаза опасного наблюдательного пункта, с палубы спросили, что он оттуда видит.

— Сеньор граф, — доложил моряк, — весь океан покрыт парусами, словно устье Тахо, когда поднимается западный ветер!

— Ты можешь их сосчитать? — крикнул Луис. — Сосчитай и доложи!

— Шестнадцать! — отозвался матрос немного погодя. — Нет, вот еще один маленький вышел из-за большой караки. Теперь я вижу их все — семнадцать судов!

— В таком случае, мы подоспели вовремя, дорогая! — радостно воскликнул Луис, обращаясь к жене. — Я еще раз смогу пожать руку адмиралу, прежде чем он снова отправится в Китай. И я вижу, ты тоже рада, что мы не опоздали.

— То, что радует тебя, радует и меня, — ответила Мерседес. — У нас одни интересы и одни желания.

— Милая, любимая Мерседес! Для тебя я готов на все! Твоя кротость, твоя готовность отправиться со мной на фелюге совсем меня покорили. Скоро я буду таким, каким ты хочешь меня видеть.

— Но пока, Луис, все происходит наоборот, — улыбаясь, возразила Мерседес. — И, если так будет продолжаться, скорее ты превратишь меня в бродягу, чем сам сделаешься домоседом и обоснуешься в своем родовом замке!

— Что ты, Мерседес! Надеюсь, ты вышла со мной в море не против своей воли? — забеспокоился Луис, опасаясь хоть чем-нибудь даже невольно огорчить молодую жену.

— О нет, любимый! Я не только с радостью согласилась, но и сейчас испытываю истинное наслаждение. К счастью, меня совсем не укачивает,

а море просто очаровательно. Ведь раньше я никогда не плавала на фелюге!

Стоит ли говорить, как приятно было Луису слышать все это, потому что для него море по-прежнему сохраняло всю свою притягательность.

Через полчаса адмиральское судно уже можно было разглядеть и с палубы маленькой фелюги, а когда солнце достигло зенита, «Озэма» прошла сквозь строй кораблей и приблизилась к караке Колумба. Последовал обычный обмен приветствиями. Узнав, что Мерседес тоже здесь, адмирал сам прибыл на фелюгу, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение молодой чете. Со времени их совместного путешествия у Колумба сохранилось к Луису чувство отеческой привязанности, которое распространялось и на Мерседес, чье благородное поведение так поразило его в Барселоне. Поэтому адмирал вновь увидел счастливую пару с нескрываемым удовольствием; впрочем, радость встречи была взаимной.

Лишь тот, кто наблюдал первое отплытие Колумба, может себе представить, каким разительным контрастом была эта вторая экспедиция. Тогда генуэзец отправлялся в путь никем не замеченный, почти забытый, на трех кое-как снаряженных каравеллах со случайной командой, в то время как сейчас в океан вышел целый флот, на борту которого собралось немало родовитых дворян.

Как только стало известно, что на фелюге находится графиня де Льера, от кораблей отвалили лодки, и вскоре Мерседес пришлось устроить настоящий прием в океане. Несколько дам, оказавшихся при ней, едва успевали отвечать на любезность блестящих сеньоров, заполнивших палубу. Чистый морской воздух сообщал этой сцене особую прелесть, и около часа «Озэма» являла собой такое веселое и великолепное зрелище, какого никто еще не видывал среди океанских волн.

— Прекрасная графиня! — воскликнул один из отвергнутых поклонников нашей героини. — Теперь вы видите, до какой крайности довела меня ваша жестокость? Я бегу в Китай, на край света! Дон Луис должен быть счастлив, что я не пустился в море раньше; ибо перед спутниками адмирала теперь не устоит ни одна девушка Испании!

— Возможно, сеньор! — ответила Мерседес, чувствуя, как бьется ее сердце при мысли, что ее избранник решился на отважное путешествие в ту пору, когда никто не верил в него и всех страшила неизвестность. — Возможно, что вы правы, сеньор. Но более скромные довольствуются и таким плаванием вдоль берегов, где жена, к счастью, может сопровождать мужа.

— Сеньора! — перебил их доблестный и беззаботный Алонсо де Охеда. — Дон Луис на турнире заставил меня свалиться на землю, но сделал это так смело и ловко, что я против него не таю зла. Зато теперь я превзойду его! Он не желает удаляться от берегов Испании, а мы отправляемся в славный поход на Индию, чтобы утвердить над неверными власть наших государей!

— Для моего мужа достаточно и того, что он может гордиться победой, о которой вы сами упомянули, — пошутила Мерседес. — Для него и это уже немалая честь!

— Графиня, через год вы бы гордились им еще больше, если бы он отправился с нами и показал свою доблесть народа великого хана!

— Как видите, дон Алонсо, адмирал и сейчас его достаточно ценит: они только что ушли в мою каюту, чтобы побеседовать с глазу на глаз. А дон Христофор не стал бы оказывать такую честь людям никчемным или ненадежным.

— Просто поразительно! — пробормотал отвергнутый поклонник. — Дружба графа с адмиралом удивляла всех еще в Барселоне. Послушайте, де Охеда, может быть, они сталкивались когда-нибудь раньше?

— Полно, сеньор! — со смехом воскликнул Алонсо. — Если бы дон Луис столкнулся с адмиралом так же, как со мной на турнире, одной этой встречи было бы вполне достаточно до конца их дней!

Так и шел на палубе этот дружеский разговор, то легкомысленный, то более серьезный, а тем временем Колумб и наш герой действительно удалились в каюту.

— Дон Луис! — заговорил адмирал, когда они остались одни и сели рядом. — Вы знаете, как я к вам отношусь, и не сомневаюсь, что вы питаете ко мне

такое же доверие. На этот раз я уйду в гораздо более опасное плавание, чем первое, когда мы были вместе. Тогда я покидал Испанию, окруженный недоверием и оскорбительной жалостью невежд. Теперь же меня сопровождают злоба и зависть сильных мира сего. Я слишком стар, чтобы этого не знать и не предвидеть. В мое отсутствие многие будут чернить мое имя. И даже те, кто сейчас ходят за мной по пятам и превозносят меня, скоро начнут клеветать, стараясь вознаградить себя за сегодняшнюю низкую лесть завтрашним грязным злословием. наших государей будут заваливать ложными доносами, возводя в преступление каждую мою неудачу. Правда, у меня остаются здесь и друзья, такие, как Хуан Перес, Сантанхель, Кинтанилья и вы, Луис. На вас я и полагаюсь, но не жду, чтобы вы мне выпрашивали какие-то милости, а только хочу, чтобы вы защищали истину и справедливость!

— Сеньор, мое влияние невелико, но на меня вы можете рассчитывать при всех обстоятельствах! Я видел вас в дни самых суровых испытаний, и никакое злословие не поколеблет моего доверия к вам.

— В этом я был уверен! — воскликнул адмирал, дружески пожимая руку Луису. — Благодарю за теплое, искреннее слово. Не знаю, могу ли я считать своим другом Фонсеку¹, который приобрел сейчас такое влияние на все дела, связанные с Индией, но хорошо знаю, что один из членов вашей семьи настроен ко мне крайне враждебно. Я ему совершенно не доверяю! При первой же возможности он постарается мне навредить.

— Я знаю, о ком вы говорите, дон Христофор. Этот Бобадилья не делает чести нашему роду!

— Однако он пользуется доверием короля, а сейчас это важнее всего.

— Ах, сеньор, от нашего двуличного и хитрого монарха вообще нельзя ждать ничего хорошего! Пока донья Изабелла стоит на страже справедливости, вам нечего опасаться, но дон Фердинанд с каждым

¹ Хуан де Фонсека (1451—1524) — человек, который с 1493 года фактически управлял всеми новооткрытыми землями; по прямой указке Изабеллы и Фердинанда он всячески теснил Колумба, чьи привилегии и права казались опасными королевской чете. Колумб не без оснований считал Фонсеку своим злейшим врагом.

днем становится все более алчным и ненасытным. Подумать только, что некогда смелый и благородный рыцарь с годами превратился в такое ничтожество! Мавр и тот постыдился бы! Впрочем, моя добрая тетушка одна стоит целой армии, а она вам предана по-прежнему.

— Все в руках божьих, положимся на его премудрость и справедливость. А теперь, Луис, несколько слов о вас. Судьба доверила вам счастье такого существа, какое не часто встретишь на этом свете. Человек, у которого такая добродетельная, чудесная жена, должен воздвигнуть ей алтарь в своем сердце и ежедневно, ежечасно благодарить бога за этот дар. Из всех земных радостей вам досталась самая чистая и самая непреходящая, и вы обязаны ее ценить. Но такая женщина, как Мерседес,—создание хрупкое. Будьте к ней всегда добры, укрощайте свой несдержанный нрав. Ее чистота выше всех ваших достоинств, а ее достоинства могут только умножить ваши; ее любовь никогда не даст угаснуть вашей страсти, а ее нежность будет всегда взывать к вашему мужеству, искать у вас утешения и защиты. Исполните свой долг перед ней, как подобает испанскому рыцарю, сын мой, и да будет благословен ваш счастливый союз!

После этих слов адмирал простился с Луисом, затем так же торжественно благословил Мерседес и вернулся на свою караку. Лодка за лодкой отходили от борта «Озэмы», многие уже издали выкрикивали последние дружеские пожелания, посылая прощальный привет. Через несколько минут вся флотилия развернулась и двинулась на юго-запад, к берегам далекой Индии, как думали в те времена. Но «Озэма» еще с час стояла на месте, словно провожая взглядом своих уходящих друзей. Затем на ней поставили паруса, и она ходко пошла по направлению к бухте, в глубине которой лежит Палос-де-Могер.

Вечер выдался удивительно тихий и ясный, и, когда фелюга приблизилась к берегу, поверхность моря скорее напоминала озеро. Еле ощутимого ветерка хватало только на то, чтобы навевать прохладу и двигать легкое суденышко со скоростью не более трех-четырёх узлов.

Днем Луис и Мерседес обычно располагались на юте, где стоял брезентовый навес, обтянутый изнутри дорогими тканями; сидя там, можно было подумать, что находишься в маленькой уютной гостиной. Вход в нее загораживала раздвижная переборка, роскошное заднее полотнище тоже задергивалось, но сейчас оно было небрежно отброшено, открывая необъятный простор океана, озаренный лучами заходящего солнца.

Полулежа на мягкой кушетке, Мерседес не отрывала глаз от горизонта. Луис сидел у ее ног, тихо наигрывая на гитаре. Он только что допел одну из своих любимых испанских песен и уже хотел положить гитару, когда вдруг заметил, что жена, обычно такая внимательная, его не слушает.

— Ты сегодня рассеянна, Мерседес,— проговорил он, склоняясь над ней и заглядывая в ее глаза, в которых светилась печаль.

— Солнце садится в той стороне, где родина Озэмы! — ответила Мерседес, и голос ее дрогнул. — Я подумала об этом, о бескрайнем океане и вспомнила о ее последних минутах.

— Хотел бы я, чтобы ты поменьше об этом думала! Ты и так достаточно молилась о ней и заказала достаточно месс за упокой ее души. Но, если хочешь, закажи еще!

— Да, мы закажем еще,— чуть слышно повторила юная графиня, и слезы покатались по ее щекам. — Любой из нас в этом нуждается, а за бедную Озэму мы обязаны молиться. Ты не забыл еще раз напомнить адмиралу, чтобы он сделал все, что может, для Маттинао, когда достигнет Эспаньолы?

— Я все ему сказал, не думай больше об этом. И в Льере уже поставлен памятник. Мы можем сожалеть о несчастной девушке, но нельзя же так убиваться! Если бы я не был Луисом де Бобадилья и твоим мужем, дорогая, я бы давно почувствовал к ней не жалость, а ревность.

Мерседес благодарно улыбнулась, и они заговорили о вещах менее горестных, хотя беседа их по-прежнему оставалась печальной. Оба прекрасно понимали друг друга, как это бывает с влюбленными, к тому же Мерседес уже научилась руководить своим

пылким и необузданным супругом. Этому не противился и сам Луис, который никогда не забывал, что ему вверено счастье любимого существа, ибо для истинно благородного человека такая ответственность гораздо важнее всего остального. Может быть, влияние Мерседес объяснялось прежде всего тем, что она преклонялась перед достоинствами мужа, а это, в свою очередь, обязывало Луиса быть именно таким, каким она его видела. Но сам он никогда не мог осознать этого до конца.

Сразу же после захода солнца к ним подошел Санчо и объявил, что приказал отдать якорь.

— Наконец-то мы здесь, сеньор граф, наконец-то мы прибыли, сеньора донья Мерседес! Перед нами славный город Палос. Всего в ста ярдах отсюда стояли суда дона Христофора, когда он со своими доблестными спутниками отплывал на поиски Индии, благослови бог его и всех, кто был с ним! Лодка готова, сеньора может хоть сейчас сойти на берег. И, если вы не найдете здесь соборов и площадей Севильи или Барселоны, зато увидите Палос, и церковь Санта-Клары, и корабельную верфь — три самых знаменитых места! Ибо из Палоса отплыла экспедиция, в Санта-Кларе молились о ее благополучном возвращении, а на верфи был построен адмиральский корабль.

— Ты забыл, добрый Санчо, здесь же произошло еще одно немаловажное событие! — добавил граф.

— Совершенно верно, ваше сиятельство, еще одно событие! — подтвердил Санчо. — Прикажете отвезти сеньору на берег?

Мерседес согласилась и десять минут спустя вместе с мужем сошла на берег неподалеку от того самого места, откуда годом раньше отплыли Колумб и Луис. Утоптаный песчаный пляж был заполнен людьми, собравшимися подышать свежим воздухом. Больше всего здесь было простого народа: в Испании, в отличие от других южных стран, люди разных классов никогда не смешиваются между собой даже на гуляньях в часы волшебных сумерек.

Луис и его прелестная жена сошли на берег, только чтобы отдохнуть и прогуляться, зная, что на судне ночевать гораздо удобнее, чем в любой из остерий Палоса. Они сразу же попали в толпу. Впереди

шло несколько женщин, увлеченных беседой; они разговаривали достаточно громко, и наши герои без труда поняли, что речь идет о путешествии в Китай.

— На этот раз дон Христофор вышел в море из Кадиса,— уверенно сказала одна из женщин.— Наши государи решили, что Палос слишком мал для снаряжения такого большого флота. Можете мне верить, добрые соседки: мой муж, как вы знаете, служит на адмиральском корабле.

— Тебе можно позавидовать, соседка! Твой муж в чести у такого большого человека...

— А как же иначе! Ведь он был с ним и в первый раз, когда лишь у немногих хватило смелости с ним отправиться. И он всегда исполнял все его приказы. «Моника!» — сказал он... Нет! «Добрая Моника!» — сказал мне сам адмирал.— Твой Пепе настоящий моряк, и я им очень доволен. Он будет старшим боцманом на моей караче, ты и дети твои могут гордиться, что у тебя такой славный муж». Это его истинные слова! А у него слово с делом не расходится,— мой Пепе теперь старший боцман. Но сколько я прочла за него молитв! Больше, чем песчинок на этом берегу!

Луис догнал женщин, поздоровался и, извинившись за любопытство, спросил, не знают ли они каких-нибудь подробностей о первом плавании. Как он и ожидал, Моника не узнала его в столь роскошном наряде и охотно поведала все, что ей было известно, и даже много больше. Из ее слов было ясно видно, что она давно уже позабыла о своих страхах и теперь только радуется. На примере этой женщины можно было проследить перемену, происшедшую в общественном мнении за несколько лет.

— Я много слышал о некоем Пинсоне, который был капитаном каравеллы в этом плавании,— сказал Луис.— Вы не знаете, что с ним случилось?

— Он умер, сеньор! — ответил ему сразу десяток голосов.

Однако голос Моника оказался громче, и она одна продолжала рассказ:

— Когда-то он считался здесь большим человеком, но теперь он потерял и жизнь и честное имя. Он стал изменником и умер от досады, когда увидел, что

«Нинья» целехонькая стоит на реке. Ведь он-то думал, что она не вернется и вся слава достанется ему одному!

Слишком захваченный волнующими событиями последних месяцев, дон Луис до сих пор об этом не знал. В грустной задумчивости они с Мерседес пошли дальше.

— Дстойная награда за низость и коварство! — воскликнул Луис, когда они удалились на достаточное расстояние. — Видно, судьба благоволила адмиралу, а значит, и мне, моя любимая.

— А вот и Санта-Клара, — заметила Мерседес. — Луис, я бы хотела зайти в церковь, еще раз поблагодарить бога за твое спасение и благополучное возвращение, а также помолиться за будущие успехи дона Христофора.

Они вошли в церковь и стали на колени у главного алтаря. Потом счастливая пара молча вернулась на берег, а оттуда — на фелюгу.

С рассветом «Озэма» снова вышла в море и взяла курс на Малагу: Луис боялся, что, если он еще задержится в Палосе, его там кто-нибудь узнает. Супруги благополучно доплыли до Вальверде, главного поместья Мерседес, и здесь мы оставим наших героев наслаждаться счастьем, какое только может дать совершенная гармония суровой мужской нежности и возвышенной женской любви.

Позднее в Испании было еще немало других благородных и знатных Луисов и других Мерседес, которые волновали сердца и заставляли страдать своих возлюбленных. Но Озэма была одна. На короткий миг появилась она при дворе в то знаменательное царствование, просияла, как утренняя звезда на чистом небосклоне, и угасла. Немного довелось ей прожить: оплакиваемая всеми, она умерла совсем молодой, и вскоре даже имя ее забылось. Это отчасти и побудило нас извлечь из старинных записей той богатой событиями эпохи нашу достоверную и грустную историю.

КОНЕЦ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Мерседес из Кастилии» относится к «морскому циклу» романов Купера. Собственно говоря, правильнее было бы назвать этот роман не «Мерседес из Кастилии», а «Христофор из Генуи», ибо главный герой романа — Христофор Колумб. Роман «Мерседес из Кастилии» вышел в свет в 1840 году. Дата эта не случайна. Ведь за несколько лет до того, как Купер написал этот роман, «открыт» был... Христофор Колумб.

Мы не оговорились. Великий генуэзец действительно был открыт в первых десятилетиях XIX века.

Разумеется, о Колумбе знал весь свет и в XVI, и в XVII, и в XVIII веках. О нем писались книги, ему воздвигались памятники, но подлинные документы, в которых запечатлена его деятельность, покрывались «хронологической пылью» в архисекретных тайниках испанских архивов. Сменилось десять поколений смотрителей и сто поколений крыс, но и в 1550, и в 1650, и в 1750 годах ничто не нарушало могильного безмолвия этих архивов. И лишь в самом конце XVIII века туда проник испанский моряк и историк Мартин Фернандес Наваррете. В 1825 году он опубликовал подлинные документы, относящиеся к путешествиям Колумба. Среди этих документов был договор («капитуляция») Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского с Колумбом, подписанный 17 апреля 1492 года; этим знаменитым договором Колумбу жаловался титул «адмирала и вице-короля всех островов и материков, которые он... откроет и приобретет... в морях-океанах». Фернандес Наваррете обнародовал один из наиболее ценных «колумбианских» документов — дневник первого плавания, ежедневные записи событий этого исторического путешествия. Дневник этот, правда, писан был не рукой Колумба. То была литературная переработка подлин-

ных его записей. Автором ее был великий гуманист, друг сыновей и внуков Колумба, страстный защитник индейцев Бартоломе Лас Касас (1475—1566).

Скажем в скобках, что основной труд самого Лас Касаса, его «История Индий» (Индиями до XVIII века в Испании называли все земли Нового Света), в котором описывались чудовищные зверства испанских колонизаторов, пролежал в архивах триста двадцать лет и был опубликован только в 1875 году.

В 1826 году в Испании побывал и на месте ознакомился с новооткрытыми материалами знаменитый американский писатель Вашингтон Ирвинг. Спустя два года он издал книгу «История жизни Христофора Колумба». В те же годы в испанские тайные архивы допущен был Уильям Прескотт. Вероятно, мадридские чиновники ехидно посмеивались, выдавая Прескотту пропуск. Прескотт был почти совершенно слеп, а работать в темных и сырых архивах нелегко даже человеку с орлиным зрением.

Но в 1838 году Прескотт выпустил в свет книгу «История царствования Изабеллы и Фердинанда», и тогда испанские власти уяснили истинный смысл поговорки «Хорошо смеется тот, кто смеется последний». Слепой Прескотт перерыл «гималаи» документов, многие из них собственноручно переписал и сделал новые открытия в архивном царстве.

Поднята была трехвековая целина, обнажились глубокие пласты, о которых ничего до той поры неведомо было историкам. Легендарный образ Колумба, такой неясный и далекий, внезапно приобрел реальные очертания. Купер с огромным интересом следил за деятельностью «архивных следопытов» и лично знал Ирвинга и Прескотта.

Очевидно, именно Прескотт оказал на Купера решающее влияние. В первых главах романа Купер идет по следам Прескотта: действие романа, посвященного Христофору Колумбу, завязывается на канве сухих фактов, изложенных в «Истории Изабеллы и Фердинанда». А в тех главах, где описываются борьба Колумба за осуществление его проекта и плавание к берегам Нового Света, Купер следует за Ирвингом и Фернандесом Наваррете. И, хотя миновало более ста лет с тех пор, как роман «Мерседес из Кастилии» вышел в свет, он совсем не устарел. Однако «колумбоведение» ушло далеко вперед, и не вина Купера, если некоторые (и порой существенные) факты изложены им неточно или неверно.

Невольные отступления от истины мы особо отметили в комментариях к этой книге. А чтобы ввести читателя в атмосферу той эпохи, когда жили и действовали герои «Мерседес из Кастилии», мы совершим небольшую экскурсию в Испанию конца XV века и попутно посетим родину Колумба Геную и королевство Португальское, где зародился его проект плавания в «Катай».

Колумб появляется только в четвертой главе романа. Первые три главы — это своего рода пролог к роману, и действие в этих главах происходит в 1469 году, то есть за двадцать три года до того, когда выходит на сцену великий генуэзец. 1469 год — знаменательная дата в истории Испании. В тот год положено было начало ее объединению: слиянию двух до той поры независимых королевств — Кастилии и Арагона.

Политическая карта Пиренейского полуострова была в ту пору очень пестрой. Кроме больших королевств — Арагона на востоке, Кастилии в центре и Португалии на западе, — существовали еще карликовая держава Наварра в северо-восточной части полуострова и мавританское царство (эмират) Гранада на юго-востоке.

В Кастилии, самом крупном королевстве, король не был хозяином даже в собственном своем дворце. Не только именитые феодальные магнаты, но и захудалые рыцари вели себя как независимые государи.

Примерно такое же положение было и в Арагоне. «Солью земли» магнаты и рыцари стали по очень простой причине.

Восемь веков на Пиренейском полуострове шла непрерывная война. Война эта велась с маврами, потомками арабов и берберов, и называлась реконкистой — «обратным завоеванием». Дело в том, что в начале VIII столетия арабы и берберы покорили всю территорию полуострова. Но уже в ту пору на севере Испании возникли очаги сопротивления завоевателям, и эти очаги, постепенно разрастаясь, дали начало северным испанским королевствам — Кастилии, Арагону, Наварре и Португалии. В XIII веке северяне основательно потеснили мавров: у них остались лишь юго-восточные области Испании.

Реконкиста требовала от северных королевств постоянных и напряженных военных усилий, и естественно, что плоды нелегких побед пожинали знать и рыцарство — сословия, которые возглавляли вооруженную борьбу с маврами. Дворянство захватывало лучшие земли на отвоеванных территориях, получало львиную долю в

военной добыче, приобретало различные привилегии и права, действуя при этом рука об руку с церковью, которая также наживалась на войнах реконкисты.

Но в XIV веке путь в Гранаду воинам реконкисты преградили исполинские хребты Сьерра-Невады. Тогда герцоги, графы, маркизы и нетитулованные дворяне повели наступление на крестьянство и богатые города и вступили в борьбу с королевской властью.

Крестьяне — в прошлом рядовые солдаты реконкисты — кровью отвоевали себе в походах на мавров землю и свободу. А теперь рыцари «голубой крови» решили отобрать у них и землю и волю. Особенное усердие в этом проявили арагонские дворяне, которые, однако, посеяв ветер, пожали бурю, ибо довели некоторые области страны, в частности Каталонию, до всенародного восстания. Горожане отсиживались за своими крепкими стенами от рыцарских банд. Королям же приходилось балансировать на острие ножа, и только благодаря взаимным усобицам в стане феодалов они удерживались на своих шатких престолах.

В Кастилии в середине XV века всеобщая феодальная анархия достигла апогея. В 1454 году на престол вступил слабый и безвольный король Генрих IV, который вскоре стал марионеткой в руках люто враждующих между собой предводителей феодальных клик и группировок. Этой смутой воспользовалась юная сестра Генриха IV Изабелла. Шаг за шагом, привлекая на свою сторону сильных магнатов, опираясь на боевые ополчения городов, она расчищала себе путь к власти. Огромным ее успехом был удачный брак с наследником арагонского престола Фердинандом. Брачный контракт был подписан в 1469 году, и эта ловкая сделка не только дала Изабелле поддержку извне: брачный союз скрепил узы, связывающие обе пиренейские державы, и наметил путь к их дальнейшему сближению.

После смерти Генриха IV Изабелла захватила кастильский престол, а когда Фердинанд унаследовал арагонскую корону, Кастилия и Арагон объединились, и возникла могущественная испанская держава.

Изабелла и Фердинанд в ожесточенной борьбе обуздали своевольную знать, разогнали дворянские банды, разрушили десятки замков — гнезда постоянной смуты. Разрозненным силам феодалов противопоставлена была объединенная сила кастильских городов. Войска союза городов — Святой Германдады — беспощадно

подавляли все вспышки феодальной анархии, а судьи Святой Германдады вешали смутьянов на месте.

Захваченные в годину раздоров земли были отняты у дворян, покончено было со многими привилегиями знати. Создан был действенный аппарат управления, целиком подчиненный короне. Одновременно Изабелла и Фердинанд объявили войну Гранаде; в последние битвы реконкисты вовлечено было буйное и скудное достатком рыцарство, и таким образом этот опасный горючий материал был использован с выгодой для королевской власти.

В ноябре 1491 года сопротивление защитников Гранады было сломлено, и 2 января 1492 года пал последний мавританский оплот на испанской земле.

Но, объединяя Испанию и выжигая очаги феодальной анархии, Изабелла и Фердинанд одновременно сеяли семена, которые давали ядовитые и гибельные всходы. В эти годы в Испании была создана инквизиция, жертвой которой стали десятки тысяч ни в чем не повинных людей. С бешеным изуверством Изабелла преследовала евреев и мавров; этих «врагов католической веры» не спасало даже крещение: мориски и мараны — не по своей воле обращенные в христианство мавры и евреи — отдавались под опеку инквизиции, которая отправляла на костер «новых христиан», чтобы «спасти их души», на самом же деле — чтобы овладеть их домами, землями и имуществом.

В 1492 году король и королева изгнали из Испании всех евреев, предварительно ограбив их до нитки. Печальная участь постигла и гранадских мавров, которым при капитуляции Гранады клятвенно обещаны были свобода и неприкосновенность. Все эти торжественные клятвы были вскоре нарушены, началось массовое насильственное крещение мавров, и инквизиция стала править в гранадских землях свою кровавую тризну.

Изуверство сочеталось с трезвым расчетом. Изабелла и Фердинанд сочли за благо присвоить себе богатства «иноверцев» (а на долю мавров, евреев и новообращенных приходилось около четверти всех доходов страны). Королевская казна обогатилась, но пагубные последствия этой политики сказались уже при ближайших преемниках Изабеллы и Фердинанда, а сто лет спустя Испания с ее всемогущей инквизицией, двухсоттысячной армией попов и монахов, разоренными городами, темным, забитым деревенским людом и полчищами нищих на всех больших дорогах и папер-

тях утратила свое было величие и вошла в длительную полосу упадка.

Отметим, кстати, что Купер, следуя примеру современных ему историков, идеализирует Изабеллу, придавая ей черты доброй и мудрой правительницы. Ради выгоды Изабелла была готова на любое вероломство и на любую жестокость. Ее радовали стоны людей, сжигаемых на торжественных аутодафе, она приказывала нещадно пытаться упорствующих «еретиков», горой стояла за кровавого изувера, главного инквизитора Испании Торквемаду, поощряла гнусную систему всеобщего доносительства и всеобщей слежки.

Маркс недаром называл Изабеллу «ханжой» и «католической скотиной». Благочестивые мины и елейные слова прикрывали ее далеко не благородные поступки и действия.

Колумбу, который подарил ей земли Нового Света, она отплатила черной неблагодарностью, и отнюдь не из «женского» непостоянства. Каждый ее шаг заранее был обдуман и рассчитан...

Колумба мы первый раз видим в романе в лагере Санта-Фе — военном городке, основанном у стен осажденной Гранады. Но в Санта-Фе Колумб пришел долгими и извилистыми путями. Он родился в 1451 году в Генуе, в семье бедного ткача. Неизвестно, где и когда он получил образование и изучил хитрую морскую науку. В 1474 году он побывал на берегах Греции, во флотилии, снаряженной генуэзским торговым домом «Негро и Чентурионе». Эта же фирма направила Колумба в Португалию.

В XV веке Португалия была великой морской державой. Из ее гаваней выходили к западным берегам Африки мореплаватели, которые шаг за шагом прокладывали морской путь в Индию. Португальцы были хозяевами Атлантики, они владели Азорскими островами и Мадейрой.

В 1479 году Колумб женился на дочери правителя острова Порту-Санту. Естественно, что после этого Колумб получил доступ к бумагам тестя, а в бумагах этих содержалось немало интересного. Ведь Порту-Санту лежал на перекрестке больших морских дорог, и в местных канцеляриях скопилось немало донесений португальских моряков обо всем, что довелось встретить в дальних путешествиях.

И в 1484 году Колумб предложил португальскому королю Жуану II проект экспедиции, которая должна была пересечь Западный океан (Атлантику) и дойти до берегов Азии. При этом

Колумб был убежден, что путь туда через Западный океан не такой уж долгий. Иначе думать он не мог. В то время все географические представления основывались на воззрениях древнегреческого ученого Клавдия Птолемея, а Птолемей и все его средневековые комментаторы считали, что океан, отделяющий западные берега Европы от восточных берегов Азии, не так уж широк. Оценки приводились разные, но все географы XV века ошибались по крайней мере вдвое, и при этом не в большую, а в меньшую сторону.

Что же влекло Колумба и его современников к азиатским берегам? В XIII и XIV веках на Дальнем Востоке побывало немало европейских путешественников. Добирались они туда караванными путями, через низовые южнорусские земли или через Среднюю Азию. Самый прославленный из них — венецианец Марко Поло — оставил описание далеких азиатских стран и, в частности, Катая (северной части современного Китая). Не очень погрешив против истины, Марко Поло описал Китай и другие восточные страны как богатейшие на свете земли.

Несметные богатства Востока возбуждали жгучий интерес в Европе. Европа того времени была феодальной, но «до какой степени в конце XV столетия деньги подкопали и разъели внутри феодализм, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой; золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег» — так писал Энгельс¹.

Попасть в Индию и Китай теми путями, которыми ходил туда Марко Поло, в XV веке было уже очень трудно. Поэтому, казалось бы, проект Колумба, в котором он предлагал плыть к Азии через Западный океан, должен был заинтересовать португальского короля Жуана II, однако тот не проявил интереса к заманчивым предложениям генуэзского мореплавателя.

К этому времени умерла жена Колумба, его уже ничто больше не связывало с Португалией, и в 1485 году он переселился в Кастилию.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 1937, т. XVI, ч. 1, с. 442.

Он нашел пристанище во францисканском монастыре Рабида близ города Пáлоса, того самого Палоса, откуда семь лет спустя он отправился в свое первое плавание к Новому Свету. Настоятель монастыря Хуан Перес и кустодий (хранитель) севильской провинции Францисканского ордена Антонио Морачена, часто посещавший Рабиду, заинтересовались проектом Колумба. Они связали Колумба с богатейшими магнатами, которые сообщили о проекте Колумба королеве Кастилии — Изабелле. Изабелла не слишком заинтересовалась проектом и передала его на рассмотрение особой комиссии.

Комиссия не торопилась выносить решение и через четыре года отвергла проект Колумба. Война с маврами продолжалась, все помыслы королевы, короля и приближенных были заняты гранадскими делами, и предложения полунитца иноземца не могли увлечь ни королевскую чету, ни экспертов, которым поручено было рассмотреть странный проект плавания в Западный океан. Но Колумб продолжал добиваться своего, и ему помогали Хуан Перес и Антонио Морачена, имевшие связи с купцами и банкирами Севильи — главного торгового центра Кастилии. Кое-кто из севильских толстосумов проявил интерес к проекту Колумба. Они прикинули те барыши, которые сможет дать экспедиция Колумба в случае успешного ее завершения, и решили, что игра стоит свеч.

Колумба познакомили с очень влиятельными лицами, которые ведали финансовыми делами короны. То были «главный счетовод» Кастилии Алонсо Кинтанилья, управитель дворцовой палаты Арагонского королевства Луис Сантанхель и казначей Рафаэль Санчес. Кинтанилья, Сантанхель и Санчес сыграли решающую роль в деле Колумба. Им немалую помощь оказала Беатриса де Бобадилья, близкая подруга Изабеллы.

Эти высокие покровители вызвали Колумба в военный лагерь Санта-Фе, куда он и явился в ноябре 1491 года. Теперь момент для ведения решающих переговоров с Изабеллой и Фердинандом был куда более благоприятным, чем в 1486 году. Осада Гранады подходила к концу, настроение при дворе было бодрое и финансы Испании не были в таком печальном состоянии, как пять лет назад.

И после еще одной неудачной попытки Колумбу удалось наконец склонить на свою сторону испанских правителей: 17 апреля 1492 года король и королева подписали с ним договор.

События первого плавания Колумба подробно описаны в романе в точном соответствии с его дневником. Но, поскольку Купер завершает повествование о событиях задолго до печальной кончины Колумба, мы скажем о дальнейшей судьбе великого мореплавателя.

В 1493 году он с флотилией из семнадцати кораблей вышел во второе свое плавание, открыл по пути Малые Антильские острова и благополучно прибыл на Эспаньолу в качестве адмирала, вице-короля и правителя всех новооткрытых земель. В первом плавании Колумба сопровождало девяносто человек, во втором — полторы тысячи.

Участники новой экспедиции отправились на край света не ради открытия неведомых земель. Их единственной целью была быстрая нажива. Будучи рыцарями, а следовательно, людьми «голубой крови», они считали зазорным пахать землю, рубить лес и строить жилища. Эспаньолу населяли мирные индейцы, у которых не было иного оружия, кроме тростниковых копий, луков и стрел. Алчные рыцари наживы сразу же ринулись в глубь страны, разоряя и опустошая индейские селения. Началась истребительная война. Индейцев убивали, жгли на кострах, травили собаками, пленников обращали в рабство и заставляли работать на полях и в рудниках.

С Колумбом испанские колонисты почти совершенно не считались, и положение его день ото дня становилось все хуже и хуже еще и потому, что Изабелла и Фердинанд, оценив выгоды новооткрытых земель, решили, что нет никакого смысла делиться барыщами с тем, кто им эти земли преподнес.

Колумб, управляя Эспаньолой, мыслями был не на этом острове. Он во что бы то ни стало желал отыскать восточные берега Азиатского материка и с этой целью совершил плавание на запад от Эспаньолы; он открыл остров Ямайку и прошел вдоль южных берегов Кубы, но до Китая не дошел.

В 1495 году он предпринял «завоевание» Эспаньолы, то есть покорение внутренних областей острова. Пока он воевал против беззащитных индейцев, Изабелла, нарушив «капитуляцию», заключенную с Колумбом в 1492 году, разрешила всем, кто того пожелает, снаряжать корабли для новых заморских открытий. Колумб, крайне обеспокоенный этим, вернулся в Испанию. Здесь он снарядил свою третью экспедицию, снова совершил плавание через Атлантику, открыл в 1498 году северные берега

Южной Америки и затем направился на Эспаньолу. За годы его отсутствия испанские колонисты превратили остров в сущий ад. Везде шла травля индейцев. Спутник Колумба по первому плаванию, Франсиско Ролдан, поднял мятеж против «адмирала и вице-короля», на острове уже истребили около половины местного населения (вероятно, около ста тысяч человек). Колумбу удалось погасить мятеж, но для этого он должен был раздать колонистам большие наделы и прикрепить к этим наделам оставшихся в живых индейцев. Тревожные события на Эспаньоле дали Изабелле повод для расправы с Колумбом. Она послала за океан своего ревизора, Франсиско Бобадилью, который, прибыв на Эспаньолу, сместил Колумба и в цепях отправил его в Испанию. Правда, Изабелла освободила Колумба, но совершенно отстранила его от управления новооткрытыми землями.

В 1502 году Колумб отправился в четвертое и последнее свое плавание, в котором открыл восточные берега Центральной Америки. В Испанию он возвратился тяжело больной, измученный злоключениями последних лет. Тщетно пытался он восстановить свои права. Королева уже умерла, а от Фердинанда он решительно ничего не мог добиться. В мае 1506 года великий мореплаватель умер в Вальядолиде.

До последних своих дней он был убежден, что открытые им земли лежали в Восточной Азии.

* * *

Колумб был сыном своего века, жестокого и темного. Правда, в XV столетии в Европе уже вспыхнули яркие зарницы Возрождения, и своими открытиями Колумб способствовал подрыву всей системы средневекового мировоззрения, раздвинув рубежи земного мира, но, опрокидывая освященные церковным авторитетом птолемеевские схемы, Колумб верил и церкви, и Птолемею. Фактам вопреки, он стремился доказать, что новооткрытые земли — это неотъемлемая часть Азии, что Атлантический океан — это единственная водная преграда на пути из Европы в Китай.

Как человек своего времени, он прежде всего искал на берегах этого лже-Катая золото. Неподдельным пафосом дышат строки его письма королю и королеве, которое он написал в последнем своем

путешествии: «Золото — это совершенство. Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить души в рай».

Трагедия Колумба заключалась в том, что он указал путь к богатствам Нового Света своим современникам, которые вырвали у него ключи от этой грандиозной сокровищницы и превратили в ад земной новооткрытые земли.

В романе Купера изображен Колумб-искатель, человек великой мечты. Купер не скрывает, что Колумб ищет не только путь в Китай, но и богатства Китая. И все же куперовский Колумб покоряет нас своим негибимым мужеством, безграничной стойкостью, вдохновенной решимостью.

Он преодолевает бесчисленные препятствия, которые воздвигают на его пути бездушные чиновники и «ученые» мракобесы, он сохраняет волю к борьбе в час самых горьких неудач и самых жестоких испытаний. Он находит путь к сердцам Санчо Мундо и Пепе, простых и смелых людей, которые становятся его соратниками. Правдив ли этот образ? Бесспорно. Но не всю правду о Колумбе сказал автор «Мерседес из Кастилии». Быть может, это объясняется тем, что с Колумбом он расстался преждевременно, в тот момент, когда великий мореплаватель отправился с ордой рыцарей наживы в свое второе плавание.

Заканчивая «Мерседес из Кастилии» событиями 1493 года, Купер ни слова не говорит ни о цепях, в которых Бобадилья отправил Колумба в Испанию, ни о горькой кончине великого мореплавателя. Но историю великого искателя досказывают последние его письма и первые хроники века завоевания, опустошения и ограбления Нового Света.

Я. Свет

СОДЕРЖАНИЕ

МЕРСЕДЕС ИЗ КАСТИЛИИ,
или ПУТЕШЕСТВИЕ В КАТАЙ

Перевод Ф. Мендельсона

Глава I	3
Глава II	18
Глава III	32
Глава IV	43
Глава V	58
Глава VI	81
Глава VII	91
Глава VIII	106
Глава IX	126
Глава X	134
Глава XI	151
Глава XII	166
Глава XIII	173
Глава XIV	187
Глава XV	204
Глава XVI	224
Глава XVII	240
Глава XVIII	252
Глава XIX	266
Глава XX	281
Глава XXI	295
Глава XXII	316
Глава XXIII	327
Глава XXIV	348
Глава XXV	366

Глава XXVI.....	379
Глава XXVII	396
Глава XXVIII	408
Глава XXIX	423
Глава XXX	437
Глава XXXI	454
Послесловие <i>Я. Свет</i>	465

Купер Ф.

**К 92 Мерседес из Кастилии, или Путешествие в
Катай: Пер. с англ. Ф. Мендельсона /Послесл.
Я. Свет. Ил. А. Мелик-Саркисяна.— М.: Правда,
1986.— 480 с., ил.**

«Мерседес из Кастилии» относится к «морскому циклу» романов известного американского писателя Ф. Купера (1789—1851). Главный герой романа — Христофор Колумб. В романе подробно описаны события первого плавания Колумба к берегам Нового Света в точном соответствии с его дневником.

К $\frac{4703000000-1191}{080(02)-86}$ 1191—86

84.7 США

Джеймс Фенимор КУПЕР

**МЕРСЕДЕС ИЗ КАСТИЛИИ,
или ПУТЕШЕСТВИЕ В КАТАЙ**

Редактор
Л. М. Кроткова

Оформление художника
Г. А. Раковского

Художественный редактор
Л. И. Королева

Технический редактор
Т. Б. Слизун

ИБ 1191

Сдано в набор 16.09.85. Подписано к печати 13.02.86.
Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 24,68.
Тираж 650 000 экз. (5-й завод: 525 001—650 000 экз.).
Заказ № 900. Цена 2 р. 10 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Тюменская правда»
Тюменского обкома КПСС. 625002, г. Тюмень, Осипенко, 81.

2 р. 10 к.